

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

5

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

5

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2004

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 03–01–00420д)*

Редакционная коллегия:

д. и н. А. А. Горский (ответственный редактор)
к. и н. И. Г. Коновалова (зам. ответственного редактора)
д. и н. Т. В. Гимон (ответственный секретарь)
чл.-корр. РАН С. М. Каштанов
д. и н. В. А. Кучкин
д. и н. А. В. Назаренко
д. и н. Л. В. Столярова (отв. секр.)
чл.-корр. РАН Б. Н. Флоря
чл.-корр. РАН Я. Н. Щапов

Средневековая Русь. Вып. 5 / Отв. редактор А. А. Горский. — М.: Издательство «Индрик», 2004. — 304 с.

ISBN 5–85759–296–8

В очередной выпуск издания «Средневековая Русь» входят работы по истории социальных отношений Руси домонгольского периода (о древнерусских «воях», летописных «боярах» и «черни», об обряде крестоцелования), о процессе роста Московского княжества в конце XIII–XV вв., о духовных грамотах московского великого князя Ивана Красного.

Для историков, филологов, специалистов в области источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, всех интересующихся отечественной историей.

Предисловие

Очередной, пятый выпуск сборника «Средневековая Русь» включает в себя исследования по истории Руси X–XV вв. Различные аспекты древнерусского права и социального строя Руси рассматриваются в статьях П. В. Лукина о древнерусских «воях» и Т. Л. Вилкул о летописных «боярах» и «черни». П. С. Стефанович исследует институт крестоцелования в Древней Руси. В статье А. А. Горского идет речь о приращении владений московских князей на западном, южном и юго-восточном направлениях в XIII–XV вв. В. А. Кучкин посвятил исследование дипломатике духовных грамот московского великого князя Ивана Красного. В разделе «Рецензии» публикуется отзыв Т. Л. Вилкул на книгу А. В. Назаренко о внешних связях Руси и ответ автора.

П. В. Лукин

Древнерусские «вои». IX — начало XII в. *

В отечественной историографии Древней Руси уже давно своего рода общим местом стала мысль о существовании в домонгольскую эпоху народного ополчения¹, которое играло в военном отношении не меньшую роль, чем княжеская дружина (а, по мнению ряда историков, даже большую). При этом чрезвычайно распространенной является идея о том, что древнерусское ополчение в источниках именовалось «воями», в отличие от дружины, члены которой назывались «княжьими мужами». В наиболее концентрированном виде такой подход продемонстрирован И. Я. Фрояновым. Он прямо пишет, что уже в X в. «наступательные войны ведутся Русью главным образом руками воев — представителей народа»². Далее исследователь, встречая упоминания в древнерусских летописях слова «вои», однозначно и без всякого предварительного анализа связывает его с народным ополчением. По его мнению, «войны Руси XI—XII вв. по-старому велись с участием народного войска («воев» древних летописей»), «вои», — подчеркивает он, — это «простые воины, отличающиеся от дружины»³. Логика И. Я. Фроянова очень проста. Помимо «дружины» в источни-

* Исследование выполнено при поддержке РГИФ (проект № 02-01-0184а) и Фонда содействия отечественной науке.

¹ Правда, историки почти никогда не говорят, что они собственно понимают под расплывчатым понятием «ополчение».

² Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 187.

³ Там же. С. 203.

как можно обнаружить еще одно понятие, явно имеющее отношение к вооруженным людям, — «вои». Если дружина — княжеское окружение, то «вои» могут быть только представителями народного ополчения. В дальнейшем историк, встречая в летописных статьях многочисленные упоминания «воев», приходит к впечатляющим выводам о роли народного ополчения в военной истории Руси. «Высокая социально-политическая мобильность рядового населения Киевской Руси, его полновластие на вече опирались на военную мощь народа»⁴, — пишет И. Я. Фроянов. Однако этот вывод основывается лишь на предпосылке о том, что «вои» древнерусских летописей — это везде и всегда «недружинная» часть войска. Между тем сама предпосылка не доказана автором, и в случае, если она окажется под вопросом, может обрушиться все построенное им здание.

Однако тенденция оперировать терминологией источников, не рассматривая ее по существу, характерна не только для приверженцев концепции общинно-демократического характера древнерусской государственности. Так, Б. Д. Греков писал на основании наблюдений над той частью киевского войска, которая носила наименование «воев», о «народной массе», выступавшей как «вооруженный народ» и до, и после образования Древнерусского государства⁵. Более того, Б. Д. Греков выдвинул ряд предположений о «воях», которые, как правило, либо безоговорочно принимаются последующей историографией⁶, либо так же практически безоговорочно игнорируются историками, в чьи концепции они не вписываются⁷.

⁴ Там же. С. 214. С учителем солидаризуются и ученики. См., например: *Майоров А. В.* Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001. С. 251–254.

⁵ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 333.

⁶ См., например: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 230; *Магродди В. В.* Образование Древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М., 1971. С. 105–106; *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки... С. 185–215. Даже такой признанный специалист по истории военного дела в Древней Руси, как А. Н. Кирпичников, автоматически приравнивает «воев» к «черным людям» (в его понимании, это непривileгированная часть древнерусского войска). См.: *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Л., 1971. Вып. 3. С. 61.

⁷ Примером такого подхода может быть работа М. Б. Свердлова. Он отмечает, что «данные источников, сообщающих о событиях IX–X вв., позволяют установить, что среди „людей“ (по Свердлову, «люди» — это свободное население сел и развивающихся городов. — П. Л.) набирались „вои“ — основная военная сила русских князей. Однако неясно, была ли это воинская повинность или рудимент обязанности племенного об-

Предположения Б. Д. Грекова⁸ относительно древнерусских «воев» следующие:

«1. Поскольку основной социальной базой Киевского государства являлось сельское и городское население, т. е. народная масса, которая выступала как вооруженный народ и до образования государства, неизбежна значительная преемственность в военной организации войска от этого, более раннего, периода к последующему — государственному⁹.

2. Главное изменение, происшедшее в организации военных сил дофеодалного государства по сравнению с предыдущим периодом, заключалась в том, что войско перестало быть «вооруженным народом» и превратилось в аппарат государственной власти.

3. «Вои» не существуют как постоянная армия, — их собирают всякий раз по мере надобности и в различных, смотря по обстоятельствам, количествах.

щества. Данных об автономии... ополчений по отношению к князю нет» (*Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 49). Еще раньше о существовании в Древней Руси городского ополчения, отличного от дружины, писал как об общепризнанном факте В. Т. Пашуто, также ничего не говоря о его происхождении, о его связи с «племенными» ополчениями, о термине «вои» и т. д. (см.: *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 64). А, по мнению современных английских исследователей С. Франклина и Дж. Шепарда, «термин... „вои“ — слишком неопределенный, чтобы можно было строить на нем какую-то теорию относительно социальной базы для вербовки воинов» (*Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750–1200. СПб., 2000. С. 288).

⁸ Естественно, Б. Д. Греков не был первым исследователем, писавшим о «воях» как о народном ополчении в Древней Руси. В досоветской историографии об этом одним из первых со всей определенностью заявил автор классического труда о древнерусском вече В. И. Сергеевич. Правда, он, в отличие от своих менее осторожных последователей, жестко не связывал предполагаемое им народное (волостное) ополчение с термином «вои». По его мнению, «князь мог вести войну: во-первых, собственными средствами при помощи дружинников и охотников и, во-вторых, средствами волости, при содействии всего населения... Для войны второго рода нужно было согласие веча» (*Сергеевич В. И.* Древности русского права. СПб., 1908. Т. 2. С. 94; см. также: *Пресняков А. Е.* Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 405–412). Но выводы Б. Д. Грекова представляют собой квинтэссенцию наиболее распространенных в историографии суждений на сей счет.

⁹ Другие историки шли еще дальше в утверждении преемственности между «племенными ополчениями» и войсками древнерусских земель последующего времени. Так, М. Г. Рабинович полагал, что в походах первых киевских князей «наряду с другими племенами участвовало племенное ополчение словен — древнейшее ядро, из которого развилось впоследствии новгородское войско» (*Рабинович М. Г.* О социальном составе новгородского войска X–XV вв. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1960. № 3. С. 87).

4. В состав „воев“ набираются как сельчане, главную массу которых составляют смерды, так и горожане...

6. Несмотря на то, что киевский князь имел в своем распоряжении большие запасы оружия и коней, необходимых для войны, для вооружения всей массы „воев“ у него не всегда хватало этих запасов. Горожанам приходилось иногда вооружаться за свой счет»¹⁰.

Между тем, в филологической литературе существует принципиально иное представление о понятии «вой». Автор специальной монографии о древнерусской военной лексике Ф. П. Сороколетов на основании проведенного им терминологического исследования пришел к выводу о том, что «вой» — «это обобщенное название воинов независимо от их социального положения и воинской иерархии, название дружинников и ополченцев, составляющих собственно „полкъ“ или „рать“; это наименование и русских воинов и воинов союзных или противоборствующих народов. Невозможно установить какие-либо различия в употреблении этого слова в применении к той или иной категории воинов...»¹¹. Ф. П. Сороколетов рассматривает и значение термина «вой» в переводных текстах, отмечая, что оно «там выступает в двух значениях»: 1) воины в общем смысле (греческим аналогом является слово «τὸ στρατόπεδον» — войско в самом широком понимании); 2) воинство, силы, противостоящие кому-либо (в греческих оригиналах тут используется слово «στρατευόμενοι») ¹².

Здесь, однако, Ф. П. Сороколетов ошибается. Как показывают даже самые беглые наблюдения, лексемой «вой» могли переводиться и многие другие греческие слова. Это обнаруживается, например, при обращении к древнерусскому переводу «Хроники» Георгия Монаха (Амартола), богатой описанием разнообразных войн. В нем мы встречаем 14 (1) греческих слов, которым в переводе соответствуют «вой»: ἡ δύναμις, τὰ θέματα, ὁ λαός, ὁ ὄχλος, τὸ πλῆθος, οἱ πολέμιοι, ὁ πόλεμος, ὁ στόλος, ἡ στρατεία, τὸ στρατεῦμα, ἡ στρατιά, οἱ στρατιῶται, τὸ στρατόπεδον, ὁ στρατός. Кроме того, слово «вой» используется в этом памятнике в составе словосочетаний при переводе ряда греческих глаголов и наречий: «воя водити» = στρατῆναι; «воя събрати» = ἐπιστρατεύειν; «воемь стати» = στρατοπεδεύεσθαι; «съвой» = πολεμικῶς; «съ вой ити» = ἐκστρατεύειν;

¹⁰ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 333.

¹¹ Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. Л., 1970. С. 76–77.

¹² У Ф. П. Сороколетова почему-то в Gen. Pl.: «στρατευόμενων» (см.: Там же. С. 77).

«съ вои прити» = *επιστρατεύειν*. Наконец, «вои» также входят в состав словосочетаний, передающих греческие термины, относящиеся к военному флоту: «вои лодиинии» = *ναύμαχος*; «вои в лодияхъ» = *ὁ στόλος*¹³. Ф. П. Сороколетов, что более существенно для нас, прав в другом отношении: характер употребления слова «вои» в переводных памятниках указывает на его общее значение, на то, что оно само по себе, вне контекста, не имеет каких-либо конкретных социальных коннотаций.

Приходится отметить, что выводы, сделанные Ф. П. Сороколетовым, к сожалению, не оказали существенного влияния на построения историков. Кроме того, и сам он оказался под влиянием господствующей историографической традиции. Так, совершенно справедливо заметив, что в некоторых летописных сообщениях слово «вои» обозначает не просто войско, а какую-то его часть, противопоставляемую «дружине», «отрокам», «воеводам», Ф. П. Сороколетов не изучил подробно эти упоминания, а присоединился к цитировавшимся выше утверждениям Б. Д. Грекова о древнерусском народном ополчении¹⁴.

Существующие в отечественной историографии пробелы в этом отношении давно уже были подмечены в историографии зарубежной. Так, польский ученый Т. Василевский еще в 1958 г. писал: «В научной литературе нет монографического исследования о военном ополчении Древней Руси, его составе и организации»¹⁵.

Таким образом, необходимо проверить на конкретном материале гипотезы о древнерусских «воях» как о народном ополчении, о преем-

¹³ См.: *Истрия В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха в древнем славянорусском переводе. Т. 3. Греческо-славянскій и славяно-греческій словари. Л., 1930.

¹⁴ См.: *Сороколетов Ф. П.* История...

¹⁵ *Wasilewski T.* Studia nad składem społecznym wczesnośredniowiecznych sił zbrojnych na Rusi // *Studia wczesnośredniowieczne*. Wrocław; Warszawa, 1958. Т. 4. S. 352. С другой стороны, в польской историографии представление о существовании в Древней Руси «народного ополчения» также является весьма распространенным. Так, по мнению А. Надольского, «народное ополчение, теоретически все еще состоявшее из всех свободных людей, способных носить оружие, представляло собой третью (после княжеской дружины и дружин отдельных магнатов. — П. Л.), традиционно самую многочисленную часть войска» (*Nadolski A.* Siły zbrojne // *Słownik sarożytności słowiańskich*. Wrocław, 1975. Т. 5. S. 183). Против этой точки зрения, применительно как к Руси, так и к самой Польше, решительно высказывался Т. Василевский, отрицавший самостоятельную роль рядового городского и сельского населения в войске средневековых славянских государств (см.: *Wasilewski T.* Studia...; *Idem.* O służbie wojskowej ludności wiejskiej i składzie społecznym wojsk konnych i pieszych we wczesnym średniowieżu polskim // *Przegląd historyczny*. 1960. Т. 51. Zeszyt 1).

ственности воинских формирований «племенной» и государственной эпох, о мере зависимости древнерусского ополчения от княжеско-дружинной элиты, о комплектовании этого ополчения и характере осуществления им своих функций (постоянном или непостоянном), о социальном составе ополчения, о его вооружении и обеспечении. При этом вопреки тому, что подчас можно встретить в литературе, следует, во-первых, по возможности рассмотреть все упоминания «воев» и любых других понятий, которые могут иметь отношение к недружинным военным формированиям, в древнерусских текстах соответствующего времени; во-вторых, внимательно изучить общий контекст такого рода упоминаний. В противном случае исследование может стать жертвой научной «логики», свойственной, как указывалось выше, И. Я. Фроянову и его ученикам: когда некое априорное положение (например, о «воях» как о народном войске) принимается в качестве аксиомы, а затем оно как якобы уже доказанное и общепринятое ложится в основу последующих построений. В итоге вся конструкция рискует превратиться в систему «пустых множеств».

При рассмотрении сообщений начального летописания нужно, разумеется, учитывать легендарность абсолютного их большинства. Ведь они оставлены летописцами, работавшими в конце XI — начале XII в., а характеризуют зачастую эпоху, отстоящую от их времени на 100–150 лет. Немецкий исследователь древнерусского веча Клаус Цернак совершенно справедливо заметил по этому поводу: «По всей видимости, с историко-критической точки зрения более невозможно, опираясь на столь сомнительную источниковую базу, проследивать в X в. следы историко-правового явления, которое надежно засвидетельствовано только для последней четверти XI в.»¹⁶. Однако, думается, необходимо иметь в виду, что для нас имеет значение не только *историческая реальность*, стоящая за этими сообщениями, но и *представления* о ней, сложившиеся позднее. Во всяком случае, это никак не помешает понять, что *сам летописец* вкладывал в понятие «вои» и как он характеризовал воинские силы Древней Руси.

Впервые мы встречаемся с «воями» в статье ПВЛ, датированной 858 г. В ней рассказывается о походе византийского императора Михаила III на Дунайскую Болгарию: «Михаиль царь изиде с вои брегомь и моремь на Болгары. Болгаре же оувидѣвше, не могоша стати

¹⁶ Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Wiesbaden, 1967. S. 44.

противу, креститися просиша и покоритися Грекомъ. Царь же крести князя ихъ и боляры вся, и миръ створи с Болгары»¹⁷. «Воями» здесь называется все византийское войско, никакого отношения к народному ополчению, как известно, не имевшее¹⁸. Правда, на это можно возразить, что древнерусские летописцы изображали византийскую армию исходя из собственных реалий, видели в ней то, что существовало на их родине и использовали славянскую лексику.

Под 882 г. читаем в ПВЛ о походе Олега на Киев: «[П]оиде Олегъ, поимъ воя многи, Варяги, Чюдъ, Словѣни, Мерю и всѣ Кривичи, и приде къ Смоленску съ Кривичи, и прия градъ и посади мужъ свои, оттуда поиде внизъ, и взя Любець, и посади мужъ свои. Придоста къ горам хъ Киевскимъ, и оувидѣ Олегъ, яко Осколдъ и Дирь княжита, похорони вои в лодьях, а другия назади остави, а самъ приде, нося Игоря дѣтска. И приплу подъ Оугорское, похоронивъ вои своя, и присла ко Асколду и Дирови...»¹⁹. «Воями» здесь называется войско, состоящее из представителей восточнославянских догосударственных «общностей», так называемых «племен»²⁰ (ильменских словен и кривичей), скандинавов-варягов и финских народов (чуди и мери, а, по некоторым данным, и веси²¹). Указывается, что собирает его князь («Олегъ поимъ воя многи»). В понятие «вои», очевидно, здесь включена и княжеская дружина, поскольку отдельно она не упоминается, а, с другой стороны, трудно себе представить, что князь отправился в столь значительный поход без собственных приближенных. Выражение «поимъ воя многи» можно трактовать по-разному, и как насильственную мобилизацию, и как наем добровольцев, но в любом случае никаких намеков на самостоятельность или автономию «племенного» войска по отношению к князю в этом тексте не содержится.

Далее «вои» появляются под 907 г. в рассказе ПВЛ о походе Олега на Византию. Сначала сообщается о сборе князем войска: «Иде Олегъ

¹⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19.

¹⁸ См., например: *Успенский Ф. И.* История Византийской империи VI–IX вв. М., 1996. С. 405–412.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 22–23.

²⁰ Неправомерность применения архаизирующего понятия «племя» к восточнославянским догосударственным общностям показана А. А. Горским, см. особенно: *Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е.* Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 156–177.

²¹ Чтение «и Веси» дает вместо «и все» (кривичи) Троицкая летопись. См.: *Повесть временных лет.* СПб, 1996. С. 131.

на Греки, Игоря остави в Киевѣ, поя множество Варяг, и Словенѣ, и Чюдѣ, и Словене, и Кривичи, и Мерю, и Деревляны, и Радимичи, и Поляны, и Сѣверо, и Вятичи, и Хорваты, и Доулѣбы, и Тиверци, яже соуть толковины: си вси звахуться от Грекѣ Великая Скоуфѣ»²². Затем рассказывается о хитрости Олега, приказавшего поставить свои корабли на колеса: «И повелѣ Олегѣ воемъ своимъ колеса издѣлати и воставляти на колеса корабля. И бывшую покосноу вѣтроу, въспя паросуы съ поля, и идяше къ граду. И видѣвши Греци и оубояшася, и рѣша, выславше ко Олгови: „Не погубляи града, имемъся податы, якоже хочещи“. И оустави Олегѣ воя, и вынесоша ему брашно и вино, и не приа его; бѣ бо оустроено со отравою... И заповѣда Олегѣ даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человекъ, а въ корабли 40 мужь»²³. После подписания удачного для Руси договора «заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти углады (sic!) на Роускыя грады...»²⁴. Относительно состава участников похода Руси на греков и русско-византийского договора 907 г. существуют разные мнения²⁵. Однако для нашей темы это имеет второстепенное значение, так как в данном случае гораздо важнее, кем предстают «вои» в летописном тексте. «Воями» здесь именуется все войско Олега, в которое входят как представители восточнославянских «племен» (ильменских словен, кривичей, древлян, радимичей, полян, северян, вятичей, хорватов, дулебов, тиверцев), финских народностей (чуди и мери), а также варягов, так и, очевидно, дружина²⁶. Первые, судя по всему, были наняты

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 29.

²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 30.

²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31.

²⁵ См.: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 81–146; Горский А. А. К вопросу о русско-византийском договоре 907 г. // Восточная Европа в древности и средневековье. Международная договорная практика Древней Руси. М., 1997; *Ои же*. К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто. М., 2002.

²⁶ Гораздо подробнее о социальном составе войска Олега пишет Т. Василевский. По его оценке, «Олег в походе на Византию располагал 4 тысячами человек. В состав этой армии входила без сомнения дружина Олега, насчитывавшая как минимум несколько сот человек, а также отряды из лиц, находящихся на постоянной рыцарской службе. Эти силы вместе должны были составлять самое меньшее 1000 человек. Оставшиеся 3000 — это, по словам ПВЛ, 12 или 13 племен и варяжские наемники» (*Wasilewski T. Studia... S. 367–368*). Если верить этим цифрам, то, полагает польский историк, реально в войске Олега могли быть представлены только «племенные» феодалы и их

(или каким-то иным образом мобилизованы) князем. Характер взаимодействия «племенных» воев с Олегом предстает в летописи весьма четко: князь ими повелевает. Никаких следов их самостоятельности или автономии и здесь обнаружить не удастся. Обращает на себя внимание и то, что воины Олега, среди которых были не только дружинники, называются «мужами», что полностью соответствует уже высказывавшемуся в литературе мнению о многозначности этого понятия²⁷. Встречающиеся в историографии предположения о том, что «мужи» древнерусских источников — это только дружинники, таким образом, не соответствуют действительности²⁸.

И в 882 г., и в 907 г. «вои» Олега — явно не постоянное войско, а отряды, набранные *ad hoc*, специально для осуществления крупномасштабного военного предприятия, после завершения которого они, вероятно, распускались. Это отличает их от дружины, в принципе постоянной. В обоих случаях «вои» передвигаются в ладьях, т. е. используются как пехота. Но это никак не характеризует их вооружения и снаряжения, так как, скорее всего, это был просто наиболее эффективный способ передвижения на большие расстояния. О наличии или отсутствии у «племенных» воев, например, коней эти отрывки ничего сказать не могут.

Значительно большую информацию о русском войске дает сообщение о походе Игоря на Византию, датированном в ПВЛ 944 г.²⁹: «Игорь же совкупивъ вои многи, Варяги, Русь, и Поляны, Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьцѣ, и Печенѣги *наа* [РА]³⁰, и тали оу нихъ поя,

дружины. Однако эти подсчеты лишь на первый взгляд кажутся убедительными. На самом деле Т. Василевский исходит из неверных предположек. Доподлинно неизвестно не только, какие «племена» участвовали в походе Олега, но и обстоятельства самого похода. Кроме того, домыслом ученого является участие в нем «лиц, находящихся на рыцарской службе». Ни о каких рыцарях в языческой Руси начала IX в. ничего неизвестно.

²⁷ См.: Горский А. А. Древнерусская дружина. М., 1989. С. 48–49.

²⁸ См., например: Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Древней Руси. М.; Л., 1939. С. 31–33.

²⁹ В данном случае мы не касаемся спорного вопроса об исторической достоверности похода 944 г. (см. об этом: Шахматов А. А. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря // Записки нефилологического общества. Пг., 1915. Вып. 8. С. 402–405; Он же. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Л., 1940. Т. 4. С. 72; ср.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 62–64; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси... С. 223–258).

³⁰ Эта конъектура представляется справедливой, так как в Ипатьевской летописи (далее Ип.), в отличие от Лаврентьевской (далее Лавр.), читается «и Печенѣги *наа*»,

пойде на Греки в лодьях и на конихъ, хотя мьстити себе. Се слышавше, Корсунци послаша къ Раману (византийскому императору. — П.Л.), глаголюще: „Се иде Русь бе-щисла корабль, покрыли суть море корабли“. Также и Болгаре послаша вѣсть, глаголюще: „Идутъ Рѣсь, и наняли суть к собѣ Печенѣги“. Се слышавъ царь посла к Игорю лучиѣ боляре, моля и глаголя: „Не ходи, но возьми дань, юже ималь Олегъ, придамъ и еще к тои дани“. Также и къ Печенѣгомъ посла паволоки и злато много. Игорь же, дошед Дуная, созва дружину и нача думати, повѣда имъ рѣчь цареву. Рѣша же дружина Игореву: „Да аще сице глаголетъ царь, то что хочемъ боле того, не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? Егда кто вѣсть; кто одолѣеть, мы ли, онѣ ли? Ли с моремъ кто свѣтень? Се бо не по земли ходимъ, но по глубине морьстѣи: обьча смерть всѣмъ“. Послуша ихъ Игорь и повелѣ Печенѣгомъ воевати Болгарьску землю; а самъ, возьмъ оу Грекъ злато и паволоки и на вся воя, и възратися въспяты, и приде къ Киеву въ своя си»³¹. Здесь также «воями» называется все войско. Однако летописец различает его отдельные части: «совокупленных» князем «племенных» воев, набранных из представителей восточнославянских общностей (полян, словен, кривичей и тиверцев), а также варягов; нанятых им печенегов; княжескую дружину. При этом способы мобилизации этих частей русского войска также различны. Если печенегов, не зависящих от воли киевского князя, нанимают, т. е. обращаются с ними на равных, то «племенных» воев «совокупают». Источники не раскрывают, каким образом происходило привлечение их на воинскую службу к Игорю, но трудно не увидеть в этом одно из последствий происходившего в X в. покорения (или, выражаясь языком летописца, «примучивания») «племен» киевскими князьями. Существенно и то, как описывается в этом известии процесс принятия решения в русском войске. В ситуации, когда стоял вопрос о выборе между сражением или заключением мира с греками, Игорь созывает дружину и именно в совете с ней решает этот важнейший вопрос. Принятое решение оказывается обязательным для всех «воев». Летописец далее специально отмечает, что Игорь «повелевает» печенегам «воевать» Болгарскую землю. Если такие выражения используются даже по отношению к наемным отрядам кочевников, то логично предположить, что и «племенные» «вои» вынуж-

что соответствует версии Радзивилловской (далее Р) и Московско-Академической (далее А) летописей.

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 45–46.

дены были подчиняться киевскому князю и его дружине. В любом случае, сведений ни об их самостоятельности (что предполагал, например, М. Г. Рабинович³²), ни о каком-либо их участии в обсуждении и принятии решений в этом сообщении не содержится. Роль они играют сугубо подчиненную.

Под 945 г. «вои» упоминаются в тексте договора Игоря с Византией. Это чрезвычайно интересное обстоятельство, поскольку договоры Руси с греками представляют собой весьма ранний и аутентичный источник. «А о Корсуньстѣи странѣ. Елико же есть городовъ на тои части, да не имать волости, князь Руский, да воюеть на тѣхъ странахъ, и та страна не покаряется вам, тогда, аще просить вои оу насъ князь Руский да воюеть, да дамъ ему, елико ему будетъ требѣ»³³, — гласит одна из статей договора. И далее: «Аще ли хотѣти начнеъ наше царство от васъ вои на противищяся намъ, да пишо къ великому князю вашему, и послеть к намъ, елико же хотимъ: и оттоле оувѣдять ины страны, каку любовь имеютъ Гръци с Русью»³⁴. Вне зависимости от того, на каком языке первоначально был составлен текст договора³⁵, совершенно очевидно, что в нем отразились русские юридические нормы и социально-политическая терминология. А между тем, хотя в первом отрывке фигурируют византийские «вои», никакого отношения к народному (и тем более «племенному») ополчению в принципе не имеющие, а во втором — русские, различия в использовании этих терминов нет. В первой статье Византия обещает отправить в случае необходимости на помощь русскому князю «воев» из Корсуни (Херсона), не спрашивая, естественно, их на то согласия. Во второй похожее обязательство принимает на себя киевский князь, и опять ни о каком согла-

³² По мнению исследователя, «древнейшие известия о походах русских князей позволяют нам установить, что их войска состояли из племенных ополчений союзных племен, славянских и неславянских, а также варяжской дружины» (*Рабинович М. Г. О социальном составе...* С. 87). Как мы видели, реальные отношения между киевским князем и «племенными войми» были, по-видимому, далеки от союзнических. Кроме того, ошибочен не подкрепленный данными источников тезис М. Г. Рабиновича о чисто варяжском происхождении русской дружины (см.: *Горский А. А. Древнерусская дружина.* С. 56–59). Варяжские же *памятники*, о которых, вполне возможно, идет речь в данном случае, вообще не входили в состав дружины киевских князей (см.: Там же. С. 57).

³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 50–51.

³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 52.

³⁵ См.: *Сахаров А. Н. Дипломатия...* С. 176–177.

сии «воев» на то, чтобы их отправили на помощь византийскому императору, дабы окрестные страны осознали, «каку любовь имеют греци с русью», и речи не идет. Что касается терминологии, то «вои» здесь — просто воины в самом широком смысле слова. Но оснований связывать русских «воев» договора Игоря с греками с народным ополчением, особенно с учетом того, что «воями» же называются и византийцы, нет.

Под тем же годом в начальном летописании содержится повествование о третьей мести княгини Ольги древлянам. Согласно летописи, после того, как была организована тризна по Игорю, «сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предними. [И] рѣша Деревляне к Ользѣ: „Кдѣ суть дружина наша, ихъже послахомъ по тя?“. Она же рече: „Идутъ по мнѣ съ дружиною мужа моего“. [И] яко оупишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, а сама отъиде кромѣ и повелѣ дружинѣ [своеи] сѣчи Деревляне; и исѣкоша ихъ 5000. А Ольга возвратися Киеву и пристрой вои на прокъ ихъ (т. е. древлян. — П. Л.)»³⁶. Датский исследователь Кнуд Рабек Шмидт, рассмотревший в своей монографии социальную терминологию в Древней Руси, прокомментировал этот отрывок так: «Оказывается, что „отроки“ Ольги... не принадлежат к ее дружине. То же самое относится к „воям“, которые упомянуты в конце»³⁷.

Под 946 г. в ПВЛ сообщается о продолжении борьбы Ольги с древлянами. В нем описывается столкновение складывающегося Древнерусского государства с одной из последних восточнославянских договорственных общностей, претендующих на автономию от Киева — древлянами. Какие же термины использует летописец для характеристики воинских формирований той и другой стороны? Фигурируют ли в его рассказе «вои»? Согласно летописи, «Ольга съ сыномъ своимъ Святославомъ собра вои много и храбры, и иде на Дерьвьску землю. Изидоша Деревляне противу. Съ[не]мъшемся обѣма полкома на скупь, суну копьемъ Святославъ [на] Деревляны, и копье летѣ сквозѣ оуши коневи, оудари в ноги коневи, бѣ бо дѣтескъ. И рече Свѣнелдъ и Асмолдъ: „Князь оуже почаль; потягнѣте, дружина, по князѣ“. И побѣдиша Деревляны. Деревляне же побѣгоша и затворишася въ градѣхъ своих. Ольга же устремися с сыномъ своимъ на Искоростнѣ град,

³⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 57.

³⁷ *Rahbek Schmidt K. Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240).* Kopenhagen, 1964. S. 66.

яко тѣ бяху оубили мужа ея, и ста около града с сыномъ своимъ [РА], а Деревляне затворишася в градѣ, и боряхуся крѣпко изъ града...»³⁸. Бросается в глаза разница в описании войск Ольги и древлян. По отношению к первому используются понятия «вои» и «дружина». В данном контексте это, возможно, одно и то же, поскольку не исключено, что в обращении Свенельда и Асмуда слово «дружина» используется в широком значении (как просто «войско») ³⁹. Конечно, можно допустить, что киевские воеводы обращались и собственно к дружине. Но так или иначе главной характеристикой «воев» в этом летописном отрывке является то, что они, в отличие от княжеской дружины, не постоянное войско, их специально собирают перед началом боевых действий. В этом смысле характер мобилизации «воев» Ольгой ничем не отличается от набора «племенных» «воев» во время походов Олега и Игоря на Византию. Разница лишь в том, что «племена» теперь не упоминаются. Но все это относится к вооруженным силам Древнерусского государства. Что касается древлян, то о них говорится просто: «изидоша деревляне», «деревляне же побѣгоша» и т. д. Единственный «воинский» термин, применяющийся по отношению к ним, — это самое общее понятие — полк. И то он понадобился летописцу, когда ему при характеристике столкновения двух противостоящих друг другу отрядов пришлось употребить единое наименование. Не связано ли все это с тем, что, с точки зрения летописца, настоящее, «нормальное» войско («дружина», «вои») могло существовать только в условиях государственности, в данном случае — под командованием киевской княгини и воевод? Поэтому, если даже и допустить, как полагает И. Я. Фроянов, что в восточнославянских догосударственных общностях весь народ был вооружен, представляя собой «народ-войско» ⁴⁰, это не может быть перенесено на древнерусское войско даже на самых ранних этапах его существования. По крайней мере, ПВЛ, проводящая заметное различие между военной организацией Киева и древлян, не позволяет сделать такой вывод.

В знаменитой характеристике Святослава, помещенной в ПВЛ под 964 г., снова упоминаются «вои»: «Князю Святославу възрастьшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легько ходя,

³⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 57–58.

³⁹ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) Т. 3: Д–И. М., 1990. С. 91–92 («Дружина»); *Rahbek Schmidt K. Soziale Terminologie...* С. 66–67.

⁴⁰ *Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки...* С. 191.

аки пардусь, воины многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котъла, ни мясь варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли или говядину, на оуглех испек, ядыху, ни шагра имяше, но подъкладъ пославъ и сѣдло в головахъ; такоже и прочии вои его вси бяху»⁴¹. Речь здесь идет, конечно, о воинах в самом общем значении слова. Но обращает на себя внимание словоупотребление: когда летописец говорит о постоянном княжеском войске, он использует понятие «дружина», летописных же «воев» всегда «собирают», «совокупляют» и т. д. Это является практически неизбежным атрибутом контекста, в котором упоминается это слово. О таком нюансе в значении слова «вои» очень точно писал Ф. П. Сороколетов: «Вои — временное войско, ополчение, собираемое князем на случай военных действий. Это ясно ощущалось в сознании носителей русского языка, по крайней мере в старший период истории русского языка...»⁴²

Под 968 г. в летописи содержится рассказ о нападении печенегов на Киев. После того, как город был спасен благодаря подвигу киевского отрока и хитрости воеводы Претича⁴³, киевляне заявили Святославу: «„Ты, княже, чюжея земли ищещи и блюдеши, а своя ся охавивъ, малы бо насъ не взяша Печенѣзи, мать твою и дѣти твои. Аще не поидеши, ни обраниши насъ, да паки ны возмутъ. Аще ти ни жаль очины своея, ни матере, стары суца и дѣтии своих“. То слышавъ Святославъ вборзѣ всѣде на конѣ с дружиною своею, и приде Киеву, цѣлова мать свою и дѣти своя, и съжалися о бывшемъ от Печенѣгъ. И собра вои, и прогна Печенѣги в поли, и бысть миръ»⁴⁴. «Вои» и «дружина» здесь — разные вещи. Святослав собирает «воев», вернувшись с дружиной из Переяславца в Киев, т. е. «вои», таким образом, отделяются от «дружины». Кто такие эти «вои», сказать сложно. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что статья под 968 г. сохранила первое упоминание о социально-политической активности киевлян⁴⁵. Возможно, что под «воями» подразумеваются те же самые «кияне», которые столь смело

⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 64–65.

⁴² Сороколетов Ф. П. История... С. 79.

⁴³ И. Я. Фроянов ошибочно считает Претича не княжеским, а «земским» воеводой. «Рядовое воинство во главе с Претичем, — пишет историк, — сняло осаду печенегам Киева в 968 г.» (Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки... С. 189). Однако Претич сам называет себя «княжьим мужем» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 66).

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 67.

⁴⁵ См.: Лукин П. В. Вече, «племенные» собрания и «люди градские» в начальном русском летописании // СР. М., 2004. Вып. 4. С. 92–95.

предъявили упрек Святославу в том, что он бросил свой родной город. Во всяком случае, «племена» тут не упоминаются⁴⁶.

Ярчайшим подтверждением бесплодности априорного подхода к понятию «вои» может служить описание в летописи под 971 г. похода Святослава в Дунайскую Болгарию. «Приде Святославъ в Переяславецъ, и затворишася Болгаре в градъ. И излѣзоша Болгаре на съчо противу Святославу, и бысть съча велика, и одолаху Болгаре. И рече Святославъ во емъ своимъ: „Оуже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!“⁴⁷, — так описывается в ПВЛ сражение Святослава с болгарами. Обращаясь к «воям», Святослав называет их «дружиной!» То есть в этом контексте «вои» и «дружина» — синонимы. К. Рабек Шмидт замечает по этому поводу: «Здесь выражение „вои“ обозначает состоящее из „братьев“ и „дружины“ единство, если только „братья“ и „дружина“ не являются синонимами, так что он (Святослав. — П.Л.) называет все войско „воями“, своими „братьями“, своей „дружиной“⁴⁸. Можно добавить, что «братья» и «дружина», конечно, синонимы, союз «и» тут — не отделительный, а уточняющий.

Довольно много любопытных сведений может быть обнаружено в летописном рассказе о войне Святослава с Византией. «И пристроиша Гръци 100 тысящъ на Святослава, и не даша дани. И поиде Святославъ на Греки, и изидоша противу Руси. Видѣвше же Русь оубояшася зѣло множества вои, и рече Святославъ: „Оуже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посрамимъ землѣ Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ; аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. И не имамъ оубѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою“. И рѣша вои: „Идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ“⁴⁹, — сообщает ПВЛ.

⁴⁶ Под 970 г. в рассказе о вокняжении Владимира Святославича в Новгороде в Лавр. воевода и дядя Владимира Добрыня называется его «воем»: «И пояша Нооугородци Володимера к собѣ, и иде Володимиръ с [До]брыною во емъ своимъ Нооугороду, а Святославъ Переяславъцю» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69). Тут мы имеем дело с индивидуальной ошибкой Лавр., так как Р, А, Ип. и НПЛ единогласно дают чтение «с Добрынею ум своимъ» (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69–70, варианты; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 57; ПСРЛ. Т. 3. С. 121). Текст же Лавр., кроме всего прочего, испорчен.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

⁴⁸ *Rahbek Schmidt K. Soziale Terminologie...* S. 71.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 70. Интересно сравнить с рассказом ПВЛ описание событий византийско-русской войны на Балканах греческого историка второй половины X в. Льва Диакона. Он также приводит речь Святослава к своему войску: «Погибла слава,

Описания русского и греческого войск похожи: и то, и другое называются «воями» (в случае с русским войском этим понятием охватывается княжеская дружина и то, что мы пока будем условно называть «собственно воями»). Святослав обращается в трудную минуту ко всем своим «воям», а не к «дружине», как это делал Игорь. Безусловно, это обращение может быть сочтено легендарным, риторичным и т. п., но характерно, что в этой же статье процесс принятия решения византийцами изображается по-другому: «И созва царь боляре своя в полату, и рече им: „Што створимъ, яко не можемъ противу ему стати?“». И рѣша ему боляре: „Посли к нему дары, искусимъ и, любѣзнивъ ли есть злату, ли паво[ло]камъ?“⁵⁰. Византийский император («царь») советуется не с «воями», а с «боярами», т. е. с аристократической элитой, и вместе с ней принимает решение.

Ниже понятия «вой» и «дружина» вновь выступают как синонимы. После того как греки выплатили Святославу дань, русский князь, «видѣвъ же мало дружины своя, рече в собѣ: „Еда како прельстивше избѣють дружину мою и мене“, бѣша бо многи погибли на полку. И рече: „Пойду в Русь, приведу боле дружинъ“»⁵¹. На этот раз все войско Святослава в целом называется не «воями», а «дружиной». Вряд ли Свя-

которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабощавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, [которое завещали] нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; [мы должны] либо победить и остаться в живых, либо умереть со славою, совершив подвиги, [достойные] доблестных мужей!» (*Лев Диакон*. История. М., 1988. С. 79). Она настолько похожа на летописную, что это навело А. А. Шахматова на мысль о болгарском источнике начальной летописи (см.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах // *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 98–99.). Тем не менее, согласно Льву Диакону, все решения в русском войске принимает князь и некий орган, который грек называет словом «комент»: «βουλήν ὁ Σφενδοσθλάβος τῶν ἀρίστων ἐκάθειξεν, ἣν καὶ κομέντον τῇ σφετέρῳ διαλέκτῳ φασίν (Leo Diaconi Caloënsis historiae libri decem e recensione C. V. Nasii (Corpus scriptorum historiae Byzantinae). Bonnae, 1828. Pars XI. P. 150; см.: *Лев Диакон*. История... С. 79. Греческий исследователь Федон Малингудис сопоставляет среднегреческую лексему «комент» (κομέντον), соответствующую, по его утверждению, латинскому conventus, со старославянским «вѣще», встречающимся как haxax legomenon в Супрасльской рукописи (см.: *Malin-goudis Ph.* Zu einigen Verfassungstermini des Codex Supraliensis // *Cyrrillomethodianum*. Thessalonique, 1981. 5. S. 199).

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 70.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 71.

тослав испугался того, что у него осталось слишком мало именно дружинников. Похоже на то, что «дружина» здесь — это те же «вои», к которым обращался Святослав перед сражением с византийцами.

Далее все встает на свои места. После повторного взятия дани у греков Святослав начинает размышлять о том, заключить мир с ними или продолжить войну. Вот как описывается процесс принятия им решения в летописи: «Святославъ же прия дары, и поча думати с дружиною своею, рька сице: „Аще не створимъ мира со царемъ, а увѣсть царь, яко мало насъ есть, пришедше оступять ны во градъ. А Руска земля далеча, а Печенъзи с нами ратьни, а кто ны поможетъ? Но створимъ миръ со царемъ, се бо ны ся по дань яли, и то буди довольно намъ. Аще ли почнетъ не оуправляти дани, да изнова из Руси, совокупивше вои оумножавши, поидемъ Царюгороду“. Люба бысть рѣчь си дружинѣ, и послаша лѣпшии мужи ко цареви, и придоша въ Деревьстръ, и повѣдаша цареви»⁵². Князь здесь советуется не с «воями», а с дружиной. При этом упоминаются «лепшие мужи» (видимо, из старшей дружины), выполняющие важную функцию — посольство к византийскому императору. «Вои» также фигурируют в этой статье: в отношении их используется уже знакомое выражение, очевидно подчеркивающее, что это непостоянное войско («совокупить»). Обязательство «не собирать» воев содержится и в договоре Святослава с греками⁵³. Судя по приведенным выше отрывкам, русское войско состоит из двух частей: дружины и, условно говоря, «собственно воев» — непостоянного войска, которое нужно мобилизовывать во время серьезных кампаний, «совокупляя», «собирая» их. В пользу такой трактовки свидетельствует и еще один пассаж из договора Святослава с Византией. Формула клятвы русского князя в том, что он не преступит условий мирного договора, гласит: «Аз, Святослав, князь Руский, якоже кляхъся, и оутвержаю на свѣщанье семь роту свою: хочю имѣти миръ и свершену любовь со всякомъ великимъ царемъ Гречьскимъ, съ Васильемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновенными цари, и со всѣми людъми вашими и иже суть подо мною Русь, боляре и прочии, до конца вѣка». И далее: «Да аще инъ кто помыслить на страну вашу, да и аз буду противенъ ему и борюся с нимъ. Якоже кляхъся ко царемъ Гречьскимъ, и со мною боляре и Русь вся, да схраним правая свѣщанья»⁵⁴. Таким образом, выявляется структура русского вой-

⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 71–72.

⁵³ См. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 73.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 72–73.

ска — князь, бояре и «вся русь». Словоупотребление договоров Руси с греками несколько отличается от собственно летописного. Тем не менее можно предположить, что в договоре под «боярами» подразумевается дружина, а «вся русь» — это «вои» в узком смысле слова, т. е. недружинная часть войска, нерегулярная и собирающаяся князем *ad hoc*⁵⁵. Все основные вопросы решаются в ходе совещаний князя с дружиной, какая-либо самостоятельная роль «собственно воев» не прослеживается. Хотя надо оговориться, что в источниках мы пока не встречали ситуаций, когда решение, принятое князем и дружиной, расходилось бы с мнением «воев». Туманный намек на то, что некоторое одобрение со стороны «воев» решений элиты все же требовалось, содержится в обращении к ним Святослава перед битвой с греками. Существенно, что это первый такой эпизод. Ничего подобного, когда в тексте речь шла о «племенных» воях, не было. Очевидно, «вои» Святослава для него в большей степени «свои», чем отряды из представителей «племен», которые «совокупляли» его предки.

Казалось бы, в сообщении о войне Ярополка и Олега Святославичей под 977 г., где описываются события, происходившие в «Деревской земле», и где фигурирует даже «един деревлянин», понятие «вои» применяется по отношению к представителям «племени» — древлянам: «Поиди Ярополкъ на Олга, брата своего, на Деревьску землю. И изиде противу его Олегъ, и вполчитася. Ратившемася полкома, побѣди Ярополкъ Ольга. Побѣгшо же Ольгу с вой своими въ градъ, рекомыи Вручи, бяше чересь гроблю мость ко вратомъ граднымъ, тѣснячеся другъ друга пихаху въ гроблю. И спехнуша Ольга с мосту в дебрь. Падаху людье мнози, и оудавиша кони челоувѣци. И въшедъ Ярополкъ въ градъ Ольговъ, перея власть его, и посла искать брата своего; искавъше его, не обрѣтоша. И рече единъ Деревлянин: „Азь видѣхъ, яко вчера спехнуша с мосту“»⁵⁶, — гласит летопись. Однако на самом деле все обстоит иначе. Никаких атрибутов «племени» как независимой или автономной общности у «Деревской земли» нет. Еще Ольга не

⁵⁵ К такой трактовке близок и А. А. Горский, полагающий, что «речь в данном случае идет о дружине и воях Святослава» (автор имеет в виду, очевидно, «воев» в узком смысле слова — недружинную часть войска), а «боярами назван привилегированный слой войска Святослава» (т. е., иначе говоря, дружина?) (см.: *Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 42*). Есть и другое мнение, сторонники которого считают, что договор заключался от имени бояр и Руси как государства (см.: *Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1991. С. 193*).

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 74–75.

только окончательно покорила древлян и установила четкий порядок сбора дани («уставы и уроки»). Она сожгла древлянский «град» Искоростень, лишила «племя» его привилегированной группы («старейшин града» и, очевидно, князя), истребила часть племени, а другую отдала в рабство своим «мужам», т. е., вероятно, переселила. Наконец, заключительным этапом на пути включения территории древлян в Древнерусское государство становится посадение Святославом в 970 г. «в Деревех» своего сына Олега⁵⁷. Таким образом, киевские князья фактически уничтожают древлян как «племя», т. е. как общность, обладающую определенными социально-политическими характеристиками. Был перенесен даже центр «Деревской земли»: из Искоростеня во Вручий (Овруч), что, думается, далеко не случайно. Иными словами, «Деревская земля» сообщения 977 г. — это уже не территория «племени», а область, на которую распространяется власть Олега Святославича — князя из рода Рюриковичей. Кто такие «вои» деревского князя, сказать сложно. Скорее всего, под ними подразумевается все войско Олега, как его дружина, так и «вои» в узком смысле слова — возможно, горожане, жители Вручего. Но с уверенностью об этом сказать нельзя. При этом у «воев» Олега были кони («падаху людье мнози, и оудавиша кони человекъци»), но кто ими обладал, дружинники или «собственно вои», определить нельзя.

Под 980 г. встречаем одно из последних упоминаний о «племенных» воях в рассказе о походе Владимира Святославича на полоцкого князя Рогволода: «Володимер же собра вои многи, Варяги и Словѣни, Чюдь и Кривичи, и поиде на Рогъволода. В се же время *хотяху* [РА] Рогънѣдь вести за Ярополка. И приде Володимеръ на Полотескъ и оуби Рогъволода и сына его два, и дъчерь его поя женѣ»⁵⁸. Это описание полностью соответствует проанализированным выше известиям о походе киевских князей на Византию, Олега — на Киев и т. д. Вновь понятие «вой» используется в широком значении, вновь никаких следов народного ополчения не обнаруживается. Киевский князь собирает войско из подчиняющихся ему «племен» и использует его в борьбе за достижение своей, сугубо личной цели, не имеющей, как кажется, прямого отношения к интересам соответствующих «племен»⁵⁹.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 69.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 76.

⁵⁹ По мнению М. Г. Рабиновича, «в 980 г. войско, которое повел против Рогволода полоцкого новгородский князь Владимир, состояло из наемной варяжской дружины

Целый спектр разных значений слова «вои» можно при внимательном чтении найти в летописном повествовании о борьбе Ярополка и Владимира Святославичей. Согласно ПВЛ, в том же 980 г. «поиде (Владимир. — П. Л.) на Ярополка. И приде Володимеръ Киеву съ вои многи, и не може Ярополкъ стати противу, и затворися Киевъ с людми своими и съ Блудомъ... Се бо Блудъ затворися съ Ярополкомъ, льстя ему, слаше къ Володимеру часто, веля ему пристряпати к граду браню, а самъ мысля оубити Ярополка; гражены же не бѣ льзѣ оубити его. Блудъ же, не възмогъ, како бы погубити, и замысли лъстью, веля ему ни излазити на брань изъ града. Лъстяче же Блудъ Ярополку: „Кияне слются к Володимеру, глаголюще: „Приступай къ граду, яко предамы ти Ярополка. Побѣгни за градъ“. И послуша его Ярополкъ, избѣгъ пред нимъ, затворися въ градъ Родни на оустъ Рси [РА] рѣки, а Володимеръ вниде в Киевъ, и осѣде Ярополка в Роднѣ... И рече Блудъ Ярополку: „Видиши, колько вои у брата твоего? Нама ихъ не перебороти. Твори миръ с братомъ своимъ“; льстя подъ нимъ, се рече. И рече Ярополкъ: „Такъ буди“. И посла Блудъ к Володимеру, сице глаголя, яко: „Сбытсья мысль твоя, яко приведу к тобѣ Ярополка, и пристрой оубити и“. И Володимер же, то слышавъ, въшедъ въ дворъ теремный отень... сѣдету с вои и [РА]⁶⁰ съ дружиною своею. И рече Блудъ Ярополку: „Поиди къ брату своему и рчи ему: что ми ни вдаси, то язъ прииму“. Поиде же Ярополкъ, [и] рече же ему Варяжко: „Не ходя, княже, оубьютъ тя; побѣгни в Печенѣги и приведеши вои⁶¹, и не послуша его“⁶². Выясняется, что слово «вои» в одной и той же летописной статье может означать совершенно разные вещи. Во-первых, «вои»

и племенных ополчений подвластных Владимиру племен, населявших новгородскую землю — словен, чуди и кривичей» (*Рабитович М. Г.* О социальном составе... С. 87). Состав войска Владимира Святославича историк, на наш взгляд, определил неполно и неточно. Помимо наемных варягов в войске, конечно, участвовала и собственная княжеская дружина, отнюдь не только варяжская по составу. Прямо она в тексте не названа, но это и понятно, так как в этом кратком сообщении упоминаются только те «вои», которых собрал Владимир. Дружину же «собирать» («совокуплять») было не нужно, она и так находилась при князе (ср. летописный рассказ о походе Игоря на Византию, в котором дружина при перечислении участников отдельно не упоминается, но затем ее значительная роль в боевых действиях и при принятии решений отмечается особо).

⁶⁰ Эту важнейшую для нашей темы конъектуру следует принять, так как слова «с вои и» есть не только в Р и А, но и в Ип. (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 65). НПЛ дает чтение «с вои своими и» (ПСРЛ. Т. 3. С. 127).

⁶¹ Принято чтение Р и А; в Ип. — «воя», в Лавр. — явно ошибочно «ми».

⁶² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 76–78.

в значении «все войско» («вои многи», приведенные Владимиром); Блуд говорит Ярополку: «Видиши, колько вои у брата твоего» — естественно, он имеет в виду общее количество воинов, без различения дружины и недружинного войска. Во-вторых, ниже «вои», как уже было отмечено К. Рабеком Шмидтом⁶³, отделяются от дружины: Владимир сидит в «отнем тереме» с *воями* и дружиной. В-третьих, еще ниже «воями» называются потенциальные печенежские наемники, помощью которых призывает Ярополка воспользоваться Варяжко. Такое словоупотребление заставляет предположить, что «вои» в представлении летописцев конца XI — начала XII в. отличались от «дружины» не *статусом* («вои» — народное ополчение, а дружина — княжеское окружение), а как *непостоянное* войско вне зависимости от типа комплектования *от постоянного*⁶⁴.

Именно поэтому присутствие в источнике термина «вои» само по себе не может ничего дать исследователю, необходим в каждом случае тщательный анализ контекста. Нас, в первую очередь, интересует второе значение слова «вои» в этом отрывке — «вои» в узком смысле слова, отличающиеся от дружины. Трудно сказать, кто были те «вои», с которыми «сидел» Владимир. Ясно, что это были какие-то представители недружинной части войска (со всеми «воями» Владимир, конечно, не мог разместиться в «отнем тереме»). Нельзя исключать, что это были представители «племенных» «воев»: ведь, хотя в рассказе о походе Владимира на Ярополка они прямо не упоминаются, их участие следует предполагать, так как в летописи это повествование идет сразу за изложением событий, связанных с походом Владимира на Полоцк и убийством Рогволода. Вряд ли князь успел распустить свое войско между двумя столь важными кампаниями. С другой стороны, это могут быть новгородцы, автономное в определенном смысле участие которых в социально-политической жизни Древней Руси и, в частности, в войнах началось довольно рано (об этом см. ниже). В связи с этим обращает на себя внимание и свидетельство этой же статьи о социально-политической активности «киян». Ведь летописец замечает, что, пока Ярополк находился в Киеве, сделать с ним что-либо было невозможно из-за горожан. Вряд ли это было так, если бы они не были вооружены.

⁶³ См.: *Rahbek Schmidt K. Soziale Terminologie...* S. 68.

⁶⁴ Если, конечно, слово «вои» не употреблялось в самом простом значении — просто «воинов». В этом смысле «воями» могла называться, как уже отмечалось выше, и княжеская дружина.

Поэтому, на наш взгляд, более предпочтительным кажется предположение о том, что Владимир «сидел» все же с городскими (новгородскими), а не «племенными» «воями», тем более, что подобных совещаний с представителями «племен» нигде зафиксировано не было, а совещания князя во время походов не только с дружиной, но и с городскими «воями», как будет показано ниже, случались.

Следующий пример может служить еще одним подтверждением расплывчатости и многозначности понятия «вои». Статья ПВЛ под 988 г., в которой сообщается о походе Владимира на Корсунь, начинается так: «Иде Володимеръ с вои на Корсунь, градъ Гречьскый, и затворишася Корсуняне въ градѣ», а заканчивается следующим пассажем: «Людьє изнемогоша водною жажею и предапаса. Вниде Володимеръ в град и дружина его...»⁶⁵ Вряд ли Владимир вошел в Корсунь лишь с дружиной, а остальных «воев» оставил вне города. Несомненно, «дружина» и «вои» тут синонимы.

Некоторые особенности взаимосвязи между дружиной и «воями» раскрываются в рассказе о подвиге юноши-кожемяки, помещенном в ПВЛ под 992 г.⁶⁶: «И приѣхаша князь Печенѣжскыи к рѣкъ, возва Володимера и рече ему: „Выпусти ты свои мужь, а я свои, да ся борета. Да аще твои мужь оударить моимъ, да не воюемъ за три лѣта; аще ли нашъ мужь оударить, да воюемъ за три лѣта“. И разидостася разнѣ. Володимер же приде въ товары, и [РА] посла биричи по товаромъ, глаголя: „Нѣту ли такого мужа, иже бы ся яль с Печенѣжиномъ?“. И не обрѣтася никдѣже. Заутра приѣхаша Печенѣзи и свои мужь приведоша, и въ наших не бысть. И поча тужити Володимеръ, сля повсем воемъ, и приде единъ старъ мужь ко князю и рече ему: „Княже! Есть оу мене единъ сынъ меншей дома, а с четырьми есмь вышель, а онъ дома...“ И наутрия придоша Печенѣзи, почаша звати: „Нѣ ли мужа? Се нашъ dospѣль“. Володимеръ же повелъ той нощи ся облещи [Р] въ оружъ, и приступиша ту обои. Выпустиша Печенѣзи мужь свои, бѣ бо превеликъ зѣло и страшень. И выступи мужь Володимеръ, и оуэрѣ и Печенѣзинъ и посмѣяся — бѣ бо середний тѣломъ... Володимеръ же великимъ мужемъ створи того и отца его. Володимеръ же възвратися въ Киевъ с побѣдою и съ славою великою»⁶⁷. Поиски

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 109.

⁶⁶ Легендарный характер этого рассказа очевиден. Его нет в НПЛ, а значит, не было в Начальном своде. Однако для нас в данном случае важно само изображение летописцем событий, помещенных им под 992 г.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 122–124.

Владимиром человека, способного противостоять «печенежину», проходили в два этапа. Сначала он отправляет биричей в лагерь, и, очевидно, первоначальные поиски охватывали, прежде всего, дружину — отборную, постоянную часть княжеского войска. Затем, когда первая попытка оказалась неудачной, Владимир начинает искать подходящую кандидатуру среди «всех воев», т. е. в том числе и среди недружинной части войска, «собственно воев». Именно среди них и отыскивается «един стар муж», советующий князю воспользоваться помощью своего младшего сына. Слово «муж» тут не должно вводить в заблуждение, поскольку оно, вопреки встречающемуся в историографии мнению⁶⁸, далеко не всегда означало именно дружинников, мужами могли называть и просто свободных людей, в том числе и «воев» в узком значении⁶⁹. Ясно, что, скорее всего, как раз последними и были, с точки зрения летописца, «стар муж» со своими пятью сыновьями: они, вероятно, занимались в спокойное время вполне мирными вещами и вступали в войско лишь в условиях надвигающейся опасности. При этом их присоединение к княжескому войску было делом добровольным или, по крайней мере, жестко не регламентированным. Иначе трудно объяснить, как дома мог остаться человек столь могучий, как младший сын «старого мужа». К сожалению, трудно сказать, откуда явилась в войско эта семья. По всей видимости, они были ремесленниками-кожевниками. Но это вовсе не означает, что они были обязательно горожанами, ведь существовало и деревенское ремесло⁷⁰. После победы кожемяки над «печенежином» Владимир делает и отца, и сына «великими мужами», т. е., очевидно, дружинниками. В принципе прав И. Я. Фроянов, делающий отсюда вывод о том, что «во времена Владимира ряды „княжих мужей“ еще пополнялись людьми из народной среды и дружина, следовательно, еще не сложилась в замкнутый коллектив, чуждый народу»⁷¹. Но это не является какой-то особенностью Древней Руси. Определенная социальная мобильность была характерна в эпоху ран-

⁶⁸ См., например: Юшков С. В. Очерки... С. 31–33.

⁶⁹ См.: Горский А. А. Древнерусская дружина. С. 48–49.

⁷⁰ См.: Рыбаков Б. А. Ремесло // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 78–181.

⁷¹ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки... С. 190. См. также: Свердлов М. Б. Латинскоязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX — первая половина XII в. М.; Л., 1989. С. 99.

него Средневековья, когда еще не сложились замкнутые сословия, для всех стран Восточной и Центральной Европы⁷².

Под 997 г. в известном рассказе о белгородском киселе «вои» упоминаются как набранные воины, не являющиеся частью постоянного войска, или просто наемники. О характере их службы данных нет: «Володимеру же шедшу Новгороду по верховниѣ воѣ на Печенѣгы, бѣ бо рать велика бес перестани»⁷³. Но отсюда видно, что «верховных воев» (т. е., видимо, жителей областей, находящихся за пределами Руси в узком смысле слова, в данном случае Новгорода)⁷⁴ киевские князья набирают в экстренных ситуациях, здесь — из-за затянувшейся войны. Следовательно, в обычной ситуации они обходились дружиной и «воями», набираемыми с территории Поднепровья?

В том же повествовании сообщается об упорном сопротивлении, оказанном белгородцами печенегам⁷⁵. И, хотя термин «вои» по отношению к ним не употребляется, вряд ли это было возможно, если бы они не были вооружены. Следует заметить, что параллельно с постепенным исчезновением данных о «племенных» воях в летописи появляется все больше и больше сообщений об участии в боевых действиях горожан.

В сообщении ПВЛ под 1015 г. об убийстве Святополком Владимировичем Бориса и Глеба говорится, что после смерти Владимира «Святополкъ же съде Киевѣ по отци своемь, и съзва Кыяны и нача даяти имь имѣнье. Они же приимаху, и не бѣ сердце ихъ с нимь, яко братья ихъ бѣша с Борисомь. И Борису же възвратившюся съ вои, не обрѣтшо Печенѣгъ, вѣсть приде к нему: „Отець ти оумерель“. И плакася по отци велми, любимь бо бѣ отцемь своимь паче всѣхъ, и ста на Льтѣ пришедь. Рѣша же ему дружина отня: „Се дружина оу тобѣ отня и вои. Пойди, сяди Киевѣ на столѣ отни“. Онъ же рече: „Не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣшиаго: аще и отець ми оумре, то съ ми буди въ отца мѣсто“. И се слышавше вои разидошася от него. Борисъ же

⁷² См.: Флоря Б. Н. Центральная Европа в период раннего средневековья // История Европы. М., 1992. Т. 2: Средневековая Европа. С. 151–152.

⁷³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127.

⁷⁴ Немецкий исследователь Эдуард Мюле считает «верховных воев» дружиной новгородского посадника (см.: Mühle E. Die städtischen Handelszentren der nordwestlichen Rus'. Anfänge und frühe Entwicklung altrussischer Städte (bis gegen Ende des 12 Jahrhunderts). Stuttgart, 1991), но никаких доказательств в пользу этого мнения не приводит.

⁷⁵ См. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 127–128.

стояше съ отроки своими»⁷⁶. Из этого текста ясно видно, что Борис мог рассчитывать на три вида воинов: собственную дружину, дружину отца и «воев». Об этих последних можно сказать, что, во-первых, они уже не связываются с «племенами» и, скорее всего, имеют отношение к Киеву («кияне», которых стремился умиловить Святополк, называют их «братьями»), во-вторых, они действуют по своей воле: могут после смерти одного князя служить его сыну, а могут и разойтись (что они и сделали). К. Рабек Шмидт замечает по поводу этой статьи: «Здесь ясно различаются „дружина“ и „вои“ Бориса. Когда Борис отклонил предложение (занять Киев. — П.Л.), его покинули „вои“ его отца. Из текста непонятно, где осталась „дружина“ Владимира, но и она, вероятно, покинула Бориса, который остался один со своими „отроками“ — очевидно, младшей „дружиной“»⁷⁷. В принципе, датский историк прав, однако вызывает возражения его слишком формалистический подход к терминологии: он не обращает внимания на то, что в конце текста «вои» упоминаются в широком смысле, в значении всего войска, включая «дружину отню». Поэтому недоумение К. Рабека Шмидта относительно действий последней может быть легко устранено.

Сходное в целом описание этого события содержится и в других памятниках бориоглебского цикла. «Чтение о святых мучениках Борисе и Глебе» сообщает, что, когда князь Владимир Святославич заболел, «въ страну его придоша ратнии. Слышавъ же князь, не могы изити противу имъ, пославый сына своего Бориса, давый ему множество вои... Ти тако изиде (Борис. — П.Л.) с вои на ратьныя». И далее: «Блаженный же Борисъ... отполь бѣ с вои на ратьныя... Ратныи же, яко же услышаша блаженаго Бориса, идуща с вои, бѣжаша: не дерзнуца стати блаженому»⁷⁸. Здесь воями, как и весьма часто в летописи, именуется все войско. Однако ниже воями автор «Чтения» называет лишь часть сил, возглавляемых Борисом. Когда он, узнав о смерти отца и вокняжении в Киеве Святополка, поведал об этом войску, «таче отвѣщаша сущии с нимъ вои, иже бѣша ходилѣ на ратныя, бѣ бо ихъ акы до 8 тысящъ, вси же во оружии, — глаголаша ему: „Мы, о владыко, предали емь (sic!) благымъ отцемъ твоимъ в рудѣ твои, идемъ, или

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 132.

⁷⁷ *Rahbek Schmidt K. Soziale Terminologie...* S. 51.

⁷⁸ *Абрамович Д. И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им.* Пг., 1916. С. 7, 8.

с тобою, или едини, и тако того нужею ижденемъ из града, а тебе же въведемъ, яко же преда намъ тебе благы отецъ твой“». Но Борис отказался пойти против брата по совету «воев», «и цѣлова вся, ти тако отпусти я, а самъ съ отроky пребысть на мѣстѣ томъ...»⁷⁹. Разница с версией ПВЛ состоит в том, что здесь не упоминается «отня дружина». Она, очевидно, охватывается термином «вои». То, что «вои» «Чтения» включают в себя дружину Владимира, следует из их слов («преда намъ тебе благы отецъ твой»). Но и из этого текста видно, что «вои» в данном случае — не только дружина, которая вряд ли могла насчитывать 8 тысяч человек. Скорее всего, и автор «Чтения» имел в виду участие в походе Бориса «воев»-«киян». При этом «вои» тут проявляют еще большую активность, чем в летописи: они заявляют о готовности, даже без воли князя, сами по себе («едини»), выгнать Святополка из Киева, т. е., по сути дела, сменить высшую власть в государстве. Даже если предположить, что здесь представлена чистая риторика с задачей оттенить непротивление Бориса, все равно примечательно, с какой уверенностью «вои» говорят о своем намерении изгнать неугодного им князя («ижденем нужею») и пригласить другого («въведемъ»). Между прочим, в «Чтении» сохранилось уникальное известие о том, что Святополк вынужден был оставить Киев не только из-за поражения, нанесенного ему Ярославом, но и в результате какого-то возмущения киевлян: «Крамолѣ бывшей отъ людей и изгнаны ему сущю не токмо из града, нъ изъ области всея...»⁸⁰ Эта «крамола» явно стала следствием очень четко выраженного и в ПВЛ, и в «Чтении» изначального негативного отношения «воев» (как дружины Владимира, так и «собственно воев») к вокняжившемуся Святополку.

Несколько иначе выглядит описание тех же событий в анонимном «Сказании о святых мучениках Борисе и Глебе». Борис рассказывает своему войску о смерти отца и вокняжении Святополка, «и рѣша къ нему дружина: „Поиди, сяди Киевѣ на столѣ отъни, се бо вси вои въ руку твоею суть“. Онъ же имъ отъвѣщаваше: „Не буди ми възяти руки на брата своего, и еще же и на старѣйша мене, его же быхъ имѣлъ акы отца“. Си слышавыше, вои разидошася отъ него, а самъ оста тѣкъмо съ отроky своими»⁸¹. Здесь, так же как и в летописи, от имени всего войска говорит дружина, что, безусловно, свидетельствует о ее приви-

⁷⁹ Там же. С. 9–10.

⁸⁰ Там же. С. 14.

⁸¹ Там же. С. 32–33.

легированном положении, и, так же как и в «Чтении», не проводится различия между дружиной Владимира и «собственно воями». Тем не менее «вои» «Сказания», под которыми, очевидно, подразумеваются как первые, так и вторые, отделяются от личной дружины Бориса (его «отроков»). В целом все три рассказа хорошо дополняют друг друга.

Косвенным доказательством того, что в сообщениях об отказе Бориса идти во главе находившегося с ним войска на Киев речь шла о «воях» — киевских горожанах, является известие о поведении Святополка после его вокняжения в Киеве. Согласно ПВЛ, «Святополкъ же оканныи нача княжити Киевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзана, а другимъ кунами, и раздая множество»⁸². Аналогичное сообщение читается и в «Сказании»: «Святопѣлкъ же сѣдя Киевѣ по отци, призвавъ Кыяны, много дары имъ давъ, отпусти»⁸³. Логично предположить, что попытка задобрить киевлян была предпринята Святополком для того, чтобы они не лишили его своей поддержки⁸⁴.

Под 1016 г. в НПЛ и под 1015 г. в ПВЛ приводятся известия о начале борьбы Святополка Окаянного и Ярослава за Киев. Думается, что в основу следует положить текст НПЛ, так как он основывается на более раннем, чем ПВЛ, так называемом Начальном своде. Кроме того, в ПВЛ есть явно фантастические данные о количестве войска Ярослава, что является дополнительным свидетельством в пользу большей древности текста НПЛ⁸⁵. В то же время, так как в историографии существует мнение о том, что известия НПЛ и ПВЛ в равной мере восходят к древним источникам⁸⁶, важные для нашей темы особенности версии ПВЛ будут отмечаться.

Итак, согласно НПЛ, в начале противостояния Ярослава и Святополка в Новгороде, где княжил первый, произошел конфликт между новгородцами и варягами, нанятыми князем. Горожане обвинили последних в том, что те совершают насилие над «мужатыми женами», и перебили их. «И се слышавъ, — говорит летописец, — князь Яро-

⁸² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 140.

⁸³ *Абрамович Д. И.* Жития... С. 31–32.

⁸⁴ См. подробнее о роли киевлян в конфликте между сыновьями Владимира Святославича: *Лукин П. В.* Киевляне XI века в русских источниках и «Хронике» Титмара Мерзебургского // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2003. № 4.

⁸⁵ См. об этом подробнее: *Лукин П. В.* Вече... С. 95–97.

⁸⁶ См.: *Свердлов М. Б.* К истории новгородского веча // *Новгородский край: Материалы научной конференции «Новгород древний. Новгород социалистический. Археология, история, искусство», состоявшейся 13–15 сентября 1982 г. Л., 1984.*

славъ разгнѣвася на гражаны, и собра вои славны тысящу, и, обольстивъ ихъ, исѣче, иже бяху Варягы ти исѣклъ; а друзии бѣжаша изъ града». И тут неожиданно сестра Ярослава Предслава прислала ему весть из Киева о том, что его отец умер, а братья убиты Святополком. «И се слышавъ, — продолжает летописец, — Ярославъ заутра собра новгородцовъ избытокъ, и сътвори вѣче на полѣ, и рече к ним: „Любимая моя и честная дружина, юже вы исѣкохъ вчера въ безумии моемъ, не топѣрво ми ихъ златомъ окупитъ“. И тако рче имъ: „Братье, отецъ мой Володимиръ умерлъ есть, а Святополкъ княжить в Киевѣ; хошю на него пойти; потянете по мнѣ“. И рѣша ему новгородци: „А мы, княже, по тобѣ идемъ“. И собра вои 4000. Варягъ бяшетъ тысяща, а новгородцовъ 3000, и поиде на нь»⁸⁷.

Существенные для нас отличия версии ПВЛ состоят в том, что «иссеченные» Ярославом новгородцы называются там не «вои славны тысяща», а «нарочитые мужи», и в отсутствии упоминания о том, что вече было созвано князем не в городе, а на поле⁸⁸.

Что такое «тысяча славных воев», созванная и истребленная Ярославом? В литературе уже давно обсуждается этот вопрос в связи с проблемой так называемой децимальной организации на Руси. Еще А. Е. Пресняков предположил, что это не просто эпитет («тысяча знаменитых воинов»), а «определенные лица», имеющие отношение к новгородским сотням⁸⁹. В пользу этого в какой-то степени свидетельствует и то, что в ПВЛ эти же лица названы «нарочитыми мужами». Учитывая это, В. В. Мавродин высказывался вполне однозначно: «Нет никакого сомнения в том, что „вои славны тысящу“ — это совсем не тысяча славных воинов, а „нарочитые мужи“, входившие в состав особой военной организации — тысячи...»⁹⁰ Особую позицию

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 3. С. 174–175.

⁸⁸ См. ПСРЛ. Т. 1. Стб. 140–141.

⁸⁹ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. М., 1993. С. 150–151.

⁹⁰ Мавродин В. В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. С. 347. Противоположное мнение высказывает И. Я. Фроянов. Принимая за основу вариант НПЛ, а не ПВЛ, он утверждает: «...„вои славны тысяща“ — это наиболее видные, прославленные воины из „тысячи“, т. е. новгородского ополчения». К знати, полагает он, их относить нельзя, «ибо воинская доблесть в ту пору определялась не родовитостью, а храбростью, мужеством, ловкостью и силой» (Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб, 1995. С. 102). В обоснование своей точки зрения И. Я. Фроянов приводит два аргумента. Во-первых, он ссы-

занял Н. Н. Гринева. По его мнению, «воев славны тысяча» — это воины «Славны», т. е. ополчение Славенского конца средневекового Новгорода, и, следовательно, «конфликт 1015 года... носил локальный характер, касался Славенского конца города»⁹¹. Но для нас более существенно другое. И о «воях славных тысяче», и о «воях», собранных Ярославом позже, говорится в летописи одинаково: и тех, и других специально собирают ради определенной цели (в отличие от находящейся в постоянной готовности дружины). И первые, и вторые «вои» бесспорно связаны с городом: их прямо называют «гражданами», они участвуют в вече — органе городском по преимуществу⁹². При этом, если совещания князя с дружиной носили, судя по летописи, так сказать, камерный характер (в тереме, в шатре и т. д.), то в НПЛ указывается, что Ярослав собрал новгородцев на вече «на поле» — видимо, для того, чтобы, опираясь на поддержку городских «воев», без промедлений выступить в поход⁹³. Кроме того, выясняется, что новго-

дается на историю о юноше-кожемяке, которая якобы доказывает, что привилегированность воина в Древней Руси определялась не его социальным положением, а личными качествами. Во-вторых, по его мнению, «о том, что это именно ополчение, свидетельствует термин „вои“, употребляемый летописцем» (Там же. С. 102, примеч.). Оба аргумента И. Я. Фроянова несостоятельны. Случай с юношей-кожемякой как раз показывает, что главной наградой для проявившего «храбрость, мужество, ловкость и силу» воина становится включение в дружину, а использование летописцем термина «вои», как отмечалось выше и будет показано ниже, ни о чем само по себе не свидетельствует. Характерно, что И. Я. Фроянов в доказательство своего мнения о том, что «вои» — это народное ополчение, ссылается не на источники, а на историографию и прежде всего на свое собственное сочинение о социально-политическом строе Киевской Руси. Но и в нем также не содержится никаких доказательств, а просто постулируется, что «вои» — это «народное ополчение» (См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки... С. 185–215). Думается, такая «методика» вряд ли может быть сочтена научной.

⁹¹ Гринева Н. Н. Летописное сообщение о событиях 1015 г. в Новгороде и вопросы политического и военного устройства Новгородской земли // Изучение истории и культуры Новгородской земли: Тезисы докладов научной конференции. Новгород, 1987. С. 61, 62.

⁹² См.: Лукит П. В. Вече... С. 129–130.

⁹³ Мысль о том, что новгородское войско 1015–1016 гг. не совпадало с княжеской дружиной и действовало по решению веча, высказывал М. Г. Рабинович. Однако он, представляется, несколько преувеличивал степень его политико-юридической самостоятельности. «...Город уже тогда, — пишет исследователь, — имел свою военную силу, независимую от князя. Когда новгородцам стало не под силу выносить бесчинства стоящих в городе варягов, у города нашлось войско, которое смогло неожиданно напасть на варягов и перебить их» (Рабинович М. Г. О социальном составе... С. 88). Никаких данных о четко структурированных городских вооруженных формированиях в источ-

родцы (городские «вои») в этом рассказе — это не представители некоей гипотетической общности сельских и городских жителей — «волощан», или «городских и сельских масс», по выражению И. Я. Фроянова⁹⁴, а именно и только горожане. Есть тому и дополнительные свидетельства. Под 1016 г. читаем в НПЛ о битве у Любеча: «Святополкъ... собра бещисла множество вои, изиде противу его (Ярослава. — П. Л.) къ Любцю, и съде ту на полъ со множествомъ вои»⁹⁵. Ярославъ же пришед, ста на березѣ на Днѣпрѣ; стояша ту 3 мѣсяци, не смѣющи ся сосупитьи. Воевода Святополчъ, именовъ Волчии Хвостъ, ѣздя подлѣ рѣку, укаряти нача новгородци: „Почто приидосте с хромчѣмъ тѣмъ, а вы плотници суще; а мы приставимъ вы хоромовъ рубить“»⁹⁶. Вряд ли такое обращение могло быть адресовано дружинникам. С другой стороны, «плотниками», скорее всего, могли быть названы именно горожане, а не сельские жители.

Хорошо соответствует этому выводу и рассказ ПВЛ под 1018 г. о сражении на Буге Ярослава со Святополком и его союзником, поль-

никах нет, нападение на варягов, судя по летописи, стало следствием стихийного возмущения, а не спланированной акции. Также бездоказательным остается предположение Н. Н. Гринёва о том, что «новгородское войско Ярослава состояло из трех „тысяч“, в которых нужно видеть не количество воинов, а три части новгородского ополчения». Аргументами для него служат «соответствие числа „тысяч“ числу изначальных концов города, а также упоминание „воев славны тысячи“» (Гринев Н. Н. Летописная статья... С. 62). Но, таким образом, затемняется кристально ясный смысл летописного текста: «И собра вои 4000. Варягъ бяшетъ тысяща, а новгородцов 3000», в котором речь явно идет именно о численности войска: 1000 варягов и 3000 новгородцев в сумме дают 4000 «воев». Кроме того, непонятно, с какой целью Н. Н. Гринев ссылается на «тысячу славных воинов» (кем бы они ни были), уже истребленных к моменту похода и, следовательно, в нем не участвовавших.

⁹⁴ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки... С. 207. Однако в более поздней работе И. Я. Фроянов, видимо не замечая этого, опровергает свою собственную концепцию. Полемизируя с историками, придававшими особое значение в событиях 1016 г. в Новгороде «нарочитым мужам», он совершенно справедливо отмечает, что «в новгородском источнике (НПЛ. — П. Л.) нет ни единого упоминания о «нарочитых мужах», а речь идет о «новгородцах» и «гражданах», причем во взаимозаменяемом значении терминов» (Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования... С. 102). Но, если новгородцы в этом рассказе — горожане, то где же здесь «сельские массы»?

⁹⁵ «Вои» здесь упоминаются в самом широком значении этого слова: просто воины. Скорее всего, в состав этих «воев» входили личная дружина Святополка, вышеупомянутая «дружина отня» (т. е. Владимира) или, по крайней мере, ее часть (так как Волчий Хвост был воеводой еще при Владимире) и привлеченные им на свою сторону «княне» — городские «вои».

⁹⁶ ПСРЛ. Т. 3. С. 175.

ским королем Болеславом: «И рече Болеславъ к дружинѣ своеи: „Аще вы сего оукора не жаль, азъ единъ погыну“. Всѣдъ на конь, вбрѣде в рѣку и по немъ вои его⁹⁷. Ярослав же не оутягну исполчитися, и побѣди Болеславъ Ярослава. Ярославъ же оубѣжа с 4-ми мужи Новугороду... Ярославу же прибѣгши Новугороду и хотяше бѣжати за море, и посадникъ Коснятинъ, сынъ Добрынъ с Новгородьци расѣкоша лодѣ Ярославлѣ, рекуще: „Хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ и съ Святополкомъ“. Начаша скоть събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от боярь по 18 гривен. И приведоша Варягы, вдаша им скоть, и совокупи Ярославъ воя многы»⁹⁸. Структура новгородского населения, участвовавшего в формировании войска, представлена здесь достаточно четко. Это соответственно убыванию финансовых возможностей бояре, старосты и «мужи». Под «боярами», скорее всего, следует понимать всю дружинную элиту. На возможность такого словоупотребления указывал, приводя конкретные примеры, еще А. Е. Пресняков: «Слово „бояре“ имело то узкое, то более широкое значение. Часто объемлет оно все, что стоит выше простонародной массы и городского купечества»⁹⁹. Кто такие старосты, сказать сложно. Содержание этого термина остается слабо изученным в историографии, однако на основании этого текста можно лишь предположить, что, судя по достаточно высоким финансовым возможностям, это были также представители привилегированной части новгородского общества. Наконец, «мужи» в данном случае — это, по-видимому, новгородские горожане.

Это подтверждается и рассказом НПЛ под 1016 г. о вокняжении Ярослава в Киеве после окончательной победы над Святополком¹⁰⁰:

⁹⁷ Здесь также слово «вои» употреблено в значении «все войско» и в то же время синонимично по отношению к «дружине» (если не считать, что польский правитель обратился к собственно дружине, проигнорировав остальных «воев», что маловероятно). См.: *Rahbek Schmidt K. Soziale Terminologie...* S. 73.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 143.

⁹⁹ *Пресняков А. Е. Княжое право...* С. 214.

¹⁰⁰ В рассказе «Сказания о Борисе и Глебе» о битве на Альте, в ходе которой Святополк потерпел окончательное поражение, есть упоминание «воев» в весьма распространенном значении всего войска: «И Ярославъ, съвькушывъ воя, изиде противу ему [Святополку] на Лыто, и ста на мѣсть, идеже бѣ убиенъ святыи Борисъ... и поидоша противу собѣ, и покрыша поле Летьское множествомъ вои» (*Абрамович Д. И. Жития...* С. 46–47). В «Чтении» же «вои» фигурируют в прославлении святых князей: «Сима ангели почюдишася и человекъи прославиша, и самъ же Владыка, Господь Исусъ Христость срѣте я с вои ангельскими, вѣнца я побѣдными вѣнцы» (Там же. С. 25). Ясно, что «ангельские вои» никакого отношения к «народному ополчению» не имеют. Это

«...Ярослав иде къ Киеву, съде на столѣ отца своего Володимира; и абие нача вои свои дѣлѣти, старостаѣ по 10 гривень, а смердомъ по гривнѣ, а новгородцомъ по 10 гривень всѣмъ, и отпусти их всѣхъ домовъ...»¹⁰¹ Здесь также фигурируют три группы «воев» Ярослава, получающие от него различное вознаграждение. Ясно, что новгородцы, получающие от Ярослава за участие в походе против Святополка по 10 гривен, в социальном отношении родственны (а многие из них скорее всего — просто те же самые люди) новгородцам — участникам проанализированного выше конфликта с варягами. Видимо, эти же новгородцы, свободные горожане, как уже отмечалось, были названы в версии ПВЛ «мужами»¹⁰². Но из этого же отрывка становится ясно, что в его войске были, по всей видимости, не только горожане. По одной гривне получили смерды. Социальный статус смердов является одним из самых спорных вопросов в историографии Древней Руси. Но наиболее распространенным можно считать мнение о том, что так назывались сельские жители, как свободные, так и зависимые¹⁰³. Если это так, то бросается в глаза разительный контраст в положении горожан и сельских жителей. Первые находятся в более привилегированном положении. От их решения зависит, получит ли князь поддержку в лице

упоминание относится ко второму типу значений слова «вои» в древнерусских переводных текстах, по классификации Ф. П. Сороколетова (см. выше), о котором он писал: «Это обычно обозначение противоборствующих сил добра и зла, божественных и сатанинских сил, причем часто в таких употреблении имеют место переносно-образные оттенки значения» (*Сороколетов Ф. П. История... С. 77*). Ср. в Ил. под 6683 г. в рассказе об убийстве Андрея Боголюбского: «Сеи же благолюбивии князь не за друга, но за самого творца, создавшаго всячкая, от небытья в бытѣ душу свою положи. Тѣмъ в память оубыеня твоего, страсотерпче княже Андрѣю, оудивишася небеснии вои, видяще кровь, проливаему за Христа» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 585).

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 175.

¹⁰² Э. Мюле также полагал, что «мужами» в этот раз были названы «обыкновенные новгородцы» (*Mühle E. Die städtischen Handelszentren... S. 104*).

¹⁰³ См.: *Свердлов М. Б. Смерды в Древней Руси // История СССР. 1970. №4; Он же. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. С. 144; Он же. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996. С. 314. И. Я. Фроянов считает смердов из сообщения НПЛ под 1016 г. «не крестьянами, а подчиненными Новгороду иноязычными племенами» и в то же время пишет: «Мы не отрицаем, больше того, предполагаем участие в походе сельских жителей Новгородской земли» (*Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования... С. 105*). Но ведь «новгородцы» этого сообщения — несомненно горожане, что отмечал выше и сам И. Я. Фроянов (см. выше)! Откуда же берутся основания предполагать участие в походе сельских жителей Новгородской земли?*

городских «воев». Князь вынужден советоваться с ними, выслушивать их требования, вместе с ними участвует в вече, на котором принимается решение об участии их в походе. Ситуация со смердами (сельскими жителями?) совершенно иная. Их согласия на участие в боевых действиях никто не спрашивает, вознаграждение они получают в 10 раз меньше, чем горожане. И вновь встает вопрос о том, кто такие старосты? Ведь перечисление получающих вознаграждение «воев» — сначала называются привилегированные старосты (наделяющиеся 10 гривнами), потом непривилегированные смерды (1 гривна), потом вновь привилегированные новгородцы (10 гривен) — кажется нелогичным. Не говорит ли это о связи старост и смердов?¹⁰⁴ Впрочем, без подробного анализа употребления понятия «староста» в древнерусских источниках любые предположения на сей счет будут гадательными.

Главный вывод, который можно сделать на основании разобранных известий о борьбе Ярослава и Святополка, — это несомненное появление в Новгороде «воев», тесно связанных с городом и самостоятельно принимающих решение об участии в военных предприятиях князя. Князь вступает с ними в своего рода договорные отношения.

Изложение истории борьбы за Киев между сыновьями Владимира Святославича в русских источниках можно сравнить с рассказом, содержащимся в немецкой латиноязычной хронике, составленной современником этих событий Титмаром Мерзбургским. Между русской версией и версией Титмара есть существенные фактические расхождения, однако нас в данном случае интересует не событийная канва, а то, насколько описание социально-политических реалий древнерусского общества в хронике Титмара соответствует выводам, которые можно сделать на основе русских источников.

Согласно Титмару, после победы над Ярославом Болеслав и Святополк осадили Киев. Хронист сообщает: «На город Киев, чрезвычайно укрепленный, по наущению Болеславу часто нападали враждебные печенеги, пострадал он и от сильного пожара. Хотя жители и защищали его, однако он быстро был сдан ипоземному войску: оставленный своим обратившимся в бегство королем, [Киев] 14 августа принял Болеслава и своего долго отсутствовавшего сениора Святополка, благорасположение к которому, а также страх перед нашими обратили

¹⁰⁴ Такое предположение уже высказывалось в историографии (см., например: Рабинович М. Г. О социальном составе... С. 88).

[к покорности] весь тот край»¹⁰⁵. Обращает на себя внимание то, что даже после ухода князя (Ярослава) из Киева, очевидно с дружиной, его жители смогли оказать сопротивление, пусть и недолгое, войскам Болеслава и Святополка. Отсюда следует, что киевляне были вооружены или, по крайней мере, имели возможность вооружиться. Кроме того, речь в рассказе Титмара идет именно о «жителях Киева» («*suis habitatoribus*»), т. е. горожанах. Никакого намека на «народное ополчение», отряды «волощан» и т. п. в нем нет. Конечно, исключать участия сельских жителей в обороне Киева нельзя. Возможно, об этом говорит загадочное место из той же «Хроники» Титмара Мерзбургского: «До сих пор этому (городу, т. е. Киеву. — П. Л.), как и всему тому краю, силами спасающихся бегством рабов, стекавшихся сюда, а более всего [силами] стремительных данов [удавалось] противостоять весьма разорительным [набегам] печенегов, а также побеждать другие народы»¹⁰⁶. «Даны» — это, по общему признанию специалистов, варяги, а вот относительно *servorum fugitivorum* в историографии нет единого мнения. Традиционно это словосочетание передавалось буквально: «беглые рабы», что вызывало самые разные трактовки¹⁰⁷. А. В. Назаренко, которому и принадлежит цитированный перевод, полагает, что речь здесь идет «не о „беглых“, а о „спасающихся бегством“ крестьянах окрестных сел, собиравшихся, как это обычно бывало в городе во время нападения кочевников и, естественно, принимавших участие в их отражении»¹⁰⁸. Однако при этом остается не вполне понятным, почему

¹⁰⁵ Титмар Мерзбургский. Хроника // Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 142. В оригинале: «*Urbs autem Kitawa nimis valida ab hostibus Pedeneis ortatu Bolizlavi crebra impugnatione concutitur et incendio gravi minoratur. Defensa est autem ab suis habitatoribus, sed celeriter patuit extraneis viribus; namque a rege suo in fugam verso relicta XVIII Kal. Sept. Bolizlavum et, quem diu amiserat, Zentepulcum seniore suum, cuius gratia et nostrorum timore omnis hec regio conversa est, suscepit*» (Там же. С. 137).

¹⁰⁶ Там же. С. 143. В оригинале: «*...quae sicut omnis haec provincia, ex fugitivorum robore servorum huc undique confluencium et maxime ex velocibus Danis, multum se nocentibus Pecinegis hactenus resistebat et alios vincebat*» (Там же. С. 137).

¹⁰⁷ См.: Липниценко И. А. Взаимные отношения Руси и Польши до половины 14 столетия. Киев, 1884. Ч. 1. С. 90; *Zahrzewski S. Boleslaw Chrobry Wielky*. Lwów; Warszawa; Kraków, 1925. S. 303; Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973. С. 46; *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества. М., 1975. С. 75; *Котляр Н. Ф.* К вопросу о генезисе восточнославянских городов // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980; *Свердлов М. Б.* Генезис и структура... С. 88–89 и др.

¹⁰⁸ Назаренко А. В. Немецкие... С. 201.

Титмар употребил в отношении древнерусских «крестьян»¹⁰⁹ термин «сервы», в средневековой латыни характеризовавший людей, находившихся в личной зависимости. Впрочем, эта проблема требует отдельного исследования. В целом же понятно, что, с точки зрения Титмара Мерзбургского, инициатива и организующая роль в обороне Киева в случае отсутствия в нем князя и дружины принадлежала горожанам. С другой стороны, немецкий хронист отмечает, что такая оборона не могла быть долговременной.

Полностью соответствует показаниям древнерусских источников и сообщение Титмара об отношениях между вокняжившимся в Киеве Святополком и местными жителями. После того как Болеслав и Святополк захватили Киев, «вышеупомянутый сениор с радостью (стал принимать) местных жителей, приходивших к нему с изъявлением покорности»¹¹⁰. При этом перевод А. В. Назаренко этого места вряд ли вполне точен, поскольку в оригинале читается: «...indigenas adventare, fideles sibi apparere senior prefatus letabatur». «Fidelis» — скорее «верный», чем «покорный», и такое понимание гораздо больше соответствует известному нам по ПВЛ и «Сказанию о Борисе и Глебе» характеру отношений между Святополком и киевлянами, являвшимися в большей степени договорными (по крайней мере, по форме), чем основанными на «покорности» подданных своему властителю.

Разительный контраст описанным выше отношениям городских «воев» и князя представляет летописное сообщение под 1024 г. о Лиственской битве между Ярославом и Мстиславом. Перед решительным столкновением с братом Ярослав пригласил из-за моря варягов во главе с Якуном, и затем, согласно летописи, «иде Ярославъ съ Якуномъ на Мъстислава. Мъстиславъ же, слышавъ, взиде противу има к Листвену. Мъстиславъ же с вечеру исполчивъ дружину, и постави Съверъ в чело противу Варягомъ, а сам ста с дружиною своею по крилома. И бывши ноци, бысть тма, молонья, и громъ, и дождь. [И] рече Мъстиславъ дружинѣ своеи: „Поидемъ на не“. И поиде Мъстиславъ, и Ярославъ противу собѣ, и сступиша чело Съверъ с Варягы, [и трудяшася Варязи секуще Съверъ, и посемъ наступи Мстиславъ со дружиною своею и нача съчи Варязи]. И бысть съча силна, яко посвѣтяше

¹⁰⁹ Использование А. В. Назаренко термина «крестьяне» в данном случае представляется неудачным, поскольку он соответствует реалиям уже послемонгольского времени.

¹¹⁰ Назаренко А. В. Немецкие... С. 143.

молонья, блестящее оружие, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна. Видѣвъ же Ярославъ, яко побѣждаемъ есть, побѣже съ Якуномъ, княземъ Варяжскимъ, и Якунь ту отбѣже луды златоѣ. Ярославъ же приде Новугороду, а Якунь иде за море. Мѣстиславъ же, о светѣ заоутра, видѣвъ лежачиѣ сѣчены от своихъ Сѣверь и Варягы Ярославлѣ, и рече: „Кто сему не радъ? Се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла“¹¹¹. В литературе существует две точки зрения на то, кто подразумевается в этом рассказе под «северянами». Традиционно считается, что это одно из последних упоминаний «племенных» воев. Так, А. Е. Пресняков прямо писал о «северянском ополчении»¹¹². Д. С. Лихачев также не сомневался, что здесь «имеется в виду ополчение из северян»¹¹³. Но недавно английскими исследователями С. Франклином и Дж. Шепардом было высказано другое мнение. Они полагают, что «„северяне“ Мстислава — это люди, набранные в Чернигове»¹¹⁴, т. е. городские вои. Однако такой трактовке противоречат слова самого Мстислава, обрадовавшегося тому, что в сражении погибли исключительно северяне и варяги, а дружина осталась цела. Именно на «племенных» воев, как было показано выше, князья могли смотреть как на не вполне своих. Трудно себе представить, чтобы князь воспринял так гибель городских «воев». Достаточно вспомнить, как обращался Ярослав к «воям»-новгородцам на вече, называя их «любимая моя и честная дружина».

Под 1036 г. летопись сообщает о сражении Ярослава с печенегами под Киевом: «Ярославу... сущю Новѣгородѣ, вѣсть приде ему, яко Печенѣзи остоять Кыевъ. Ярославъ събра вои многъ, Варягы и Словѣни, приде Кыеву и вниде в городъ свои. И бѣ Печенѣгъ бе-щисла. Ярославъ выступи из града и исполчи дружину, постави Варягы посредь, а на правѣи стороне Кыяне, а на лѣвѣмъ крилѣ Новгородци, [и] стаща пред градомъ»¹¹⁵. «Вои» и «дружина» здесь, похоже, синонимы. Но

¹¹¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 148–149.

¹¹² Пресняков А. Е. Лекции... С. 371.

¹¹³ Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 480.

¹¹⁴ Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси... С. 288.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 150–151. Выше в сообщениях о заключении мира между Мстиславом и Ярославом и о походе обоих братьев на Польшу соответственно под 1026 и 1031 гг. упоминаются «вои» в широком значении — «все войско», «воины» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149, 150). А ниже, под 1042 г., содержится сообщение о походе Владимира, сына Ярослава Мудрого, на емь: «Иде Володимир, сын Ярославль, на Ямь, и победив я. И помроша кони у вои Володимерь, яко и еще дышущим конем съдираху хзы

скорее всего, судя по использованию понятий «кияне» и «новгородцы», в сражении участвовала не только княжеская дружина, но и городские «вои». Однако с уверенностью утверждать это нельзя. Что касается «воев»-словен, которых собирает в Новгороде Ярослав, то это явно не «племенные» вои, а синоним «новгородцев».

Важные нюансы, связанные с соотношением дружины и «собственно воев» в древнерусском войске XI в., могут быть обнаружены в сообщении ПВЛ под 1043 г. о походе Владимира Ярославича на Византию: «Посла Ярославъ сына своего Володимера на Грькы и вда ему вои многъ, а воеводство поручи Вышатъ, отьцо Яневу. И поиде Володимеръ в лодьях, и придоша в Дунай, [и] поидоша к Цесарюграду. И бысть буря велика, и разби корабли Руси, и князь корабль разби вѣтръ, и взя князя в корабль Иванъ Творимиричъ, воеводы Ярославля. Прочии же вои Володимери ввержени быша на брегъ, числомъ 6000, и хотяще пойти в Русь, и [не] идяше с ними [никтоже — *Ип.*] от дружины княжее. И рече [*Вышата — Ип.*]: „Азъ поиду с ними“. И высѣде ис корабля с ними (*РА — к ним*), [и рече — *РА*]: „Аще живъ буду, [*то*] с нимъ, аще погыну, то с друженою“. И поидоша, хотяще в Русь. И бысть вѣсть Грькомъ, яко избило море Русь, и пославъ царь, именемъ Мономахъ, по Руси олядий 14. Володимеръ же, видѣвъ с дружиною, яко идуть по немъ, въспятивъся, изби оляди Гречьския, и възвратися в Русь, сѣдавшеся в корабль своѣ. Вышату же яша с изверженными на брегъ, и приведоша я Цесарюграду, и слѣпиша Руси много»¹¹⁶.

Несмотря на то что текст в Лавр. довольно сильно испорчен¹¹⁷, его внимательное изучение при сравнении с другими летописями позволяет пролить свет на некоторые немаловажные моменты. Прежде всего, в этом рассказе различаются «вои» в узком значении и княжеская дружина: первые представляют собой отдельное формирование

с них: толк бо бе мор в коних» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 153–154). «Вои» здесь фигурируют также в самом общем смысле. Между тем это известно почему стало поводом для следующего вывода И. Я. Фроянова: «Простые люди на конях то и дело появляются на летописных страницах» (*Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки... С. 198*). В действительности, ни о каких простых людях тут не говорится, и «вои» этого сообщения вполне могут быть, например, дружинниками.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 154.

¹¹⁷ Некоторая противоречивость рассказа ПВЛ о походе на Византию в 1043 г. объясняется, по-видимому, использованием разных источников. См. об этом: *Лихачев Д. С. Устные летописи в составе «Повести временных лет» // Исторические записки. 1945. Т. 17; Он же. Комментарий... С. 483.*

и после кораблекрушения самостоятельно принимают решение идти «в Русь» отдельно от князя и дружины. Ю. Г. Алексеев очень точно писал об их статусе: «...вои — это воины, о которых больше ничего не известно, кроме того, что они не входят непосредственно в княжью дружину»¹¹⁸. При этом, однако, их самостоятельность далеко не абсолютна. Во-первых, их «дает» своему сыну киевский князь. Во-вторых, воеводой над ними назначается княжеский боярин — Вышата. В-третьих, оставшись без князя и дружины, они оказываются лишены руководства (и тогда с ними соглашается идти Вышата)¹¹⁹. Трудно сказать, где были набраны «вои», ясно лишь, что «племена» здесь не упоминаются, и, думается, не случайно.

Под 1060 г. в летописи дважды упоминаются «вои». Но, к сожалению, сами известия настолько отрывочны, что не позволяют сделать какие-либо определенные выводы. В первом (в ПВЛ) речь идет о походе Ярославичей в союзе с Всеславом полоцким на торков: «...Изяславъ, и Святославъ, и Всеволодъ, и Всеславъ совокупи[ша-РА] вои бецислены, [и] поидоша на конихъ и в лодьяхъ, бецислено множество, на Торкы»¹²⁰. Здесь интересно, что «вои» передвигаются одновременно на конях и в ладьях, но, так как невозможно утверждать, кто именно тут имеется в виду под расплывчатым понятием «вои», нельзя сказать, к примеру, что дружина двигается на конях, а «собственно вои» — в ладьях¹²¹.

¹¹⁸ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. М., 1979. Т. 103. С. 244.

¹¹⁹ А. Е. Пресняков, неправильно поняв текст летописи, решил, что дружинники отправились на Русь на одном корабле: «Из ее (дружины. — П. Л.) среды выходили воеводы для народного полка: когда вои во время неудачного похода на Византию в 1043 г. вынуждены были по суше искать пути на Русь, затруднение было в том, что с ними не хотел идти никто из княжой дружины, сохранившей для себя один корабль, пока не пошел Вышата, которому поручено было воеводство и который потому зовет воев своей „дружиной“» (Пресняков А. Е. Лекции... С. 411–412). Эту ошибку повторил Ю. Г. Алексеев, писавший о том, что «Вышата, по-видимому, находился перед альтернативой — спастись (на уцелевшем от бури корабле вместе с князем и его дружиной) или разделить судьбу рядовых „воев“» (Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 243–244). Точнее толковал этот фрагмент К. Рабек Шмидт, писавший о том, что дружина «была отправлена на нескольких кораблях» (Rahbek Schmidt K. Soziale Terminologie... S. 71).

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 163.

¹²¹ Из во многом похожего, но более развернутого сообщения Ип. под 6655 г. становится ясно, что киевляне — городские «вои» — могли передвигаться как на конях,

Под этим же годом в НПЛ содержится информация еще об одном походе киевского князя Изяслава Ярославича (на эстонское племя саккала — «Сосол» русских летописей) и о его последствиях: «...же ходи Изяславъ на Сосолы и дань заповѣда даяти по 2000 гривенъ; они же поручышяся и изгнаша даньники; на весну же, пришедше, повоеваша села о Юрьевѣ, и город и хоромы пожгоша, и много зло створиша, и Плескова доидоша воююще. И изидоша противу им плесковици и новгородци на съчю и паде Руси 1000, а Сосоль безчисла»¹²². Кто такие псковичи и новгородцы этого сообщения, сказать сложно, однако участие в этом столкновении городских «воев» предполагать можно¹²³.

Об участии горожан, жителей Минска, в боевых действиях на стороне своего князя, говорит и летописное сообщение под 1067 г. о начале противостояния Ярославичей и Всеслава полоцкого: «Заратися Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полочьскъ, и зая Новъгородъ. Ярославичи же трие — Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, — совокупивше вои¹²⁴, идоша на Всеслава, зимъ суще велицъ. И придоша ко Мъньску, и Мъняне затворишася в градъ. Си же братья взяша Мънескъ, [и] иськоша мужъ, а жены и дѣти вдаша на щиты, и поидоша к Немизѣ, и Всеславъ поиде противу»¹²⁵. При этом центром сопротивления Ярославичам оказывается именно город. Нельзя исключать, что к горожанам присоединились и сбежавшиеся в Минск жители сельской округи, но все равно ясно, что «меняне» — это прежде всего горожане.

Гораздо более существенные для нашей темы данные можно обнаружить в достаточно пространном повествовании ПВЛ о событиях в Киеве

так и в ладьях. Пытаясь убедить киевлян отправиться в поход на Ольговичей, князь Изяслав Мстиславич обращается к ним: «Ныне же, братье Княине... поидите по мигъ к Чернигову на Олговичи, доспѣвайте от мала и до велика, кто имѣеть конь, кто ли не имѣеть коня, а в лодыи» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 348–349).

¹²² ПСРЛ. Т. 3. С. 183.

¹²³ Ср. мнение Э. Мюле, который уверен, что под «плесковичами» «конечно подразумевалась не только дружина посадника, т. е. городской гарнизон», но и «способная носить оружие часть рядового населения, которая не находилась в непосредственной зависимости от князя или его посадника» (*Mühle E. Die städtischen Handelszentren...* S. 193–194). Другая немецкая исследовательница, Гертруда Пикхан, полагает даже, что в этом столкновении участвовали только псковичи, поскольку, по ее словам, «в это время во Пскове не было князя с его боеспособной дружиной» (*Pickhan G. Gospodin Pskov. Entstehung und Entwicklung eines städtischen Herrschaftszentrums in Altrußland. Berlin, 1992. S. 73*).

¹²⁴ «Вои» Ярославичей — это, скорее всего, все войско, состоявшее, естественно, из дружины и «собственно воев».

¹²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 166.

в 1068–1069 гг. После поражения, которое потерпели Ярославичи на Альте от половцев¹²⁶, произошло, согласно летописи, следующее: «Изяславу же со Всеволодомъ Кыеву побѣгшю, а Святославу Чернигову, и людье Кыевстии прибѣгоша Кыеву, и створиша вѣче на торговищи, и рѣша, пославшеса ко князю: „Се Половци росулися по земли; даи, княже, оружье и кони, и еще бѣмся с ними“. Изяслав же сего не послуша»¹²⁷. После этого началось восстание, закончившееся освобождением Всеслава Брючиславича из поруба и провозглашением его киевлянами князем.

Выясняется, что в сражении с половцами участвовали «люди киевские». О том, кто это такие, в литературе высказывались разные, подчас противоположные мнения. М. Н. Тихомиров писал, что это были городские «воины-киевляне»¹²⁸. По мнению Т. Василевского, «в 1068 г. Изяслав Ярославич отправился против половцев с войском, в котором не участвовали киевские народные массы. Даже понесенное поражение не заставило Изяслава вооружить свободное население Киева и обеспечить его конями»¹²⁹. В. В. Мавродин полагал, что главными действующими лицами событий 1068 г. в Киеве были «жители окрестных сел, спасавшиеся от половцев. Они-то и принесли весть о том, что половцы рассыпались по всей Киевской земле...»¹³⁰. По мнению П. П. Толочко, под «людьми киевскими» летописец понимал киевских дружинников, оставшихся после боя без коней и оружия¹³¹. В русле своей теории трактует этот рассказ И. Я. Фроянов: «За „людьем“ угадываются... и остатки киевского ополчения, побитого половцами, и обитатели сел Киевской земли, искавшие укрытие за крепостными стенами стольного города»¹³².

Внимательный анализ летописного сообщения показывает, что участники веча не могли быть киевскими дружинниками. В ПВЛ расска-

¹²⁶ О битве на Альте в Киево-Печерском патерике сообщается следующее: «Бывшим же им на-Лтъ, съступишася полци обои; Божиим гнѣвом побѣждени быша християне; и бѣжащим им, побѣждени быша и воеводы со многими вои, егда съступишася». «Вои» здесь, как и в большинстве летописных упоминаний, — все войско (Древнерусские патерики. М., 1999. С. 8.).

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 170–171.

¹²⁸ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 187.

¹²⁹ Wasilewski T. Studia... S. 358.

¹³⁰ Мавродин В. В. Народные восстания в древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 60.

¹³¹ См.: Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 210.

¹³² Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования... С. 175.

зывается, что после веча «киевские люди» «раздѣлишася надвое: половину ихъ иде к погребу, а половина ихъ иде по мосту; си же придоша на княжь двор. Изяславу же сѣдящю на сѣнехъ с дружиною своею, начаша прѣтися со княземъ, стояще долѣ; князю же из оконця зрящю и дружинѣ стоящю оу князя...»¹³³. Из этого отрывка становится ясно, что «люди киевские» и «дружина» — разные группы населения. С другой стороны, «люди киевские» — скорее всего, горожане. Это представляется очевидным, если принять во внимание слова, с которыми обратились киевляне к Святославу и Всеволоду Ярославичам после бегства от них Всеслава Брючиславича (в ПВЛ под 1069 г.): «Заутра же видѣша людѣ князя бѣжавша, възвратишася Кыеву, и створиша вѣче, послашася къ Святославу и къ Всеволоду, глаголюще: „Мы оуже зло створили есмы, князя своего прогнавше, а се веде[ть] на ны Лядскую землю, а пойдѣта в градъ отца своего, аще ли не хочета, то нам неволя, зажгоша град свои, ступим в Гречьску землю“»¹³⁴. Киевляне угрожают здесь, во-первых, сжечь «град свой», а, во-вторых, уйти в «Греческую землю»¹³⁵. Трудно себе представить, что с такой угрозой могли

¹³³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 171.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 173.

¹³⁵ Обычно слова киевлян об их намерении «уйти в Греческую землю» понимается в историографии буквально, как угроза определенной группы киевского населения переселиться в Византийскую империю. М. Н. Тихомиров пишет в связи с этим: «Эта угроза указывает на участие в восстании купцов, торговавших с Византией, так как набег половцев в первую очередь мешали торговле Киева с Византийской империей» (*Тихомиров М. Н. Древнерусские города...* С. 188). Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что «Греческая земля» в этот период может упоминаться не только в реальном, но и в сакральном контексте. В статье ПВЛ под 1071 г. читаем: «В си [же] времена приде волхвъ, прелщень бѣсомъ. Пришель бо Кыеву, глаголаше сице, повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру потещи вспяты, и землямъ преступати на ина мѣста; яко стати Гречьскы земли [на Руской], а Русьскѣи на Гречьской, и прочимъ землямъ измѣнитися» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 174). В сочинении «Сказание о чудесах святых страстотерпцев Романа и Давыда», содержащемся в так называемом Успенском сборнике XII–XIII вв., есть рассказ о том, как по приказу киевского князя Святополка Изяславича были брошены в темницы некие «два мужа», где к ним явились святые Борис и Глеб и, между прочим, «рекоста къ нима: „Се повелѣваевѣ вама: иди ты в церковь и повѣжь сице, яко же еси видѣль, а сего подруга его оставлявѣе оутрь. Еще же и слепа его сътвориховѣ на оувѣрие прочимъ, еда не начнуоть вывѣры яти. Сама же вѣ отхидивѣ до Грчьскыи земля“». И по трѣхъ дньхъ възвративша ся и присѣтивѣ его, сътворивѣ и видяща» (Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 67). Эти сообщения наводят на мысль о том, что во второй половине XI — начале XII в. выражение «уйти в Греческую землю» могло иметь не буквальное, а идиоматическое значение, основанное на сакральном восприятии «Греческой земли». Впрочем, это лишь догадка; в этом вопросе необходимы дальней-

выступить широкие массы сельских жителей, речь в статьях ПВЛ под 1068–1069 гг. идет явно о горожанах¹³⁶. Таким образом, «люди киевские» — это городские «вой», «вой» в узком смысле слова, представители недружинной части войска, действующие не на постоянной основе, как дружина, а участвующие в военных кампаниях при необходимости. Обращает на себя внимание, во-первых, их активная позиция (они стремятся продолжить войну с половцами), во-вторых, их самостоятельность по отношению к князю и дружине (они «посылают» к князю, предъявляя ему свои требования). В то же время эта самостоятельность имеет определенные границы — действовать без князя они не могут. Вообще, имеют право на существование два взаимоисключающих объяснения того, что киевляне после поражения обратились к Изяславу с требованием выдать им оружие и коней. Еще А. Е. Пресняков писал в связи с этим: «Без организующей деятельности князя и княжого воеводы население не может мобилизовать своих сил: когда в 1068 г. люди киевские решили биться с половцами, они обращаются к князю...»¹³⁷ С другой стороны, проблема могла заключаться и не в отсутствии у городских

шне исследования (хотя связь пророчества волхва со словами киевлян, обращенными к Святославу и Всеволоду Ярославичам на вече в 1069 г., отмечал еще Д. С. Лихачев; см.: *Лихачев Д. С. Комментарии...* С. 497).

¹³⁶ Существует, как указывалось выше, и другое мнение. К уже говорившемуся можно добавить, что, например, Б. Д. Греков писал о киевском вече 1068 г. так: «Вече хотело создать новую армию из той части населения, которая не имела ни оружия, ни коней, т. е. из массы городского и сельского простого люда» (*Греков Б. Д. Киевская Русь*. С. 486). Автор при этом никак не аргументирует это предположение. А вот И. Я. Фроянов, утверждая, что в событиях 1068–1069 гг. в Киеве «принимали участие не только горожане, но и сельские жители» (*Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки...* С. 164), приводит «аргумент»: он ссылается на... «верное», с его точки зрения, замечание Н. А. Рожкова, который, в свою очередь, тоже не ссылался на источник, а исходил из общих соображений (см.: *Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения*. М., 1905. Ч. 1. С. 73). Т. Василевский вообще сомневается в достоверности летописного рассказа. Poleмизуя с М. Н. Тихомировым, писавшим вслед за источником о желании киевлян получить оружие и снова вступить в бой с половцами, польский исследователь замечает: «Этот энтузиазм непонятен у людей, которые, убегая, потеряли оружие, а также — что странно и неправдоподобно — коней. Сражаться хотели, несомненно, те, кто не участвовал в битве на Альте, и их вооружения требовало вече» (*Wasilewski T. Studia...* S. 358, *przyp.*).

¹³⁷ *Пресняков А. Е. Княжое право...* С. 164. Интересно, что исследователи польской средневековой военной организации А. Ф. Грабский и А. Надольский пишут, что в древней Польше «в некоторых случаях княжескими запасами оружия и коней могли, вероятно, пользоваться помимо дружинников также воины народного ополчения» (*Grabski A. F., Nadolski A. Wojskowość polska w okresie wczesnofeudalnym do roku 1138 // Zarzys dziejów wojskowości polskiej do roku 1864. T. 1. Do roku 1648. Warszawa, 1965. S. 39*).

«воев» оружия и коней в принципе. Возможно, киевляне потеряли все это на поле боя. Но так или иначе их вооружение зависит от князя, что, разумеется, должно было ограничивать их самостоятельность. Тем не менее у них хватило сил для того, чтобы освободить Всеслава и изгнать из Киева Изяслава Ярославича.

То, что городские «вои» вряд ли могли действовать совершенно самостоятельно, без князя, показывают события следующего, 1069 г. Когда Изяслав Ярославич вместе со своими польскими союзниками двинулся на Киев и Всеслав бежал из города, киевляне признали свою вину и обратились за посредничеством к братьям Изяслава, Святославу и Всеволоду¹³⁸.

Под 1069 г. в Синодальном списке НПЛ читается известие о нападении Всеслава Брячиславича на Новгород, отсутствующее в ПВЛ: «Въ то же лѣто... опять приде Все[слав] къ Новугороду; новгородци же поставиша пълкъъ противу ихъ у Звѣринця на Къземли; и пособи богъ Глѣбу князю съ новгородци. О, велика бяше сѣця Вожняномъ, и паде ихъ бецислное число; а самого князя отпустиши бога дѣля»¹³⁹. Оно свидетельствует об активном участии в боевых действиях новгородцев под командованием князя Глеба Святославича, причем летописец подчеркивает их самостоятельность: «Новгородци же поставиша пълкъъ...» Фигурирующие в этой статье «вожяне» — это, по мнению специалистов, представители финноязычной народности воедь, находившиеся в войске пытавшегося захватить Новгород Всеслава Полоцкого. Как отмечает В. В. Седов, это «первое упоминание воедь новгородскими летописями»¹⁴⁰. Примечательно, что о «вожанах» здесь говорится примерно так же, как и ранее о славянских «племенных воях». Летописец явно рад тому, что их пало «бесчисленное число»; это весьма похоже на фразу, произнесенную князем Мстиславом Владимировичем после Ливенской битвы 1024 г. Для князей (и, видимо, для летописцев) дружинники и «городские вои» — свои, а «племенные вои», как славянского, так и неславянского происхождения, — в известном смысле, «чужие».

¹³⁸ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 173.

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 3. С. 17.

¹⁴⁰ Седов В. В. Этнический состав населения Северо-Западных земель Великого Новгорода (IX–XIV вв.) // Советская археология. М., 1953. Вып. 18. С. 211. См. также: Гадзяцкий С. С. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // Исторические записки. М.; Л., 1940. Т. 6. С. 102.

Некоторые сведения о вооружении древнерусских людей дает летописный рассказ под 1071 г. о выступлении волхвов в районе Белозера. Прежде всего, из повествования выясняется, что у восставших «мужей» (которых в историографии обычно считают смердами, хотя прямо так они в источнике не называются) есть топоры. Неизвестно, были ли эти топоры боевыми или обычными¹⁴¹, но оружием они были, вероятно, вполне эффективным, раз их жертвой стал «попин» Яня Вышатича¹⁴². Надо думать, что небезоружны были и сами волхвы, которые точно были смердами. И уж бесспорно должны были быть вооружены белозерцы (очевидно, горожане). Ведь как иначе они могли выполнить требование Яня «имать волхвов»? Показательно, что сам представитель князя, таким образом, воспринимает действия вооруженных горожан, в данном случае направленные на подавление восстания, как совершенно нормальное явление. Иначе, думается, и быть не могло в условиях раннего Средневековья, когда собственно государственный аппарат был минимален и города, вступавшие подчас в конфликт с княжеской властью, должны были являться в то же время ее опорой перед лицом общего врага. Таким общим врагом, без сомнения, были языческие волхвы — живое воплощение пережитков «племенного» быта.

Под 1073 г. сообщается о том, что после изгнания братьями, Святославом и Всеволодом, из Киева Изяслав отправился за помощью в Польшу, и говорится: «Изяслав же иде в Ляхы с имѣньем многым, глаголя, яко: „Симь нальзю вои“»¹⁴³. Здесь «воями» называются потенциальные польские наемники Изяслава.

Под 1078 г. вновь идет речь о событиях в Киеве в связи с войной Бориса Вячеславича и Олега Святославича с Изяславом и Всеволодом Ярославичами: «...повелѣ (Изяслав. — П. Л.) сбирати вои от мала до велика. И поиде Изяславъ с Ярополькомъ, сыномъ своим, и Всеволодъ с Володимеромъ, сыномъ своимъ. И поидоша к Чернигову, и Черниговци затворишася в градѣ. Олег же и Борисъ [не] бяста. Черниговцемъ же не отворившимся, приступиша ко граду. Володимеръ же приступи ко вратомъ всточнымъ от Стрежени, и отя врата, и отвориша градъ околнии, и пожгоша и, людемъ же вбѣгшим в дѣньшни градѣ.

¹⁴¹ О русских топорах см.: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 2. С. 26–46.

¹⁴² См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 176.

¹⁴³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 183.

Изяслав же и Всеволодь слышаста, яко идетъ Олегъ и Борисъ противу, Изяслав же и Всеволодь оуранивше, пойдоста от града противу Олгови»¹⁴⁴. Понятие «вои» тут не раскрывается: это могут быть горожане, сельские жители, и те и другие вместе и т. д. Предположение Т. Василевского о том, что «в 1078 г. Изяслав, наученный опытом (имеется в виду восстание 1068 г. — П.Л.), поручил собирать „воев“ для похода против Олега и Бориса... „от малого до великого“»¹⁴⁵, т. е. вынужден был теперь привлекать к военным действиям более широкие слои населения, кажется неверным. Наоборот, после событий 1068–1069 гг. и мероприятий, предпринятых Изяславом Ярославичем после этого, киевские «вои» уже не играют никакой самостоятельной роли, в отличие от 1068 г. При этом черниговцы, с другой стороны, «затворившись в граде» и оказав сопротивление Ярославичам, проявили, таким образом, самостоятельность и активность. При том, что точно определить, кого имел в виду летописец под этим наименованием, нельзя, скорее всего, можно предположить, что среди «черниговцев» были и не принадлежавшие к дружинной элите горожане.

Под тем же годом в ПВЛ содержится информация о битве на Нежатиной Ниве и сообщается о гибели Изяслава Ярославича: «Изяславу же стоящо в пѣшцихъ, и внезапно приѣхавъ единъ, оудари и копьемъ за плече. Тако убьенъ бысть Изяславъ, сынъ Ярославль»¹⁴⁶. Из этого же отрывка выясняется, что среди «пешцев» могли сражаться не только дружинники, но и князь. Таким образом, упоминание в тексте «пешцев» само по себе не свидетельствует о присутствии в войске «собственно воев», впрочем, как и упоминание конницы, как указывалось выше, не говорит непременно о дружине¹⁴⁷.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 201.

¹⁴⁵ Wasilewski T. Studia... S. 358.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ А. Н. Кирпичников в связи с этим указывает: «В Древней Руси не сложилось строгой специализации оружия по родам и видам войск. Одним и тем же средством с успехом могли пользоваться люди, разные по своей военной принадлежности и квалификации. Комплектование людьми и вооружением древнерусской рати отражает своеобразие и противоречия той эпохи. Сложение кастовой военной организации время от времени нарушалось привлечением в войска народных масс с присущим им „плебейским“ оружием. В эти периоды военное и социальное положение призванных на войну не всегда обязательно определяло их принадлежность к копейщикам и лучникам, коннице и пехоте»; «„конники“ и „пещцы“ у летописца представляли собой не столько социальные, сколько чисто военные группы» (Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л., 1971. Вып. 3. С. 61, 57). Это замечание кажется совершенно спра-

Под 1093 г. в ПВЛ содержится рассказ о войне русских князей с половцами. Он заслуживает подробного рассмотрения. Согласно летописи, «пойдоша Половци на Русьскую землю; слышавше, яко оумерль есть Всеволодъ, послаша слы к Святополку о мирѣ. Святополкъ же, не здумавъ с болшею дружиною отнею и строя своего, но свѣтъ створи с пришедшими с нимъ, [и] изымавъ слы, всажа и в-ыстобъку. Слышавше же се Половци почаша воевати. И придоша Половци мнози, и оступиша Торцииский град. Святополкъ же пусти слы Половецкыѣ, хотя мира. И не всхотѣша Половци мира, и ступиша Половци воюючи. Святополкъ же почаша сбирати вое, хотя на не. И рѣша ему мужи смыслени: „Не кушайся противу имъ, яко мало имаши вои“. Он же рече: „Имѣю отрокъ своих 700, иже могутъ противу им стати“. Начаша же друзии несмыслени глаголати: „Поиди, княже“. Смыслени же глаголаху: „Аще бы [ихъ] пристроилъ и 8 тысяч, не лихо то есть: наша земля оскудѣла есть от рати и от продажъ. Но послися к брату своему Володимеру, да бы ти помогль... Володимеръ же собралъ вои свои и посла по Ростислава, брата своего, Переяславлю, веля ему помагати Святополку. Володимеру же пришедшо Киеву, совокупистася оу святого Михаила, и взяста межи собою распря и которы, и оуладившеся, цѣловаста крестъ межи собою, Половцемъ воюющим по земли, и рѣша има мужи смыслени: „Почто вы распря имате межи собою? А погании губять землю Русьскую. Послѣди ся оуладита, а нонѣ пойдита противу поганым любо с миромъ, любо с ратью“. Володимеръ хотяше мира, Святополкъ же хотяше рати. И поиде Святополкъ, и Володимеръ, и Ростиславъ къ Треполю, [и] придоша к Стужньѣ. Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ созваша дружину свою на свѣтъ, хотячи поступити чересь рѣку, и начаша думати. [И] глаголаше Володимеръ, яко „Сдѣ стояче чересь рѣку, в грозѣ сеи, створимъ миръ с ними“. И пристояху совѣту сему смыслени мужи, Янь и прочии. Кияне же не всхотѣша [сѣѣта сего], но рекоша: „Хочемъ ся бити; поступимъ на ону сторону рѣки“. [И] възлюбиха сѣѣто съ и преидоша Стугну рѣку, бѣ бо наводнилася велми тогда. Святополкъ же, и Володимеръ и Ростиславъ, исполчивше дружину, поидоша. И идяше на деснѣи сторонѣ Святополкъ, на шоеи Володимеръ, посредѣ же бѣ Ростиславъ»¹⁴⁸. Тут следует рассмотреть последовательно три ситуации. Сначала Святополкъ Изяславич отка-

ведливым, если не считать использования автором нечеткого понятия «народные массы», которые участвуют в военных действиях «время от времени» (?).

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 218–220.

зывается советоваться с «болшей», киевской, дружиной отца (Изяслава Ярославича) и дяди (Всеволода Ярославича), что вызывает осуждение летописца, и «творит совет с пришедшими с ним», т. е., очевидно, с собственной, туровской дружиной. Пока о городских «воях» речи не идет. Затем, когда угроза со стороны половцев приобретает более конкретные очертания, в тексте появляются «мужи смысленые» и «мужи несмысленые». Первые советуют Святополку воздержаться от начала боевых действий, вторые, напротив, призывают его вступить в сражение с кочевниками. «Мужи несмысленные» — это дружина Святополка, еще до этого стремившаяся к обострению отношений с половцами. А на счет «мужей смысленых» из дальнейшего повествования выясняется, что это та же «болшая дружина отня и строя», с которой ранее не хотел советоваться киевский князь, ведь одним из этих мужей является киевский боярин Янь Вышатич. Далее сообщается о совете трех князей, Святополка Изяславича, Владимира Мономаха и Ростислава Всеволодича с их дружинами, и особо отмечается осторожная позиция «смысленых мужей», Яня Вышатича и других, которые, несомненно, являются киевлянами. *И сразу вслед за этим сообщается: «Кияне же не всхотеша [света сего], но рекоша: „Хочем ся бити; поступим на ону сторону реки“»* (курсив мой. — П.Л.). То есть «кияне» здесь противопоставляются другим киевлянам. Единственная возможность объяснить это противоречие заключается в признании того, что в данном случае мы имеем дело с «киянами» — городскими «воями», проявляющими значительную степень самостоятельности по отношению ко княжеско-дружинной элите. Именно их желание в результате и оказывается реализованным (хотя, видимо, немалую роль в этом сыграла и позиция «несмысленных мужей» — дружинников Святополка Изяславича, и самого киевского князя)¹⁴⁹. К «киянам» применяется термин «вои», хотя и в данном рассказе мы обнаруживаем полисемантическую природу этого термина. Так, «воями» здесь именуется и все войско Владимира Мономаха, и отроки (младшая дружина) Святополка, и, чуть

¹⁴⁹ Сходным образом трактовал эту статью, правда без подробного ее анализа, еще В. И. Сергеевич: «В 1093 г., во время похода Святополка, Владимира и Ростислава на половцев, Владимир, воспользовавшись удобною позициею на берегу Стугны, хотел заключить с половцами мир, не вступая в битву. На его стороне было много мудрых мужей, между ними воевода Ян. Но к и е в л я н е (разрядка автора. — П.Л.) не захотели, они были в пользу сражения... Князья послушались и были разбиты» (Сергеевич В. И. Древности... Т. 2. С. 96).

ниже, дружина Ростислава Всеволодича¹⁵⁰. Вероятно, зафиксированная в этой летописной статье самостоятельность киевских городских «воев» стала следствием некоторого оживления социально-политической активности «кыян», начавшегося еще в последние годы княжения Всеволода Ярославича¹⁵¹.

Под 1096 г. в ПВЛ сообщается о войне Олега Святославича с сыновьями Владимира Мономаха Изяславом и Мстиславом. «Олгови обѣщавшюся ити к брату своему Давыдови Смолиньску и прити з братом своим Киеву и обрядъ положити, и не всхотѣ сего Олегъ створити, но пришедъ Смолинску и, поим вои, поиде к Мурому, в Муромѣ тогда сущю Изяславу Володимеричю. Бысть же вѣсть Изяславу, яко Олегъ идеть к Мурому, посла Изяславъ по воѣ Суздалью, и Ростову, и по Бѣлоозерци, и собра вои многы». Затем, после поражения и гибели Изяслава Владимировича «Олег же вниде в городъ (Муром. — П. Л.), и прияша и горожане... Олег же, по прияти града, изъима Ростовци, и Бѣлоозерци, и Суздальцѣ [и покова — РА] и оустремися на Суждаль. И шедъ Суждалью, и Суждальци дашася ему. Олег же омиривъ городъ, овы изъима, а другыя расточи, и имѣнья их отъя. Иде Ростову, и Ростовци вдашася ему. И перея всю землю Муромску и Ростовьску, и посажа посадники по городом, и дани почя брати»¹⁵², — повествуется в летописи. Здесь привлекают внимание два обстоятельства. Во-первых, ясно, что большую роль для князей в их военных предприятиях играли городские «вои». Отсюда, правда, неясно, можно ли в данном случае говорить именно о городском *ополчении*, поскольку поведение смоленцев, суздальцев, белозерцев и ростовцев выглядит здесь скорее пассивным¹⁵³. Олег «поим» воев в Смоленске, «поиде» Изяслав «собра

¹⁵⁰ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 220. О сохранении полисемантической термина «вои» и в конце XI в. свидетельствует и сообщение о половецких «воях» и «дружине» под 1095 г.: «Придоша Половци Итларь и Кытань к Володимеру на мирь. Приде Итларь в градъ Переяславль, а Кытань ста межи валомы с вои; и вда Володимер Кытанови сына своего Святослава въ тали, а Итларь бысть въ градъ с лѣпшею друженою». (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 227). Ясно, что здесь «вои» — общее название половецкого войска, а «лѣпшая дружина» — его лучшей, избранной части.

¹⁵¹ См.: Лукин П. В. Вече... С. 114–115.

¹⁵² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 236, 237.

¹⁵³ Это отмечает, в частности, К. Цернак: «Города повели себя по отношению к приходу к власти Олега по-разному. В то время как Муром признал его в качестве князя, Ростов и Суздаль капитулировали, причем речь не шла о каком-либо признании князя; представляется более вероятным, что он установил свою власть твердой рукой. Еще более важно, что Олег приступил к административному преобразованию всей Росто-

вои многи» в Ростове, Суздале и на Белоозере. Во-вторых, в сообщении о захвате Олегом Суздаля содержится несколько более развернутая, чем обычно, характеристика городских «воев». Олег, по утверждению летописца «омирив город, овы изъима, а другыя расточи, и именья их отъя». Тот факт, что у «суздальцев» были «именья», уже привлекал внимание историков. В. Т. Пашуто отмечал в связи с этим, что речь здесь идет «не о смердах и меньших, лишенных подобного „именья“, а о части мужей градских»¹⁵⁴. У полемизировавшего с В. Т. Пашуто И. Я. Фроянова «вызывает... недоумение попытка В. Т. Пашуто отказать в „именьи“ массе горожан. У автора получается, что подавляющее большинство горожан было неимушим. Но это никак не доказуемо»¹⁵⁵. Так или иначе, кажется, что, судя по летописи, к городским «воям» не относились люди, лишенные собственности, или, пользуясь терминологией того времени, «нищие и убогие»¹⁵⁶. Иными словами, «вои» здесь — это горожане, обладающие «именьем». Степень их самостоятельности по отношению к князю и дружине зависела, видимо, от стечения обстоятельств, политической конъюнктуры. И все же в принципиальном плане она признавалась и самими князьями¹⁵⁷.

Под этим же годом читаем в ПВЛ рассказ о битве на Кулачье: «Олег (Святославич. — П. Л.) же установився на Клязмѣ, мня, яко, [боляса его], Мстиславъ (Владимирович. — П. Л.) побѣгнетъ. К Мстиславу же собращася дружина в тѣ днь и в другыи Новгородци, и Ростовци, и Бѣлозерци. Мстислав же ста пред градом, исполчивъ дружину, и не поступи ни Олегъ на Мстислава, ни Мстиславъ на Олга, и стояста противу собѣ 4 дньи. И приде Мстиславу вѣсть, яко: „Послал ти отецъ брата Вячеслава с Половци“. И приде Вячеславъ в четвергъ Феодоровы не-

во-Муромской области, не обращая никакого внимания на различное поведение горожан...» (*Zemack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen... S. 56*). При этом, правда, надо иметь в виду, что Олег Святославич был не обычным князем, но деятелем, склонным к нарушению традиционных норм, имевшим, по словам летописца, «смысл бун и словеса величава». Достаточно вспомнить то, как он назвал дружинников князей-соперников и киевских горожан смердами.

¹⁵⁴ Пашуто В. Т. Черты... С. 27.

¹⁵⁵ Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки... С. 127–128, примеч.

¹⁵⁶ Кроме того, в критике И. Я. Фроянова есть явная передержка. В. Т. Пашуто вовсе не утверждал, что «подавляющее большинство горожан было неимушим».

¹⁵⁷ См. предложение Святополка Изяславича и Владимира Мономаха к Олегу Святославичу заключить мирный договор, поручителями которого должны были стать в том числе и «мужи градские», которые во время войны, очевидно, и становились городскими «воями» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229–230).

дели в постъ. И в пяток приде Олегъ, исполчивъся, к городу, а Мстиславъ поиде противу ему с Новгородци, и с Ростовци. И вдасть Мстиславъ стягъ Володимеръ Половчину, именем Кунуи, и вдавъ ему пѣшьцѣ, и постави и на правѣмъ крилѣ. И заведъ Кунуи пѣшьцѣ, напя стягъ Володимеръ, и оузрѣ Олегъ стягъ Володимеръ, и оубояся, и оужас нападе на нь и на воѣ его. И поидоша к боеви противу собѣ, [и поиде] Олегъ противу Мстиславу, а Ярославъ (Святославич. — П. Л.) поиде противу Вячеславу. Мстислав же перешедъ пожаръ с Новгородци, [и сседоша с коней Новгородци — РА], и сступишася на Кулачыцѣ, и бысть брань крѣпка, и нача одалати Мстиславъ. И видѣ Олегъ, яко поиде стягъ Володимеръ, нача заходити в тыль его, и оубоявъся, побѣже Олегъ, и одолѣ Мстиславъ»¹⁵⁸. Это известие интересно для нас тремя аспектами. Во-первых, здесь четко отделяются «собственно вои» (новгородцы, ростовцы и белозерцы) от дружины. Во-вторых, если верна версия Р и А¹⁵⁹, обращает на себя внимание информация о наличии у городских «воев», по крайней мере у новгородцев, коней (это еще раз доказывает, что конной могла быть не только дружина, как и пешими — не только городские «вои»). В-третьих, фиксируется меньшая мобильность городских «воев» по сравнению с дружиной — постоянным войском, которое не нужно «совокуплять». «Вои» собираются лишь на следующий день после дружины.

Сохранившееся в составе Лавр. «Поучение» Владимира Мономаха интересно, прежде всего, проявившимися в нем взглядами русского князя. Он упоминает в числе своих многочисленных приключений одно из сражений с половцами и пишет: «И на весну посади мя отецъ в Переяславли передъ братьею, и ходихом за Супои. И ѣдучи к Прилуку городу, и срѣгоша ны внезапно Половечьскыѣ князи, 8 тысячъ, и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхомъ оуслали напередъ на повозѣхъ, и внидохом в городъ; толко Семцо яша одного живого, ти смердъ нѣколикко, а наши онѣхъ боле избиша и изымаша и не смѣша ни коня пояти в руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи»¹⁶⁰. Владимир Мономах как будто доволен удачным исходом столкновения, несмотря на то что в плен попал один «семич» и несколько смердов. Если прав Б. А. Рыбаков, и се-

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 239–240.

¹⁵⁹ Это известие подтверждается сообщением Лавр. под 1216 г. о битве на Липице, где новгородцы, вспоминая о подвиге своих предков, говорили князю: «Къняже! не хочемъ измерети на конихъ, нѣ яко отчи наши билися на Кулачьскѣи пѣши» (ПСРЛ. Т. 3. С. 56).

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248.

михи — это «микротремя», часть северянского «союза племен»¹⁶¹, то тогда это сообщение хорошо коррелирует с летописными известиями 1016 и 1024 гг., где упоминаются соответственно смерды и «племенные вои» — северяне. В обоих случаях и те, и другие занимают явно приниженное положение как по сравнению с дружиной, так и с городскими «воями». Поэтому чувства Владимира Мономаха вполне понятны — они сходны с теми, которые испытывал в 1024 г. Мстислав Тмутараканский, — в плен попали «чужие», а «свои» остались целы¹⁶².

Летописные сообщения конца XI — начала XII в. в общем не прибавляют ничего принципиально нового к полученной картине. Это либо еще одни указания на нерегулярный характер полков, состоящих из «воев»¹⁶³, либо сведения о военно-политической активности «граждан» (наиболее яркий пример — отказ в 1097 г. жителей Владимира-Волынского, сформулированный на вече, биться за людей своего князя Давыда, вынудивший его выдать их своим врагам: «Граждане же, се слышав, созваша вѣче, и рѣша Давыдови людье: „Выдай мужи сия, не бьемся за сихъ, а за тя битися можем. Аще ли, — то отворим врата граду, а сам промышляи [о] собѣ“»¹⁶⁴), либо синонимическое употребление понятий «вои» и «дружина»¹⁶⁵ (вариант: «воев» и «чади»¹⁶⁶).

¹⁶¹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993. С. 280. Другое мнение высказывает Т. Василевский. Он понимает «семца» как «земца» и полагает, что эти «земцы» принадлежали «к мелким феодалам — участникам походов» русских князей (*Wasilewski T. Studia... S. 384*). Это кажется очень сомнительным, ведь если «семич» был «феодалом», непонятно относительное безразличие Владимира Мономаха к его судьбе. Кроме того, такая категория княжеских служилых людей, как «земцы», для домонгольского времени вообще неизвестна. Слово «земьць» имело значение «житель какой-либо земли, туземец» и не было, таким образом, сопряжено с социальной или профессиональной (например, военной) принадлежностью человека. В переводных памятниках «земьць» соответствовал греческому субстантивированному прилагательному *ἐγγύβριος* (местный, туземный) (см.: *Словарь древнерусского языка... М., 1990. Т. 3. С. 379. «Земьць»*). См. также: *Горский А. А. Древнерусская дружина... С. 39–56*.

¹⁶² Характерно, что и в «Поучении» понятия «вои» и «дружина» могут выступать практически как синонимы: «А на ту зиму поеваша Половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с Черниговци и с Половци, на Деснѣ изымахом князи Асадука и Саоука, и дружину ихъ избиша. И на заоутреѣ за Новымъ Городом разгнахомъ силны вои Белкаттина...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 248).

¹⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 262, 269.

¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 268. См. об этом: *Лукин П. В. Вече... С. 124*.

¹⁶⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 270, 278, 281, 282; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 266, 267.

¹⁶⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 271.

Пожалуй, наиболее информативным является рассказ из пространного повествования об ослеплении Василька Теробовльского об осаде теперь уже Давыдом Владимира Волынского, бесспорно, на наш взгляд, свидетельствующий о большой и достаточно самостоятельной роли, которую играли древнерусские горожане в военно-политическом отношении на рубеже XI и XII столетий: «...Давыд займь Сугъску [и] Червень, приде внезапу, и зая Володимерцѣ, а Мстиславъ (Святополчич. — П. Л.) затворися в грѣдѣ (sic!) с засадою, иже бѣша оу него Берестьяне, Пиняне, Выгошевы. И ста Давыдъ, оступивъ град, и часто приступаше. Единою поступиша к граду под вежами, овѣм же бьющим с града, и стрѣляющим межи собою, идяху стрѣлы, акы дождь. Мстиславу же хотящу стрѣлити, внезапу оударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою на заборолѣхъ сквозѣ дску скважною, и сведоша и, и на ту ноцѣ оумре, И тайша и 3 дѣни, и в 4 и дѣнь повѣдаша на вѣчи. И рѣша людье: „Се князь оубьенъ, да аще ся вдамы, Святополк погубит ны вся“. И послаша к Святополку, глаголя: „Се сынъ твои оубьенъ, а мы изнемагаем гладом. Да аще не придеши, хотят ся людье предати, не могуце глада терпѣти“. Святополкъ [же] посла Путятю воеводу своего. Путята же с вои пришедъ Лучьску к Святоши, сыну Давыдову, и ту бяху мужи Давыдови оу Святошѣ, заходилъ бо бѣ ротѣ Святоша к Давыдови: „Аще поидеть на тя Святополкъ, то повѣмъ ти“. И не створи сего Святоша, но избѣма мужи Давыдовы, а сам приде на Давыда. И приде Святоша и Путята августа в 5 день, Давыдовым воемъ облежающим град, в полуденѣ, Давыдови спящю, и нападоша на нь, и почаша сѣчи. И горожане скочиша з града, и почаша сѣчи воѣ Давыдовы, и побѣже Давыдъ и Мстиславъ сыновець его»¹⁶⁷.

В высшей степени характерно, что в этом известии оказываются взаимосвязанными два важнейших, на наш взгляд, аспекта социально-политической деятельности древнерусских горожан: городское ополчение (условно его можно назвать, следуя сложившейся традиции, «городскими воями», хотя сам термин «вои» здесь не употребляется) и вече.

Итак, проведенные наблюдения позволяют сделать следующие выводы.

Очень часто встречающееся в летописании слово «вои» не является строго определенным термином. Оно может прилагаться к совершенно разным объектам: дружине, всему войску, части войска, наемникам и т. д.

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 271–272.

Часто слово «вои» использовалось в источниках с целью подчеркнуть непостоянный, нерегулярный характер войска, обычно в противовес дружине. Есть у этого слова и значение, которое выше было условно обозначено как «собственно вои» или «вои» в узком смысле и использовавшееся в летописи для наименования городского «полка». Вопреки чрезвычайно распространенному в историографии мнению в ранних источниках нет ни одного случая использования понятия «вои» применительно к гипотетическому народному ополчению.

Сколько-нибудь подробных сведений о характере военной организации «племен» в наших источниках не содержится, однако и имеющиеся отрывочные данные позволяют утверждать, что между «племенными» и городскими «воями», по крайней мере в представлении летописцев, никакой преемственности не существовало. Уже на ранних этапах существования Древнерусского государства, когда еще сохранялись кое-где остатки восточнославянских догосударственных общностей, принципы взаимодействия княжеско-дружинной элиты с «племенными» и городскими «воями» были совершенно различными. Первых мобилизовывали на военную службу («совокупляли») едва ли не насильственно, со вторыми часто вступали в своеобразные договорные отношения. Первых рассматривали как «чужих», вторых как «своих».

Важную роль в военной организации Древней Руси играли городские полки (городские «вои»). Никаких данных о народном ополчении всей волости в источниках нет. Сельские жители хотя и участвовали в боевых действиях, но как непривилегированная, вспомогательная сила. Городские «вои» в течение XI — начала XII в. приобретают определенную самостоятельность по отношению к князю и дружине. По меткому выражению С. Франклина и Дж. Шепарда, «при необходимости набрать войско покрупнее (чем дружина. — П.Л.) князь в первую очередь прибегал к местным ресурсам — к жителям своего „города“ или „городов“». Горожане предстают в источниках как отдельная группа, на верность которой, или готовность сражаться, очередной претендент на князья не мог безоговорочно рассчитывать¹⁶⁸. В случае опасности они, на конях, в ладьях или в пешем строю, в составе городского полка выступали против врага.

В то же время городские «вои» не могли действовать полностью самостоятельно. Вопреки существующему в литературе мнению, никаких данных о «земских воеводах» в источниках нет. Руководство город-

¹⁶⁸ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. С. 285.

ской полк получал от князя, и представлял его княжеский боярин или дружинник. В социальном плане в состав городских «воев» входили, как можно предположить на основании некоторых данных, «люди градские», имеющие определенный достаток, «именье», — по всей видимости, те же самые, которые составляли основу городского веча. Говорить о древнерусском ополчении как о войске, созывавшемся на добровольной основе и пользовавшемся некоторой самостоятельностью, можно, таким образом, только применительно к горожанам. Это ополчение, — сознавая всю условность данного термина, можно называть «воями» (отличая его от дружины). Изучение истории веча и городских «воев» должно быть, очевидно, объединено в рамках общей темы — исследования участия в социально-политической жизни древнерусских горожан.

Т. Л. Вилкул

Летописные «бояре» и «чернь» на вече (XII–XIII вв.)

Состав участников веча в летописях, как правило, обозначается неопределенно и может привести современного исследователя, скептически относящегося к идее всенародных вечевых собраний, в отчаяние. Сплошь и рядом читаем, что то или иное «сдумаша», «реша» «людье», «кияне», «новгородци» и т. п. Однако имеются и отклонения от этого правила — в некоторых случаях говорится о вечевых собраниях «простой чади», «черных людей» или, наоборот, «бояр». Встречаются они в статьях конца XII–XIII вв. и по сравнению с основным массивом летописных данных довольно редко, их буквально можно перечесть по пальцам.

Известия о разделении знатных и незнатных на вече дошли в основном из Новгорода, а точнее — из Новгородской первой летописи (далее НПЛ) за XIII в. Три годовые статьи этого свода (1228, 1255, 1259 гг.) содержат сообщения о собраниях «простой чади», в двух из них речь идет одновременно о «менших» и «вятших», «боярах» и «черни». Кроме НПЛ, подобные вечевые собрания известны в Галиче по Галицко-Волынской летописи (XIII в.); «чернь» и «бояре» фигурируют также в «Повести о взятии Царьграда фрягами» (НПЛ, статья 1204 г.), а «бояре» и «владимирцы» — в Лаврентьевском своде (сообщения 1176–1177 гг.).

Эти, на первый взгляд, очевидные свидетельства социальной практики активно эксплуатировались в том круге тем и направлений, которые принято называть социальной историей. Разнообразные интерпретации отдельных свидетельств и летописных сюжетов появлялись в исторических (ре)конструкциях со второй половины XIX в. При анализе указанных известий мысль исследователей направлялась по трем

следующим схемам. Во-первых, их рассматривали как одно из проявлений социальной борьбы¹; в советское время они служили для обоснования теории классово-борьбы. Вторым направлением было определение институциональных различий — например, из упоминания «бояр» в Ростове и «людей» во Владимире-на-Клязьме² (1176–1177 гг.) делали вывод о раздельном функционировании боярской думы и веча во Владимиро-Суздальской земле³. Наконец, предпринимались попытки определить семантику некоторых обозначений. Как кажется, начало им положили различные интерпретации ответа Олега Святославича своим двоюродным братьям Святополку и Владимиру Мономаху в 1096 г. На предложение прийти и «положити порядъ о Русьѣи земли» черниговский князь, как известно, отреагировал так: «Нѣсть мене льпо судити епископу ли игуменом ли смердом». Поскольку, согласно летописи, в совещании принимали участие «мужи отецъ» (бояре, «князьи мужи») и «люди градские»⁴, буквальное прочтение данного фрагмента представляло определенные трудности. Уже А. Е. Пресняков писал, что не стоит принимать всерьез слова сурового князя⁵. Позднее В. Л. Янин и Ю. А. Лимонов указывали на пейоративную функцию некоторых обозначений («смерды», «холопы-каменници», «худые мужики-вечники» и пр.)⁶. А. П. Толочко показал, что во многих случаях семантически нагружены и сюжеты, в которых фигурируют бояре. Чаще всего происками бояр, их «свьѣтами» (в основном «лихими») объясняли неблагоприятные поступки князя или его неудачи⁷.

¹ Историографический обзор проблематики веча в таком ее ракурсе см.: Толочко П. П. Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII веков. Киев, 1980. С. 91–111. См. также: Zernak K. Die burgstädtischen Versammlungen bei den Ost- und Westslaven. Wiesbaden, 1967. S. 1–175; Фроянов И. Я. Древняя Русь: Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995.

² Точнее, «владимирцев» и «перемыславцев».

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев; СПб., 1900. С. 33, 54.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 229–230.

⁵ Пресняков А. Е. Княжеское право в древней Руси. СПб., 1909. С. 209. Впрочем, например, В. И. Сергеевич и М. Ф. Владимирский-Буданов предполагали, что в 1096 г. в совещании и в самом деле принимали участие смерды.

⁶ Кошкин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода — 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 117; Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987. С. 136–137.

⁷ Опираюсь на доклад А. П. Толочко, прочитанный в январе 1998 г. в Киеве на междисциплинарном семинаре Товариства дослідників Центральної і Східної Європи (Общества исследователей Центральной и Восточной Европы).

Думается, именно последнее направление предоставляет исследователю ряд возможностей. Некоторые особенности изложения указанных сюжетов демонстрируют, что их буквальное прочтение недопустимо. Достаточно того, что «социальные» обозначения могли использоваться в качестве условных. Так, в 1255 г. «боярами» в Лаврентьевском своде названо войско князя Александра Невского, в другом источнике обозначенное как «полкы многы и новоторжыци»⁸. Под тем же 1255 г. новгородский летописец сообщает такие подробности, которые ставят под сомнение саму возможность соотнесения выделенных им групп с социальными стратами. Сказано, что новгородцы поставили на окраине города «полкъ», в другом месте стали «пѣшци», и войска стояли 3 дня «за свою правду»⁹. Тем не менее в течение этих дней несколько раз собиралось вече, и говорится о том, что у церкви св. Николы (в центре города, на Ярославовом дворище) собирались все «меньшие», «вятские» же убежали к князю¹⁰. Подобно этому, в 1177 г. «ворогами... суждальцами и ростовцами» названы пленники Всеволода Юрьевича, а среди них были князья¹¹.

Полагаю, для истолкования упоминаний черных людей и бояр необходимо определить семантику этих терминов, однако, поскольку прочтение текстов в терминах социальной истории имеет длительную и устойчивую традицию, следует двигаться «от противного». Попытаюсь прежде всего показать, что появление в летописи социальных «низов» или «верхов» не может быть объяснено как прямое выражение существующей социальной практики и требует привлечения средств анализа текста (определения семантики, риторических приемов, интенций повествования и т. п.).

Остановимся подробнее на наиболее детализированных сообщениях о черни и боярах в НПЛ и Лаврентьевском своде¹².

⁸ Ср.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474 (Лаврентьевская летопись); НПЛ. М.; Л., 1950. С. 80.

⁹ «И поставиша новгородци полкъ за Рождествомъ Христовомъ в концю; а что пѣшца, а ти стаха от святого Ильи противу Городища» (НПЛ. С. 80–81).

¹⁰ Крайне важно, что деление «полкъ» — «пешци» не коррелирует с «вячшими» — «меньшими».

¹¹ Ростиславичи и рязанский князь Глеб с сыном (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474). На эту деталь обращал внимание С. М. Соловьев и др.

¹² Кажется целесообразным ограничиться детальным рассмотрением указанных новгородских сюжетов, добавив еще классический текст статей 1176–1177 гг. в Лаврентьевской летописи. Дело в том, что в Галицко-Волынской летописи слово «бояре» имеет набор значений, отличный от того, что зафиксирован в других летописных сводах.

В 1228 г. в НПЛ описывается изгнание тогдашнего новгородского архиепископа Арсения, креатуры Ярослава Всеволодича, переросшее в конфликт с самим суздальским князем. «...оканьный дьяволь... въздвиже на Арсения, мужа кротка и смерена, крамолу велику, простую чядь. И створше вѣче на Ярославли дворе, и поидоша на владычьнъ дворъ, рекуче: „Того дѣля стоять тепло дѣлго — выпровадилъ Антония владыку на Хутино, а самъ сѣлъ, давъ мѣзду князю“ ...А заутра вѣвѣдоша опять Антония архиепископа, и посадиша с нимъ 2 мужа: Якуна Моисѣвица, Микифора щитник»¹³ (здесь и далее выделено мной. — Т. В.). Далее рассказывается, как «вѣзмятеся весь городъ», разграбили двory сторонников суздальского князя, и в результате из города бежали княжичи Федор и Александр Ярославичи, а новгородцы послали в Чернигов за князем Михаилом.

В традиционной интерпретации этого сообщения «простая чадь» отождествлялась с простым народом, и делался вывод о восстании (или хотя бы выступлении)¹⁴ беднейшей части новгородцев. Поскольку очевидного противопоставления «простых» и «вятших» в НПЛ в данном случае нет (в тексте вообще отсутствуют упоминания бояр, «вятших» и т. п.), для подобного толкования подыскивали побочные доказательства. Подтверждение факту «народных волнений» видели в том, что вместе с Антонием посадили одного «мужа» простого происхождения, щитника¹⁵. Обращали внимание также и на то, что главной

В частности, оно обозначает также «войско» и «дружину», в то время как само слово «дружина» не используется вплоть до текста заимствованных повестей о татаро-монгольском нашествии. В «Повести о взятии Царьграда» древнерусские схемы ретранслированы на греческую почву, что значительно затрудняет исследование. Кроме того, в повести использованы иностранные источники: *Мещерский Н. А.* Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. // ТОДРЛ. Л., 1954. Т. 10. С. 120–135.

¹³ НПЛ. С. 67.

¹⁴ См. например, о классовой и социальной борьбе: *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 137–138; *Черетини Л. В.* Пути и формы политического развития русских земель XII–XIII вв. // Польша и Русь: Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 46.

¹⁵ Микифора Щитника считали ремесленником: *Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские восстания в Древней Руси. М., 1955. С. 257–258; *Алексеев Ю. Г.* «Черные люди» Новгорода и Пскова // Исторические записки. М., 1980. Т. 103. С. 248; *Янин В. Л.* Новгородские посадники... С. 137; *Подвижна Н. Л.* Очерки социально-экономической и политической истории Новгорода Великого в XII–XIII вв. М., 1976. С. 145; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 546; *Фроянов И. Я.* Древняя Русь: Опыт исследования... С. 457–458.

причиной недовольства была плохая погода и грядущий неурожай, что выражало якобы интересы простого народа¹⁶.

При внимательном рассмотрении оба аргумента оказываются несостоятельными. Во-первых, совершенно надуманной является квалификация Микифора как ремесленника. Прозвище «Щитник», скорее всего, указывает на должность (мечник, щитник, *ensifer*, *scutiger*)¹⁷. Судя по некоторым данным, щитники занимали довольно высокое положение в обществе¹⁸. Форма имени второго новгородца — «Якун Моисеевич» — также свидетельствует о его знатности. Следовательно, и Якун, и Микифор принадлежали к верхушке Новгорода, и нет никаких оснований говорить о попытках народа контролировать ситуацию с помощью своих представителей. Кроме того, весьма проблематичны и попытки считать заявление о непогоде и неурожае выражением интересов исключительно простого народа. Дело в том, что в НПЛ речь идет о предполагаемой взаимосвязи между непогодой и грехами Арсения¹⁹, т. е. замечание о плохой погоде имеет «несоциальную» семантику. Стихийные и прочие бедствия в те времена считались одним из проявлений гнева Господня. В большинстве подобных летописных сентенций указано, что Бог покарал «нас за грехи наши»²⁰. Зафиксированы, однако, высказывания, отразившие убеждение в том, что земля страдает за грехи конкретного князя или духовного пастыря. Так, в 1069 г. в «Повести временных лет» сказано: «Изяславъ цѣловавъ крестъ и я и (схватил его, Всеслава²¹. — Т. В.), тем же (из-за того. — Т. В.) наведе Богъ пога-

¹⁶ Алексеев Ю. Ф. «Черные люди»... С. 247; Фролов И. Я. Древняя Русь: Опыт исследования... С. 454–456.

¹⁷ На это мне указала Н. Н. Яковенко. Мечники упоминаются несколько раз в летописях, щитники — два раза (оба — в НПЛ).

¹⁸ Об этом свидетельствует запись НПЛ за 1234 г. Здесь в перечне убитых в битве с литвой «Гаврила Щитник» упоминается сразу после тысяцкого перед «княжим децким» (НПЛ. С. 73). При этом известно, что в походе участвовали только «добрые мужи, коньници», а простых «лоденици» князь отпустил обратно в Новгород, так как у них не хватало хлеба.

¹⁹ Ср. об этом: Гунтуис А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 33.

²⁰ См.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 223 (1095 г.), 361 (1169 г.), 386 (1178 г., «дождь удержаж»), 392–393 (1185 г.), 405 (1187 г.), 410 (1193 г.), 449 (1227 г.), 462 (1237 г.). В летописи не делается различий между войной, бурей и неурожаем; насколько можно судить, для летописцев это явления одного порядка.

²¹ Переступив тем самым крестное целование.

ных»²². В 1168 (1169) г. разгром Киева «здѣяся за грѣхы ихъ (киевлян. — Т. В.), паче же за митрополичю неправду»²³; похожую сентенцию о взаимосвязи несправедного поведения князя и бед в земле находим и в Киево-Печерском Патерике²⁴. Следует отметить, что приведенные тексты избилуют церковно-книжной топиной, проявившейся и в записи НПЛ за 1228 г. Это значит, что в уста «простой чади» вкладывались речи, отражающие не только (и, может быть, даже не столько) понятия «народа», сколько книжника-летописца, составителя владычного свода²⁵. Заметим также, что говорить о специфических «интересах» простой чади здесь вообще нет никаких оснований. Как простая чадь, так и «весь городъ» в НПЛ выступают против сторонников Ярослава Всеволодича (Арсения, софьян, тысяцкого). В конечном итоге новгородцы выбирают нового тысяцкого и посылают за черниговским князем. В таком прочтении конфликт приобретает явно политическую, а не социальную окраску. В целом же, как видим, попытки подкрепить свидетельства о «простой чади» конкретными деталями изложения приводят к противоположному результату, и расшифровка сообщения оказывается гораздо более сложной, чем это могло показаться на первый взгляд.

Столь же непросто оказывается следующее известие НПЛ 1255 г. Вся статья этого года посвящена конфликту новгородцев с Александром Ярославичем Невским. В начале, казалось бы, задано строгое дихотомическое деление новгородцев на «меньших» и «вятших»²⁶. Из изложения следует, что после изгнания сына князь Александр «поиде

²² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 172.

²³ Там же. Стб. 354; см. также стб. 187 (под 1074 г.: Киево-Печерский монастырь «прибывает» — Феодосий угодил Богу, оскудевает — не угодил); стб. 381 (под 1177 г.: праведной земле Бог поставляет праведного князя, и наоборот, если князя правдивы, много грехов отдается земле). В последнем случае имеем дело с заимствованием фрагмента паремийных чтений, посвященных св. Борису и Глебу (см.: *Абрамович Д. И. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им*. Пг, 1916. С. 119).

²⁴ «Много насалиа людемъ сътвори Святополкъ... безъ вины... сега ради попусти Господь поганым силу имѣти надъ нимъ, и быша брани многы... к сим же и усобица бысть... гладъ крѣпокъ и скудость велиа» (см.: *Абрамович Д. И. Киево-Печерский Патерик*. Киев, 1991. С. 149).

²⁵ О том, что НПЛ с начала 1130 г. велась при дворе новгородского епископа, см.: *Гитиус А. А. К истории сложения текста...* С. 41–42.

²⁶ Хотя, как уже отмечалось, объем этих понятий неясен: «пешцы» и «полкъ» новгородцев стояли на окраинах города, в то время как «меньшие» и «вячшие» заседали на вече в центре Новгорода.

ратью к Новгороду», «меньшие» же собрали вече у церкви св. Николы и решили не выдавать свою братью и стоять до конца «за правду новгородскую»²⁷. В это же время или несколько позже «вячшие» совещались, как бы ввести князя в город на своих условиях²⁸, и под предводительством Михалка Степановича бежали к Юрьеву монастырю²⁹. Далее, однако, повествование запутывается: уже «черные люди» (те же «меньшие»?) «мысль злу свѣщаша» и хотели договориться с Михалком и схватить действующего посадника Онанью. Напоследок же приводится деталь, по сути перечеркивающая всю схему летописца. А именно, на очередном вече беглецы-«вячшие» названы «крестопереступниками»³⁰, что означает, что они также целовали икону Богородицы. Крестоцелование было личной присягой, и следовательно, в начале сюжета речь шла обо всех новгородцах, а не только об одних «меньших». Этот сюжетный ход убеждает, что буквальное истолкование данного отрывка невозможно и необходимо искать иной код для его прочтения.

Многие неувязки и противоречия данного текста были выявлены В.Л. Яниным. Ученый показал, что речь должна идти не только о борьбе меньших и вячших, но и о противоборстве представителей Торговой и Софийской сторон, партий посадника Онаньи и Михалка Степановича³¹. Заметил он и то обстоятельство, что позиции и действия «меньших» и «черных людей» не вполне совпадают³². И все-таки известия 1255 г. продолжают рассматривать как свидетельство открытого раскола и социальной борьбы в Новгороде³³. Насколько мне известно, никогда не делалось попыток выяснить, почему «меньшими» названы

²⁷ «И рекоша меншии у святого Николы на вече: братье, ци како речеть князь: выдайте мои ворогы, и цѣловаша святую Богородицу меншии, како стати всѣмъ... за правду новгородскую...» (НПЛ. С. 80–81).

²⁸ «И бысть въ вятшихъ свѣтъ золь, како побѣти меншии, а князя въвести на своен воли» (Там же. С. 81).

²⁹ «И побѣжа Михалко из города къ святому Георгию, како было ему своимъ полкомъ уразити нашу сторону и измясти люди» (Там же).

³⁰ «Аже, братье, князь нашъ тако сдумалъ с нашими крестопереступники, оно имъ Богъ и святая Софья, а князь безъ грѣха» (Там же).

³¹ Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 144–145.

³² Ему возражал Ю. Г. Алексеев (см.: Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 250).

³³ Там же. С. 249; Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские... С. 268; Хорошкевич А. Л. Городские движения на Руси второй половины XIII – конца XVI в. // Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С. 43.

все новгородцы (ср. выше о «крестопереступниках») и притом в то время, когда они поддерживали сторонников Онаньи и выступали против князя Александра.

В другой статье НПЛ, 1259 г., также повествуется о серьезном конфликте в Новгороде. Татары потребовали десятины, и люди «издвоишася..., вятские велят ся яти меншимъ по числу»³⁴. Несколько дней продолжался «супоръ», чуть было не дошло до военного столкновения, однако в конце концов дело уладилось. Злые замыслы были разрушены «силой Христовой», все начали собираться у св. Софии, на вече с Городища прибыл князь и татары. Новгородцы сдались и обязались провести перепись и платить дань («яшася по число»). Летописец несколько раз упоминает «вятских» и «менших», «чернь» и «бояр». Тем не менее тщетно было бы искать в тексте определенные указания на то, как в социальном плане отличались эти две группы. Обе стороны хронист называет также «добрыми» и «злыми», причем пытается изобразить очевидное поражение новгородцев как победу, инспирированную Святым Духом, что отнюдь не способствует прояснению смысла текста. Привлекает внимание план нападения на Новгород, приписываемый «злым вятским»: «И умыслиша свѣтъ золь, како ударити на городъ на ону сторону, а друзии озеромъ на сю сторону, и възъбрани имъ видимо сила Христова, и не смѣша»³⁵. Так ударить — на обе стороны Новгорода (и Торговую, и Софийскую) — могли только извне, с Городища, где как раз остановился князь Александр Невский с татарами. Нетрудно также заметить, что позиции «злых вятских» и самого князя совпадают: посольства о татарской десятине приходили в Новгород «из Руси», «из Низу»; татары приезжали с Александром и в 1257, и в 1259 г.³⁶, и князь неизменно охранял и всячески поддерживал их. Летописец старается этого не афишировать, не сообщая, например, прямо о том, что татары приехали вместе с Александром в 1259 г., однако далее все же отмечает: «...Съѣха князь с Городища, и оканьнии татарове с нимъ»³⁷.

Надо сказать, что, как и в предыдущем случае, указание на социальное разделение в Новгороде в исторической литературе принимается на веру и как бы не требует доказательств. Более того, противо-

³⁴ «Число» — перепись (НПЛ. С. 82).

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

речивый и несколько путаный³⁸ рассказ летописи породил ряд неточностей в переложениях исследователей. Так, противопоставление «добрых» и «злых», соответствующее дихотомии меньших и вявших, расценивается не как оценочное утверждение, а как проявление социальных градаций. В. Л. Янин говорит о существовании «совета зельх» (т. е. больших, значительных людей, предлагая конъектуру «зѣль» к летописному «совѣтъ золь») ³⁹, а А. Л. Хорошкевич пишет о «добрых людях» — представителях одной из партий бояр⁴⁰. Оба положения являются бездоказательными. «Совѣтъ зѣль» нигде более не встречается, в то время как «совѣтъ золь» — весьма типично как для летописи, так и для литературы церковно-книжного круга (откуда оно, вероятно, и было позаимствовано)⁴¹. Выражение «добрые люди» иногда действительно употребляется для обозначения определенной социальной группы, имеющей довольно высокий социальный статус. Однако в данной статье НПЛ «добрые» являются, по сути, одним из обозначений «черни»⁴², а кроме того, связаны с другими оценочными эпитетами⁴³ и деталями и являются одним из элементов «морализаторского» контекста статьи.

Но более всего затруднений вызвало сообщение о «лихих» намерениях атаковать Новгород с двух сторон. Насколько мне известно,

³⁸ Кроме указанных уже неточностей следует отметить те, что вызваны грамматическими вариациями и несогласованиями. Например, о татарах говорится одновременно и в единственном, и во множественном числе: «приѣхаша оканьнии татарове... И нача оканьнии боятиса смерти, рече Олександру: дай намъ сторожи... И хотѣ оканьнии побѣжати, гонимъ святымъ духомъ». По всей видимости, противоречивость связана с тем, что речь идет и о татарах, и о главе татарского посольства (хотя можно допускать иное объяснение: заимствование стандартных конструкций из какого-нибудь текста об изгнании «оканьного» дьявола). Отсутствие пояснений и грамматических связей очень характерно для НПЛ.

³⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 148.

⁴⁰ Хорошкевич А. Л. Монголы и Новгород в 50-е гг. XIII в. (по данным берестяных грамот № 215 и 218) // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 71.

⁴¹ Как отметил Я. С. Лурье, в Софийской I и некоторых других летописях в этом месте поздние редакторы «совет золь» заменили на антонимичное «совет благъ» (Лурье Я. С. К изучению летописной традиции об Александре Невском // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 394–395).

⁴² Ср.: «и чернь не хотѣша дати числа, но рѣша: умремъ честно за святую Софью и за дома ангельския. Тогда издвоишася люди: кто добрыхъ, тотъ по святои Софьи и по правои вѣрѣ, и створиша супорь: вятшии велят ся яти меншимъ по числу» (НПЛ. С. 82).

⁴³ «Кто добрыхъ», «свѣтъ золь», «злыхъ свѣтомъ» (Там же).

никогда не предпринималось попыток объяснить этот удивительный факт. Не придавалось значения тому, что «злые свѣтники», идентифицируемые с боярами⁴⁴, собираются напасть на город извне, а их позиция совпадает с княжеской⁴⁵. Наоборот, противоречие, ставящее под вопрос саму возможность внутреннего разделения новгородцев, устранялось несколькими способами. В. Л. Янин приписал враждебные намерения князю⁴⁶, М. Н. Тихомиров, а за ним и А. Л. Хорошкевич вообще отказались от определения источника агрессии⁴⁷. При этом во всех указанных случаях завершение истории, когда новгородцы собрались у св. Софии, а князь съехал с Городища, истолковывалось как продолжение конфликта. В контексте же летописи это тот момент, когда рознь закончилась и, как говорится в других подобных случаях, «снидошась братия единокупно»⁴⁸. Таким образом, неувязки летописного текста были пополнены неувязками историографического происхождения, а попытки уточнить содержание понятий «чернь», «меньшие», «вятские» потерпели, к сожалению, неудачу⁴⁹.

Не поддаются однозначной интерпретации и статьи Лаврентьевской летописи 1176–1177 гг. Противоборство Михалка и Всеволода Юрьевичей с их племянниками Ростиславичами после смерти Андрея

⁴⁴ Система характеристик и противопоставлений позволяет летописцу достаточно четко указать, что бояре и являются «злыми» советниками, хотя он и не говорит об этом прямо. «И умыслиша свѣтъ золь, како ударити на городъ... и злыхъ свѣтомъ яшася по число; творяху бо бояре собѣ легко, а меншимъ зло» (Там же).

⁴⁵ Советские историки были, очевидно, принуждены толковать поступки героя русской старины Александра Невского определенным образом и пытались завуалировать сотрудничество князя с татарами. М. Н. Тихомиров, например, писал о «громдном авторитете Александра», вынудившем новгородцев согласиться на перепись (Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские... С. 274).

⁴⁶ «Князь и баскаки съезжают с Городища, угрожая Новгороду войной» (Янин В. Л. Новгородские посадники... С. 148).

⁴⁷ «Говорили (sic!) о нападении на Новгород с двух сторон. Новгородцы (!) стали переезжать со всем своим имуществом в укрепленный кремль» (Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские... С. 273). См. также: Хорошкевич А. Л. Монголы и Новгород... С. 71; Она же. Городские движения... С. 43.

⁴⁸ Как уже отмечалось, изложение НПЛ противоречиво, т. к. составитель этой статьи пытается представить поражение новгородцев как победу (в данном случае пишет о том, что у Софии собрались, чтобы «сложить головы за св. Софию», и тут же сообщает о подчинении требованиям князя и татар), и все же это момент разрешения конфликта.

⁴⁹ В одной из последних работ, посвященных этому сюжету, автор ограничился пересказом летописной статьи. См.: Андреев В. Ф. Александр Невский и Новгород // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996. С. 250.

Боголюбского — пожалуй, самый известный случай разделения «бояр» и «людей» на вече или, вернее, серии выступлений, в которых основными «действующими лицами» были различные социальные группы. Тексты Лаврентьевского свода⁵⁰, в котором союзниками Михалка и Всеволода выступают «владимирцы» и «перяяславцы», а Ростиславичей поддерживают ростовские бояре или «ростовцы и боляре», уже в XIX в. дали основание для широких обобщений. М. Ф. Владимирский-Буданов, например, считал, что боярская дума обосновалась в Ростове, в то время как вече функционировало во Владимире-на-Клязьме⁵¹. В. О. Ключевский позднее писал о классовой борьбе в Суздальской земле⁵² (вкладывая в понятие «класс» содержание, несколько отличное от того, какое было принято позднейшими исследователями). Советские историки в основном поддержали положение о социальном членении и социальных конфликтах в Северо-Восточной Руси⁵³. Параллельно предлагалось иное объяснение, которое и утвердилось в последнее время. Ситуация 1176–1177 гг. оценивалась в рамках противостояния Владимира и Ростова, т. е. владимирской и ростовской городских общин в целом, со смешанным составом в каждой⁵⁴. К сожалению, при таком истолковании теряется смысл летописных сообщений, а неоднократное упоминание бояр превращается в загадочный феномен. Ю. А. Лимонов предложил считать некоторые социальные наименования средствами полемической риторики⁵⁵, но противопоставление «бояре» — «владимирцы», подкрепленное на разных уровнях («старейшие» — «люди мезинные», «старшая дружина» — «младшая») осталось у него без объяснения.

Как представляется, и однобокая интерпретация данного текста в духе социальной (классовой) борьбы, и игнорирование многочисленных

⁵⁰ И Ипатьевского, в общем с Лаврентьевской летописью тексте.

⁵¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор... С. 33, 54.

⁵² Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 327–330. См. также: Костомаров Н. И. Начало единодержавия в России // Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. СПб., 1872. Т. 12. С. 63–64; Пресняков А. Е. Княжое право... С. 252.

⁵³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1955. С. 415; Черетин Л. В. Общественно-политические отношения и Древней Руси и «Русская Правда» // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 271–272.

⁵⁴ Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 102–103; Кривошеев Ю. В. Социальная борьба и проблемы генезиса феодальных отношений // Вопросы истории. 1988. № 6. С. 58; Фроянов И. Я. Древняя Русь: Опыт исследования... С. 664, 668.

⁵⁵ Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. С. 136–137.

инвектив против бояр в данном случае одинаково бесперспективны. С одной стороны, данный сюжет действительно существенно отличается от новгородских. Речь идет преимущественно о боярах и людях двух разных городов, Владимира и Ростова⁵⁶, к тому же выделение «ростовских бояр» в летописи проведено непоследовательно⁵⁷. С другой стороны, поведение и оценки ростовских бояр, а также «владимирцев» («перяславцев») — противоположны, что весьма напоминает некоторые из рассмотренных выше статей НПЛ. Согласно изложению летописи, в борьбе Михалка и Всеволода Юрьевичей с Ростиславичами «бояре» являются неизменными союзниками Ростиславичей и одновременно провоцируют их на всяческие злодеяния, а владимирцы и перяславцы столь же неизменно поддерживают Михалка и Всеволода Юрьевичей и демонстрируют максимум лояльности и добродетелей. При том речь идет именно о стратегии изложения, а не (да простит мне читатель этот трюизм) реальном положении вещей. Привязка определенных социальных групп к определенным князьям (сама по себе весьма сомнительная) часто дает сбой. Из некоторых обмолвок можно сделать вывод, что среди летописных «владимирцев» также были бояре⁵⁸, хотя автор упорно связывает бояр исключительно с ростовцами и Ростиславичами. Более того, литературной фикцией оказывается и единение «ростовцев» и «боляр», на котором настаивает летописец. В начале повествования читаем, что Ростиславичи «роздаяла бяста по городомъ посадничьство русьскимъ децкимъ»⁵⁹. Это означает, что в среде ростовских бояр появился весьма солидный элемент пришлых, «чужаков», что ставит под вопрос утверждение о единой политике внутри боярского сословия и гармонии интересов ростовцев и бояр.

⁵⁶ За исключением одного-единственного пассажа, когда «ростовцы» попытались отгородиться от ростовских «боляр»: «Мы, княже, на полку томъ... не были, но были с ним боляре» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 378).

⁵⁷ В нескольких случаях составитель статей 1176–1177 гг. говорит о «ростовцах и суждальцах» в целом, наделяя их теми же качествами, какими он характеризует бояр (см.: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 378, 382, 385). Следует также отметить, что «владимирцы» и «перяславцы» не названы «черню», «простой чадью» и т. п.

⁵⁸ Описывая нападение на Владимирскую землю в 1177 г., летописец записал, что Глеб «села пожже боярская» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 383). Далее указывается, что на владимирское вече пришли «бояре и вси велможи и до купецъ» (по Радзивиловскому и Академическому спискам, в Лаврентьевском — пропуск: «бояре») (Там же. Стб. 385).

⁵⁹ В Лаврентьевском списке — «дѣдъцкимъ», в Радзивиловском и Академическом — «децкимъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 374).

Таким образом, и в этом тексте социальные обозначения, как кажется, были условными и использовались в качестве знакового выражения. Но какого?

Попробуем выяснить интенции летописцев, проявившиеся в новгородских и суздальских сюжетах. Это задание не всегда выполнимо на материале летописей, однако указанные тексты предоставляют исключительно благоприятные условия для подобной операции. Все они «поляризованы», насыщены такими сентенциями, деталями, сюжетными ходами, которые позволяют (а в известном смысле даже вынуждают читателя) дать оценку конфликтующим сторонам. Сравнительно большой процент среди них занимает церковно-книжная топики с давно и хорошо известной семантикой. К тому же к трем сообщениям мы имеем параллельные известия летописцев⁶⁰, а, как известно, наличие двух текстов, повествующих об одном и том же событии, проявляет смысловые смещения; благодаря различиям в детализировке и оценках рассказчиков можно обнаружить умолчания⁶¹.

Прежде всего, параллельные сюжеты позволяют выяснить приоритеты летописцев. Сравнивая эти известия, легко понять, что основной задачей летописи было освещение деятельности князей, а социальная терминология занимала подчиненное положение в политической риторике. Наибольшее впечатление производит сопоставление текстов Лаврентьевской летописи под 1258 г. и НПЛ под 1259 г.⁶², повествующих о татарской переписи («числе», «численницах») в Новгороде. Освещается это событие диаметрально противоположным образом. В Лаврентьевской летописи сообщение отстраненное и нейтральное. «Тое же зимы [6766 г.] и приехаша численици в Володимерь, и поидоша численици и князи к Новугороду Великому, Александръ, Андрѣи, Борисъ, ищтоша и поехаша опят в Володимерь»⁶³. НПЛ расставляет акценты совершенно иначе (см. выше). Новгородский летописец в центр описания ставит конфликт из-за введения переписи, нагромождает оценки, не стесняясь выразить отрицательное отношение к татарам-числен-

⁶⁰ 1176–1177 гг. в Лаврентьевском своде, НПЛ, Ипатьевском своде; 1255 г. в НПЛ и Лаврентьевском; 1259 г. в НПЛ — 1258 г. в Лаврентьевском.

⁶¹ О важности параллельных текстов см.: *White H. The Value of Narrativity in the Representation of Reality // The Content of the Form. Baltimore, 1987. P. 20.*

⁶² О том, что описываются одни и те же события, см.: *Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 113–114.*

⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 475. В предыдущей статье 1257 г., кстати, также нет ни одного намека на то, что «число» было обременительно для Суздальской земли.

никам, равно как и к тем, кто принуждал их принять⁶⁴. Далее, Лаврентьевский свод совершенно четко и без каких-либо экивоков сообщает об участии князей в переписи: Александра и Андрея Ярославичей и Бориса Васильевича. «Число» предстает как бы совместным предприятием татар и князей Владимиро-Суздальской земли, а сюзерен Новгорода — Александр Ярославич — окружен, по этой версии, всенародной любовью: «Александра же удержаша ноугородци и чтиша и много. Олександръ же давъ имъ рядъ и поеха с честию въ свою отчину»⁶⁵. Напротив, в НПЛ фигурирует только князь Александр, и при этом летописец старается нивелировать его роль. Так, имя князя отсутствует в сообщении о посольстве татар в начале 1259 г. с требованием десятины⁶⁶. НПЛ избегает говорить и о том, что татары приехали зимой 1259 г. в Новгород вместе с Александром⁶⁷. Только в сцене разрешения конфликта князь открыто появляется вместе с татарами⁶⁸, но о том, что новгородцы его «удержали и честили», речи, кстати, не идет. Фактически, общим содержанием этих параллельных текстов можно считать только само сообщение о переписи. Отметим, что лишь один текст из пары содержит информацию о конфликте бояр и черни.

Подобное же соотношение наблюдается и в известиях об изгнании новгородцами сына Александра Невского Василия и походе Александра на Новгород⁶⁹. Суздальский летописец сообщает о действиях князя, однако умалчивает о сути события — карательном походе и напряжении в отношениях с новгородцами⁷⁰. Как и в предыдущем случае, изо-

⁶⁴ НПЛ. С. 82.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 475.

⁶⁶ «Тои же зимы приѣха Михаило Пинециничъ из Низу со лживымъ посольствомъ, река тако: аже не иметеса по число, то уже полкы на Низовской земли» (НПЛ. С. 82). Тут не указано, от кого было посольство.

⁶⁷ «...приѣхаша оканьнии татарове... и бысть мятежь великъ Новѣгородѣ». Что князь в это время присутствовал в городе, угадывается лишь по тому, что именно он приказывает стеречь татар «сыну посадничю и всѣмъ дѣтемъ боярьскимъ»: «И нача оканьнии боятися смерти, рече Олександру: даи намъ сторожи... И повелѣ князь стеречи их...» (Там же).

⁶⁸ «...сѣхъ князь с Городица, и оканьнии татарове с нимъ» (Там же).

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474; НПЛ. С. 80–81.

⁷⁰ «Здумаша новгородци послати Далмата епископа новгородского к великому князю Олександру с грамотами яко о миру. Оному же умедлившию. И встави дьяволь вражду... и бысть крамола в Новѣгородѣ, выгнаша Василья князя. Того же лѣта приѣха Василии князь новгородскыи в Торжекъ, ту и дожда отца своего Олександра. Князь же великыи с Дмитриемъ Святославичем и с бояры поидоша Новгороду» (ПСРЛ. Т. 1.

бражается исключительно положительная реакция новгородцев⁷¹. НПЛ, наоборот, прямо говорит о недобрых намерениях князя («поиде ратью к Новгороду», «съ многими полкы и с новоторжьци») ⁷², и показывает немирную и нерадостную встречу его в Новгороде ⁷³. Вместе с тем в НПЛ весьма ощутимо стремление увести князя в тень за спины новгородцев (а конкретнее — «вятших», от которых якобы и исходит все зло). Летописец подробно освещает конфликт внутри города, противоборству «вятших» и «менших» отводится столько места, что впечатление реальной угрозы, идущей от князя, затушевывается. В тексте данная интенция даже выражена эксплицитно. После обещания Александра пойти на город ратью оказывается, что это результат совета «вявших». В уста новгородцев вкладываются слова: «Аже, братье, князь наш тако сдумаль с нашими крестопереступники, оно имь Богъ и святая Софья, а князь безъ грѣха» ⁷⁴.

Обратимся к следующей группе параллельных текстов. В 1176–1177 гг. владимирский летописец ⁷⁵ описывает борьбу между князьями за обладание Владимиро-Суздальским княжеством. По его версии, противостояние князей сопровождается конфликтом между «старейшими» городами Ростовом и Суздалем и «мезинным» Владимиром. Репрезентантами ростовцев и суздальцев чаще всего выступают бояре, в то время как владимирцы предстают однородной массой (как народ или «люди» Михалка, а затем Всеволода Юрьевича). В то же время в соответствующих известиях НПЛ за 1175–1177 гг. ⁷⁶ встречаем преимущественно записи о деятельности князей. Известий о противостоя-

Стб. 474). Замалчивается то, что новгородцы вместо Василия посадили брата Александра, Ярослава; поход Александра выглядит как описание мирного посольства «с бояры».

⁷¹ «...Идоша со кресты и поклоннишася ему с честию многою, и бысть радость велика, и посади сына своего Новѣгородѣ, а сам поѣха от них с честию великою, миръ давь имь» (Там же).

⁷² Кроме того, НПЛ, в отличие от Лаврентьевской летописи, отмечает (хоть и кратко), что Василия Александровича новгородцы поменяли на Ярослава Ярославича (см.: НПЛ. С. 80).

⁷³ «И поставиша новгородци полкъ»; приводятся речи князя: «...Или не выдадите (Онаню посадника. — Т. В.) — язъ вамъ не князь, иду на городъ ратью» (НПЛ. С. 80–81).

⁷⁴ НПЛ. С. 81.

⁷⁵ Текст сохранен в двух сводах: Лаврентьевском и Ипатьевском (в обоих большая часть списана с одного протографа): ПСРЛ. Т. 1. Стб. 374–386; Т. 2. Стб. 598–602.

⁷⁶ НПЛ. С. 34–35. В НПЛ — мартовский счет лет, в Лаврентьевском своде — ультрамартовский (см.: *Бережков Н. Г.* Хронология... С. 70, 241).

нии городов нет, «боляре» не упоминаются⁷⁷. Весьма существенно, что трагическая развязка истории (ослепление князей Ростиславичей их собственным дядей Всеволодом Юрьевичем) по-разному обрисована в этих сводах именно за счет введения фигуры «людей». Новгородский летописец записывает: «Слеплень бысть Мьстиславъ князь съ братомъ Яропѣлкомъ от стрѣя своего Всѣволода»⁷⁸. Составитель Лаврентьевского свода повествует о восстании владимирцев, принудивших князя принять жесткие меры, и таким образом снимает с него ответственность за ослепление⁷⁹. Подобную же «смягчающую» функцию выполняют в этой версии и бояре. В то время как «владимирцы» берут на себя вину за поступок Всеволода Юрьевича, «боляре» отвечают за недостойные действия Ростиславичей⁸⁰. В целом же соотношение сообщений Лаврентьевского свода и НПЛ о событиях 1176–1177 гг. напоминает то, какое наблюдалось в рассмотренных выше сюжетах 1255 и 1258–1259 гг. Конфликт бояр и людей описан только в одном из текстов, причем деятельность людей здесь затеняет действия князя. Параллельное известие о социальном разделении молчит, действующими лицами истории в нем предстают князья.

К сообщению НПЛ 1228 г., к сожалению, не имеем параллельных известий в других ранних летописных сводах. Тем не менее, похоже, и здесь сообщение о выступлении «простой чади» сочетается с попытками представить роль князя менее значительной. Так, владыку Арсения обвиняют в том, что он выгнал Антония и «сель, давъ мзду князю». Однако исследование ситуации первой трети XIII в. показывает, что

⁷⁷ «...Мьстиславъ сынъ свои посади Новегородѣ. Томъ же лѣтъ вѣниде самъ въ Новѣгородѣ, бивъся съ стрѣемъ своимъ Михалкомъ, и сѣде Новегородѣ, а Михалко седе Володимирѣ... [1176] ...И потомъ позваша и (Мстислава Ростиславича. — Т. В.) ростовци къ себе, и иде Ростову... И въ то врѣмя умърль бѣше Михалко; и поиде съ ростовци и съ суждальци къ Володимирю, и постави Всѣволодъ съ володимирци и съ переяславци противу его пѣлкъ, и бишася... и одолѣ Всѣволодъ. И възвратиса Мьстиславъ въ Новѣгородъ, и не приаша его новгородьци... На ту же зиму иде Мьстиславъ съ зятѣмъ съ Глѣбомъ и съ братомъ Яропѣлкомъ на Суждаль, и бишася за Калакшею, и ту побѣдиша рязанце, и яша князя Глѣба и съ сыномъ и Мьстислава съ братомъ Яропѣлкомъ, порубиша я» (НПЛ. С. 34–35).

⁷⁸ НПЛ. С. 35.

⁷⁹ Об этом параллельном сообщении подробнее см.: Вилкул Т. Л. Віче в паралельних повідомленнях літописів // Український історичний журнал. 1998. № 4. С. 72–74.

⁸⁰ «Боляре» (или «ростовцы и боляре») подстрекают молодых Ростиславичей на грабеж, не позволяют им примириться с Михалком и Всеволодом и т. п. (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 375, 378).

князь принимал самое активное участие в посажении архиепископа в Новгороде. Фигурирующие в конфликте 1228 г. Антоний и Арсений оба были княжескими ставленниками⁸¹. Антоний появлялся на владычном дворе всякий раз, когда из Новгорода изгоняли представителей суздальской династии, а Арсений был одной из кандидатур Ярослава Всеволодича. Сообщение о взятке переносит акцент на Арсения и как бы выводит князя Ярослава из игры⁸². Далее в описании упор делается на том, что новгородцы разбирались со своей «братьей», а не с княжескими сторонниками. Когда из Новгорода сбежали княжичи Федор и Александр, об этом заявлено прямо: «А мы ихъ не гонили, нъ братью свою есме казнили»⁸³. Между тем, весь ход событий, увенчавшийся приглашением черниговского князя Михаила⁸⁴, свидетельствует о том, что реально речь шла именно о выступлении против суздальского князя. В этом свете подробное описание смятения внутри города имело особое значение. Оно позволило летописцу существенно сместить акценты: «раздробить» конфликт и смягчить впечатление его антикняжеской направленности.

⁸¹ В 1211 г. представитель смоленской династии Мстислав Мстиславич и новгородцы «вывели» архиепископа Митрофана (ставленника суздальского князя Всеволода Юрьевича) и поставили Антония (НПЛ. С. 52, 44). В 1219 г. после возвращения Ярослава Всеволодича Антония снова поменяли на Митрофана (Там же. С. 60–61). В 1223 г. при Ярославе Всеволодиче в отсутствие Антония (который в начале 1220 гг. был владыкой в Перемышле, как раз в то время, когда Мстислав Мстиславич был галицким князем) умер Митрофан и «въведоша Арсения» (Там же. С. 61). Антоний вернулся в 1225 г. после кратковременной замены Ярослава Всеволодича на Михаила Черниговского (куда подевался Арсений — не сказано, см.: Там же. С. 64) и до 1227 г. был архиепископом (Там же. С. 65). Однако в начале 1228 г. он якобы «поиде... на Хутино... по своен воли». О конфликте Арсения и Антония опять-таки не сообщается (хотя далее в некрологе Антония сказано, что он в это время «онѣмѣ», ср.: Там же. С. 72, 65), нет и известий о введении нового владыки. О неурядицах известно только из описания выступления простой чады. В целом, как видим, смена владык в Новгороде коррелирует с изменениями на новгородском столе.

⁸² Вне зависимости от того, давал или нет Арсений взятку князю, реально, думается, именно Ярослав Всеволодич был заинтересован в том, чтобы иметь на кафедре своего челоука. Сообщение о взятках, других компрометирующих деталях очень часто зависели от позиции летописца. Ср., например, о сравнительных оценках епископа Леона в Ипатьевском и Лаврентьевском сводах (1162, 1164 гг.): *Визул Т. Л. Вече в паралельных...* С. 76–77.

⁸³ НПЛ. С. 67.

⁸⁴ Отстранение Арсения, введение в епископский двор Антония; грабежи дворов софьян и сторонников тысяцкого; отстранение тысяцкого от должности и избрание другого тысяцкого; требования, выставленные перед Ярославом, бегство княжичей, посольство в Чернигов (НПЛ. С. 67).

Итак, во всех известных нам случаях введение в число действующих лиц «бояр» и «черни» («людей») и преуменьшение роли князя (князей) — явления взаимосвязанные. Наблюдаются они в ситуации очевидных неудач князя, сопряженных, как правило, с его неблагоприятными поступками. Распространенными представлениями об «обострении социальных конфликтов» этот феномен объяснить быть не может. Между тем это отнюдь не побочное явление. Стремление скрыть недостойные действия или неудачи князя принадлежит к ведущим интенциям в рассмотренных параллельных сообщениях летописи. В них реконструируются замалчивания, темой которых является княжеская политика или, вернее, отношение к ней людей, народа. Один из текстов предпочитает умалчивать об отрицательных последствиях или восприятии определенных действий (перепиши, похода, войны), другой — о ведущей роли князя. Во всех текстах, где фигурируют бояре и чернь, главным отвлекающим маневром является как раз описание противостояния данных «социальных групп».

До сих пор мы рассматривали интересующие нас тексты, так сказать, как цельное нарративное полотно, где сообщения о боярах и черни были лишь одним из элементов. Попытаемся теперь подать их «крупным планом». По возможности попробуем выяснить, какие оценки получали «меньшие» и «вятшие» у летописцев, и одновременно уточнить состав указанных групп. Сочетание вопросов кажется странным только на первый взгляд. Как уже отмечалось, все четыре повествования поляризованы и оценки четко соотносятся с летописными социальными обозначениями. «Добрые» отождествляются преимущественно с «черными», а «злые» — с боярами. Достигается это за счет применения церковно-книжной топики или подбора деталей, свидетельствующих о «моральном облике». Так, в 1255 г. «меньшие» защищают новгородские вольности и оцениваются летописцем положительно. Уже на первом вече они приносят присягу — целуют «святую Богородицу... како стати всѣмъ, любо животь, любо смерть за правду новгородскую, за свою отчину»⁸⁵. Выражение «за правду новгородскую» повторяется несколько раз, подчеркивая стойкость новгородцев. Далее «черные люди» препятствуют половинчатым действиям Онаньи, имевшего намерения договориться с Михалком, и хотя разграбить дом посадничьего посыльного⁸⁶. На последнем вече «мень-

⁸⁵ Там же. С. 81.

⁸⁶ Впрочем, в данном случае допускается противоречивое толкование. Сказано, что об Онаньи «мысль злу свѣщаша». Возможно, эта деталь добавлена, чтобы изобразить Онанью страдальцем. О противоречивости показаний летописи см. далее.

шие» призывают в свидетели Бога и св. Софию⁸⁷. Напротив, действия «вьячих» отмечены печатью зла. Они предают «новгородскую правду», устраивают «съвьтъ золь» и хотят избить своих сограждан и ввести князя «на своей воли»⁸⁸. Они наущают князя идти ратью на Новгород, им противостоят, с одной стороны, стойкость новгородцев, а с другой — Бог и св. София. «Вьячие» нарушают крестоцелование и прямо называются «крестопереступниками»⁸⁹. То же наблюдаем в 1177 г. «Боляре» подстрекают на зло князей⁹⁰ и «ростовцев»⁹¹, а иногда и подменяют их в каких-то «лихих» делах. Напротив, «владимирцы» и «перяяславцы» неизменно характеризуются положительно. Владимирцы остаются верными своему князю: «помянувшие Бога и крестное цѣлованье», выступают в поход⁹²; перяяславцы самоотверженно заявляют: «Поѣди княже... насъ перестоявъ»⁹³. Аналогично расставлены плюсы и минусы и в 1259 г. «Добрые» и «злые», «меньшие» и «вьячие» в НПЛ противопоставлены друг другу по двум признакам: отношению к переписи

⁸⁷ Таким образом эксплуатируется идея высших ценностей и Суздальской земли (св. Богородица) и Новгородской (св. София). О формировании культа св. Софии см., например: *Хорошев А. С.* Новгородская Святая София и псковская Святая Троица по летописным данным (из истории местных патрональных культов) // *Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей.* Київ, 1998. Т. 5. С. 5–15.

⁸⁸ То есть, по сути, не имеют лояльности ни к одной из сторон, и заботятся только о собственных интересах. Надо сказать, что в летописях указание на неверность, отсутствие лояльности и «своеволие» является отрицательной характеристикой.

⁸⁹ Свидетельства о нарушении крестоцелования также были окрашены резко отрицательно.

⁹⁰ Так, именно бояре наущали Ростиславичей грабить землю: «А сама князя млада бяста, слушая боляръ, а боляръ учашуть я на многое имѣнье», — и подстрекали князя на войну: «Он же (Мстислав Ростиславич. — *Т. В.*) послушавъ рѣчи ростовское и болярское величавы будущи... молвяхуть бо ему: „Аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы“» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 375, 381).

⁹¹ После жалоб владимирцев на Ростиславичей указано, что ростовцы не захотели им помочь, и именно потому, что «боляре князю тою держажутся крѣпко» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 375). Далее боярская правда уже прямо противопоставлена правде Божьей: «И вси боляре хотяще свою правду поставити, не хотяху створити правды Божья» (Там же. Стб. 378); ростовцы пытаются подчинить Владимир своей воле, «слушающе злых человекъ развратниковъ» (тех же бояр, судя из контекста); суздальцы в покаянном посольстве к Михалку заявляют: «Мы, княже, на полку томъ со Мстиславом не были, но были с ним боляре» (Там же).

⁹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 379.

⁹³ В Радзивилловском и Академическом списках — «переступивъ» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 381).

си⁹⁴ и, если можно так выразиться, взаимоотношениям с небесными силами. «Чернь» выступает на защиту высших новгородских святых (св. Софии, правой веры и «домов ангельских»⁹⁵). В свою очередь, злые отказываются защищать св. Софию, «и възбрани имъ видимо сила Христова»⁹⁶.

Только сюжет 1228 г. смоделирован по иной схеме. «Простую чадь» здесь дополняет «весь городъ» (все новгородцы), но оба понятия в этическом плане не противопоставлены⁹⁷, и характеристики, данные им летописцем, совпадают. Действия «простой чади» инспирированы дьяволом⁹⁸, расширение возмущения на весь город комментируется как еще одно проявление зла⁹⁹. Таким образом, здесь нет противостояния героев

⁹⁴ «Злыми» названы те, кто заставляет новгородцев принять дань и поддерживает численников (самих татар называют исключительно «оканьными»). Большинство деталей описания, касающихся, условно говоря, «татарской» стороны, являются однозначно отрицательными. Так, после угрозы татар бежать, вызванной стойкостью черни, а также вмешательством св. Духа («и чернь не хотѣша дати числа, но рѣша, умремъ цестно за святую Софию и за домы ангельския; ...и хотѣ оканьнии побѣжати, гонимъ святымъ духомъ»), «вятшише» принуждали «ятися по число», затем «умыслиша свѣтъ золь» напасть на Новгород с обеих сторон. На последнем вече «злыхъ свѣтомъ яшася по число, творяху бо бояре собѣ легко, а меньшимъ зло». Кстати, «меньших» самих легко было заподозрить в вероломстве и непоследовательности, поскольку они отказались от переписи, на которую новгородцы уже дали согласие. Чтобы этого не случилось, летописец прибегает к следующему сюжетному ходу. Он указывает, что само посольство «из Низу» было «лживым», новгородцам угрожали применением военной силы (НПЛ, С. 82). Коль обещание «ятися по число» выманили нечестным путем, «меньшие» не несут ответственности за свой отказ. Любопытно, что один из советских историков, М. Н. Тихомиров, также чувствовал необходимость отвести от черни обвинение в непоследовательности, хотя придуманные им оправдания несколько отличались от летописных (*Тихомиров М. Н.* Крестьянские и городские... С. 273).

⁹⁵ «Ангельские» — чтение Синодального списка, в Комиссионном списке НПЛ — «церковный», в Академическом и Толстовском — «Божия»; вероятно, подразумеваются монастыри.

⁹⁶ НПЛ, С. 82.

⁹⁷ Ситуация также отличалась: по существу выступления и «простой чади», и «всего города» были направлены против сторонников Ярослава Всеволодича и его детей (Федора и Александра).

⁹⁸ «Тѣгда же оканьнии дияволь... въздвиже на Арсения... крамолу велику, простую чядь». Соответственно, жертва оценивается положительно («мужа кротка и смелена», «ублоде Богъ от смерти») (НПЛ, С. 67).

⁹⁹ «И не досыти бысть зла, нѣ еще боле того». Когда выступления затихли в связи с непогодой и разрушением моста через Волхов, это вызвало следующую сентенцию: «не хотяшь бо Богъ видѣти кръвопролития въ браты, ни дияволу радости дати» (Там же).

и антигероев, и оценка действий простой чади, как и всего Новгорода, отрицательная¹⁰⁰.

В то же время упомянутые в летописи социальные группы занимают довольно четкую позицию по отношению к князьям-сюзеренам города. В 1255 г. «меньшие» представляют партию Онаньи и его приверженцев, которые пытались посадить на стол Ярослава Ярославича и выступали против князя Александра¹⁰¹. Стойкие новгородцы отождествляются с защитниками Онаньи («и рекоша меншии... на вѣчи: братье, ци како речеть князь: выдаите мои ворогы») — посадника, по-видимому, симпатичного летописцу¹⁰². В то же время «вятшие» представляют собой партию Александра. Они бегут к князю, желают свергнуть Онанью, укрепляют Александра в его намерениях воевать с Новгородом или покарать приверженцев посадника (собственно, их влиянию и приписано такое немилостивое решение князя). Кажется, летописец намекает на то, что «вячшие» являются как бы изгоями, внешней силой¹⁰³, что еще более сближает их с князем (который пришел «с Низу» после изгнания сына). Таким образом, полярно разделенные «добрые» «меньшие» и «злые» «вячшие» на деле являются прокняжеской и антикняжеской группировками в Новгороде¹⁰⁴. Подобно этому, в 1259 г. позиция злых «вячших» и князя совпадает, «вяч-

¹⁰⁰ Возможно, это вызвано тем, что жертвами «простой чади» и «всех новгородцев оказались владыка и софьяне: «И розграбиша дворь... владычня столника и Давыдковъ софнискаго» (Там же).

¹⁰¹ Выгнали Василия Александровича и посадили его дядю Ярослава Ярославича.

¹⁰² Об этом свидетельствует его характеристика в тексте статьи 1255 г., а также инвектива против его противника Михалка (см. статью 1257 г., НПЛ. С. 82).

¹⁰³ Сказано, что «вячшие» хотели «уразити нашу сторону», далее «крестопереступники» противопоставлены «новгородцам» (НПЛ. С. 81). В. Л. Янин предпологал, что под «нашей» подразумевается Торговая сторона, но скорее в данном контексте говорится о новгородской стороне в целом (ср. далее: «стоя всь полкъ... за свою правду»). Кстати, В. Л. Янин предложил гипотезу, согласно которой авторам статей 1255 и 1259 гг. были разные люди. Однако смены стиля, оценок и т. п. в указанный период не наблюдается (см.: *Гиттиус А. А.* К истории сложения... С. 10). В 1257 г. летописец упоминает историю 1255 г. и в очередной раз осуждает Михалка. В этой же статье, являющейся прелюдией к повествованию 1259 г., описывается доблестный отказ новгородцев от «числа».

¹⁰⁴ Обозначение условное, поскольку «партия Онаньи» представлена сторонниками Ярослава Ярославича. Однако и в НПЛ, и в Лаврентьевском своде фигура Ярослава отодвинута на задний план (в последнем о нем вообще ничего не сказано), поэтому можно говорить о прокняжеской и антикняжеской позиции новгородцев по отношению к сюзерену города Александру Ярославичу.

шие» представляют собой княжескую партию. Некоторые их действия можно удовлетворительно объяснить только в том случае, если предположить, что они действовали как сторонники князя¹⁰⁵. Наоборот, «меньшие» здесь противятся введению «числа», т. е., собственно, распоряжениям князя. В 1176–1177 гг. в сюжете фигурируют две группы князей, им соответствуют две социальные группы. Как уже указывалось, бояре («бояре и ростовцы») тесно связаны с Ростиславичами, а владимирцы и переяславцы — с Юрьевичами¹⁰⁶. Только в 1228 г. распределение ролей несколько иное: и «простая чадь», и все новгородцы («весь городъ») представляют собой противников Ярослава Всеволодича, а его сторонники выступают в роли жертв новгородцев. «Простой чадью» здесь названы, по-видимому, зачинщики антикняжеского выступления¹⁰⁷. В целом же во всех случаях «бояре» и «чернь», по сути, являются обозначениями приверженцев того или иного князя.

Итак, соединив данные о смысловых смещениях в параллельных сообщениях летописей, эксплицитно выраженные оценки и реконструируемое соотношение политических сил, получаем неожиданную, хотя в целом и предсказуемую картину. Реальными действующими лицами во всех ситуациях оказываются князья, а также группы их сторонников и противников. Небезуспешные попытки затемнить этот факт в некоторых из рассмотренных летописных сюжетов связаны, очевидно, с тем, что в описании острого конфликта ведущую роль

¹⁰⁵ В частности, ударить на Новгород с двух сторон могли только сторонники князя. Вероятно, их резиденцией было Городище, где остановился Александр Невский с татарами.

¹⁰⁶ В данном случае и Ростиславичи, и Михалко Юрьевич являются сюзеренами г. Владимира. Однако первые показаны как «плохие» князья, а второй представлен «добрым». В этом отношении прокняжеская партия Ростиславичей близка по своим характеристикам к прокняжеской партии Александра в НПЛ 1255 и 1259 гг.

¹⁰⁷ Хотя, возможно, под ними подразумевали группу людей, выступивших именно против архиепископа Арсения, пользовавшегося симпатиями летописца. Об отношении к владыке Арсению свидетельствует не только его характеристика («мужа кротка и смирена»), но и замалчивание факта столкновений с Антонием в 1225 г. и начале 1228 г. (НПЛ. С. 64, 65, 67). По некоторым наблюдениям, в тех случаях, когда древнерусские летописцы симпатизировали определенным особам, они довольно часто прибегали к замалчиванию обстоятельств конфликта или даже полностью опускали события подобного рода. Кроме разобранных тут статей Лаврентьевской летописи за 1255 и 1258 г. ср. также параллельные сообщения о смещении епископа в 1214 г. (ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 165; Т. 1. Стб. 438).

князя показывать было не принято. Поэтому летописцы предпочитали говорить о внутренней борьбе в городе (земле) и давали антикняжеским и прокняжеским партиям названия «черни» («менших», «простой чади») и «бояр». При этом они усиливали оценочный аспект своих повествований, маркируя своих героев в соответствии с определенным канонам поведения и используя традиционные антитезы: агрессивность — миролюбие, верность — неверность и т. п. Соответственно распределяли и вмешательство небесных сил. В то же время составители летописных сводов старались по возможности вывести из системы этических координат самого князя¹⁰⁸. В большинстве случаев бояре обозначены как люди «злые», демонстрирующие коварство, неверность, агрессивность, а «чернь» отождествляется с «добрыми» (стойкими, храбрыми, верными). Исключение составляет только статья НПЛ 1228 г., где, как уже отмечалось, «простая чадь», а неявно — и «весь град» получили отрицательную оценку.

Обнаружив такие выводы, хотелось бы сделать одно замечание. Данная реконструкция не означает (и не преследует цели показать), что только и исключительно князья были активными агентами истории¹⁰⁹. Речь идет лишь об определенных нарративных стратегиях, использовавшихся в данной культурной среде и проявившихся в ранних древнерусских летописных сводах. Признано, что в центре внимания летописцев стояли именно князья, и весь мир, так сказать, вращался вокруг них. В наших сюжетах, как можно заметить, летописцы могли выставить князя (князей) основным действующим лицом, а могли увести его в тень. Тем не менее даже и тогда они не выпускали из виду своего главного героя и строили повествование с расчетом на него. Можно сказать, что в летописном нарративе чаще всего князь был представителем своих людей (народа) и «вытеснял» их из текстов, но в некоторых сравнительно редких случаях, наоборот, социум заменял правителя. По всей видимости, это был не эзопов язык, и тем более не

¹⁰⁸ В некоторых случаях выражая это желание эксплицитно — ср., например, заявления «а князь без греха».

¹⁰⁹ То есть речь идет не о том, что социальных группировок не существовало. Хотя современные исследования показали, что прямолинейные выводы о социальных интересах нуждаются в существенной корректировке и принадлежности к определенной социальной группе еще не обеспечивает унифицированного слособа действий членов данной группы: *Кром М. М.* Антропологический подход к изучению русского средневековья (заметки о новом направлении в американской историографии) // ОИ. 1999. № 6. С. 90–106.

цензура — так проявлялись техники повествования (срабатывавшие, скорее всего, на уровне подсознательном или полуподсознательном¹¹⁰).

В этом смысле чернь и бояре в летописи служили функциональными заместителями князя и его окружения, а их характеристики проявляли отношение к княжеской политике и личности самого князя. Что же касается семантики обозначений «бояре» и «чернь», то, как можно предполагать, она теснейшим образом связана со своей этической парой («добрые» — «злые»). Однако значение их не может быть определено и описано в границах одной модели. Если отбросить детали, то в трех сюжетах плюсы и минусы распределены следующим образом: чернь (антикняжеская партия) — добрые («+»), бояре (прокняжеская) — злые («-»). В статье же 1228 г. наоборот, «простая чадь» (антикняжеская партия) оценена отрицательно, бояре вообще отсутствуют. Как представляется, в исследуемых текстах мы имеем дело с двумя семантическими моделями, уже известными историкам. Сюжет 1228 г. принадлежит к тем, где одним из способов задать отрицательную характеристику было понижение статуса противника. Пейоративную функцию выполняли такие обозначения, как «смерды», «холопы», «каменьницы», «конюси»¹¹¹. Особенность новгородского сюжета — в том, что в тексте применялось сравнительно мягкое обозначение и только часть горожан названа «простой чадью». Думается, это вызвано обстоятельствами написания текста. В данном случае большинство новгородцев выступило против Ярослава Всеволодича, и летописец-софьянин, вероятно, не решился огульно обвинить и обругать своих сограждан. Он предпочел выделить группу людей — инициаторов конфликта и уже против них направил острие своего пера¹¹².

Оставшиеся три сюжета (1176–1177, 1255, 1259 гг.) развивают достаточно устойчивую летописную тему «бояре — злые советники». Как отметил А. П. Толочко, в летописном нарративе влиянием «бояр» часто объясняется недостойное поведение князей, и именно на них возлагается ответственность за зло в княжестве. Модель «лихие бояре» применяется в «Повести временных лет», уже в раннем летописании

¹¹⁰ Наилучшей современной аналогией таких процессов можно считать противоречивые описания конфликтов, данные двумя конфликтующими сторонами и знакомые каждому человеку.

¹¹¹ Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь... С. 136–137.

¹¹² Впрочем, сделал это с нотками сожаления, переложив во многом ответственность на дьявола («дьяволь... въздвиге... крамолу велику, простую чядь»).

(XI–XII вв.) она обросла множеством вариантов¹¹³. Напротив, упоминания «менших», «черни» появляются достаточно поздно (в XIII в.)¹¹⁴, и в семиотической паре «бояре — чернь» вторая составляющая, видимо, является производной. «Чернь» выступает в качестве антипода бояр, и ее стойкость, верность, храбрость и т. п. отталкивается от коварства, злых замыслов, трусости «вятших»¹¹⁵.

В заключение хотелось бы поговорить о противоречивости текстов, на которую уже приходилось обращать внимание. Противоречивость заложена уже в самой возможности небуквального использования социальных терминов. Если говорится о «боярах», а подразумеваются действия «злых челоуѣкъ», то обозначение утрачивает жесткие рамки. Мотив «злого» (равно как и «доброго») может быть задан несколькими способами. Составители летописи часто оперировали разными средствами, чтобы достигнуть желаемого эффекта. Уже упомянутое противоречие в Лаврентьевской летописи 1176–1177 гг., когда Ростиславичи одновременно слушают бояр, выступающих единым фронтом, и дают посадничество по городам «руським децким» (что неизбежно подразумевает раскол внутри боярского сословия), легко объяснимо. Основной задачей летописца была характеристика этих князей, и он прибег к нагромождению отрицательных свидетельств. Молодые князья, мол, отдали землю на разорение чужакам да еще и слушали лихих людей¹¹⁶. Подобный же ход наблюдается и в 1255 г. Здесь летописец также поддался соблазну лишней раз указать на злостное поведение «вчщих», и назвал их «крестопереступниками». Тем самым он обнаружил, что реально доблестно целовали св. Богородицу не только меньшие, а все новгородцы; распределение социальных сил оказалось подчинено задаче внесения оценочных критериев¹¹⁷. Следует учи-

¹¹³ Довольно часто в летописи действуют добрые и злые советники. Традиционно добрый князь противопоставлен плохим боярам, однако в некоторых случаях наблюдается инверсия сюжета (плохой князь, доблестные бояре).

¹¹⁴ Алексеев Ю. Г. «Черные люди»... С. 246–247, 251 и сл. В XII в., как видно из владимиро-суздальской истории 1176–1177 гг., использовалось еще традиционное обозначение «владимирцы».

¹¹⁵ Возможно, повлияла также христианская этика, хотя, кажется, на Руси идеалы нестяжательства и связанный с ними комплекс идей актуализируются позднее (в XV–XVI вв.).

¹¹⁶ Кроме того, Ростиславичи проявляют одновременно агрессивность и трусость и т. п.

¹¹⁷ Впрочем, иногда можно предполагать вмешательство позднего редактора. Так, в статье НПЛ 1259 г. основной текст, где бояре представлены злыми советниками, выходящими чернь принять число, дополнен следующим пассажем: «...навелъ Богъ за грѣ-

тывать и то, что главными героями для летописца, как уже отмечалось, оставались князья (в НПЛ такое же значение приобрели некоторые владыки и посадники), что усложняло семантику и усиливало противоречивость текста. Для примера, в той же статье 1255 г. «меньшие» вроде бы последовательно отстаивают новгородские вольности и защищают посадника Онанью, а затем говорится, что чернь «о немь мысль злу свѣщаща». Происходит это, по-видимому, из-за того, что целью летописца было в том числе и оправдание Онаньи, и он довольно много внимания уделил его особе. В частности, отметил, что посадник не был агрессивным и пытался договориться с Михалком¹¹⁸, а также что он сам чуть было не стал жертвой предательства¹¹⁹. В результате способ действий «меньших» («черни») стал выглядеть несколько двусмысленно, высказывались даже сомнения в том, что эти два обозначения относятся к одним и тем же людям.

Собственно, противоречивость, вызывающая недоумение у современного читателя, является неизбежным следствием буквального истолкования летописи. В начале этой статьи высказывалось допущение, что некоторые социальные обозначения условны. Подходя к завершению, имеем веские основания считать, что все социальные термины

хы наша ис пустыня звѣри дивныя ясти сильныхъ плти и пити кровь боярьскую» (НПЛ. С. 83). Поскольку эта сентенция резко расходится со всем предыдущим изложением, предполагалось, что сожаление о судьбе бояр было вставлено задним числом одним из редакторов (переписчиков) НПЛ. Но приведенные слова — почти прямая цитата из Откровения Мефодия Патарского, ср.: «Изядат плоть сильных испив кров болярскую» (Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб., 1999. С. 667). Таким образом, вполне возможно, она не противречит ходу изложения, а использована для нагнетания мрачного тона. Правда, в тексте есть еще одна странная фраза. «Бысть знамение в лунѣ, яко ни знамения не бысть» (НПЛ. С. 82). Возможно, так подкорректировано сообщение о знаменнии, предвещавшем, по средневековым понятиям, беду. Надо сказать, Н. Г. Бережков находит иное объяснение, предполагая сильную облачность, скрывшую «знамение» (затмение луны), см.: *Бережков Н. Г. Хронология... С. 271*. В таком случае, однако, остается непонятным, как о знаменнии вообще стало известно летописцу.

¹¹⁸ Ср. такой же ход и в описании положительного персонажа Суздальского свода (1177 г.) Всеволода Юрьевича (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 380–381). В летописи герои и толпа следуют разным канонам поведения. На идеал поведения героя большое влияние оказала христианская этика, поэтому миролюбие, пассивность, страдательная роль оценивались неизменно положительно. Встречаются сюжеты, где мягкие действия князя противопоставлены агрессивности народа, при этом поведение и князя, и его людей оценивается положительно и считается вполне достойным.

¹¹⁹ Страдательная роль, как уже отмечалось, характерна для симпатичных летописцам героев.

входят в ряд средств выражения, принятых в современной летописцам политической риторике. Летописное повествование оказалось гораздо более насыщенным семантически, чем это было принято думать до сих пор, а связи между реальностью и нарративом — столь же сложными и неоднозначными, как и в текстах современных политиков. Как кажется, есть достаточно оснований, чтобы изъять данный блок известий из исключительного ведения социальной истории. Рассмотренные сюжеты порождают множество вопросов, касающихся семантики летописного нарратива (например, почему, рассказывая о политических группировках, летописцы оперировали все же социальными понятиями, какие обстоятельства обуславливали оценки древнерусских книжников и др.). Кроме того, по-видимому, термины «чернь», «бояре» и им подобные не обозначали представителей реальных социальных страт (во всяком случае, в описаниях вечевых собраний), а служили для обозначения гораздо более неопределенных и подвижных политических группировок. В этом смысле можно сказать, что достигнут отрицательный результат. И все же новая интерпретация нескольких известных сюжетов — это попытка не столько закрыть какие-то традиционные направления, сколько привлечь внимание к особенностям летописного повествования.

П. С. Стефанович

Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси *

Традиционно историки видели одну из главных задач изучения политической истории в восстановлении «истинного» хода событий. Между тем в последнее время становится ясно, что содержание политических процессов трудно понять, исходя лишь из внешней последовательности событий и фактов. Всё больше внимания уделяется таким проблемам, как формы политической практики и их социально-культурное значение, осмысление и восприятие власти и политической жизни в обществе и т. п.

Межкняжеские отношения в средневековой Руси — тема отнюдь не новая. Однако оказывается, что и здесь есть немало тёмных и малоизученных вопросов, встающих особенно при нетрадиционной постановке проблемы. Предмет настоящей статьи — один из таких вопросов. Хорошо известно, как часто при заключении политических соглашений князьями применялся обряд целования креста и какое большое значение придавали ему русские летописцы¹. Тем не менее в историографии значение этого обряда и его роль в общественно-политической жизни Древней Руси не раскрыты; неясно, например, как к нему отно-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект № 02-01-00184а.

¹ Ср. оценку, данную современным исследователем: «В политической жизни Руси крестоцелование князей, представителей администрации и веча Новгорода и других вечевых городов было важным стабилизирующим фактором, отразившимся и в религиозной политической мысли» (*Шапов Я. Н.* Религиозное осмысление социальной и политической действительности в древнерусских летописях // *Церковь в истории России*. М., 1998. Сб. 2. С. 15).

сились те, кто совершал его и благословлял на его совершение, в чем суть тех коллизий, которые неоднократно возникали в политической сфере в связи с нарушениями крестного целования или снятия его с князей церковными иерархами, и т. д. Единственное, над чем историки размышляли по этому поводу, — насколько серьезно князья придерживались данных обещаний и как часто «преступали крест». Неслучайно, наверное, что к единому, более или менее убедительному выводу они не пришли, так как выносили оценки на основе только самых общих соображений. В. И. Сергеевич считал, что крестоцелование носило в общем формальный характер и сколь легко совершалось, столь же легко и нарушалось². Американские исследователи Х. Дьюи и А. Клеймола, напротив, утверждают, что сакральная сила обряда едва ли кем-то когда-либо на Руси ставилась под сомнение³.

Пока трудно выносить однозначные суждения на этот счет. Древнерусское крестоцелование — явление сложное, и понять его можно только в рамках общей картины религиозности средневековой Руси (пока к этой картине есть лишь предварительные наброски⁴). В этой статье мы попытаемся лишь разобраться в происхождении и смысле обряда и выявить позицию, какую в его отношении занимала русская православная церковь.

Отправной точкой в нашем исследовании обряда целования креста являются свидетельства «Повести временных лет» (далее — ПВЛ). Впервые русские летописи упоминают о крестоцеловании под 6567 (1059) г. (к этому известию мы ещё вернёмся). Однако возможность судить о том, каким образом и почему Животворящий Крест Господень — один из главных символов христианства — нашёл применение в политической сфере жизни Древнерусского государства, даёт рассказ ПВЛ о восстании в Киеве 1068 г., заключающийся специальным поучением летописца.

Центральным событием во время восстания в изображении летописца является «прославление» на киевском столе полоцкого князя Всеслава Брючиславича, которого киевляне «высекоша ис поруба» после бегства из Киева Изяслава и Всеволода Ярославичей. Тому, как

² Сергеевич В. И. Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. 2. С. 204 и след.

³ Dewey H. W., Kleimola A. M. Promise and Perfidy in Old Russian Cross-Kissing // Canadian Slavic Studies. 1968. Vol. 2. № 3. P. 327–341.

⁴ См.: Федотов Г. П. Русская религиозность // Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. М., 2001–2004. Т. X–XI (рус. перевод сочинения, вышедшего в свет в 1946 г. на англ. яз.).

попал Всеслав в тюрьму («поруб»), посвящён особый рассказ летописи, изложенный предварительно. За год до восстания Изяслав, Всеволод и Святослав Ярославичи пригласили Всеслава, беспокоившего Русь постоянными «ратями», на встречу, «цѣловавшие крестъ честныи къ Всеславу, рекше ему: „Приди к намъ, яко не створимъ ти зла“». Он же, «надѣявсья цѣлованыи креста», поехал к братьям и был схвачен, а затем посажен в Киеве в «поруб». «И тако яша Всеслава на Рши у Смолиньска, преступивше крестъ», — подчеркивая свершившееся «зло», подвёл итог летописец⁵, который вообще-то сочувствовал Ярославичам, а про Всеслава в своё время отмечал, что он был рождён «от вълхвованья» и поэтому «немилостивъ на кровьпролитье»⁶.

Оба события — и преступление Ярославичами креста, и «прославление» Всеслава киевским князем — имеют в ПВЛ точные датировки (что уже говорит о повышенном внимании к ним летописца): 10 июля и 15 сентября соответственно. Вторая дата оказывается особенно важна, поскольку на этот день приходится один из основных православных праздников (из числа двенадцати так называемых Господских) — Воздвижение Креста Господнего. Совпадение политического события и религиозного праздника приобретает в глазах летописца символическое значение. По этому поводу он делает специальный комментарий, в котором утверждается, что в нашествии половцев и «прославлении» киевским князем Всеслава полоцкого проявилась «крестная сила»: «Всеслав же съде Кыевѣ. Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ, цѣловавъ крестъ, и я и. Тъм же наведе Богъ поганья, сего же (т. е. Всеслава. — П. С.) явѣ избави [РА: Богъ и] крестъ честныи. В день бо Въздвиженья Всеславъ, вздохнувъ, рече: „О, кресте честныи! Понеже к тобѣ вѣровахъ, избави мя от рва сего“». Богъ же показа силу крестную [РА: на] показанье землѣ Русьстѣи: да не преступаютъ честнаго креста, цѣловавшие его. Аще ли преступитъ кто, то и здѣ приметъ казнь и на придущемъ вѣцѣ казнь вѣчную. Понеже велика есть сила крестная: крестомъ бо побѣжени бывають силы бѣсовьскыя, крестомъ бо князем в бранех пособить, в бранех крестомъ согражаеми вѣрнии людье [РА: княземъ и вѣрнымъ людемъ в бранехъ победа и огражаеми крестомъ] побѣжаютъ супостаты противныя, крестъ бо вскорѣ избавляе[тъ] от напастии призывающимъ его с вѣрою. Ничто же ся

⁵ ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1. Стб. 167.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 155.

боять бѣси, токмо креста. Аще бо бывають от бѣсъ мечтанья, знаменавше лице крестомъ, прогоними бывають»⁷.

События 1067–1068 гг., таким образом, дают летописцу повод высказать поучение о великой силе креста. Автор ПВЛ обращает внимание прежде всего на проявление «силы крестной» «на показанье» Русской земле и на то, что за пренебрежение сакральным актом целования креста уготовлена «казнь» как на земле, так и на том свете. Из слов самого летописца и слов, вложенных в уста Всеслава, следует, что вера в Крест Господень избавляет «верных» от «напастей», уготовленных им теми, кто попрал справедливость. Говорится также, что силу креста «вернии люди» могут применять против бесов, только его и боящихся, и в битвах против «супостатов».

В целом прославление креста летописцем выдержано в традиционном христианском духе, в соответствии с тем учением о Кресте Христовом, которое содержится в церковно-богослужебной литературе и святоотеческом предании, пришедших на Русь вместе с принятием христианства. В этом учении раскрывается идейно-символическое значение Креста — крестный образ символизирует страдания Христа, которые несут спасение миру, — а также прославляется благодатная сила Креста, ограждающая людей от злых и тёмных начал⁸. Древнерусский читатель мог познакомиться с этими идеями и из богослужебных текстов (канонов), помещённых в такие книги, как Минеи, Триоди и др., и читавшихся на праздники, посвящённые прославлению Креста, и из разного рода духовно-учительной литературы. Например, в памятнике, известном как «Стословец архиепископа Геннадия», помещённом в Изборнике 1076 г. (близком по времени составления к событиям, вызвавшим появление в ПВЛ рассуждения о крестной силе), одна из первых максим гласит: «Кръсту Христову съ вѣрою покланяи ся, яко на томъ спасение всѣмъ человекомъ съдѣла Господь»⁹. Церковные правила прямо предписывали почитание Креста. Например, 73-е Правило Трулльского собора, оказавшееся, в ча-

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 172–173. РА — варианты по Радзивиловской и Московской Академической летописям.

⁸ Изложение этого учения с точки зрения русской православной церкви, а также истории почитания Креста Христова и установления праздников, ему посвящённых, см. в предисловии и послесловии к публикации канонов: Сборник канонов Честному и Животворящему Кресту. М., 2001.

⁹ Изборник 1076 года. М., 1965. С. 208–209 (л. 29об.–30). В рукописи в слове «покланяи» ошибочно вместо буквы «к» написана буква «п».

стности, в составе Ефремовской Кормчей (рукопись XII в.), гласит: «Животворящюму кресту, показавъшу намъ спасеное, въсяко тыштаніе намъ полагати подобаетъ, въздавати чсть достойную, имже спасени быхомъ ветъхааго паденія, темъ чистъмь словомъ и чювьствомъ поклонаніе ему отдающе...»¹⁰ Едва ли можно сомневаться в том, что к концу XI в. это учение было в целом воспринято на Руси, так как археологические источники, памятники декоративно-прикладного искусства и архитектуры свидетельствуют о широком распространении почитания христианского креста¹¹.

В данном случае важно не только заметить, что общие принципы в почитании креста были восприняты древнерусскими летописцами, но и обратить внимание на нюансы и акценты в этом восприятии. В ПВЛ как в приведённом выше отрывке, так и в других местах постоянно подчёркивается, что «великую силу креста» люди могут использовать в двух отношениях — отгонять бесов и защищать себя от «напастей», прежде всего в битве. Уже под 6579 (1071) г. летописец помещает рассказ о «волхвовании» чудского «кудесника», чтобы показать, что чудские «бози» — это на самом деле бесы, которые боятся креста — «знаменье небеснаго Бога»¹². В позднейшее время представление о крестном знамени как о надёжной защите от нечистой силы стало одним из самых популярных в «народном православии».

На победоносную силу креста мы найдём неоднократные ссылки в позднейших летописях (Ипатьевской, Лаврентьевской, новгородских) при описании военных действий. Сами князья (а с середины XII в. и дружинники, горожане) говорили об этом постоянно, особенно тогда, когда были уверены в том, что идут на праведный бой. В ПВЛ наиболее яркий пример восстановления поправной справедливости с помощью сакральной силы Креста Христова — это борьба между Васильком Ростиславичем теребовльским, ослеплённым своими же братьями Рюриковичами, и Святополком Изяславичем киевским (1099 г.). Святополк преступил

¹⁰ Бенешевич В. Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. СПб., 1906. Т. 1. Вып. 1. С. 189.

¹¹ См., например: Шляткин И. А. Древние русские кресты. Ч. 1. Кресты новгородские, до XV в., неподвижные и не церковной службы. СПб., 1906. Ср. также: Святославский А. А., Трошин А. А. Крест в русской культуре. Очерки русской монументальной ставрографии. М., 2000; Щавелев А. С. Символические функции креста в Древней Руси // Восточная Европа в древности и Средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2002.

¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 179.

крестное целование Васильку и его брату Володарю, и на битву с ним братья взяли тот самый крест, который киевский князь им целовал, обещая «имѣти миръ и любовь». Василько высоко поднял этот крест со словами: «Сего еси цѣловаль, се перьвѣе взять еси зракъ очю моею, а се нынѣ хочещи взяти душо мою. Да буди межи нами крестъ съ». «И сступишася полци, и мнози человери благовѣрнии видѣша крестъ над Васильковыи вои възвышъся велми», и Ростиславичи победили Святополка¹³. Идею Креста как «победоносной божественной силы», проявляющей своё действие в справедливой войне, особенно если речь идёт о нарушенном крестоцеловании, подробно разобрал Г.П. Федотов¹⁴. Происхождение этой идеи — византийское, и с ней связано установление некоторых праздников (например, Явление Креста Господня в Иерусалиме 7 мая; по одной из версий и праздник Воздвижения Креста был установлен после видения креста Константином Великим в битве с Максентием¹⁵), она была воплощена в литургической и житийной литературе.

Однако из высказываний и рассказов летописцев не совсем ясно, какая связь была между этими идеями и обрядом крестоцелования, каким образом всё-таки получилось, что силу креста стали использовать именно для закрепления политических соглашений. Помогает найти эту связь обращение к богослужебной литературе, где идея сакральной силы креста довольно подробно развита вследствие вообще большого значения символики и «идеологии» креста в литургики. К такому обращению прямо подталкивает ссылка автора ПВЛ на праздник Воздвижения Креста Господня.

Воздвижение входит в число главных праздников православной церкви. Особенностью и кульминацией праздничного богослужения является обряд «выноса креста» и затем его «воздвижения» (поднятия) — священник выносит крест из алтаря и затем высоко поднимает его, верующие же кланяются кресту и затем его целуют (прикладываются к нему). Празднику посвящён специальный канон, сочинённый византийским гимнографом Козьмой Маюмским (VII–VIII вв.)¹⁶. Идеиное со-

¹³ ПСРЛ, Т. 1, Стб. 270.

¹⁴ Федотов Г.П. Русская религиозность. Ч. 1. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. // Собр. соч. Т. X. С. 261 и след.

¹⁵ Ср. статью «Воздвиженье» А. Петровского в кн.: Православная богословская энциклопедия. СПб., 1902. Т. 3.

¹⁶ Текст канона на греческом языке, церковнославянском и в переводе на современный русский язык см.: Ловягин Е.И. Богослужебные каноны. СПб., 1875. С. 126–133. Публикацию по Минне XII в. из библиотеки Новгородского Софийского

держание канона сводится к демонстрации животворящей силы «честного креста» на ряде примеров из священной истории и прославлению его спасительной силы, которая распространяет своё действие на весь род человеческий в результате искупительной жертвы Христа. Среди разных мотивов как этого произведения, так и других богослужебных текстов, посвящённых Воздвижению (целительная, победоносная сила креста, «отгнание бесов» крестом и др.), обращает на себя внимание один: крест предстает как прибежище («крепитель») всех «верных» и «оружие» против «лести» дьявола («лукаваго», «противнаго»). В каноне Козьмы Маюмского есть, в частности, такие слова: «Днесъ крестъ въздвизаеться, и миръ от лести свободы ся», «льсть превратися, и вѣра простъресе на земли коньцемъ божествьна», распятый на кресте Христос «душетьльньныи недугъ — льсть отгналъ есть» и т. п.¹⁷ Мотив разрушения «державы лъстиваго», освобождения мира от «лъсти» и от козней дьявола силой Честного Креста присутствует и в богослужебных текстах на другие праздники, посвященные Кресту Господню¹⁸.

Отождествление «державы дьявола» с «лестью» и мысль о преодолении ее спасительной силой креста возвращает нас к древнерусским реалиям XI–XII вв. В летописях неоднократно говорится о том, что благодаря крестному целованию сила креста защищает того, на чьей стороне правда и кого хотят по наущению дьявола или «злых человек» «убить лестью» (как было с Васильком Теревовльским). «О Христе утверждение» прямо связывается с «божественной любовью» и спасением. Об этом более развернуто говорится в летописях XII в., а в ПВЛ (уже в статье 6570 (1078) г. — вскоре после описания событий 1067–1068 гг.) эту мысль мы находим выраженной имплицитно в связи с идеей, что

собора и перевод Т. В. Ткачёвой см.: Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 2. С. 480–490.

¹⁷ Ягич И. В. Служебные Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. СПб., 1886. С. 1118–1126 (по древнейшим рукописям 1095–1097 гг. с учётом других рукописей XI–XIII вв.). См. здесь же канон на Предпразднество Воздвижения (13 сентября) с теми же основными темами и сюжетами — с. 1109–1114.

¹⁸ В каноне и других песнопениях в Крестопоклонную седмицу Великого поста: Триодь постная. М., 1992. Ч. 1. Л. 123 об. и след. (издание древних Триодей не предпринималось). В каноне на праздник Явления Креста Господня в Иерусалиме 7 мая: Щеголева Л. И. Путятин Минея (XI век). 1–10 мая. М., 2001. С. 125–139 (текст по фотокопии с параллельным греческим текстом, переводом и комментариями). Во славу Креста Господня поются также стихиры и другие песнопения, менее богатые по идейной насыщенности, на праздник Происхождения честных древ и честного животворящаго креста Господня 1 августа. На все эти праздники тоже совершается обряд «выноса креста».

крестное знамение дано людям на борьбу с бесами. Восхваляя князя Изяслава Ярославича за незлобие и прославляя «братню любовь» русских князей как проявление божественной любви, летописец замечает: «Любве бо ради сниде Господь на землю и распяться за ны грѣшныя, вземь грѣхы наша, пригвозди на крестѣ, давъ намъ крестъ свои на прогнанье ненависти бѣсовское»¹⁹. Бесовское начало несёт, по мысли летописца, ненависть, а христианское — любовь, причём крест Христов, воплощая божественную любовь, является главным оружием против бесов, т. е. зла и ненависти.

Таким образом, мысль из богослужебной литературы помогает понять логику, которая стояла за обрядом крестоцелования на Руси. Поскольку именно крестом преодолевается «душетленный недуг» — лезть, ненависть, предательство любви, то естественным представляется «утверждаться» при договоре именно крестом, который как победитель «державы лъстиваго» обеспечит сохранение любви и добра, а также соблюдение данных обещаний. Смысл обряда крестоцелования в этом случае можно понять как своего рода заклятие «лести», «лжи»; если дьявол наводит всегда людей на «лесть» и на распри, то сила креста сакральным образом укрепляет их верность — верность друг другу, верность обещаниям и договоренностям, — а значит, и мир между ними. Тогда понятно, что преступление крестного целования расценивается как один из самых страшных *грехов* — преступая крестоцелование, человек поддается козням дьявола и не просто противится «крестной силе», но разрушает «любовь в человецех» (что является нарушением одного из главных постулатов христианства).

Применению сакральной силы креста к политическим отношениям, для утверждения договоров, способствовало, по-видимому, то, что традиция использования креста как христианского символа для закрепления политических соглашений существовала в Византии и в католических странах Западной и Центральной Европы. Первое упоминание о Кресте Господнем в политической сфере жизни Древнерусского государства находим как раз в русско-византийском договоре 944 г. В документе сказано, что он написан был «на двою харатью» — для греков и для Руси. О греческой копии говорится: «и едина харатья есть у царства нашего [РА: на ней же есть крестъ и имена наша написана]» («наша» — т. е. византийцев). Русская сторона для подтверждения достигнутых договорённостей должна была принести «клятву». Язычники

¹⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 203–204.

и христиане, которые, как известно, были среди послов «от рода рускаго», прибывших для заключения мира в Константинополь, приносили клятву по разным обрядам. О христианах сказано так: «Мы же, елико насъ хрестилися есмы, кляхомъся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣи церкви и предлежащемъ честнымъ крестомъ и харатьею сею». В конце договора угроза проклятия нарушившему союз двух государств сформулирована и для язычников, и для христиан: «...да будетъ клять от Бога и от Перуна, яко преступи свою клятву»²⁰. Очевидно, использование «честного креста» как одного из главных символов христианства во взаимоотношениях Руси и Византии для закрепления политических союза и договорённостей не могло не повлиять на политическую практику и внутри молодого христианского государства²¹.

Таким образом, к концу XI в. идея Креста Христова как главного хранителя божественной любви и оружия против бесовской прелести и ненависти, пришедшая на Русь из Византии вместе со всем комплексом христианских традиций, заняла прочное место в политических теориях древнерусских летописцев и стала, не без влияния византийских обычаев, реалией политических отношений Рюриковичей. В XII в. почитание Креста укрепляется, развивается и становится неотъемлемым элементом древнерусской религиозности. Популярны произведения духовно-религиозной литературы, разрабатывающие тему сакральной силы креста²². Более того, прославление Креста Хри-

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 52–53. О процедуре и форме заключения договора, доказательства того, что договор был заключён именно в Константинополе, см.: *Малигуди Я.* Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // *Византийский временник.* М., 1995–1997. Т. 56–57 (о договоре 944 г.: Там же. Т. 56. С. 84–91).

²¹ Правда, как в Византии, так и в Западной Европе крест использовался для закрепления клятв и договоров редко, во всяком случае значительно реже, чем Евангелие или реликвии, причём крест, как правило, не целовали, а прикасались к нему. Целовали крест только в отдельных случаях (например, при ордалиях) и наряду с другими сакральными предметами (см., например: *Hofmeister Ph.* Die christlichen Eidesformen. München, 1957. S. 119–121; *Kolmer L.* Promissorische Eide im Mittelalter. Kallmünz, 1989. S. 240–241). Сам обряд целования святыни – в том числе креста – рассматривался в раннесредневековой церкви как знак особого почитания и примирения. Вообще поцелуй в христианской традиции (в том числе литургической) всегда считался символом примирения и единения в Церкви.

²² Например, в знаменитый Успенский сборник (составленный, по-видимому, по какому-то специальному индивидуальному заказу) вошли два произведения, посвященные прославлению Креста – Чтение на Явление Честнаго Креста на 7 мая и «Слово Иоанна Златоуста» (на самом деле, по-видимому, лишь приписанное этому знаменитому проповеднику) «О честном кресте, реченое в св. Пяток»: Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. Л. 86–89, 206–212.

стова ставят целью оригинальные русские сочинения — например, древнерусское Поучение на Воздвижение, помещённое в древнейшем Прологе, которое прославляет Крест как «оружье на противнаго врага» и «хранителя всех крестьян»²³.

Кресту Христову посвящаются вклады в церкви (нередко в виде собственно крестов — напрестольных, воздвизальных и т. д.), устанавливаются кресты поминальные и памятные. Один из таких памятных крестов с надписью, содержащей «похвалу» Кресту, связывается с учреждением Андреем Боголюбским праздника в честь победы над волжскими булгарами. В этой «похвале» перечисляются все черты и свойства главного христианского символа: «[Крестъ охра]нникъ всеи вселеней, кр(ест)ъ ц(е)рк(о)вное укр(а)шение, кр(ест)ъ ц(а)р(е)мъ държава, кр(ест)ъ вернымъ утвържение, кр(ест)ъ анг(е)л(о)мъ слава, кр(ест)ъ демоньмъ прогонитель»²⁴. Как «утверждение верным» Крест мог выступать в случае, если служил гарантом договоров, совершённых «по любви» ради мира, — т. е. тогда, когда крест целовали ради соблюдения верности.

Крестоцелование упоминается в летописях постоянно. В уста князей, бояр, дружинников вкладываются речи с прославлением крестной силы, призывами соблюдать крестное целование и осуждением его «преступления». Духовенство поддерживало пietetное отношение к этому обряду, поучая, например, так: «Аже переступишь хрестьное цѣлование, то есть лъжѣ, неже прольяти кровь хрестьянскую»²⁵, а за преступление крестоцелования угрожало проклятием²⁶. При заключении договоров,

²³ Петухов Е. В. Материалы и заметки из истории древней русской письменности. Киев, 1894. Вып. 1: К истории древнерусского Пролога. С. 18–19. Здесь же см. Поучение на Предпразднество Воздвижения — с. 17–18 (по древнейшему Прологу начала XIII в. из Софийской библиотеки). Оба поучения входят в число двенадцати поучений на Господские праздники и предпразднества, составленных, по-видимому, одним древнерусским книжником (Макарий, митр. История русской церкви. М., 1996. Кн. 2. Т. 3. С. 383–385; Голубицкий Е. Е. История русской церкви. М., 1900. Т. 1. Пол. 1. С. 824).

²⁴ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XV вв. М., 1964. С. 32.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 297.

²⁶ Например, в 1146 г., когда целовали крест между собой князья Ольговичи в черниговском Спасском соборе, черниговский епископ Онуфрий «прозвнтеромъ своимъ рече: „Аще кто сего крестно цѣлования съступитъ, а проклятъ будетъ господьскимъ 12 праздникома“» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 324–325). То, что в данном случае проклятие грозит силой двенадцатых праздников, возможно, говорит еще раз о связи (в происхождении или в идеологическом обосновании) обряда крестоцелования с этими праздниками, в число которых входит и Воздвижение.

скреплённых целованием креста, писались специальные «крестные грамоты», которые затем в случае, если какая-то из сторон считает, что договор нарушен другой стороной, необходимо было «повернуть» к ногам нарушителя. Ритуал «взвержения крестных грамот» означал официальное расторжение соглашения, и он стал одной из характерных черт русского «посольского обычая»²⁷. Князья уже с середины XII в. рассматривают крестоцелование как старинную, освящённую преданием, традицию. «А то есть утверждение дѣдъ наших, отецъ наших», — говорит киевский князь Изяслав Мстиславич²⁸. «То есть отецъ наших и дѣдъ наших утверждение, а кто преступитъ, а Богъ ему буди судья», — вторит ему его сын Мстислав Изяславич²⁹. Согласно комментариям летописцев и словам, которые произносят герои их произведений, целовать крест «на любви» — это «собѣ на спасение»³⁰; преступить его, задумав «лесть», — это поддаться проискам «лукавого пронирыливого дьявола, не хотяи добра межи братьею», «забыть страх Божий» и нарушить «божественную любовь», «якоже бѣ лѣпо жити братъи единомыслено укупѣ, блюдучи отечества своего»; соблюдать крестоцелование, «надѣся Бозе и силѣ животворящаго креста», — пользоваться защитой сакральной силы³¹.

Идея крестоцелования как «зажлятия» сил зла, ненависти и предательства носила чисто теоретический характер, и всё более ширившееся применение этой идеи на практике не могло не обнаружить в определённый момент некоторых противоречий теории и её уязвимости при соприкосновении с хитросплетениями человеческих отношений. Проблемой первостепенной важности, которая требовала осмысления и практического решения, стали постоянные нарушения обещаний и соглашений, скреплённых крестоцелованием. Иногда оказывалось, что обязательства, данные по договору, в изменившейся обстановке противоречат здравому смыслу и требованиям христианской этики. Как быть в этих случаях? — с этим вопросом приходилось обращаться прежде всего к представителям церкви, поскольку обряд крестоцелования имел религиозное обоснование и церковную под-

²⁷ В летописи (Ипатьевской) впервые упоминается под 6652 (1144) г.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 315.

²⁸ Там же. Стб. 345.

²⁹ Там же. Стб. 536.

³⁰ Там же. Стб. 345–346.

³¹ Там же. Стб. 328–329.

держку. И духовенству не только нужно было теоретически, перед лицом встающих практических проблем, развивать изначальную идею, но и приходилось вмешиваться в политику и отношения князей.

Теоретически признавалось, что нарушивший обещание, данное перед Богом, понесёт кару — рано или поздно — в результате действия силы божественной справедливости. И неслучайно в летописях, особенно в Киевском своде конца XII в., настойчиво проводится — как одна из основополагающих — мысль о неотвратимости наказания тому, кто нарушает «братнюю» любовь, преступая крестоцелование. Например, весь пафос весьма обширного летописного рассказа о вражде галицкого князя Владимира Володаревича с киевским князем Изяславом Мстиславичем состоит как раз в том, чтобы показать, как «многоглаголивого» и «льстивого» князя настигает божественная кара за нарушение крестного целования и вообще легкомысленное отношение к крестной силе³².

В практической плоскости участие духовенства в решении проблем, возникающих из-за противоречия крестоцелования политическим реальностям, выражалось в том, что церковные иерархи снимали с князей обещания и обязательства, данные теми с «крестным утверждением», как бы возлагая на себя ответственность за грех нарушения крестоцелования³³. Уже современникам такого рода вмешательства духовных лиц в политические дела казались, по-видимому, не всегда оправданными. Историкам же Нового времени такие случаи дают основания обвинять церковь в лицемерии (одним князьям нельзя нарушать, другим — можно), излишней прагматичности и просто корыстолюбии (снять крестоцелование можно по подкупу, из политических интересов и т. д.). Не меньше «соблазна» таят в себе свидетельства о том, что духовные лица могли и сами целовать крест (или другие священные предметы — прежде всего иконы), участвуя в каких-либо договорах и соглашениях, или давать обещания под клятвой³⁴, хотя

³² Там же. Стб. 451–461.

³³ Примеры снятия крестоцелования собраны В. И. Сергеевичем: *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. С. 204 и след.

³⁴ Для домонгольского времени об этом есть два известия. В 1164 г. черниговский епископ целовал икону Спаса вместе с вдовой и дружиной умершего князя, принимая на себя определённые политические обязательства (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522–523.). В Галицко-Волынской летописи под 1226 г. упоминается, что духовник князя Даниила «клялся» галицким боярам, что Даниил ничего не замышляет против них (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 747).

тем самым они нарушали канонические правила, прямо запрещающие духовным лицам давать любые клятвы.

Наконец, трудности и противоречия должны были возникнуть в том случае, если крестоцелование рассматривалось как одна из форм *клятвы*. Ведь хорошо известно, что клятва запрещалась церковными правилами — в первую очередь, разумеется, всякая клятва с теми или иными языческими реминисценциями, но также не разрешалось вообще клясться, в особенности именем Господа. Основопологающим был запрет клятвы, произнесённый Иисусом Христом в Нагорной проповеди (Матф. V: 33–37), который звучит в церковнославянском переводе следующим образом: «33 Паки слышасте, яко речено бысть дрѣвльнимъ: не въ лъжю кльнешися, въздаси же Господеву клятвы твоя. 34 Азь же глаголю вамъ, не клятися отинудъ ни небомъ, яко прѣстолъ есть Божьи, 35 ни землю, яко подьножье есть ногама его, ни Иерусалимъмъ, яко градъ есть великаго Царя, 36 ни главою своею кльнися, яко не можеши власа единого бѣла ли чърна сътворити. 37 Буди же слово ваше: еи еи и ни ни, лишаю бо сею от неприязни есть»³⁵. В основе этого запрета лежала мысль, что человек не может знать ничего наперёд, включая свою судьбу («пути Господни неисповедимы»), и поэтому не может принимать зароки и обеты на будущее.

Как мог обряд, являющийся, по современным понятиям, клятвой, существовать в Древней Руси, где безусловным авторитетом пользовались религиозные запреты, выраженные столь категорически? Каково было отношение церковных властей и «общественного мнения» к крестоцелованию и клятве? Так как исследований о способах и формах принесения клятвы и присяги в Древней Руси не имеется, мы попытаемся сами дать ответ на этот вопрос.

³⁵ *Амфилохий, архим.* Четвероевангелие Галичское 1144 года, сличенное с древнеславянскими рукописными Евангелиями XI–XVII вв. и печатными: Острожским 1571 и Киевским 1788 года, с греческим евангельским текстом 835 года. М., 1882. Т. 1. С. 43–44. Статья 33 в синодальном переводе выглядит так: «Ещё слышали Вы, что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои». Наказ «не преступай клятвы» правильнее относительно греческого оригинала (οὐκ ἐπιρκῆσεις) переведён еп. Кассианом (Безобразовым): «не приноси ложной клятвы» (Новый Завет на греческом и русском языках / Ред. А. А. Алексеев. М., 2002. С. 22–23). Иисус ссылается, очевидно, на осуждение ложной клятвы и суетного поминания имени Господа, неоднократно повторяющееся в ветхозаветных книгах: Исх. XX: 7; Лев. XIX: 12; Второз. V: 11; Иер. V: 2; Ос. IV: 15, X: 4 и др. Заповедь Нагорной проповеди повторяется в апостольских посланиях: Иак. V: 12.

В церковно-учительной литературе и сборниках канонических правил, которые приплыли на Русь с христианизацией, осуждения и запрещения клятвы разработаны довольно подробно, так что едва ли могли оставаться у кого-то какие-то сомнения на этот счёт³⁶. Например, сразу в трёх памятниках, вошедших в состав Изборника 1076 г. — «Поучение св. Василия о житии», «Афанасиевы ответы» и «Премудрость Иисуса сына Сирахова», — содержатся такие запреты; в последнем из них — в следующей формулировке: «Не кльни ся именемъ свято. Человекъ кльни ся мьного испльнить ся безакония и не отъиметь ся отъ дому его рана. И аште съгрѣшитъ, грѣхъ его на немъ»³⁷. Ярким противником клятвы и строгим судьёй «клятвенников» был Иоанн Златоуст, и в древнерусских рукописях содержится немало принадлежащих или приписанных ему «слов» и «поучений» с соответствующими высказываниями³⁸. В специальном слове «О клятвъѣ» в «Пчеле» подобраны библейские и святоотеческие заповеди с осуждением клятвы в любой форме — «ни по правѣи винѣ, ни по кривѣи»³⁹.

Однако позиция церкви по вопросу о клятве не ограничивалась одними запрещениями. Видимо, православным деятелям и писателям всегда приходилось считаться с тем, что, несмотря на запреты, клятва в той или иной форме мирянами и даже духовными лицами употреблялась⁴⁰. В частности, в святоотеческой литературе попадаются рассуждения о том, как вести себя уже после того, как клятва была дана. Например, в Ефремовской Кормчей, с одной стороны, мы найдём и апостольские правила, и правила Вселенских соборов, и правила святых отцов, осуждающие в принципе клятву и предусматривающие для

³⁶ Ср. подборку цитат из древнерусских рукописей с осуждением клятвы в статьях «Словаря русского языка XI–XVII вв.» «клятися» и «ротитися» (М., 1980. Вып. 7; М., 1997. Вып. 22.).

³⁷ Изборник 1076 г. С. 365 (л. 172), 489 (л. 116).

³⁸ Например, «Слово о клянущихся» находилось как в кратком (сохранившемся в рукописи XII в.), так и в пространном изводах «Златоуструя», см.: *Малинин В. И.* Исследование Златоуструя по рукописи XII в. имп. Публичной библиотеки. Киев, 1878. С. 64, 99.

³⁹ *Семёнов В.* Древняя русская Пчела по пергаменному списку // Сб. Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1893. Т. 54. С. 273–275.

⁴⁰ Католической церкви пришлось столкнуться с той же самой проблемой. Клятву невозможно было уничтожить, с ней пришлось примириться, придав ей «христианизованные» формы и теоретически оправдав её применение в определённых случаях. Средневековые теологи Западной Европы отдали разработку этого вопроса значительные усилия (см.: *Kolmer L.* Promissorische Eide... S. 276–304).

«клятвѣнников» наказания: для мирян — отлучение от церкви до десяти лет (в разных правилах по этому поводу устанавливаются разные условия и сроки отлучения), для духовных лиц — в любом случае лишение сана⁴¹. С другой стороны, весьма любопытно рассуждение о том, как надлежит вразумлять клятвенников, из 29-го Правила Василия Великого: их следует поучать не только вообще не клясться, но и, — если уже «клятвою объятъ кто на зълотворение иного», — «не пребывати въ лукавыхъ» «изветъмь благобоязньства», т. е. не оставаться в своём грехе (соблюдая клятву, данную на злое дело) под видом благоговения. Ибо не только клятва «отъречена бысть», но ещё хуже — держаться данной клятвы тогда, когда она обязывает на злое. В этом случае не является грехом нарушить обещание, данное с клятвой («аще кто всякого клятвою заповедь некаку преступитъ, кляхъ бо ся и поставихъ, — не грехъ»), но значительно важнее — «схранити судьбы правды твоея»⁴². Таким образом, в этом постановлении не просто осуждается клятва, но обращается внимание на то, что принесённая клятва не может рассматриваться как абсолютное обязательство и поэтому нет ничего страшного в нарушении обещаний, если их выполнение будет противоречить «судьбам правды твоей», т. е. потребует нарушения истинно важных (нравственных) принципов и законов.

На это рассуждение св. Василия стоит обратить особое внимание ввиду тех обвинений в беспринципности, которые нередко высказываются историками в адрес русской церкви, освобождавшей русских князей от политических обязательств, скреплённых клятвой или крестоцелованием⁴³. Не собираясь никого оправдывать, отметим лишь, что современные историки, легко вынося приговоры, не до конца понимают позицию церкви в отношении клятвы. С христианской точки зрения никакая клятва не обладает абсолютной силой, но перед лицом высших ценностей имеет лишь условное значение. Св. Василий не был одинок в таком подходе — подобные суждения находим и в других церковно-религиозных произведениях, бытовавших в Древней Руси: например, в «Афанасьевых ответах» в составе Изборника 1076 г. На

⁴¹ *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская Кормчая... СПб., 1906. Т. 1. Вып. 1. С. 66, 121, 198; СПб., 1907. Вып. 3. С. 474, 500, 506.

⁴² Там же. Вып. 3. С. 487–488.

⁴³ Например, академик М. А. Дьяконов писал, что проповедь и действия церковных властей в XIV–XV вв. служили «оправданием суровой политики эгоизма и насилия», которую якобы проводило московское единодержавие: *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. М.; Л., 1926. С. 205.

вопрос «Аште нѣкыи властелинѣ отъ гнѣва велика съ клятвою мно-гоу уставить вещь, таж [в]ѣ клятвахъ покаеться, разумевь, яко зѣла устави, чѣто хочеть сътворити?» даётся такой ответ: «Исповѣдати ся Богу и зазирати своемъ напраснѣствѣ и разорити клятвы»; в подтверждение своего наказа автор «ответа» ссылается на примеры апостола Петра, который несмотря на то, что нарушил свою клятву (тремякратно отрекшись от Христа), «хвалимъ есть въ вѣкы», и царя Ирода, который, «поставивъ клятвою прѣдъ человеки главы дѣля Иоана, мучимъ есть въ вѣкы»⁴⁴. Такое отношение к клятве позволяло церковным властям спокойно относиться к нарушению её тогда, когда оказывалось, что её соблюдение приводит к «злу». Разрешая от клятвы, иерархи русской церкви не потакали сиюминутным страстям князей, а отдавали приоритет другим, помимо верности клятве или крестоцелованию, принципам и соображениям — например, идее мира, идее единения христиан против «проклятых измаилитян» и др.

Однако вне зависимости от того, каковы были церковные предписания относительно тех случаев, когда клятва уже была принесена, в принципе с православной точки зрения её следовало всячески избегать⁴⁵. По всей видимости, первоначальной задачей русской православной церкви была борьба с языческой клятвой. Есть отрывочные свидетельства, что в языческой Руси существовали разные формы принесения клятвы. Русские послы-язычники, например, при заключении договора с Византией в 944 г. клялись на оружии⁴⁶. В древнерусской рукописи со «Словами» Григория Богослова (в болгарском переводе), по словам её публикатора, есть несколько вставок, принадлежащих, по-видимому, перу переписчика, в том числе одна с описанием, кто как грешит, совершая разные языческие обряды: «...овъ Дыю жреть, а другиы Дивии. А инъ градъ чѣтеть, овъ же, дрънь въскрущъ на главе покладая, присягу творить, овъ присягы костьми человеками творить, овъ кобени пѣтичь смотритъ... овъ на мощьхъ

⁴⁴ Изборник 1076 г. Л. 194об.—195.

⁴⁵ Впрочем, ригористичность и некоторая противоречивость христианского учения о клятве в конце концов заставили христианских богословов и юристов несколько смягчить этот принцип. Уже позднее, в XIX в., возможность принесения клятвы (присяги) в исключительных случаях была официально признана Русской православной церковью, см.: *Никифор*, архим. Библейская энциклопедия. М., 1891 (репринт: М., 1990). С. 401.

⁴⁶ Ср.: *Фетисов А. А.* Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в.: сравнительно-типологический анализ // *Славянский альманах—2001*. М., 2002.

льжею присягаеъ» и т. д.⁴⁷ Здесь, таким образом, перечисляются разные формы «присяги» по обряду явно нехристианского происхождения, употреблявшиеся, очевидно, современниками переписчика рукописи⁴⁸. Отметим, кстати, что к этим «присягам» приравняется клятва на мощах святых «льжею» — очевидно, в XI в. уже началась, так сказать, «христианизация» клятвы, т. е. переход на употребление предметов священных в христианской традиции для принесения клятвы; причём с точки зрения автора этой вставки осуждения достойна не сама клятва на мощах, а принесение её «льжею».

Однако трудно сказать что-то определённое о языческих клятвах, так как приходится иметь дело лишь со строгими церковными запретами их употреблять. По Русской Правде и другим правовым памятникам известны также так называемые «ордалии» — испытание железом, водой и пр., — которые на протяжении довольно долгого времени (вплоть до XIV–XV вв.) применялись в судопроизводстве при дознании⁴⁹. Существование у восточных славян в древности языческих клятв и преемственность их с судебными присягами разного рода, в том числе в «христианизированной» форме (т. е. с использованием предметов, священных в христианской традиции), представляются естественными в общеславянском контексте⁵⁰.

Иногда встречается мнение, что с клятвой языческого характера или происхождения связаны слова «рота» или «ротитися». Указыва-

⁴⁷ Будилович А. XIII Слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи имп. Публичной библиотеки XI века. СПб., 1875. С. 243 (л. 322).

⁴⁸ Описание всех четырёх упомянутых во вставке видов «присяги» и сопоставление их с клятвами, существовавшими в народной среде и в XIX в., см.: Макаров М. Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские // Труды и летописи ОИДР. М., 1828. Ч. 4. Кн. 1. С. 195–198.

⁴⁹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 4-е изд. СПб., 1911. С. 623 и сл.

⁵⁰ См. обширное исследование о применении присяг в судопроизводстве у средневековых славян (преимущественно западных и южных), где, в частности, отмечается существование клятв солнцем, деревьями, камнями, источниками и т. п. у западных и южных славян: Procházka V. Przysięga w postępowaniu dowodowym narodów słowiańskich do końca XV w. // Czasopismo prawno-historyczne. T. 12. 1960. Z. 1. S. 17–21 et al. По всей видимости, славянского происхождения была и клятва на оружии, которая упоминается, кроме договоров Руси с греками, также в известных «Ответях папы Николая I на вопросы болгар» и в «Хронике» Козьмы Пражского, см.: Златарский В. Н. Клятва у языческих болгар // Сборник статей, посвящённых почитателями академику и заслуженному профессору В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его учёной деятельности. СПб., 1907. Ч. 1; Дуйчев И. Славяно-болгарские древности // Byzantinoslavica. T. 11, № 1, S. 18–19.

ется, что слово «клятва» — более книжное и насыщено христианским содержанием, а «рота» — устное и имеет языческие коннотации⁵¹. Однако в словарях древнерусского языка мы не найдём твёрдых оснований для такого мнения. Оба слова восходят к общеславянским корням и нередко употребляются в древнейших памятниках практически синонимично — например, в упомянутом выше «Слове о клятве» из «Пчелы» или в Ефремовской Кормчей (даже внутри одного постановления — цитированного Правила св. Василия — «клятва» и «рота» взаимозаменяемы)⁵². Тем не менее некоторое различие в их употреблении заметно. Слова «клятва» и «клятися» несравненно более часто встречаются в церковнославянских текстах, и они, видимо, имели более широкое значение. В таких правовых кодексах, как Русская Правда и Псковская судная грамота, всегда используется термин «рота» для обозначения присяги и «ордалий». В связи с каким-то судебным процессом упоминается «рота» и в берестяной грамоте середины XII в.⁵³ А в летописях для обозначения соглашений, скреплённых клятвой, с половцами, позднее с татарами употребляются только слова «рота» и «ротитися»; те «поганые», с которыми у русских князей есть такое соглашение, называются «ротниками». Возможно, такое словоупотребление и говорит в пользу того, что «рота» ассоциировалась больше с чем-то «нехристианским» и «народным», а слово «клятва» использовалось

⁵¹ См., например: *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор... С. 623; *Рождественская Т. В.* Об отражении устной и письменной традиций в договорах Руси с греками X в. (*речи — писати, рота — клятва*) // *Норна у источника Судьбы: Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой.* М., 2001. С. 338–339.

⁵² По нашим наблюдениям, в славянских и древнерусских переводах греческие слова *ῥωτιση* и *ῥωτος* могли переводиться равноправно как словами «клятися» и «клятва», так и словами «ротитися» и «рота» (см., например: *Максимович К. А.* Пандекты Никона Черногорца в древнерусском переводе XII века (юридические тексты). М., 1998. С. 507–508; «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. II / Подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. М., 2004. С. 89, 333). Глагол «ротитися» употребляется в славянском переводе Евангелия, в частности в описании отречения Петра от Христа: «Тъгда начать ротитися и клятися (*καταβεματῆσειν καὶ βυβεῖν*), яко не знаю человека» (*Амфилохий, архим.* Четвероевангелие Галицкое... С. 473; ср.: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1994. С. 585). По всей видимости, сочетание двух глаголов как в греческом оригинале, так и в славянском переводе — плеоназм, и переводчики Евангелия на современный русский язык так это место и поняли (синодальный перевод: «начал клясться и божиться», перевод еп. Кассиана (Безобразова): «начал он усиленно клясться»).

⁵³ *Зализняк А. А., Янин В. Л.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1998 г. // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 10.

нейтрально в самом широком смысле, обозначая вообще принятие на себя обещаний, признание в чем-то и т. д.⁵⁴

Может быть, неслучайно в летописях крестоцелование может употребляться в одном контексте с терминами «клятва» или «клясться», но, кажется, никогда не стоит в одном ряду со словами «рота» или «ротитися». Хотя здесь есть и один «трудный случай». Это — первое летописное известие, где вообще упоминается крестоцелование и где сообщается, что в 1059 г. братья Ярославичи вывели «строю своего» Судислава Владимировича из поруба, в который он был заточён Ярославом. Новгородская первая летопись младшего извода даёт такое окончание известия: «и приведоша его *къ ротѣ и къ кресту*»⁵⁵. Следует ли это понимать так, что рота и крестоцелование — это разные вещи (хотя они, очевидно, могли дублироваться), или же крестоцелование в данном случае подкрепляло клятву, будучи её составной частью? Изложение того же известия в Новгородской IV летописи вроде бы склоняет ко второму мнению: «Водиша его ротѣ, цѣловавъ крестъ»⁵⁶ (в ПВЛ — во всех списках — сказано только: «заводивъше кресту»⁵⁷). Однако, не исключено, дело в том, что летописец более позднего времени уже не чувствовал «языческих» коннотаций слова «рота» и переформулировал словосочетание. Во всяком случае, в Псковской судной грамоте термин «рота», широко используемый в смысле любой присяги, уже мог обозначать и крестоцелование (например, в статье 99). Возможно, если слова «рота» и «ротитися» и были связаны в древнейшее время с чем-то «нехристианским» (больше, чем «клятва» и «клятися»), то к XIV–XV вв. эта связь практически не чувствовалась. Впрочем, проблема семантического наполнения слов «клятися», «ротитися», «присягати» и их взаимного соотношения явно нуждается в дальнейшей разработке.

⁵⁴ Этимология слов, обозначающих у славянских народов клятвенное обещание или договор, вроде бы указывает на определённые различия в их начальных значениях. Слово *kletva* (от *kletī*) связывается с *kloniti*, и предполагается, что так обозначалось принесение клятвы с поклоном до земли, *prisega* (от *prisegati*) подразумевало касание предмета рукой, а *ro(k)ta* — произнесение, изречение слов при клятве (Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1983. Вып. 10. С. 37–39). Однако по древнерусским источникам подобные различия, кажется, не прослеживаются.

⁵⁵ НПЛ. С. 183.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 120. Псковская III летопись вроде бы повторяет известие Новгородской IV, но при этом различает роту и крестоцелование: «Водиша его к ротѣ, и целова крестъ» (Псковские летописи / Ред. А. Н. Насонов. М., 1955. Вып. 2. С. 76).

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 162.

Так или иначе, бесспорным остаётся факт существования в Древней Руси дохристианской традиции скрепления обещаний или договоров какой-либо клятвой. Очевидным также представляется, что в средневековом обществе необходим был определенный механизм гарантий соблюдения взятых обязательств и обещаний. При том, что иных оснований функционирования этого механизма, кроме религиозных — в отсутствии сильной государственной власти и юридической культуры, — не было, церковный запрет любой клятвы неизбежно входил в противоречие с практически потребностями. Однако компромисс между религиозным ригоризмом и жизненной необходимостью оказался всё-таки возможным, не в последнюю очередь благодаря гибкости христианской доктрины. Этот компромисс реализовывался в двух направлениях: с одной стороны, происходила «христианизация» клятвы, и с другой стороны, в практику внедрялось крестоцелование — обряд, по функции заменяющий клятву, но имеющий совсем иное идейно-религиозное наполнение.

Одно свидетельство цитированного выше отрывка из «Слова» Григория Богослова дало уже нам повод заметить, что с утверждением христианства на Руси обряд принесения клятвы, по-видимому, постепенно насыщался христианскими содержанием и символикой. Такое «переходное» положение фиксируется также и в договоре Руси с Византией, где сказано, что из русских послов язычники клялись по своему обряду (на оружии), а христиане клялись церковью Ильи, «предлежащем крестом» и харатьею с текстом договора. Функционально суть обряда не менялась, но стали использоваться другие предметы, посредством которых клянущийся призывал в свидетели или гаранты божественные силы, — вместо оружия или деревьев теперь стали клясться на иконах, Евангелии, крестах и т. д. Устно «божились», отсылая к христианским символам и представлениям⁵⁸.

В домонгольскую эпоху клятва при заключении частных договоров приносилась в разных формах. В одном из древних поучений против «ротников и гневливых» упоминается, что в качестве «ротницы» клянущиеся использовали церкви⁵⁹. Есть несколько известий о клятве

⁵⁸ Например, автор Повести об ослеплении Васильяка Тербовольского передаёт клятвенные заверения ослеплённого князя: «И се кленуся Богомь и его пришествием, яко не пом[ы]слиль есмь зла брати своен ни в чем же...» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 266).

⁵⁹ Поучение входит в состав тех слов и поучений, которые составили древнюю (по-видимому, не позже начала XIII в., а скорее даже значительно раньше) основу Златоуста: Горский А. В., Невоструев Н. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел 2-й (3 Прибавление). М., 1862. С. 105.

перед иконами, причём об этом сообщается в нейтральном тоне, как само собой разумеющееся, в источниках, в которых следовало бы ожидать как раз выражения наиболее правоверных взглядов.

В Киево-Печерском Патерике рассказывается о чуде иконы Богородицы. Два киевских боярина — Иоанн и Сергей — вступили в «духовное братство» перед этой иконой. Иоанн перед смертью завещал Сергию хранить его богатства до возмужания его сына Захарии. Когда же Захария вырос и стал просить у Сергия денег, тот сказал, что Иоанн всё отдал церкви. Тогда Захария потребовал, чтобы Сергей «клялся» перед иконой, «идѣже и братство взя съ отцемъ моимъ», что не имеет денег. Придя в церковь, Сергей «хотѣ цѣловати икону и не възможе приблизитися ко иконѣ». После такого чуда деньги, конечно, были возвращены, а монастырские власти «оттоле не дадяху клятися святою Богородицею никомуже»⁶⁰. Интересно в этом рассказе, что целование иконы здесь прямо называется «клятвою», следовательно, на такой обряд должны были бы распространяться канонические запреты. Однако автор этого рассказа, ничуть не смущаясь, рассказывает, что клятвы перед иконой приносились, никто за это наказания не нёс, и лишь после чуда, совершённого иконой, запретили этот обычай. Очевидно, в принципе вера в чудо и в возможность проявления божественной воли через священные предметы оказывалась сильнее и важнее того факта, что эти священные предметы используются не по назначению, и запрет использовать чудотворную икону для клятвы произошёл, видимо, не из желания противодействовать антиканоническому обычаю, а во избежание дальнейших искушений Провидения.

Для автора сказания о святых местах Константинополя — новгородского боярина Добрыни Ядрейковича, будущего архиепископа Новгорода Антония — также главным является само чудо, явленное иконой, а не то, что поводом для чуда стала ложная клятва. Такой рассказ помещает Антоний об иконе в Михайловском монастыре Константинополя: «Есть икона, а на ней написан Христос, к нему же пошел бе человек в роте не по правде, и отвратил Христос лице свое от него»⁶¹.

⁶⁰ Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 10.

⁶¹ Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 году / Изд. Х.М. Лопарев // Православный палестинский сборник. СПб., 1899. Т. 17. Вып. 3. С. 36.

О традиции принесения клятвы перед иконами свидетельствуют и летописи⁶². Одно летописное известие особенно любопытно, так как показывает, насколько по-разному можно было смотреть на традицию целования икон в качестве клятвы⁶³. В 1164 г. черниговский епископ Антоний, родом грек, целовал икону Спаса вместе с княгиней, вдовой только что умершего черниговского князя Святослава Ольговича, и «передними мужами» князя во главе с тысяцким Юрием на том, чтобы не посылать за князем Святославом Всеволодичем (который по праву должен был занять черниговский стол), а послать за Олегом, сыном умершего князя. Уже после совершения обряда тысяцкий, видимо вспомнив церковные поучения и правила, заявил: «Намъ было не лѣпо дати пискупу цѣловати святого Спаса, занеже святитель естъ», хотя тут же и успокоил всех, заверив в надежности епископа: «А намъ ся о нь не блазнити, занеже князии свои любилъ». Тем самым боярин проявил осведомленность в том, кому согласно с церковными правилами можно приносить клятву, а кому нельзя: духовным лицам, действительно, запрещалось участвовать в любых клятвах. Более того, он оказался строже в соблюдении канонов, чем епископ-грек, который поцеловал икону с мирянами. Антоний же не ограничился принесением клятвы с призывом Бога и Богородицы в свидетели, но и позволил себе дать наставление остальным участникам, чтобы они не нарушали данных обещаний: «Паче же, сынове, вамъ молвлю: да не погинете душею и будете предатели, яко Июда». И после этого следует комментарий летописца: «Се же молвяше имъ лещь тая в собѣ, баше бо родом грѣчинь. Се же первое цѣлова святого Спаса, се же створи злое преступление: и списавъ грамоту, и посла къ Всеволодичю» с известием о смерти Святослава Ольговича. Летописец, таким образом, осуждает епископа, однако не за то, что тот клялся, нарушая каноны, и не за то, что вообще вмешался в политическую интригу, а за то, что нарушил клятву. Хотя из того, что приводятся слова тысяцкого о «не лепости» приведения к целованию святителя, следует, что эта «не лепость» была всем ясна,

⁶² Например, в 1146 г. черниговские князья Изяслав и Владимир Давыдовичи предлагали населению Путивля сдаться, обещая не брать их в плен: «Цѣлуны на то святою Богородицю, оже не дати вас на полонь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 333). Несколькоми годами позже Изяслав Мстиславич целовал икону Богородицы в подкрепление обещаний, данных князю Глебу Юрьевичу (Там же. Стб. 395). Еще позже икону Богородицы целовали новгородцы Святославу Ростиславичу (Там же. Стб. 510). Судя по новгородской летописи, новгородцы часто использовали эту форму клятвы (ср.: НПЛ. С. 32, 67 и др.).

⁶³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522–523.

на деле оказывается, что по-настоящему всех, включая епископа и летописца, беспокоила не она, а суть дела — у кого из князей будет больше шансов занять стол и кто из поклявшихся сдержит клятву.

С клятвой с помощью икон или перед ними в принципе сопоставимо крестоцелование. Если с крестом можно было апеллировать к Крестной силе, то логично было бы обращаться и к другим божественным силам, используя другие сакральные предметы — например, иконы. По всей видимости, в принципе не отрицалась возможность того, что через священные предметы может проявляться сакральная сила — сила Креста Господня или сила святых изображений на иконе, — в особенности тогда, когда к ней прямо обращаются за гарантией справедливости. Вкупе с древней традицией клясться, призывая божественные силы, это благоприятствовало существованию клятв в форме целования иконы или креста несмотря на официальные запреты и предостережения. Так как крестоцелование весьма широко распространилось — и не только среди князей, в политике, но и в частной жизни⁶⁴, — то, видимо, на него могли смотреть как на разновидность клятвы. В этом случае с канонической, последовательно проведённой точки зрения оно заслуживало запрета так же, как и все остальные клятвы.

В то же время обряд целования креста имел, как мы видели, фундаментальное религиозное обоснование, и его применение оправдывалось тем, что его предназначением было сохранять мир, «любовь» среди русских князей. В силу этого именно крестное целование стояло всё-таки несколько особняком, и понятие клятвы в официальной церковной литературе на него, как правило, не распространялось — слишком сильно было почитание Креста Христова, слишком много было сказано в оправдание этого обряда как заклятия против бесовской ненависти и «лести», слишком важна была роль крестоцелования в княжеской среде с кон. XI в.

В целом, однако, — вследствие, видимо, «компромиссности» существования разного рода клятв и присяг, а также крестоцелования — в древ-

⁶⁴ Обещание, данное на «честном древе», упоминается в берестяной грамоте середины XI в., адресованной одним купцом (возможно, боярином) другому: *Зализняк А. А. Древненовгородский диалект*. М., 1995. С. 254. В другой берестяной грамоте (конца XII — начала XIII в.) автор угрожает адресату, что если не будут выполнены его требования, то он «передаст» того «святее Богородице, ко нее же еси заходили роте» (Там же. С. 349). Публикатор считает, что речь здесь идёт о клятве в церкви. Возможно, однако, это ещё одно свидетельство о клятве перед иконой. Угроза передать дело на суд Богу или святому совершенно аналогична тому, как развивалось дело в рассказе Патерика о Захарии и Сергии.

нерусской церковно-учительной литературе, в русских подборках церковных правил и епитимейниках не прослеживается единого мнения по этому поводу, и суждения здесь можно найти самые разные. В «худых номоканунцах» попадаются даже постановления явно антиканонические и противоречащие евангельскому запрету на клятвы такого, например, типа: «На роту по вине достоин ходити»⁶⁵.

Более строги и ригористичны в оценках и предписаниях поучения представителей церковных властей. В общем виде в евангельском духе запрет клятвы как таковой сформулирован, например, в Поучении Луки Жидяты, древнейшем русском произведении этого жанра: «Не кленитесь Божиимъ именемъ, ни иною заклинаете, ни проклинаите»⁶⁶. Осуждение клятвы наравне с языческими заговорами и приметамы находим в Поучении Моисея (его отождествляют с новгородским игуменом, умершим в 1187 г.) «о присягах и о клятвах» (или «о ротах и о клятвах», по другой редакции). Это поучение автор произнёс, видимо, в связи с засухой и, называя её Божьей карой, связывал её с тем, что «человеци кленуться Богомъ и его святыми и другъ друга догонять до клятвы и церковь святую невѣсту Христову ротою скверняще», тогда как «Господь Богъ не велит догонити человека до клятвы и до роты»⁶⁷. Строгим был и ответ митрополита Нифонта (грека) на «вопрошание» Кирика и других новгородских священников по поводу «роты». Кирик задал вопрос, как быть с прихожанами, которые «ходили бяху роте, хотячев Ерусалим» (т. е. совместно клялись совершить паломничество в Иерусалим). Нифонт велел давать им епитимью и заметил от себя: «Та бо, рече, рота губит землю сию»⁶⁸.

В постановлениях покаянной литературы акцент делался не на наказаниях вообще за принесение клятв и присяг, а на запрещение ду-

⁶⁵ *Смирнов С. И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // ЧОИДР. 1912. Кн. 3. С. 121. Ср. комментариев на с. 387.

⁶⁶ Поучение архиепископа Луки к братии // *Пономарев А. И.* Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1894. Вып. 1. С. 16 (публикация по древнейшему списку). Ср.: ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 118–120.

⁶⁷ *Соболевский А. И.* Материалы и заметки по древнерусской литературе // ИОРЯС. 1912. Т. 17. Кн. 3. С. 77–80.

⁶⁸ Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1 (Памятники XI–XV вв.) // РИБ. СПб., 1908. Т. 6. 2-е изд. Стб. 61–62. Из «вопрошания» и ответа Нифонта следует, что в Новгороде и в XII в. употреблялись в той или иной форме «роты», причём даже в тех случаях, когда всякий нехристианский элемент в обряде должен был восприниматься как богохульство.

ховным лицам принимать то или иное участие в клятвах, на строгое осуждение клятвы «на лже» («на криве») и привлечения к клятве «нужею»⁶⁹. Всегда отдельно разрабатывается тема крестоцелования, как правило с предостережением не злоупотреблять им и ни в коем случае не преступать его. Разного рода наказания и епитимьи предусматривались за «измену целованию», целование «на криве» или «во лжу». В самом суровом виде наказание выглядит так: «А крест целовав, изменив к кому, зато и до смерти плакаться»⁷⁰. Только в более поздних (с конца XV в.) требниках и служебниках встречаются вопросы, из формулировок которых вытекает, что крестоцелование наравне с любой другой клятвой или присягой тоже рассматривается как грех. Например, в служебнике XVI в. находим такой набор вопросов, подразумевающих вину исповедующегося: «Или на поле бился?.. Или к роте приводил, или сам крест целовал... или преступил крестное целование?»⁷¹ Таким образом, здесь и преступление крестоцелования, и само целование креста понимаются как дело, достойное церковного наказания.

Такого рода оценки крестоцелования имели основание в древнерусской литературной традиции. Например, новгородский епископ Илья (Иоанн) поучал священников: «Бороните же людем крестънаго целования: вы бо сами ведаете, оже в нашем граде мнози гибят в том»⁷².

В Златоструе, по-видимому уже в той редакции, которая бытовала на Руси по крайней мере с XII в., в «Слове о страхе Божии и о покаянии и о посте и о среде и пятыце» наряду со всеми прочими видами клятвы осуждается клятва крестом (правда, не говорится именно о *целовании* креста): «Паче же всего клятвы да останѣмся. Самъ бо учить ны Господь Богъ, глаголя: ни кльнѣтесе ни небомъ, ни землею, ни иною никоею

⁶⁹ См., например: *Смирнов С. И.* Материалы... С. 29, 30 («Заповедь» не позднее XI в.), 39 (не позднее середины XII в.), 45, 46, 48. Один из древнейших сборников церковных наказаний «Чин над исповедующимся», включенный в состав Синайского еухология и использовавшийся на Руси вплоть до XVI в., в качестве грехов упоминает «прѣступо-клятие», «присяги неправдѣныи» и «лихоклятвы» — т. е. осуждается как раз не само употребление клятвы, а только нарушение уже данной (*Nahtigal R. Euchologium Sinaiticum. Lubljana, 1942. Vol. 2. Л. 68а, 68б, 72а; А. И. Алмазов* считал, что автор этого руководства хотя и основывался на греческих образцах, но в значительной степени работал самостоятельно: *Алмазов А. И.* Тайна исповеди в православной восточной церкви. Опыт внешней истории. Одесса, 1894. Т. 1. С. 209, 212).

⁷⁰ *Смирнов С. И.* Материалы... С. 142.

⁷¹ *Алмазов А. И.* Тайна исповеди... Одесса, 1894. Т. 3. С. 152. Ср. с. 107, 152, 164–171, 191, 193 и др.

⁷² РИБ. Т. 6. Стб. 368.

ж клятвою, ни церковью клѣнися (запрета клясться церковью нет в Евангелии!, ср. выше: Мф. V: 33–35. — П. С.), клѣнися бо ею кленется к живущим въ ней Богомъ. Ни главою своею ни клѣнися, рече, понеже не можеша ни одинаго власа ни чръна, ни бела сътворити, нъ да будет ваше: еи-еи или ни-ни, а лише всего от неприязни есть. Вы же чръсъ повеление Божие крестомъ ся клѣнете, егоже дасть нам Богъ на честь велику, оружие на противнаго врага, бес того бо не бывает тврѣда наша вѣра, ни крещение без него сътворается, ни литургия, ни ина никакаже духовна вещь»⁷³. То же осуждение клятвы крестом вставлено в поучение, приписанное Иоанну Златоусту, в рукописи XV в.: «Велика бо согрешения есть рота и клятва, иже преступити крестное целование и целовати на криве Пресвятая Богородица или иного святого — многих грех тяжчае есть. Не достоин бо клятися именем Божиим или в правду или без правды... Ныне же чрез повеление Божие крестом кленетеса, его же даде нам Бог на честь велику и оружие на противнаго врага... Заповедаша бо нам апостоли и святии отци, рекуще: ни кленитеса никакоже инако, аще в правду рещи — ей-ей, а не в правду — ни-ни, а лише того, Господь рече, все от неприязни есть. Того ради Бог казни многи посылает на ны...»⁷⁴

Однако важно подчеркнуть, что это — единственные найденные нами примеры осуждения крестоцелования. В целом в Древней Руси крестоцелование все же строго и последовательно отделялось от клятвы и осуждалось только его преступление (а клятва осуждалась как таковая). Неслучайно, например, Владимир Мономах в «Поучении» разделяет наставления относительно клятвы именем Бога и крестоцелования: «Рѣчь молвяче и лихо и добро, не кленитеса Богомъ ни хреститеса, нѣту бо ти нужна никоеяже. Аще ли вы будете крестъ цѣловати к брати или г кому, а ли управивъше сердце свое, на немже можете устояти, тоже цѣлуите, и цѣловавше блодѣте, да не преступни погубите душѣ своеѣ»⁷⁵. Даже на практике, когда, как следовало бы ожидать, крестоцелование легче было поставить в один ряд с клятвой священными предметами, такой путаницы не происходило. Во всяком случае, в Галицко-Волынской летописи в статье под 6765 (1257) г. о венгерском короле говорится, что он «бѣ клятвою клялся о Бозѣ великою

⁷³ Малинин В. И. Исследование Златоустра... С. 221–222.

⁷⁴ «Слово против клятвы» из Измарагда XV в.; Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3. С. 81–82.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 245.

к Романови и ко княгинѣ», а отдельно, — что дополнительно княгиня его «твердяшетъ крестомъ» (клятва «о Боже», о которой, к сожалению, подробнее не говорится, и крестоцелование, таким образом, четко различаются)⁷⁶.

Ко времени позднего Средневековья возобладала точка зрения, что хотя крестоцелование и нельзя ставить наравне с любой клятвой, но тем не менее его употребление надо как можно более сократить, поскольку преступление его — это тяжкий грех, и при нарушении данных обязательств человек не только вводит себя в грех, но и создает лишний повод для соблазна относительно действия сакральной силы. В митрополичьем канцелярском сборнике конца XV в. находим запись, что преступление крестоцелования «по неразумью» искупается пятилетней епитимией, а «по разумью» — «кровию своею токмо да искупится, юже прольет мученический за Христа»⁷⁷. Позднее точка зрения о том, что преступление крестоцелования — один из тягчайших грехов, была признана на государственном уровне и закреплена в Судебнике 1550 г.: «Лучше бо умерети, а креста не целовати, зане крестному целованию на лже покаяния несть». Тем не менее в XVI–XVII вв. крестное целование еще употреблялось на государственной службе, в суде и даже, по-видимому, при заключении договоров между частными лицами, став практически единственной или во всяком случае основной и единственной официально признанной формой присяги⁷⁸. Наиболее же распространенной формой обеспечения верности, честности и правильности данных обещаний, сведений и т. д. стала «евангельская заповедь, еже ей-ей», знакомая любому исследователю приказной и частной документации XVI–XVII вв.

В. Прохазка в свое время предложил эволюцию форм клятвы: древнейшей была языческая клятва на предметах и объектах, имевших сакральное значение, с христианизацией клянутся, употребляя уже предметы, освященные новой религией (причем наиболее развитая форма этой клятвы — на Евангелии), а в конце концов преобладающей становится присяга в виде словесной формулы со ссылкой на Св. Троицу, Христа, святых и т. д.⁷⁹ На древнерусских источниках такая эволюция прослеживается только отчасти: в древнейший пери-

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 836.

⁷⁷ Русский феодальный архив. М., 1988. Ч. 3. № 131, II.

⁷⁸ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории... С. 637–638.

⁷⁹ Procházka V. Prziśięga... S. 21, 23.

од сосуществуют разного рода клятвы (как «христианизованные» — перед иконами, в церкви и т. д., так и такие, которые, видимо, стояли вне христианской традиции — например, те «роты», к которым заходили русские князья с половцами) и крестоцелование, а позднее — в XV–XVI вв. — сохраняется крестоцелование, но преобладающей становится форма присяги в виде «евангельской заповеди, еже ей-ей».

Крестоцелование, таким образом, оказалось наиболее «живучей» формой закрепления и подтверждения истинности факта или намерения, обещаний и обязательств. Очевидно, это было связано с тем, что оно имело принципиально иное идейно-религиозное обоснование по сравнению с другими видами клятвы. Церковь признала употребление крестоцелования как способ своеобразного заклания дьявольской «лести». В древнейшее время применение этого обряда было обосновано прежде всего для поддержания «любви» между князьями Рюриковичами в условиях удельного политического порядка, но в позднее Средневековье обряд теряет связь с идеей братской любви и используется светской властью для обеспечения верности государственной службы. В то же время разделение крестоцелования и клятвы в Древней Руси не было всегда последовательным. При строго каноническом воззрении целование креста, так же как и целование или другое употребление иных священных предметов (икон и т. п.), подлежало запрету наравне с прочими видами клятвы. С другой стороны, не всегда целенаправленной и последовательной была борьба церковных властей с «христианизованной» клятвой (с использованием священных для христианской традиции предметов), поскольку в принципе признавалось проявление божественной силы через священные предметы и иконописные образы в случае поправления справедливости и нарушения данных перед Богом обещаний; на практике употребление этой клятвы допускалось даже высшими представителями церковной власти. Видимо, это было связано с тем, что средневековое общество не могло обойтись вообще без клятв и присяг, особенно тогда, когда государственная власть была не в состоянии обеспечивать гарантию соблюдения обещаний и договоренностей. Запреты, основанные на идеальных представлениях, противоречили архаической традиции и практическим потребностям, поэтому и само существование клятвы в Древней Руси, и те формы, в которых она существовала, были результатом своеобразного компромисса между идеалом и практикой.

А. А. Горский

Московские «примыслы» конца XIII — XV в. вне Северо-Восточной Руси

I. Рязанская земля: §1. Коломна; §2. «Отменные места рязанские»; §3. Правобережье Оки. II. Смоленская земля: §1. Можайск; §2. Ржева; §3. Медынь. III. Черниговская земля: §1. Владения новосильско-одоевских князей; §2. Тарусско-Оболенское княжество; §3. Козельское княжество; §4. Елецкое княжество. IV. Владения Орды: §1. Тула; §2. «Места татарские и мордовские»; §3. «Меча». V. Мещера. VI. Алексин. VII. Муромское княжество. Заключение: последовательность «примыслов», статусы присоединяемых территорий и механизмы присоединения

Объединение русских земель вокруг Москвы, формирование в XIV–XV вв. единого Русского государства всегда были в фокусе внимания исторической науки. Однако конкретные механизмы присоединения тех или иных территорий к владениям московских князей изучены пока недостаточно. Причем лучше обстоит дело с исследованием московских приобретений в пределах Северо-Восточной Руси («Суздальской земли»), т. е. в политической системе, возглавляемой великим княжением владимирским. По поводу присоединения к Москве территорий других княжеств Северо-Восточной Руси имеются обстоятельные работы А. Е. Преснякова¹, Л. В. Черепнина², В. А. Кучкина³;

¹ Пресняков А. Е. Образование Великоорусского государства. Пг., 1918.

² Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960.

³ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984.

в настоящее время над этой проблемой работает В. Д. Назаров⁴. Относительно неплохо изучено присоединение Новгородской земли, признававшей с середины XIII в. сюзеренитет великого князя владимирского⁵. Что касается приобретений на землях, не входивших в политическую систему Северо-Восточной Руси, то эта тема до сих пор специально не рассматривалась. Между тем она во всех отношениях не менее значима, чем вопрос о расширении московских владений в «Суздальской земле». Московское княжество занимало в последней пограничное, юго-западное положение. В 70-е гг. XIII в., когда оно образовалось, к западу от Москвы лежали владения Смоленского княжества, к юго-западу — Черниговского, к югу и юго-востоку — Рязанского и Муромского. За два века, прошедшие с тех пор до освобождения от ордынской власти в 70-е гг. XV в., к московским князьям отошли из состава Смоленской земли Можайск, Ржева и Медынь, из состава Рязанской — Коломна, территории по рр. Протве и Луже, правобережье средней Оки до верховьев Дона, из состава Черниговской — Калуга, Тарусско-Оболенское княжество, временно — Козельское; было присоединено Муромское княжество, а также Мещера (территория между Рязанской и Муромской землями, имевшая этнически смешанное население).

В совокупности названные территории сопоставимы с приращением владений Москвы на «северном направлении» — в пределах Северо-Восточной Руси. При этом их особая значимость заключалась в том, что это были земли, пограничные с территорией Орды (более того, известны случаи присоединения и собственно ордынских владений). А продвижение в западном направлении во второй половине XIV в. создало общую границу Московского великого княжества с Великим княжеством Литовским (после чего ряд территорий — Ржева, Козельск, Любутск — переходили из рук в руки).

Из перечисленных земель обстоятельно изучен только процесс присоединения Ржевы (В. А. Кучкиным)⁶. Предпринята попытка рассмот-

⁴ См.: Назаров В. Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV в. // Русский дипломатический М., 1999. Вып. 5; *Он же*. Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. II // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. М., 2000.

⁵ Черепнин Л. В. Образование... С. 855–874; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М., 1961; Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. СПб., 1994. С. 143–157.

⁶ Кучкин В. А. Из истории процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV–XV вв.) // История СССР. 1984. № 6.

реть обстоятельства приобретения Мурома, Мещеры, Тарусы и Козельска (С. А. Фетищев)⁷. В отношении приобретения остальных территорий исследователи ограничивались краткой констатацией⁸. Все присоединения на западе, юге и юго-востоке были упомянуты в работе М. К. Любавского, но без анализа механизмов приобретения их московскими князьями⁹.

В предлагаемой работе речь и пойдет в первую очередь о способах приобретения московскими князьями территорий вне пределов Северо-Восточной Руси («Суздальской земли» — владения потомков Всеволода Большое Гнездо), т. е. о приращении московских владений на западном, южном и юго-восточном направлении.

Верхний хронологический предел работы — 70-е гг. XV в., время освобождения Москвы от власти Орды¹⁰. Позднейшие присоединения на западе и юге (бывших территорий Черниговской земли, Смоленска, Рязани) происходили в иных условиях — производились уже суверенным государством, и относительно хорошо изучены¹¹.

⁷ Фетищев С. А. К вопросу о присоединении Мурома, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002.

⁸ См., например: Карамзин Н. М. История государства Российского М., 1992. Т. 4. С. 95, 103; М., 1993. Т. 5. С. 74, 106; Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. 2. С. 210, 252, 254, 282, 336 (примеч. 459), 346; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1884. Т. 1. С. 59, 61, 114, 127; Пресняков А. Е. Образование... С. 118, 330–331; Черетин Л. В. Образование... С. 459, 542, 663.

⁹ Любацкий М. К. Формирование основной государственной территории великорусской народности. Заселение центра. Л., 1929. С. 40–42, 46–47, 57–58, 74–76, 81–83, 86–91, 109–110. Политика Москвы в отношении Смоленской и Черниговской земель во второй половине XIV в. была обстоятельно рассмотрена Б. Н. Флорей, но акцент при этом делался на отношения с этими княжествами в целом, а не на переход части их территорий под непосредственную власть московских князей (Флора Б. Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1).

¹⁰ Освобождение от ордынской зависимости правильно связывать не только и именно с так называемым стоянием на Угре 1480 г., а с совокупностью событий в московско-ордынских отношениях 70-х гг. XV в., в которой выделяются два ключевых пункта — военные конфликты 1472 и 1480 гг. (см.: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 156–177, 184–186).

¹¹ См.: Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972. С. 142–168, 208–209; Он же. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 98–109, 178–196; Кром М. М. Меж Русью и Литвой. СПб., 1994.

Несколько слов о термине, вынесенном в заглавие работы. «Примыслами» именовались приращения территорий, преимущественно вне отчинных княжеских владений¹². Это могли быть присоединения самого разного масштаба — от великого княжества (Нижегородское) до отдельного села. Из рассматриваемых в работе приобретений «примыслами» прямо названы в источниках Муром и Козельск¹³.

Последовательность изложения — по политическим единицам в соответствии со временем первого присоединения к Москве части (или всей) территории каждого из них. Разделы, посвященные крупным землям — Рязанской, Смоленской, Черниговской, — делятся на параграфы по удельным княжествам или иным территориальным единицам внутри них, расположенные в соответствии с хронологией приобретения этих единиц московскими князьями. Кроме того, эти разделы предваряются краткими очерками истории отношений Москвы с «главными» князьями данных земель.

Наиболее информативным источником по истории «примыслов» являются духовные и договорные грамоты московских князей — документы, одним из назначений которых была фиксация состава и пределов княжеских владений. Духовные и договорные грамоты в работе используются по изданию Л. В. Черепнина 1950 г. Хронология тех из них, в тексте которых отсутствует дата, за прошедшие полвека была уточнена в работах ряда исследователей. В силу особой важности хронологии для изучаемой темы ниже приводится перечень отличных от предложенных в издании ДДГ гипотетических датировок грамот, используемых в настоящей работе.

№ 1а (первая духовная грамота Ивана Калиты) — 1336 г.¹⁴

№ 1б (вторая духовная грамота Ивана Калиты) — 1339 г.¹⁵

№ 2 (договор Семена Ивановича с братьями Иваном и Андреем) — 1348 г.¹⁶

¹² См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 1433–1434; *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М., 1994. Т. 19. С. 224; ДДГ. М.; Л., 1950 (по указателю).

¹³ ДДГ. № 21, 22, 24, 27, 30. С. 59, 61, 66, 70, 76, 78.

¹⁴ *Кучкин В. А.* Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты // *Источниковедение отечественной истории.* 1989. М., 1989.

¹⁵ Там же.

¹⁶ *Кучкин В. А.* Договор Калиитовичей (К датировке древнейших документов московского великокняжеского архива) // *Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин.* М., 1984.

№ 6 (договор Дмитрия Ивановича с великим князем литовским Ольгердом) — 1372 г.¹⁷

№ 7 (договор Дмитрия Ивановича с Олегом Ивановичем Рязанским) — 1381 г.¹⁸

№ 15 (договор Василия I с Михаилом Александровичем Тверским) — 1399 г.¹⁹

№ 16 (договор Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским) — первая половина 1404 или первая половина 1406 г.²⁰

№ 17 (духовная грамота Владимира Андреевича Серпуховского) — между началом 1404 и началом 1406 г.²¹

№ 18 (договор Ивана Федоровича Рязанского с великим князем литовским Витовтом) — 1427 г.²²

№ 21 (духовная грамота Василия I) — 1424 г.²³

№ 74 (духовная грамота Андрея Васильевича Вологодского) — ок. 1479 г.²⁴

№ 88 (духовная грамота Ивана III) — конец 1503 г.²⁵

На втором месте после духовных и договорных грамот по степени информативности в интересующей нас сфере стоят летописи. Ниже

¹⁷ *Кучкин В. А.* Русские земли и княжества перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 90–91.

¹⁸ *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975. С. 144–145.

¹⁹ *Назаров В. Д.* Дмитровский удел в конце XIV — середине XV в. // Историческая география России. XII — начало XX в. М., 1975. С. 50–51, примеч. 27; *Клюев Э.* Княжество Тверское (1247–1485). Тверь, 1994. С. 280–232.

²⁰ *Фетищев С. А.* К истории договорных грамот между князьями Московского дома конца XIV — начала XV в. // ВИД. СПб., 1994. Выд. 25. С. 66–68. Вероятнее датировка первой половиной 1404 г.: обновить dokonчание с Владимиром Андреевичем требовалось в силу того, что последнему был передан после смерти князя Василия-Кирдяпы Дмитриевича (датируется зимой 1403–1404 гг.) принадлежавший тому Городец на Волге.

²¹ Там же. С. 68–69.

²² *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот XIV–XV вв. // ПИ. М., 1958. Вып. 6. С. 294–295.

²³ *Иванов Д. И.* Московско-литовские отношения в 20-е гг. XV столетия // СР. М., 1999. Вып. 2. С. 87–90. См. также: *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 118–119.

²⁴ *Зимин А. А.* О хронологии... С. 317.

²⁵ *Кашинов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 198–202.

на с. 120 приводится схема основных генеалогических связей использованных в работе летописей XIV — 70-х гг. XV в., с учетом их не дошедших до нас протографов (они обозначены пустыми кружками)²⁶.

I. Рязанская земля

Отношения московских князей с юго-восточным соседом — Рязанским княжеством — были в конце XIII—XV вв. весьма тесными, что во многом обуславливалось непосредственной близостью к Москве его центра (от Москвы до Переяславля-Рязанского 190 км, в то время как, скажем, до Смоленска — 365). В 1300 г. Даниил Александрович ходил походом на Переяславль-Рязанский, где разбил рязанского князя Константина Романовича²⁷. В 1320 г. Юрий Данилович совершил поход на Ивана Ярославича Рязанского к заключил мир²⁸. Несколько обострений имели место в правление в Рязани Олега Ивановича (1350—1402). В 1371 г. московские войска разбили Олега под Скорнищевом и на рязанский стол был возведен рязанский удельный князь Владимир Пронский²⁹. Вскоре он, однако, уступил Рязань Олегу, и с 1372 по 1380 г. тот являлся союзником Москвы³⁰. Признание Олегом летом 1380 г. власти врага Дмитрия Московского Мамаю и его двусмысленная позиция в дни решающего столкновения Москвы с ордынским правителем на Куликовом поле привели к бегству Олега из своей земли и посажению Дмитрием Донским в Рязани своих наместников³¹. Но летом 1381 г. рязанское княжение было Олегу

²⁶ О генеалогических связях летописей см.: *Лурье Я. С.* Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40; *Он же.* Две истории Руси XV века. СПб., 1994; *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2000. В ряде случаев привлекались данные летописей начала XV — XVI в.: Симеоновской (восходящей вместе с Рогожским летописцем к тверской обработке свода начала XV в.), Тверского сборника (донесшего текст тверского летописания XIV—XV вв.), Ермолинской, Типографской, «Летописца от 72-х язык», Никоновской, Воскресенской.

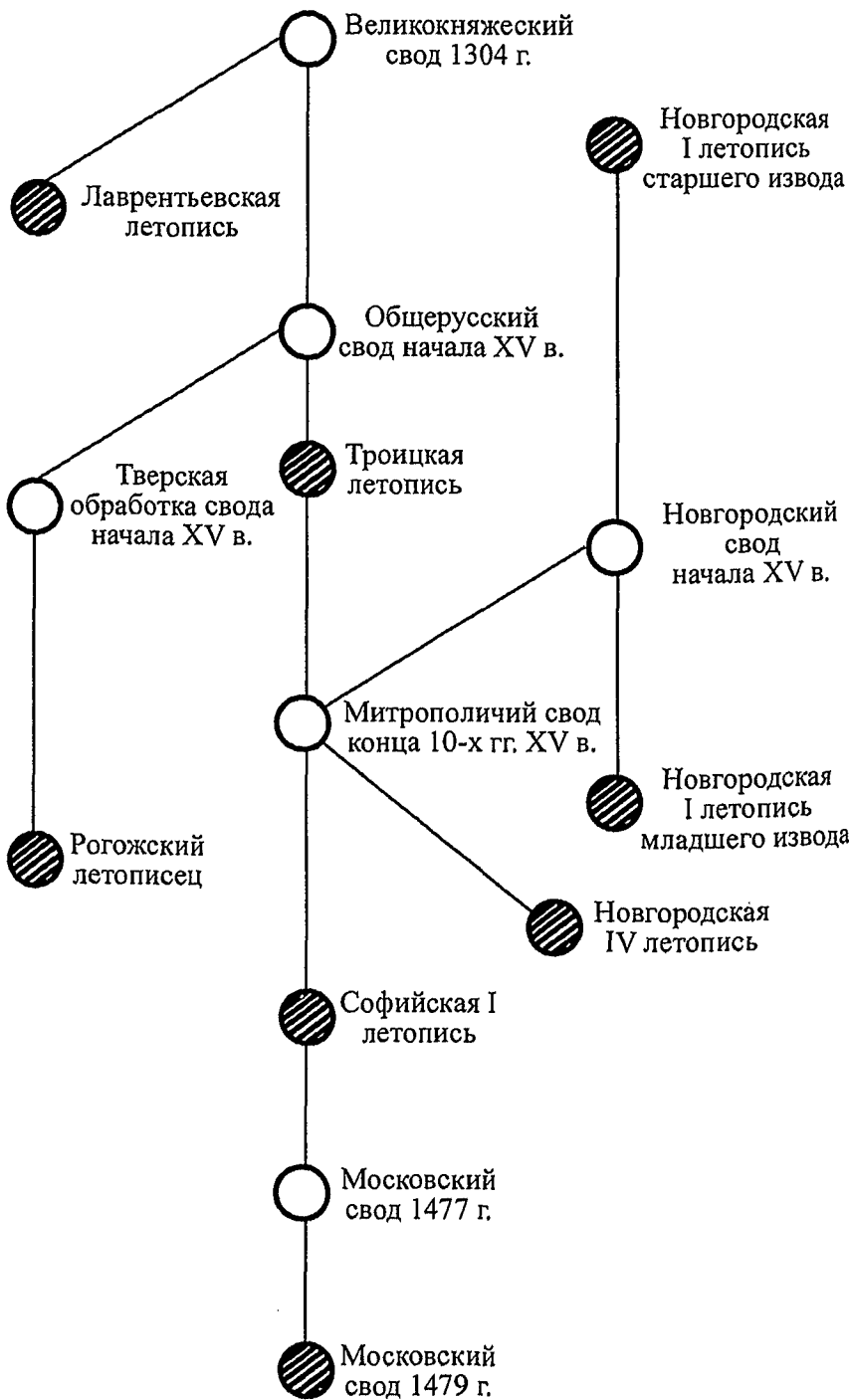
²⁷ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962: Лаврентьевская летопись. Стб. 486.

²⁸ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 96.

²⁹ ПСРЛ. Т. 15. Пг., 1922. Вып. 1: Рогожский летописец. Стб. 104.

³⁰ См.: *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 87, 94, 101, 110; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 86, 92—93.

³¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. С. 139—141.

возвращено и между Москвой и Рязанью заключен мирный договор³². Согласно нему, Олег признавал себя «младшим братом» Дмитрия, т. е. рязанский князь ставился в формально зависимое положение по отношению к московскому, хотя сохранял прерогативы суверенного правителя³³.

В 1382 г., во время похода Тохтамыша на Москву, Олег принял сторону хана, указав ему броды на Оке. Следствием этого стал поход московских войск на Рязанскую землю и новое бегство Олега³⁴. На этот раз, однако, о посадении Дмитрием наместников в Рязани ничего не известно: очевидно, московский князь не желал продолжать обострять отношения с ханом, удерживая за собой земли князя, признававшего его власть. В 1385 г. имела место новая московско-рязанская война, не принесшая успеха Дмитрию Донскому³⁵. За ней последовало улучшение отношений³⁶. В 1402 г. Василий I и сын Олега Федор обновили московско-рязанский договор. Отношения князей строились по типу договора 1381 г. — Федор признавал Василия «старейшим братом»³⁷. Мирные отношения затем поддерживались в течение всего XV столетия, подкрепляясь новыми договорами, из которых сохранились dokonчания 1434 г. Ивана Федоровича Рязанского с Юрием Дмитриевичем (занимавшим тогда московский престол), Ивана Федоровича с Василием II 1447 г., Ивана Васильевича Рязанского с Иваном III 1483 г.³⁸ В период с 1456 по 1464 г. малолетний тогда рязанский князь Василий Иванович воспитывался в Москве (в 1464 г. он, женившийся на дочери Василия II, был отпущен на свое княжение), а Рязанским княжеством управляли фактически московские наместники³⁹.

³² См.: *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 245–270.

³³ ДДГ. № 10. С. 29–30.

³⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143–146.

³⁵ Там же. Стб. 150.

³⁶ В том же 1385 г. Дмитрий и Олег примирились благодаря посредничеству Сергия Радонежского (Там же. Стб. 151).

³⁷ ДДГ. № 19. С. 52–55.

³⁸ Там же. № 33, 47, 76. Согласно описям Посольского приказа 1614 и 1626 гг., существовали также договор Василия I с Иваном Федоровичем 1417 г. и договор Василия II с ним же 1433 г. (ДДГ. С. 448, 457; Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 39–40, 44–45).

³⁹ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25: Московский свод конца XV в. С. 275, 278.

Таким образом, для отношений московских князей с Рязанским княжеством в целом характерно стремление привести рязанских князей в зависимость, но без посягательств на самостоятельность рязанского стола⁴⁰; максимум, на что здесь рассчитывала Москва, — это посажение в Рязани более выгодного для себя представителя рязанской династии (так было в 1300 и 1371 гг., а также, вероятно, в 1343 г.⁴¹).

§1. Коломна

Коломна и относящиеся к ней волости фигурируют как московское владение в духовных грамотах Ивана Калиты⁴². В домонгольскую эпоху она была в составе Рязанского княжества⁴³. В литературе до недавнего времени присоединение Коломны связывали с двумя сообщениями о московско-рязанских отношениях на рубеже XIII–XIV вв.: 1) поход Даниила Александровича осенью 6809 ультрамартовского (т. е. 1300) г.⁴⁴ к Переяславлю-Рязанскому, в результате которого рязанский князь Константин Романович был разбит и попал в московский плен⁴⁵; 2) приезд Юрия Даниловича осенью 6815 г. (по датировке, содержащейся в Троицкой и Симеоновской летописях; реально, видимо, речь шла о событиях осени 1305 г.⁴⁶) в Москву «с Рязани» и убийство им зимой того же года содержавшегося в плену Константина Рязанского⁴⁷. Недавно, однако, были предложены две другие датировки.

⁴⁰ Захват Рязани в 1380 г. вряд ли преследовал такую цель, раз вскоре Дмитрий Донской примирился с Олегом Рязанским и вернул ему княжение. Правда, не исключено, что это было сделано из оглядки на пришедшего к власти в Орде после гибели Мамая в конце 1380 г. Тохтамыща, чье верховенство в Москве признали.

⁴¹ См. ниже § «Коломна» и § «Отменные места рязанские».

⁴² ДДГ. № 1. С. 7, 9.

⁴³ См.: Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. М., 2001. С. 36–58.

⁴⁴ См.: Березков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 119–120, 122–123.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486.

⁴⁶ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 44–45.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. СПб., 1913. С. 86–87; Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 352 и примеч. 4. С этими событиями связал присоединение Коломны В. А. Кучкин (*Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович* // ОИ. 1995. № 1. С. 102). Д. И. Иловайский и М. К. Лю-

К. А. Аверьянов предположил, что в начале XIV в. московским князьям досталась половина Коломны, а другую приобрел еще в конце 10-х гг. XIII в. отец Александра Невского Ярослав Всеволодич в качестве приданого за своей третьей женой — рязанской княжной⁴⁸. Безосновательность такой гипотезы показана А. Б. Мазуровым⁴⁹. Добавлю, что Ярослав Всеволодич (чей третий брак, следует отметить, фантастичен⁵⁰) не владел в 10-е гг. XIII в. Москвой, и Коломна должна была бы в этом случае отойти к его Переяславскому княжеству, а не к великому Владимирскому, в составе которого Москва находилась до смерти Александра Невского.

По мнению А. И. Цепкова, Коломна была присоединена к московскому княжеству только в 1325–1327 гг.; основанием для этого служит упоминание в московско-рязанских докончаниях XV в. границы между княжествами, начиная со времен Ивана Калиты и Ивана Ярославича Рязанского, одновременно правивших только в этот отрезок времени⁵¹. Но дело в том, что отсылка к временам этих князей в договорных грамотах касается «Володимерьского порубежья», т. е. границы Рязанского княжества не с собственно Московским, а с великим Владимирским; Коломна же упомянута при описании собственно московско-рязанской границы, которое отсылку к прежним правителям не содержит⁵².

Автор новейшего монографического исследования о средневековой Коломне А. Б. Мазуров, рассмотрев историографию вопроса и справедливо отведя точки зрения К. А. Аверьянова и А. И. Цепкова, ограничился констатацией, что присоединение Коломны имело место «около

бавский относили его к 1300 г. (*Иловайский Д. И.* История Рязанского княжества. М., 1858. С. 138; *Любавский М. К.* Формирование... С. 40). Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и А. Е. Пресняков упоминали в связи с присоединением Коломны и поход 1300 г., и события, описанные под 6815 г. (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1992. Т. 4. С. 102–103, 263, примеч. 211; *Соловьев С. М.* Сочинения. М., 1998. Кн. 2. С. 210, 441; *Пресняков А. Е.* Образование... С. 97).

⁴⁸ *Аверьянов К. А.* Московское княжество Ивана Калиты. Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. М., 1994. С. 3–20.

⁴⁹ *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна... С. 96–98.

⁵⁰ См.: *Кучкин В. А.* К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 год. М., 1986.

⁵¹ *Цепков А. И.* Время присоединения Коломны к Москве // Славянские хроники. СПб., 1996.

⁵² ДДГ. № 19. С. 53; № 39. С. 84–85.

1300–1306 гг.», посчитав, «что по недостатку источников окончательно решить этот вопрос невозможно»⁵³.

Полагаю, что проблема проясняется, если уделить внимание записи Лаврентьевской летописи под 6808 ультрамартовским (т. е. 1299) г.: «Того же лѣта рязаньскыи князи Ярославичи у Переяславля»⁵⁴. Во фразе пропущено сказуемое. Речь явно идет о борьбе разных ветвей рязанской династии за главный стол земли, разгоревшейся после смерти в том же 1299 г. князя Ярослава Романовича⁵⁵. У него остался младший брат Константин и сыновья Михаил и Иван — те самые «Ярославичи»⁵⁶. А в следующем году «Данило князь московьскыи приходиль на Рязань ратью и билися у Переяславля, и Данило одолѣль, много и татарь избито бысть, и князя рязанского Костянтина нѣкакою хитростью яль и приведь на Москву»⁵⁷. Видимо, имело место вмешательство Даниила в рязанскую усобицу на стороне Ярославичей⁵⁸. Позже на рязанском столе княжил Михаил (он упомянут в качестве рязанского князя в жалованной грамоте, предположительно датированной 1303 г.), а затем (до 1327 г.) Иван⁵⁹. Очевидно, при поддержке московского князя, победившего и пленившего Константина, Ярославичи и овладели Переяславлем-Рязанским. Платой Даниилу за помощь стала Коломна. В предшествующую эпоху Коломна была, по-видимому, стольным городом удела в Рязанском княжестве⁶⁰. Не исключено, что это был удел именно Константина Романовича — младшего из трех братьев Романовичей (собственный удельный стол Ярослава был в Пронске⁶¹). Если это так, то Даниил в обмен на помощь Ярославичам в овладении главным столом Ряз-

⁵³ Мазуров А. Б. Средневековая Коломна... С. 99, 320.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Экземлярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг. СПб., 1891. Т. 2. С. 575, 578–579, 626–627.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486.

⁵⁸ Такое предположение высказывал А. В. Экземлярский (*Экземлярский А. В. Великие и удельные князья...* Т. 2. С. 577, примеч. 1857).

⁵⁹ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 309. С. 339; Морозов Б. Н. Грамоты XIV–XVI вв. из копийной книги Рязанского архиерейского дома // Археографический ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 298–300; НПЛ. С. 96, 98; ПСРЛ. Вып. 1. Т. 15. Стб. 44.

⁶⁰ Мазуров А. Б. Средневековая Коломна... С. 58.

⁶¹ Прозвищем «пронский» Ярослав назван в летописном известии о его смерти (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485).

занской земли получил удел (или часть удела со стольным городом) побежденного им и его союзниками князя.

Приезд Юрия в 1305 г. в Москву «с Рязани», видимо, имел место при возвращении его из Орды. Не исключено, что летописное известие⁶² намекает на какие-то переговоры московского князя с рязанскими Ярославичами по поводу судьбы пленного Константина и Коломны. Вскоре Юрий убивает Константина. Согласно Никоновской летописи, в 1308 г. в Орде был убит сын Константина Василий⁶³. С событиями 1305 г. и, возможно, с гибелью Василия допустимо связывать закрепление присоединения Коломны к Москве, но событием, в отношении которого можно предполагать реальные механизмы этого присоединения, является только военный конфликт 1300 г. Таким механизмом стало, по-видимому, соглашение московского князя с одной из противоборствующих группировок князей Рязанской земли.

Неясен вопрос о приокских волостях, находившихся западнее тех, которые в духовных грамотах московских князей характеризуются как «коломенские» — расположенных по левым притокам Оки Лопасне и Наре и вошедших по завещанию Ивана Калиты в удел его младшего сына Андрея⁶⁴. Существует как мнение об их присоединении вместе с Коломной⁶⁵, так и о переходе из Черниговской земли в состав Владимиро-Суздальской (и, следовательно, с 70-х гг. XIII в. — Московского княжества) во времена Всеволода Большое Гнездо⁶⁶. Представляется, что есть основания говорить о присоединении в 1300 г. территорий по р. Лопасне. В завещании Ивана Ивановича предусматривается возможность потери по воле Орды «Коломны, или Лопастеньских мѣсть, или отмѣнных мѣсть Рязаньскихъ»⁶⁷. «Отменные места Рязанские» отошли к Москве при сыновьях Калиты (см. ниже посвященный им параграф). Раз «Лопастеньские места» названы между двумя приобретениями, сделанными из земель Рязанского княжества, не может вызвать сомнений, что и они находились ранее в ее составе (отчего бы опасаться отнятия Ордой исконно московских террито-

⁶² «Князь Юрьи выѣха на Москву съ Рязани... тое же змы князь Юрьи князь Костянтина убиль Рязанскаго» (ПСРЛ. Т. 18. С. 86–87).

⁶³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 176.

⁶⁴ ДДГ. № 1. С. 7, 9.

⁶⁵ См.: Любавский М. К. Формирование... С. 40–42.

⁶⁶ Кучкин В. А. Формирование... С. 98, 102 (карта).

⁶⁷ ДДГ. № 4. С. 15, 18.

рий?) и были присоединены к Москве не раньше Коломны. «Лопастенские места» включали в себя и населенный пункт Лопасню, расположенный на правом берегу Оки напротив устья р. Лопасни⁶⁸. В 1353 г. Лопасня была захвачена рязанским князем Олегом Ивановичем и впоследствии (по договору 1381 г.) сохранялась за Рязанью⁶⁹. Земли же по р. Наре под определения «Коломна» и «Лопастенские места» не подходят: от коломенских волостей они отделены расположенной восточнее Нары Лопасней, а «лопастенскими» не могли быть названы, так как Лопасня — менее значительная река, чем Нара. Следовательно, территории по р. Наре (земли будущего Серпуховского удела) не рассматривались как отнятые у Рязани; очевидно, они были в составе Московского княжества с начала его существования.

Рязанские князья впоследствии долго не оставляли планов вернуть Коломну. В духовной Ивана Ивановича, как говорилось выше, допускается возможность утери Коломны (по воле Орды). По московско-рязанскому договору 1381 г. Олег Рязанский признавал принадлежность города Дмитрию Донскому⁷⁰, но в 1385 г. затеял войну с Москвой и захватывал в ходе нее Коломну⁷¹. Московские князья передавали Коломну старшим сыновьям⁷²; с конца XIV в. в договорных грамотах Коломна упоминается рядом с Москвой как обозначение собственно Московского княжества⁷³.

§2. «Отменные места рязанские»

В духовной грамоте Ивана Ивановича упоминаются «отменные (т. е. обмененные) места рязанские»: «А что ся мнѣ достали мѣста Рязанская на сеи сторонѣ Оки, ис тыхъ мѣсть дал есмь князю Володи-

⁶⁸ См.: *Насонов А. И.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 226–227; *Юшко А. А.* О некоторых волостях и волостных центрах Московской земли XIV в. // *Древняя Русь и славяне*. М., 1978. С. 282–284.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 63; ДДГ. № 10. С. 29.

⁷⁰ ДДГ. № 10. С. 29. Возможно, в 1381 г. был произведен обмен располагавшихся за Окой коломенских волостей Горетово и Горки на волость «Комарев з Берегом», находившуюся выше Коломны на левом берегу Оки (см.: *Юшко А. А.* Московская земля IX–XIV веков. М., 1991. С. 73; *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна... С. 65, 76–78, 454).

⁷¹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 150.

⁷² ДДГ. № 1, 4, 12, 20–22, 61. С. 7, 9, 15, 17, 53, 55, 58, 60, 194.

⁷³ ДДГ. № 14. С. 40; № 16. С. 44; № 18. С. 52.

меру (своему племяннику Владимиру Андреевичу. — А. Г.), в Лопастны мѣста, Новыи городокъ на оустъ Поротли, а иныя места Рязаньская отмѣнная сыномъ моимъ, князю Дмитрѣю и князю Ивану, подѣлятся наполю, безъ обиды... А ци по грѣхомъ, имуть искати из Орды Коломны или Лопастеньских мѣстъ, или отмѣнных мѣстъ Рязаньскихъ, а по грѣхомъ, ци отъимется которое мѣсто, дѣти мои, князь Дмитрии и князь Иванъ, князь Володимеръ, и княгини в то место подѣлятся безъменьными мѣсты»⁷⁴. В договоре Дмитрия Донского с Олегом Ивановичем Рязанским (1381 г.) говорится, что по левому берегу Оки «Новыи городок, Лужа, Веря, Боровескъ, и иная мѣста Рязанская, которая ни будутъ на той сторонѣ, то к Москве»⁷⁵. Эти «места рязанские» договора 1381 г. не определяют как «отменные», и резонен вопрос, тождественны ли они тем, которые были на что-то выменены московскими князьями ранее 1359 г.? В духовной Ивана Ивановича Новый Городок прямо назван среди «отменных мест рязанских». Кроме того, там же упоминается «село на Рѣпнѣ в Боровьске»⁷⁶. Следовательно, район Боровска был в 50-е гг. за Москвой. Вряд ли Иван Иванович в своем завещании опасался отнятия по воле Орды только части бывших рязанских владений на левом берегу Оки: надо полагать, что его опасения касались всех отошедших к Москве от Рязани земель. А это значит, что «отменные места рязанские» — это все бывшие рязанские левобережные владения, названные в договоре 1381 г., т. е. обширная территория в бассейне рр. Протвы и Лужи⁷⁷. По договору 1381 г. они закреплялись за Москвой, в то время как бывшие московские владения на правом берегу Оки — за Рязанью: «А что на Рязанской сторонѣ за Окою, что доселе потягло къ Москвѣ, почен Лопастня, уѣздъ Мстиславль,

⁷⁴ ДДГ. № 4. С. 15, 18.

⁷⁵ Там же. № 10. С. 29.

⁷⁶ Там же. № 4. С. 15, 17. Сам Боровск не упомянут, так как другими (кроме Нового Городка) «отменными местами рязанскими» Иван Иванович предлагает, не перечисляя их, поделиться своим сыновьям.

⁷⁷ Высказывалось предположение, что в обмен были вовлечены также волость Кашира в низовьях р. Каширки и с. Малино в верховьях р. Городенки, упомянутые впервые в числе тянущих к Коломне территорий в духовной Ивана Ивановича (См.: Юшко А. А. Московская земля... С. 73; Мазуров А. Б. Средневековая Коломна... С. 100, 454). Однако более вероятным кажется, что их отсутствие в духовных Ивана Калиты объясняется тем, что волость Кашира (не упоминаемая и в духовных грамотах преемников Ивана Ивановича) была выделена на короткое время из более обширной волости Канев (см. карты в кн.: Мазуров А. Б. Средневековая Коломна... С. 544–545. Табл. 2–3, см. также с. 74), а села Малино при Калите просто еще не существовало.

Жадѣне городище, Жадемль, Дубокъ, Броднич с мѣсты, как ся отступили князи торуские Федору Святославичу, та мѣста к Рязани»⁷⁸.

Скорее всего, именно эти территории⁷⁹ являлись объектом обмена на рязанские левобережные владения⁸⁰. Обмен был явно неравноценным — Москва приобретала более обширные и освоенные земли.

Когда мог иметь место такой обмен? Очевидно, что это произошло позже смерти Ивана Калиты, в духовных которого земли данного региона не фигурируют, и ранее составления духовной Ивана Ивановича. Упоминание в духовной Семена Ивановича двух среднепротвинских волостей — Заячкова и Гордошевичей⁸¹ — позволяет утверждать, что по меньшей мере часть этих территорий была присоединена еще при нем. В связи с этим обращают на себя внимание два известия о ханском «пожаловании» Семену и его братьям.

В 1344 г. «пойде въ Орду князь великий Семень Ивановичь, а съ нимъ братья его, князь Иванъ да Андрѣи, и вси князи тогды въ Ордѣ были... Тое же осени мѣсяца октября въ 26, на память святого мученика Димитриа, выиде изъ Орды князь великий Семень Ивановичь, а съ нимъ братья его, князь Иванъ, князь Андрѣи, пожалованы Богомъ да царемъ»⁸². Под летописными сообщениями о «пожалованиях» скрываются, как правило, реальные передачи ханом князьям владений⁸³. В 1344 г. умер князь Ярослав Александрович Пронский, а годом ранее был убит другой представитель рязанской династии — Иван Иванович Коротопол. В 1342 г. между этими князьями имел место конфликт: Ярослав пришел от хана

⁷⁸ ДДГ. № 10. С. 29.

⁷⁹ Об их локализации см. в § Тарусско-Оболенское княжество раздела III «Черниговская земля».

⁸⁰ В. А. Кучкин, исходя из слов, «что доселе потягло къ Москвѣ», предположил, что перечисленные территории были захвачены Дмитрием Донским у Олега Рязанского осенью 1380 г., и именно владение этими волостями имелось в виду в летописном сообщении, что Дмитрий посадил на «рязанском княжении» своих наместников (Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 19). Но позже он изменил свою точку зрения, придя к выводу, что наместники были посажены собственно в Переяславле-Рязанском (Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века... С. 247–248). Слово «доселе», вероятно, перешло в договор из более раннего, не дошедшего до нас московско-рязанского соглашения, либо появилось благодаря тому, что в 1380 г. москвичи вновь заняли эти бывшие московские территории.

⁸¹ Об их локализации см.: Кучкин В. А. Княгиня Анна — тетка Симеона Гордого // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 8–9.

⁸² Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 366–367; ПСРЛ. Т. 15, Вып. 1. Стб. 55–56.

⁸³ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 62, 65.

Джанибека с ярлыком на рязанское княжение в сопровождении посла Киндыка, Иван сначала затворился было в Переяславле-Рязанском, но затем бежал из города⁸⁴. В 1350 г. умирает брат Ярослава Василий Александрович, и «тое же весны поиде въ Орду князь великий Семень Ивановичь, а съ нимъ братья его Иванъ, Андрѣи. Того же лѣта выиде изъ Орды на Русь князь великий Семень съ своею братьею и съ пожалованиемъ»⁸⁵. Относившиеся к протвинско-лужскому региону волости Заячков и Гордошевичи достались Семену Ивановичу от его тетки княгини Анны⁸⁶. Как убедительно обосновал В. А. Кучкин, Анна была дочерью Даниила Александровича, выданной за одного из рязанских князей⁸⁷. Возможно, поездки Семена и его братьев в Орду после кончин князей рязанского дома связаны именно с утверждением в какой-то форме их прав на рязанские левобережные земли Поочья, входившие в Московское княжество при его преемниках.

Наиболее вероятным кажется, что Анна Даниловна, которой принадлежала часть заокских рязанских земель, была женой отца Ярослава и Василия — Александра Михайловича Пронского, убитого зимой 1339–1340 г. Иваном Коротополом⁸⁸. Такое предположение хорошо укладывается в контекст отношений Даниила Александровича с рязанскими князьями (см. §1. Коломна). В результате вмешательства Даниила в 1300 г. в рязанские дела на стороне пронских Ярославичей в Переяславле-Рязанском вокняжился Михаил Ярославич; союз Даниила и Михаила мог быть тогда скреплен браком их детей. Подобно тому как платой Даниилу за помощь против Константина Романовича Рязанского стала Коломна, так платой Семену за помощь против Ивана Ивановича Коротопола могла стать договоренность об обмене заокских владений Рязани, включавших удел тетки великого князя — матери Ярослава и Василия Александровичей — по смерти этих князей на менее значительные земли на правобережье Оки, входившие в состав Московского княжества⁸⁹. Возможно, при жизни Александро-

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 54–55.

⁸⁵ Там же. Стб. 59; *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. С. 371.

⁸⁶ *Кучкин В. А.* Княгиня Анна... С. 7–9.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 51.

⁸⁹ А. Ю. Дворниченко относит переход «отменных мест рязанских» в состав Московского княжества к концу правления Ивана Ивановича, так как некоторые из входящих в них населенные пункты упоминаются в жалованной грамоте рязанского князя Олега

вичи управляли двумя частями этого удела, чем и была вызвана двукратность обращения в Орду для утверждения перехода «мест рязанских» к Москве — после смерти каждого из них. Взамен отходивших к Москвеземель Рязани передавались принадлежавшие какое-то время Семену заокские территории, ранее отданные тарусскими князьями Федору Святославичу. По-видимому, и упомянутая перед ними в договоре 1381 г. Лопасня должна была тогда быть возвращена Рязани, но этого не было сделано, что и вызвало захват ее Олегом Ивановичем в 1353 г., после смерти Семена (когда Иван Иванович отправился в Орду за ярлыком на великое княжение)⁹⁰.

§3. Правобережье Оки

В договоре 1381 г. упоминаются три населенных пункта на правобережье Оки, остающиеся за Москвой: «А что мѣста Талица, Выползовъ, Такасовъ, та мѣста князю великому Дмитрию, князь великий Олегъ ступился тѣх мѣстъ князю великому Дмитрию Ивановичю»⁹¹. Местоположение их остается неясным⁹². Скорее всего, это были небольшие анклавные территории на правобережье, которые Дмитрий Донской удержал за собой в обмен на возвращение Олегу в 1381 г. рязанского стола.

Ивановича Ольгову монастырю св. Богородицы, которую автор датирует (не без оснований) 1355–1356 гг. (*Дворниченко А. Ю. О жалованной грамоте Олега Ивановича Ольгову монастырю // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996*). Но в грамоте эти поселения упомянуты как пожалования прежних рязанских князей, а о нынешнем времени говорится: «А хто даных людии прадеды нашими святои Богородици дому гдѣ имуть съдѣти или бортницы или слободичъ в моеи отчинѣ, ать знаютъ дом святои Богородици» (*АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 322. С. 351*). Речь идет о жителях данных поселений, которые в момент составления грамоты обитают не в них, а в отчине Олега, т. е. в Рязанском княжестве; следовательно, те, кто остался на месте, вероятно, находятся вне пределов владений Олега, на территории, отошедшей к Москве. Слова из духовной грамоты Ивана Ивановича «А что ся мнѣ достали мѣста Рязаньская» (*ДДГ. № 4. С. 15, 18*) не означают, что эти территории стали московскими только в период его великого княжения. Во-первых, речь может идти о том, что они достались Ивану по смерти брата (напомним, что две из волостей этого региона — Заячков и Гордошевичи — упомянуты уже в завещании Семена, т. е. несомненно были присоединены в его княжение). Во-вторых, часть «отменных мест» могла отойти к Ивану еще как к удельному князю: ведь он ездил в Орду вместе с братом и в 1344, и в 1350 гг.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 63.

⁹¹ ДДГ. № 10. С. 29.

⁹² См.: *Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1901. Ч. 1. С. 26.*

Следующее приобретение московских князей в этом регионе относится к правлению Василия II. В договоре Ивана III с Иваном Васильевичем Рязанским 1483 г. записано: «А что купля отца нашего, великого князя Василья Васильевича, за рѣкою за Окою, Тѣшилов, и Венев, и Растовець, и иная мѣста, и тѣм нашим землям със твоею землею рубеж от Оки, с усть Смѣдвы, въверхъ по Смѣдвѣ до усть Песоченки, а Песоченкою до верховья Песоченьского, а от верховья Песоченки через лѣс прямо к Осетру, к усть Кудеснѣ, а Кудесною въверхъ до верховья, а от верховья Кудесны прямо к верхъ Табалом, а по Табалом на низ в Дон. И что перешло за тот рубеж тое купли отца нашего, великого князя Васильевы, на твою сторону, и нам, великим князем, в то не вступатися, ни подѣскивати, ни нашим детем под твоими дѣтми никоторою хитростию. А что перешло твоеи земли, великого князя Рязанские за тот рубеж на нашу сторону, и в то ся тебѣ у нас не вступати, ни подѣскивати под нами, под великими князми, ни под нашими дѣтми, ни твоим дѣтем никоторою хитростью»⁹³. Купля, таким образом, охватывала большую территорию — все рязанские владения к западу от среднего течения Осетра, а на юг до верховьев Дона. Вероятнее всего, Василий II купил эти земли у Василия Ивановича Рязанского, когда тот воспитывался в Москве, а Рязань фактически управлялась московскими наместниками (т. е. между 1456 и 1462 — годом смерти Василия II).

Таким образом, в течение середины — второй половины XIV в. московские князья, хотя и стремились заполнить владения к югу от Оки, явно отдавали предпочтение закреплению за собою бывших рязанских территорий, расположенных на ее левом берегу, ради чего могли поступаться правобережными приобретениями. С 80-х гг. XIV по 50-е гг. XV в. московско-рязанская граница оставалась стабильной. Лишь в конце правления Василия II было осуществлено продвижение на юг, и весьма значительное. Скорее всего, это было связано с регулярными, начиная с 1449 г., набегами на московские владения с юга татар орды хана Сеид-Ахмеда⁹⁴. Передвижение южной границы на значительное расстояние от Оки позволяло вовремя получать информацию о набегах с тем, чтобы успеть укрепить оборону на окском рубеже (так называемом «Береге»): если в 1455 г. татары смогли пе-

⁹³ ДДГ. № 76. С. 285, 288–289.

⁹⁴ Такие набеги имели место в 1449, 1450, 1451, 1455, 1459 гг. (см.: ПСРЛ. Т. 25. С. 270–273, 275–276).

реправиться через Оку, то во время набега 1459 г. это им уже не удалось (как и в ходе позднейших походов).

* * *

Присоединение территорий в районе низовьев р. Москвы, осуществленное в 1300 г., положило начало продвижению московских владений на юг. В середине — второй половине XIV в. московским князьям удалось закрепить за собой все владения Рязани на левом берегу Оки, добиться признания рязанскими князьями их принадлежности Москве. Правобережные же территории еще долго оставались рязанскими. Лишь в третьей четверти XV в., в связи с потребностями обороны от ордынских набегов, было осуществлено присоединение крупного массива земель к югу от Оки. Для этого московский князь воспользовался своим временным контролем над Рязанским княжеством.

II. Смоленская земля

Смоленское княжество, в домонгольский период бывшее одним из сильнейших на Руси, в канун Батыева нашествия стало терять свои позиции⁹⁵. Уже в 1239 г. великий князь владимирский Ярослав Всеволодич вмешался в смоленские дела и посадил на смоленский стол своего ставленника⁹⁶. И позднее имеются известия (о событиях 1269, 1294, 1311 гг.), позволяющие предполагать признание смоленскими князьями верховенства великих князей владимирских⁹⁷.

Уже в начале XIV в. усиливающиеся московские князья, еще не будучи великими князьями владимирскими, начинают вмешиваться в дела соседней с их княжеством Смоленской земли. В 1309–1310 гг. Юрий Данилович, по-видимому, поддерживал претензии Святослава Глебовича, младшего брата смоленского князя, на принадлежавший смоленской династии Брянск⁹⁸. Союзниками Москвы в последующие

⁹⁵ См.: Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996. С. 70.

⁹⁶ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 469.

⁹⁷ НПЛ. С. 88–89, 93, 327–328; Горский А. А. Русские земли... С. 39–40.

⁹⁸ См.: Горский А. А. Брянское княжество в политической жизни Восточной Европы (кон. XIII — нач. XV в.) // СР. М., 1996. Вып. 1. С. 79–80, 86–88.

годы стали сыновья Святослава Глеб и Федор, владевшие восточными княжествами Смоленской земли — Вяземским (Вяземско-Дорогобужским) и Ржевским⁹⁹. После того как в 30-е гг. смоленский князь Иван Александрович признал себя «младшим братом» великого князя литовского Гедимина, Иван Калита активно участвовал в организации зимой 1339—1340 гг. ордынско-русского похода на Смоленск. Он окончился безрезультатно, но Москве удалось посадить своего ставленника Глеба Святославича в Брянске, впрочем ненадолго — в конце 1340 г. он был свергнут и убит¹⁰⁰. В 1352 г. Семен Иванович, пользуясь сложным внешнеполитическим положением Великого княжества Литовского, сумел добиться возвращения Смоленского княжества (и управляемого князьями смоленской династии Брянского) под сюзеренитет великого князя владимирского¹⁰¹.

Со второй половины 50-х гг. вновь разгорается борьба Москвы с Литвой за влияние на Смоленск. В 1360 г., когда московские князья временно утратили великокняжеский владимирский стол, Смоленск снова признал зависимость от Литвы¹⁰². В условиях московско-литовского конфликта конца 60-х — начала 70-х гг. союзником Дмитрия Московского стал вяземский князь Иван Васильевич (племянник смоленского князя Святослава Ивановича)¹⁰³. В середине 70-х гг. и Святослав порвал с зависимостью от Ольгерда и вошел в союз с Москвой¹⁰⁴.

В 1386 г., после заключения Кревской унии Великого княжества Литовского с Польским королевством, литовские войска нанесли поражение смольнянам; новому смоленскому князю Юрию Святославичу пришлось заключить договор с Литвой, ставивший Смоленскую землю в зависимость¹⁰⁵. В 1395 г. великий князь литовский Витовт захватил Смоленск непосредственно¹⁰⁶. В 1401 г. Юрию Святославичу

⁹⁹ См.: Там же. С. 84—87.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1 Стб. 51—53; Т. 18. С. 92—93; НПЛ. С. 353; Горский А. А. Брянское княжество... С. 81—86.

¹⁰¹ См.: Флоря Б. Н. Борьба... С. 62—65.

¹⁰² См.: Там же. С. 69—70.

¹⁰³ РИБ. 2-е изд. СПб., 1908. Т. 6. Приложение. Стб. 137—140, 147—148; РИИР. М., 1977. Вып. 2. С. 26—27; Горский А. А. Русские земли... С. 37—38.

¹⁰⁴ См.: Флоря Б. Н. Борьба... С. 73—74.

¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 113; Т. 4. Ч. 1: Новгородская IV летопись. Вып. 2. С. 343—344; Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963. С. 73—74.

¹⁰⁶ НПЛ. С. 387.

с помощью своего тестя Олега Ивановича Рязанского удалось отвоевать свой стольный город¹⁰⁷. Окончательно Витовт сумел присоединить Смоленск к своим владениям в 1404 г.¹⁰⁸ В борьбу за Смоленск, происходившую в конце XIV — начале XV в., Москва непосредственно не вмешивалась — Василий I тогда стремился не обострять отношений со своим тестем Витовтом.

§1. Можайск

Можайск как московское владение упоминается в духовных грамотах Ивана Калиты¹⁰⁹. Ранее он входил в состав Смоленской земли: князь Федор Ростиславич, младший сын смоленского князя Ростислава Мстиславича, до своего вокняжения в Ярославле (датируемого временем ок. 1260 г.¹¹⁰) благодаря браку с местной княжной, княжил в Можайске¹¹¹.

Традиционно считалось, что Можайск был присоединен к Московскому княжеству в 1303 г. Основанием этому служила летописная запись под 6812 ультрамартовским годом: «И то же весны князь Юрьи Данилович съ братьею своею ходилъ къ Можаяску и Можаяскъ взялъ, а князя Святослава ялъ и привель к себѣ на Москву»¹¹². Дей-

¹⁰⁷ Там же. С. 397.

¹⁰⁸ Там же. С. 398; ПСРЛ. Т. 18. С. 150.

¹⁰⁹ ДДГ. № 1. С. 7, 9.

¹¹⁰ См.: *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья... Т. 2. С. 74–75.

¹¹¹ РИИР. Вып. 2. С. 27, 101.

¹¹² ПСРЛ. Т. 18. С. 86; о дате см.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 120, 351. Помнению К. А. Аверьянова, первичным является чтение Московского свода конца XV в. «и можаиски князь», превратившееся в более поздних Воскресенской и Симеоновской летописях в «и Можаяск взял»; на этом основании высказывается догадка, кто был этот можайский князь, ходивший в поход на Можайск с Юрием Московским, и выдвигается предположение, что Можайск находился в совместном владении нескольких князей и присоединялся к Москве поэтапно (*Аверьянов К. А.* Московское княжество Ивана Калиты. Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. С. 20–53). Но чтение «и Можаяск взял» имеется не в двух, а во всех летописях, содержащих известие о походе Юрия 1303 г., кроме Московского свода конца XV в. по Эрмитажному списку, в том числе в тех, которые имеют с последним общие протографы — Ермолинской, Типографской и Воскресенской (ПСРЛ. СПб., 1910. С. 96; Пг., 1921. Т. 24. С. 107; СПб., 1856. Т. 7. С. 183); это значит, что чтение «и можаиски князь» является индивидуальной ошибкой Эрмитажного списка.

ствительно, вроде бы это известие прямо говорит о захвате московскими войсками Можайска, о наличии там князя (брата князя смоленского Александра Глебовича¹¹³). Естественно думать, что Святослав Глебович владел можайским уделом в составе Смоленской земли.

Однако весна 1303 г. — самое неподходящее время для наступательных действий Москвы против соседнего Смоленского княжества (в несколько раз более крупного, чем Московское). Только что, 5 марта, умер первый московский князь Даниил Александрович¹¹⁴. В конце предыдущего, 1302 г., Даниил занял Переяславль, ставший выморочным столом после смерти князя Ивана Дмитриевича (сына старшего брата Даниила Дмитрия Александровича)¹¹⁵. Поскольку выморочные княжества должны были отходить в состав великого княжества Владимирского, действия Даниила (изгнавшего успешных войти в Переяславль великокняжеских наместников) противоречили норме. Тогдашний великий князь владимирский Андрей Александрович еще до захвата московским князем Переяславля отправился в Орду за ярлыком на Переяславское княжество. Он возвратился только осенью 1303 г.¹¹⁶ Таким образом, весной того же года первой заботой Юрия Даниловича и его братьев, только что потерявших отца, был Переяславль — они ожидали возвращения Андрея с ханским решением и татарскими послами; ситуация была настолько напряженной, что Юрий, находясь в момент смерти отца в Переяславле, даже не приехал на его похороны¹¹⁷. Трудно найти более неблагоприятный момент для экспансионистских предприятий.

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что Можайск был в числе городов, взятых зимой 1293–1294 г. ордынским войском Дюденыя, брата хана Тохты, призванным князем Андреем Александровичем в борьбе против его старшего брата великого князя владимир-

¹¹³ См.: Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV века. Киев, 1891. С. 125, 173, 310 и родословная таблица.

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486, под 6812 г. ультрамартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология... С. 119–120, 123.

¹¹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 350, везде под 6811 г. ультрамартовским. О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология... С. 119–120, 123.

¹¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 486; Т. 18. С. 85–86; Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 350–351, везде под 6812 г. ультрамартовским; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. М., 1984. С. 128–130. О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология... С. 120, 351.

¹¹⁷ ПСРЛ. СПб., 1858. Т. 8. С. 85.

ского Дмитрия и его союзников, в число которых входил Даниил Александрович Московский¹¹⁸. Захватывались в ходе этой военной операции города враждебных Андрею князей. Но если Можайск принадлежал тогда еще Смоленскому княжеству, то он был городом, подвластным главному союзнику Андрея — Федору Ростиславичу Ярославскому, который с 1281 г. занимал одновременно с ярославским и смоленский стол. Федор шел вместе с Андреем и Дюденем: зачем ему разорять город собственного княжества?

С 1283 г. в Северо-Восточной Руси противоборствовали друг другу две княжеские группировки. Одна из них, в которой главным был Андрей Александрович, а вторым по значению — Федор Ростиславич, ориентировалась на сарайских ханов, другая, где первым лицом был Дмитрий Александрович, а вторым Даниил Московский — на Ногая, фактически самостоятельного правителя западной части Орды — от Дуная до Днепра. Пик могущества Ногая и, соответственно, успехов его вассалов на Северо-Востоке Руси имел место в 1291 г. Тогда Ногай сумел устранить своего врага хана Телебугу и посадить на сарайский престол собственного ставленника Тохту, а на Руси под власть Дмитрия Александровича было передано Углицкое княжество¹¹⁹. Но вскоре Тохта вышел из-под контроля Ногая и начал наступление на его сферу влияния в русских землях, проявлением чего и стал поход Дюдены зимы 1293–1294 гг. Ногай в ответ направил в Северо-Восточную Русь войско под командованием Токтомера. В марте 1294 г., когда татары Дюдены ушли обратно в Орду, Токтомер и Дмитрий Александрович находились в Твери (где княжил союзник Дмитрия и Даниила Александровича Михаил Ярославич), а Андрей Александрович — в Новгороде, между враждующими сторонами завязались переговоры, на которые от «проногаевской» коалиции ездил некий Святослав¹²⁰. Если верно его отождествление с князем Святославом Глебовичем, захваченным Юрием Даниловичем девять лет спустя в Можайске¹²¹, то можно полагать, что Святослав был можайским князем и входил в «проногаевскую»

¹¹⁸ Там же. С. 82.

¹¹⁹ См.: Горский А. А. Ногай и Русь // Тюркологический сборник. 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 132–134, 138, 142–144.

¹²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 483; НПЛ. С. 328; см. об этих событиях: Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000. С. 17–18, 20–24; *Он же*. Ногай и Русь. С. 144–147.

¹²¹ Ср.: Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты. Присоединение Коломны. Приобретение Можайска. С. 34–35.

группировку, отчего его город и подвергся нападению. Позже дети Святослава владели Вяземско-Дорогобужским княжеством (в составе Смоленской земли к западу от Можайского), ставшим выморочным после смерти князя Андрея Михайловича (двоюродного брата смоленских Глебовичей)¹²². На владения Андрея еще при его жизни (в 1299 г.) претендовал Александр Глебович Смоленский¹²³. Возможно, Святославу удалось в самом начале XIV в. (между 1299 и 1303 г.) овладеть наследием Андрея с помощью Даниила Московского, и ценой за поддержку стал Можайск (поскольку приобретенное Вяземско-Дорогобужское княжество было намного крупнее Можайского, такая уступка не выглядит чрезмерной). После же смерти Даниила Святослав мог попытаться, воспользовавшись сложной ситуацией в Московском княжестве (сосредоточенность Даниловичей на задаче удержания Переяславля), вернуть свой прежний стольный город, что и было пресечено Юрием Даниловичем.

Если же Святослав, ведший переговоры с Андреем Александровичем в 1294 г., не тождествен князю Святославу Глебовичу¹²⁴, возможна другая версия событий вокруг Можайска. Он мог быть передан Даниилу из владений Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского в 1291 г., в момент наивысшего могущества Ногая (подобно тому, как Углич тогда перешел из владения сына Федора Александра к великому князю Дмитрию¹²⁵); если в 1293 г. Можайск уже был московским владением, понятно, что противники Дмитрия и Даниила напали на этот город. Удержать его и вернуть Федору им однако, вряд ли удалось, так как успех похода Дюдены был почти полностью сведен на нет действиями посланного Ногаем войска Токтомера, а позднее, зимой 1296–1297 гг., Даниил Александрович (ставший по смерти брата Дмитрия в 1294 г. главой «проногаевокой» коалиции) и его союзники признали власть Тохты¹²⁶. В 1303 г., если верна данная версия событий,

¹²² См.: Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев, 1891. Родословная таблица.

¹²³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 485 (под 6808 г. ультрамартовским — попытка смоленского князя захватить Дорогобуж).

¹²⁴ Не исключено, что речь шла о старшем брате тверского князя Михаила Святославе Ярославиче (Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 2. С. 459, примеч. 1312) или о неизвестном по другим источникам человеке не княжеского происхождения.

¹²⁵ См.: Горский А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII века и отношения с Ордой // ОИ. 1996. № 3. С. 78–79.

¹²⁶ См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 20–28; Он же. Ногай и Русь. С. 148–149.

имела место попытка смоленских князей, воспользовавшись сложным положением в Московском княжестве, вернуть себе Можайск.

В любом случае надо полагать, что в 1303 г. имел место не прямой захват Можайского княжества, а ответная акция московских князей по отношению к территории, вошедшей в состав московских владений еще при Данииле Александровиче. Способом приобретения была либо плата за союзническую помощь (если справедлива первая из изложенных выше версия событий), либо санкция Орды (если верна вторая версия).

Впоследствии Можайск московские князья (Иван Калита, Иван Иванович) передавали своим старшим сыновьям¹²⁷. Эту традицию нарушил Дмитрий Донской, оставивший по своему завещанию 1389 г. Можайск третьему сыну Андрею¹²⁸.

§2. Ржева

В начале XIV в. Ржева была столицей удельного княжества на северо-востоке Смоленской земли¹²⁹. В 1314 г. князь Федор Ржевский выступал в качестве подручника Юрия Даниловича Московского во время его борьбы за Новгород с Михаилом Ярославичем Тверским. Скорее всего, это был Федор Святославич, впоследствии князь вяземский, бывший в середине 40-х гг. зятем великого князя Семена Ивановича¹³⁰. В 1335 г. Иван Калита воевал Осечен и Рясну — городки Ржевского княжества, захваченные перед этим Литвой¹³¹. Очевидно, он действовал как союзник ржевского князя. После ухода своего старшего брата

¹²⁷ ДДГ. № 1. С. 7, 9; № 4. С. 15.

¹²⁸ Там же. № 12. С. 34.

¹²⁹ НПЛ. С. 94–95; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 36.

¹³⁰ См.: Горский А. А. Брянское княжество... С. 87; *Он же*. Русские земли... С. 38–39. Возражение С. З. Чернова, сводящееся к тому, что князья Ржевские были родственниками князей Фоминских, и если бы Федор Святославич был Ржевским, его дочь не могла быть во второй половине 40-х гг. (после развода с Семеном) выдана за князя Федора Красного Фоминского (*Чернов С. З.* Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в.: структуры землевладения. М., 1998. С. 164–165, примеч. 152), основано на недоразумении: родственниками Фоминских являлись Ржевские, чьим родоначальником был племянник Федора Красного Федор (РИИР. Вып. 2. С. 40–41, 165–166). Князь Федор Ржевский, действовавший в начале XIV в. (т. е. бывший старше Федора Красного Фоминского) отношения к ним, естественно, иметь не может.

¹³¹ НПЛ. С. 347.

Глеба около 1339 г. на княжение в Брянск Федор стал князем вяземским¹³². Однако вскоре он утерял вяземское княжение, поступил на службу к Семену Ивановичу Московскому и получил от него наместничество в Волоке¹³³. Скорее всего, уход Федора из Вязьмы имел место в результате антимосковского похода Ольгерда 1341 г.: литовские войска дошли до Можайска¹³⁴, следовательно, ранее прошли по территории Вяземского княжества.

Осталась ли за Федором после ухода на службу к Семену Ржева, остается неясным. В 1356 г., во время литовско-смоленского конфликта, «Сижского сынъ Иванъ съде съ Литвою во Ржевъ»¹³⁵. Сижка — городок в Ржевском княжестве; следовательно, речь идет о вокняжении в Ржеве одного из родственников Федора с помощью Литвы. Два года спустя «Волоцьская рать да можайская взяли Ржевою, а Литвою выслали вонъ»¹³⁶. Вмешательство Москвы в события и участие в них рати с Волока, где наместничал Федор Святославич, позволяют допустить, что до 1356 г. Федор продолжал владеть Ржевой и захват ее Иваном Сижским был связан с кончиной Федора и вставшим вопросом о наследовании княжения.

В 1359 г. литовцы взяли Ржеву. Сделано это было в ходе войны со Смоленским княжеством¹³⁷, поэтому надо полагать, что занятие Ржевы московскими войсками в 1358 г. привело не к ее присоединению к Москве, а к посажению там союзного князя¹³⁸. В последующие годы московские князья, занятые борьбой за великое княжение владимирское, в ржевские дела не вмешивались. Возобновили они борьбу за влияние в этом регионе в конце 60-х гг., в рамках конфликта с Тверью и союзной ей Литвой. В 1368 г. (до первого похода Ольгерда на Москву) двоюродный брат Дмитрия Ивановича Московского Владимир Андреевич Серпуховский «ходилъ ратию да взялъ Ржеву, а Литву отпустилъ изъ города»¹³⁹.

¹³² См.: Горский А. А. Брянское княжество... С. 86–87.

¹³³ РИИР. Вып. 2. С. 165, 169; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 56–57.

¹³⁴ Там же. Стб. 53–54.

¹³⁵ Там же. Стб. 65.

¹³⁶ Там же. Стб. 67.

¹³⁷ Там же. Стб. 68.

¹³⁸ Не исключено, что им мог быть известный по родословцам (РИИР. Вып. 2. С. 169–170) младший брат Федора Святославича Юрий (родоначальник Монастыревых).

¹³⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 87.

Размеры занятой москвичами территории вырисовываются из письма Ольгерда константинопольскому патриарху 1371 г., где перечислены захваченные москвичами административные центры, в том числе главным образом Ржевского княжества¹⁴⁰. Этот перечень свидетельствует, что была занята вся тянувшая к Ржеве территория, а также центры двух соседних с Ржевским крошечных княжеств Смоленской земли — Фоминского и Березуйского.

Они располагались к юго-востоку от Ржевы, на р. Вазузе, т. е. на пути в Ржеву из московских пределов, и управлялись представителями одной из ветвей смоленского княжеского дома¹⁴¹. Фоминские и березуйские князья в конце XIV в. упоминаются как служащие Москве: в 1370 г. князь Василий Иванович Березуйский погиб при обороне Волока от войск Ольгерда; Иван Толбуга, племянник фоминского князя Федора Красного, пал на Куликовом поле (упоминается уже без княжеского титула)¹⁴². Однако отчинные владения фоминских и березуйских князей какое-то время, видимо, сохраняли права формально самостоятельных княжеств. В договоре 1449 г. Василия II с Казимиром IV, королем польским и великим князем литовским, говорится: «А Федора Блудова, а Олексанъдрова Борысова сына Хлепеньского, и князя Романова Фоминского, и их братьи, и братаничов отчыны, земли и воды, все мое, великого князя Васильево. Тако же Юрьева доля Ромейковича и княжа Федорова места Святославичъ вся за мною, за великимъ княземъ за Васильемъ»¹⁴³. Хлепень — городок на р. Вазузе рядом с Фоминым и Березуем, поэтому Александра Борисовича следует считать, как и Романа Фоминского, одним из представителей фоминско-березуйского княжеского дома¹⁴⁴. Указание в договоре на при-

¹⁴⁰ РИБ. 2-е изд. Т. 6. Приложение. Стб. 137–138. В перечне названы Ржева, Шишка, Гудин, Осечен, Горышено, Ясна, Луки Великие, Кличен, Вселук, Волго, Козлово, Липица, Тесов, Хлепень, Фомингородок, Березуеск, Калуга, Мценск.

¹⁴¹ РИИР. Вып. 2. С. 40–41; *Кучкин В. А.* Формирование... С. 146.

¹⁴² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 94; Памятники Куликовского цикла. СПб, 1998. С. 38, 59–60.

¹⁴³ ДДГ. № 53. С. 161–162.

¹⁴⁴ Роман — возможно, Роман Иванович, правнук князя Федора Меньшого Фоминского (см.: *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М. 1988. С. 230, 247, примеч. 91); Александр Борисович Хлепенский может быть отождествлен с фигурирующим в родословной росписи Полевых Александром Борисовичем Полевым, определенным как сын Бориса Хлепенского, сына Федора Фоминского; правда, роспись эта поздняя (XVII в.) и сомнительная (см.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевла-

надлежность отчин этих князей, а также их братьев и «братаничей»¹⁴⁵ Василию II говорит в пользу относительно недавнего (во всяком случае, при Василии II) непосредственного присоединения их к Москве. Вероятно, до этого часть местных князей, служа князьям московским, сохраняла права на свои владения. По-видимому, Фоминское и Березуйское княжества были захвачены Литвой в конце 50-х гг. вместе со Ржевой. Местные князья ушли после этого на московскую службу, а когда в конце 50-х гг. москвичи отняли территории их бывших владений у Литвы, Дмитрий Иванович вернул их представителям фоминско-березуйского дома.

Что касается территории Ржевского княжества, то она в 1368 г. перешла под непосредственную власть Москвы. В московско-литовском договоре 1372 г. содержится указание на московских наместников в Ржеве; по обоснованному мнению В. А. Кучкина, более ранний (1371 г.) договор предусматривал возвращение Ржевы Литве (в обмен на брак дочери Ольгерда с Владимиром Андреевичем); к лету 1372 г. это не было исполнено, но вскоре после договора июля 1372 г. Ржева вновь стала литовской¹⁴⁶.

В 1376 г. Владимир Андреевич три недели осаждал Ржеву, но безуспешно¹⁴⁷. Однако в 1386 г. Ржева вновь выступает как московское владение: в походе Дмитрия Донского на Новгород зимой 1386/1387 гг. участвует «ржевская рать»¹⁴⁸. Возвращение Ржевы под московскую власть следует связывать, как показал В. А. Кучкин, с соглашением

дельцев. М., 1969. С. 370–371), но известно, что сын Александра Федор владел селами именно в рассматриваемом регионе (ДДГ. № 71. С. 251).

¹⁴⁵ Названный в перечне первым Федор Блудов упомянут в Ермолинской летописи: в 1440 г. он убил Василия Суку и утопил Ивана Григорьевича Протасьева, сына ослепленного Василием II за измену мценского воеводы, за что был повешен (ПСРЛ. Т. 23. С. 150). Упоминание Федора Блудова в ряду с князьями, скорее всего, свидетельствует о его княжеском происхождении (в роду фоминско-березуйских князей имя Федор было популярно). Юрий «Ромейкович», имевший некую «долю» — возможно, сын Романа Фоминского. Федор Святославич — это явно Федор Святославич Ржевский и Вяземский, его «места» — очевидно, какие-то участки территории на ржевско-литовском пограничье (вряд ли речь может здесь идти о заокских «местах» Федора, о которых см. § «Отменные места Рязанские» в разделе I «Рязанская земля», так как они по московско-рязанскому договору 1447 г. принадлежали Рязани — ДДГ. № 47. С. 143).

¹⁴⁶ ДДГ. № 6. С. 22; Кучкин В. А. Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 года // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 10–12.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 15; Вып. 1. Стб. 116.

¹⁴⁸ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 345.

между Дмитрием и занимавшим в 1381 — первой половине 1382 г. литовский престол Кейстутом¹⁴⁹.

В начале 1390 г. Василий I передал Ржеву своему двоюродному дяде Владимиру Андреевичу¹⁵⁰.

Однако вскоре Ржева оказалась под властью соседнего с ней Тверского княжества. В завещании тверского князя Михаила Александровича (1399 г.), донесенном в летописном пересказе, говорится о передаче Ржевы сыну Ивану и его детям Александру и Ивану¹⁵¹. По мнению В. А. Кучкина, Ржеву Василий I отдал Михаилу Тверскому при заключении с ним договора в том же 1399 г., в обмен на отход от союза с Литвой¹⁵². А. Г. Тюльпин склонился к датировке 1393–1395 гг., основываясь на предположении об использовании летописцем более раннего завещания, составленного до 1395 г.¹⁵³ Это предположение исходит из упоминания в летописном пересказе сына Михаила Александровича Бориса, умершего 19 июля 1395 г. Однако его имя в числе наследников, которым передавались Кашин и Кснятин («а Василью и Борисоу и его сыну Иваноу Кашинъ, Кснятинъ»), могло быть вставлено составителем свода конца 10-х гг. XV в. (в летописях, восходящих к которому, передан текст духовной), знавшим, что Борис княжил в Кашине при жизни отца. Более вероятным остается предположение о передаче Ржевы Тверскому княжеству по договору 1399 г.

Во всяком случае, под тверской властью Ржева находилась недолго: в договоре Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским первой половины 1404 г. она вновь фигурирует как московское владение, причем Василий I не возвратил Ржеву Владимиру Андреевичу, а включил в число собственных земель¹⁵⁴. В Никоновской летописи имеется уникальное известие о заключении в 1401 г. тройственного договора Москвы, Твери и Литвы¹⁵⁵. В Тверском сборнике под 1404 г.

¹⁴⁹ Кучкин В. А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и ее волости в XIV–XV вв.). С. 152.

¹⁵⁰ ДДГ. № 13. С. 37–38.

¹⁵¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 388; ср.: Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000 (ПСРЛ. Т. 6. Ч. 1). Стб. 519.

¹⁵² Кучкин В. А. К изучению... С. 152–153.

¹⁵³ Тюльпин А. Г. Политическая история великого княжества Тверского в первой четверти XV века // Михаил Тверской: личность, эпоха, наследие. Тверь, 1997. С. 162–163, 173, примеч. 10.

¹⁵⁴ ДДГ. № 16. С. 44.

¹⁵⁵ ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 184; о датировке договора см.: Тюльпин А. Г. Политическая история... С. 166–167.

упоминается, что Василий I «рядь имѣа со отцемъ своимъ Витовтомъ», по которому Москва обязывалась не вмешиваться в смоленские дела¹⁵⁶. «Отцом» Василий I называет Витовта в своем договоре с ним, предположительно датированном 1407 г.¹⁵⁷; позже, в своих духовных грамотах начала 20-х гг., московский князь именует литовского «братом и тестем»¹⁵⁸. Если действительно в 1401 г. имел место договор между Москвой, Тверью и Литвой, то можно полагать, что в обмен на нейтралитет в «смоленском вопросе» (который Василий I соблюдал в последующие годы) Витовт содействовал возвращению Ржевы под московскую власть.

Однако «ржевская эпопея» на этом не завершилась. В 1446 г. Василий II отдал Ржеву Борису Александровичу Тверскому, поддерживавшему его в борьбе за возвращение на престол против Дмитрия Шемяки. В 1448 г. Ржева перешла под литовскую власть, в 1449 г. на короткое время возвращалась в состав тверских владений и, наконец, по договору Василия II с Казимиром IV от 31 августа 1449 г. была закреплена за Москвой (за исключением волости Осуги, отошедшей к Литве)¹⁵⁹.

§3. Медынь

В духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г. имеется пункт: «А то вытягиал боярин мой Федоръ Аньдрѣевич на обчем рѣтъ Товъ и Медынь оу смолнян, а то сыну же моему князю Аньдрѣю¹⁶⁰. М. К. Любавский связывал присоединение Тоба и Медыни с договором Москвы с Литвой и союзным ей Смоленском 1372 г.¹⁶¹ Но в тогдашнем конфликте Москва не имела перевеса (более того, активной стороной, как и в предыдущие годы, выступал Ольгерд к его союзники), и у смольнян не было причин идти на территориальные уступки. По мнению В. А. Кучкина, Федор Андреевич «вытягиал» Тов и Медынь на «обчем рете» со

¹⁵⁶ ПСРЛ. Т. 15: Тверской сборник. М., 1965. Стб. 471.

¹⁵⁷ *Хорошкевич А. Л.* Документы начала XV в. о русско-литовских отношениях // Культурные связи России и Польши XI–XX вв. М., 1998. С. 40–47, 52.

¹⁵⁸ ДДГ. № 21, 22. С. 59, 62.

¹⁵⁹ См.: *Кучкин В. А.* К изучению... С. 155–157.

¹⁶⁰ ДДГ. № 12. С. 34.

¹⁶¹ *Любавский М. К.* Формирование... С. 95–96 (автор исходил из датировки договора 1371 г.).

смольнянами в 1368 г., когда москвичи захватили у Литвы и ее союзника Ивана Новосильского ряд территорий, а смоленский князь был союзником Дмитрия Московского¹⁶². Однако, во-первых, в этом случае Медынь наверняка была бы названа в перечне городов, захваченных у Литвы и ее союзников, который привел Ольгерд в своем письме константинопольскому патриарху 1371 г.¹⁶³ Во-вторых, Медынь не могла принадлежать Литве, так как лежала у восточных пределов еще сохранявшей независимость Смоленской земли, и вряд ли принадлежала Ивану Новосильскому, поскольку владения новосильских князей находились значительно юго-восточнее, между ними и Медынью располагались территории Тарусского и Козельского княжеств; территориальное расположение Медыни склоняет скорее к признанию ее принадлежности Вяземскому княжеству — самому восточному в Смоленской земле. Наконец, неясным остается вопрос о Тове. Этот топоним назван перед Медынью. Если речь идет об одном комплексе земель, то надо полагать, что первым названа более значительная или по меньшей мере равная по значению территориальная единица. Между тем никакой Тов в данном регионе ни в предшествующее, ни в последующее время не известен.

В. Н. Дебольский отметил, что «в Вологодском крае была какая-то волость Тов... но можно ли думать, что эта волость и подразумевается именно в завещании Дмитрия Донского — неизвестно»¹⁶⁴. Сомнение правомерное, если понимать указанное место духовной Дмитрия Донского как говорящее о присоединении двух территориальных единиц в результате одного «рета» (т. е. спора¹⁶⁵) со смольнянами — вологодский Тов Смоленскому княжеству принадлежать не мог. Однако такое понимание текста совсем необязательно. Положение духовной грамоты правомерно истолковывать совсем иным образом: «А что вытягал боярин мои Федоръ Аньдрѣвич — на обчем рѣтъъ Товъ, и Медынь оу смолнян — а то сыну же моему князю Аньдрѣю», т. е. «что отспорил

¹⁶² *Кучкин В. А.* Последнее завещание Дмитрия Донского // СР. М., 2001. Вып. 3. С. 143.

¹⁶³ В этом списке названы города Ржевского, Фоминского и Березуйского княжеств, занятых москвичами в 1368 г., а также Калуга и Мценск — вероятные владения Ивана Новосильского (РИБ. 2-е изд. Т. 6. Стб. 137–138; *Кучкин В. А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой. С. 50–51, 75–76).

¹⁶⁴ *Дебольский В. Н.* Духовные и договорные грамоты... Ч. 1. С. 29. См.: АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 153, 223, 290, 316. С. 89, 144, 242, 293;

¹⁶⁵ См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. 3. Стб. 117.

боярин мой Федор Андреевич: на общем споре (с неназванной стороной) Тов, и у смольнян Медынь — это тоже сыну моему князю Андрею». При таком прочтении текста упоминание Това перестает быть загадочным. Волость Тов, расположенная по р. Уломе (Уломке), левому притоку Шексны, принадлежала к Белозерской части удела Андрея Дмитриевича, а позже его сына Михаила¹⁶⁶, что вполне согласуется с ее упоминанием в духовной Дмитрия Донского среди владений, передаваемых Андрею. Она находилась на пограничье с территориями, тянувшими к Вологде¹⁶⁷; последние принадлежали Новгороду. В отводной книге Кирилло-Белозерского монастыря конца XV в. в районе размежевания монастырских «Товских деревень» с землями Вологодского уезда упоминается «судебня» «на рубеже на бѣлозерскомъ и на вологодскомъ, гдѣ съѣжались судьи вопчии (ср. „общий рет“. — А. Г.) судити»¹⁶⁸. Боярину Дмитрия Донского Федору Андреевичу Свибло, которого вероятнее всего видеть в Федоре Андреевиче духовной грамоты, на близлежащих к Тову вологодских территориях («в Отводном, и на Сямѣ») принадлежали села¹⁶⁹. Скорее всего Федор Андреевич «вытягал» Тов при размежевании владений после имевшего место в 80-е гг. присоединения большей части Белозерского княжества к Москве (не в той ли самой «судебне» происходил «рет»?): либо у новгородцев (может быть, после похода Дмитрия Донского на Новгород зимой 1386–1387 гг., когда новгородцы выплатили великому князю за различные провинности 8000 рублей¹⁷⁰), либо у князей местной белозерской династии (за которыми сохранилась часть владений)¹⁷¹. Таким образом, к Смоленской земле имеет отношение только «вытягание» Медыни.

¹⁶⁶ АСЭИ. Т. 2. № 223, 316. С. 144, 287.

¹⁶⁷ Там же. № 290, 316. С. 242, 293; *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951. С. 117–118 и карта 1.

¹⁶⁸ АСЭИ. Т. 2. № 290. С. 242.

¹⁶⁹ ДДГ. № 20. С. 56.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 345–347. Два года ранее Федор Андреевич Свибло приезжал в Новгород собирать ордынскую дань — «черный бор» (Там же. С. 341), что подтверждает его задействованность в «новгородском направлении» политики Дмитрия Донского.

¹⁷¹ О присоединении Белозерского княжества к Москве и местонахождении владений местных князей см.: *Кучкин В. А.* Формирование... С. 305–314. Упоминание Това в духовной Дмитрия Донского не вместе с Белоозером, а в ряду передаваемых Андрею территорий Можайско-Калужского региона (ДДГ. № 12. С. 34) объясняется тем, что

Вяземским князем в 70-е — первую половину 80-х гг. был Иван Васильевич, являвшийся союзником Дмитрия Ивановича Московского (он ходил с ним в походы на Тверь в 1375 г. и на Мамай в 1380 г.)¹⁷². В 1386 г. Иван Васильевич вместе с другими смоленскими князьями потерпел поражение от Литвы под Мстиславлем и погиб. Вяземским князем стал его сын Михаил, подписавший вместе с родичами договор, делавший Смоленское княжество вассальным по отношению к Литве¹⁷³. В этой ситуации, когда Вяземское княжество вышло из-под московского влияния, Дмитрий Донской и мог пожелать заполучить Медынь, ссылаясь на какие-то договоренности с Иваном Васильевичем. В 1448 г. внук Дмитрия Иван Андреевич Можайский, соперник Василия II в междоусобной борьбе, в своем соглашении с Казимиром IV, королем польским и великим князем литовским, обещал в случае овладения великим княжением отдать Литве Медынь¹⁷⁴. Это может косвенно свидетельствовать, что Медынь входила когда-то в княжество, зависимое от Литвы и вошедшее затем в состав Великого княжества Литовского (т. е. в Смоленскую землю).

* * *

Первый шаг по расширению владений московских князей в западном, «смоленском» направлении (присоединение Можайска, конец XIII или самое начало XIV в.) произошел благодаря либо использованию Москвой междоусобной борьбы в Смоленской земле, либо поддержке со стороны одной из противоборствующих сил в Орде. Последующие усилия были направлены: во-первых, на превращение прилегающих к Московскому княжеству владений вяземско-ржевской ветви смолен-

Белоозеро названо отдельно как «купля» деда Дмитрия, Ивана Калиты. Тов же, как во-лость, отспоренную Федором Андреевичем для своего князя (и, в случае если она была отспорена у новгородцев, вообще в Белозерское княжество до 80-х гг. не входившую), естественно было упомянуть вместе с другим «вытяганным» тем же боярином владением — Медынью.

¹⁷² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 110; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 486; Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996. С. 37–38; *Он же*. О составе русского войска на Куликовском поле // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2001. № 4. С. 31–37.

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 153; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 343–344. Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 74; Горский А. А. Русские земли... С. 97, примеч. 79.

¹⁷⁴ ДДГ. № 50. С. 149.

ских князей в зависимый от Москвы «буфер»; во-вторых, на борьбу в качестве великих князей владимирских за влияние на сам Смоленск. Главным противником Москвы в этом регионе стала к 30-м гг. XIV в. Литва. В 40-е гг. и влияние на Смоленск, и на Вяземское княжество были утеряны. Затем последовало их возвращение на короткое время (1352 и последующие годы), но во второй половине 50-х гг. литовская экспансия на смоленские владения усилилась. Тогда московские князья, не оставляя усилий заполучить влияние на великого князя смоленского (что удавалось периодически) и на вяземского князя (что удалось — он в конце 60-х гг. стал и до середины 80-х оставался союзником Москвы), повели борьбу за переход Ржевы (а вместе с ней еще двух центров княжений — Фомина городка и Березуя), бывшего владения служившего Москве Федора Святославича, под московскую власть. Пиком успехов Дмитрия Донского на смоленском направлении стал период 1382–1385 гг., когда и Ржева была московской, и вяземский князь союзником, и смоленский признавал московское верховенство. Однако последовавшая за Кревской унией Литвы с Польшей, а позднее с вокняжением в Великом княжестве Литовском Витовта активизация литовского наступления на смоленские территории привела к потере влияния на Смоленск и Вязьму (от Вяземского княжества, правда, в этой ситуации удалось заполучить Медынь). Но Ржеву удалось сохранить, хотя дважды — на рубеже XIV–XV вв. и в конце первой половины XV в. в результате перипетий московско-литовско-тверских отношений она на короткое время уходила из-под московской власти.

III. Черниговская земля

Черниговская земля, в домонгольский период являвшая собой могущественное политическое образование, после Батыева нашествия переживает усиление территориального дробления¹⁷⁵. Во второй половине XIII в. на первое место в ней выдвинулось Брянское княжество, чьи князья Роман Михайлович, а затем его сын Олег считались одновременно и черниговскими князьями. Они были, по всей вероятности, союзниками группировки князей Северо-Восточной Руси, ориентировавшихся на Ногай, т. е. в том числе и Даниила Московского. Но в середине 90-х гг., очевидно усилиями хана Тохты, Брянское

¹⁷⁵ См.: Горский А. А. Русские земли... С. 30–34, 68–69.

княжество перешло в состав Смоленской земли¹⁷⁶. И в дальнейшем, хотя титул черниговского князя, т. е. главного князя земли, сохранялся, реальное главенство его, по-видимому, практически сошло на нет. Не вполне ясно даже, кто и когда в течение периода с конца XIII до середины XIV в. включительно занимал черниговский стол¹⁷⁷, не сохранились документы о взаимоотношениях Москвы с черниговскими князьями¹⁷⁸.

В московско-литовской перемирной грамоте 1372 г. среди союзников Москвы упомянут «великий князь Роман»¹⁷⁹. Скорее всего, это князь Роман Михайлович «Брянский». С последним определением он упоминается среди участников походов Дмитрия Ивановича Московского на Тверь в 1375 г. и на Дон в 1380 г.¹⁸⁰ Позже Роман стал служить Витовту, в 1401 г. был наместником великого князя литовского в Смоленске и погиб при взятии города местным князем Юрием Святославичем¹⁸¹. Витовт позже в письме Василию I упрекал Юрия в убийстве «великого князя черниговского»¹⁸², следовательно, Роман Михайлович носил такой титул, что и позволяет видеть именно его в «великом князе Романа» из договора 1372 г.¹⁸³

Однако в период своего союзничества с Москвой Роман Михайлович, сохраняя номинальный титул великого князя черниговского, реально не владел ни Черниговом, ни Брянском¹⁸⁴: в этих городах с 60-х гг. сидели сыновья Ольгерда, северская часть Черниговщины перешла

¹⁷⁶ Горский А. А. Брянское княжество... С. 76–79; *Оп же.* Ногай и Русь. С. 176.

¹⁷⁷ См.: Горский А. А. Русские земли... С. 32–33.

¹⁷⁸ О том, что такие документы были, свидетельствует опись Царского архива XVI в., где упоминаются «грамоты докончалные великих князей резанских, и великих князей черниговских, и великих князей смоленских» (Государственный архив России XVI столетия. М., 1978. Вып. 1. С. 69).

¹⁷⁹ ДДГ. № 6. С. 22.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 15; Стб. 111; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 486.

¹⁸¹ Там же. С. 391; Т. 25. С. 231; НПЛ. С. 397.

¹⁸² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 471.

¹⁸³ Существует другое отождествление «великого князя Романа» — с Романом Семеновичем Новосильским (см.: *Кучкин В. А.* Московско-литовское соглашение о перемирии 1372 года. С. 3–5). Но этот князь нигде «великим» не именуется. Роман же Михайлович назван с данным титулом как в передаче претензий Витовта, так и в сообщении о его гибели Рогожского летописца (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 176).

¹⁸⁴ По-видимому, он княжил там в конце 50-х — начале 60-х гг. (см.: *Горский А. А.* Брянское княжество... С. 89–91).

уже под непосредственную власть Литвы¹⁸⁵. Московские князья проявляли постоянный интерес к этому региону, стремились усилить там свое влияние¹⁸⁶, но территориальных приобретений здесь, на порядочном удалении от Москвы, не добились. Московские «примыслы» в Черниговской земле в XIV в. имели место на ее северо-востоке, на территориях так называемых верховских (верхнеокских) удельных княжеств Черниговщины, пограничных с Московским и Рязанским княжествами. В своем продвижении здесь московским князьям, видимо, не приходилось оглядываться на великих черниговских князей, так как их верховная власть на верховских землях была в данный период чисто номинальной.

§1. Владения новосильско-одоевских князей

Новосильское княжество (Одоевским оно стало после перенесения столицы из разоренного Мамаем Новосила в Одоев в 70-е гг. XIV в.¹⁸⁷) занимало территорию, вытянутую с юга на север вдоль верхнего течения Оки (с ее правыми притоками Зушей и Упой, на которых и стоят соответственно Новосиль и Одоев). Первым московским приобретением на землях Новосильского княжества стала волость Заберег. Согласно духовной Семена Ивановича, московский князь купил ее у Семена Новосильского¹⁸⁸. Волость Заберег располагалась в верхнем течении р. Протвы¹⁸⁹. К югу от нее лежали рязанские владения, отошедшие к Москве в середине XIV в. (см. § «Отменные места рязанские» в разделе I — «Рязанская земля»). Заберег, таким образом, был, видимо, новосильским анклавом в этом районе. Нужно в связи с этим вспомнить, что в домонгольскую эпоху левобережье Оки от бассейна Протвы и почти до низовьев р. Москвы входило в состав Черниговской земли¹⁹⁰. К Рязани, следовательно, эти земли отошли в силу ка-

¹⁸⁵ См.: *Зотов Р.В.* О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 125–126, 139–145, 151–152, 212–214.

¹⁸⁶ См.: *Горский А.А.* Брянское княжество... С. 89–94.

¹⁸⁷ См.: *Горский А.А.* Москва и Орда. С. 92, 99, примеч. 116.

¹⁸⁸ ДДГ. № 3. С. 14.

¹⁸⁹ См.: *Лобавский М.К.* Формирование... С. 56. История Москвы с древнейших времен до наших дней. М., 1997. Т. 1. С. 50.

¹⁹⁰ См.: *Зайцев А.К.* Черниговская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

ких-то причин уже после Батыева нашествия, во второй половине XIII или в начале XIV в. Волость Заберег при этом сохранилась за новосильскими князьями. В 40-е гг. Семен Иванович в ходе своего продвижения в протвинский регион купил ее у Семена Новосильского. Это произошло между 1340 (вокняжение Семена) и 1348 г. (так как о купле Забереги упоминается уже в договоре Семена с братьями этого года)¹⁹¹.

В конце 60-х гг., в условиях наступления великого князя литовского Ольгерда на княжества Черниговской земли, среди новосильских князей происходит раскол. Один из них, Иван, становится зятем и союзником Ольгерда, другой — Роман Семенович — ориентируется на Москву¹⁹². В письме константинопольскому патриарху Филофею 1371 г. Ольгерд жаловался, что Дмитрий Московский отнял у него ряд городов; в этом перечне после населенных пунктов Ржевского региона названы Калуга и Мценск¹⁹³. Вероятно, они были городами, принадлежавшими князю Ивану и захваченными москвичами и Романом Семеновичем¹⁹⁴, причем Калуга с этих пор стала московским владением¹⁹⁵: очевидно, она досталась Дмитрию Ивановичу Московскому в качестве платы за поддержку Романа Семеновича против соперника.

Роман Семенович в течение 70-х и 80-х гг. оставался союзником Москвы: его войска участвовали в походах Дмитрия Ивановича на Тверь 1375 г.¹⁹⁶, на Дон 1380 г.¹⁹⁷ и в военных действиях против Рязани 1385 г.¹⁹⁸ Союзником Москвы был в начале XV в. и сын Романа Семен¹⁹⁹.

В духовной грамоте Владимира Андреевича Серпуховского (1404 г.) в числе его владений упоминается Любутск: «А благословилъ есмь сына, князя Ивана, дал есмь ему князя великого удела Василья Дмитрее-

¹⁹¹ ДДГ. № 2. С. 12.

¹⁹² См.: РИБ. 2-е изд. Т. 6. Приложение. Стб. 135–138; *Кучкин В. А.* Русские княжества земли перед Куликовской битвой. С. 50–51, примеч. 135.

¹⁹³ РИБ. 2-е изд. Т. 6. Стб. 137–138.

¹⁹⁴ *Кучкин В. А.* Русские княжества... С. 50–51, примеч. 135. Возможно, занятие Калуги и Мценска было произведено во время похода московских войск в направлении Брянска в 1370 г. (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 92).

¹⁹⁵ Она упомянута в духовной грамоте Дмитрия Донского 1389 г. (ДДГ. № 12. С. 34). Названная там вместе с Калугой волость Роща, расположенная к северу от Калуги, в верховьях р. Тарусы, видимо, была северным пределом владений князя Ивана.

¹⁹⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 111.

¹⁹⁷ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Стб. 486.

¹⁹⁸ ДДГ. № 19. С. 54; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 150.

¹⁹⁹ ДДГ. № 19. С. 53.

вича Козелескъ со всѣми пошлинами, Гоголь, Олексин, куплю, Лисин. А отъимется какими дѣлы Козелескъ, и в Козелска мѣсто, сыну, князю Ивану, Любутескъ с волостми. А отъимется от сына, от князя Ивана, Любутескъ и Козелескъ, и сыну, князю Ивану, Рожалово да Божонка»²⁰⁰.

Любутск располагался на правом берегу Оки, в 45 км ниже Калуги и входил в Новосильско-Одоевское княжество²⁰¹. В 1396 г. он принадлежал Литве: тогда Любутск осаждал в ходе своей войны с Витовтом Олег Рязанский²⁰². В 1402 г. у Любутска литовские войска разбили сына Олега Рязанского Родослава, шедшего походом на Брянск²⁰³. Ясно, что и в данном случае речь идет о литовском владении. В 1408 г. Любутск опять-таки выступает как литовское владение: «любутские бояре» в числе бояр других русских городов, подвластных Литве, приезжают на службу в Москву со Свидригайлой Ольгердовичем²⁰⁴. Таким образом, в руках московских князей Любутск если и находился, то недолгое время.

По-видимому, Любутск был отнят Литвой у Новосильско-Одоевского княжества либо в конце 80-х гг., после приведения в зависимость Смоленской земли, либо вскоре после вокняжения Витовта (1392 г.). Переход его к Москве можно связывать с московско-литовским соглашением 1401 г., о котором говорилось выше в параграфе, посвященном Ржеве. В обмен на нейтралитет Москвы в борьбе за Смоленск Витовт мог обещать после возвращения Смоленска под его власть передать московским князьям Любутск; поэтому в завещании Владимира Андреевича Любутск и рассматривался как владение московского дома. Обращает на себя внимание, что если Рожалово и Божонка, которые должен был получить Иван Владимирович в случае потери Любутска, упомянуты в одновременном завещании Владимира Андреевича его договору с Василием I (великий князь обязывался дать их Владимиру вместо Козельска²⁰⁵), то Любутск в этом документе не фигурирует. И в духовной Владимира Андреевича он упомянут только как возможная компенсация за Козельск, компенсация, которая сама может

²⁰⁰ ДДГ. № 17. С. 47.

²⁰¹ В «Списке русских городов дальних и ближних» Любутск упомянут между Одоевым и Новосилем (НПЛ. С. 477).

²⁰² ПСРЛ. Т. 25. С. 227.

²⁰³ Там же. С. 231.

²⁰⁴ Там же. С. 237.

²⁰⁵ ДДГ. № 16. С. 44.

быть утрачена. Следовательно, в момент составления завещания Владимира Андреевича Любутск еще не был реально владением московских князей, еще только предполагалось, что он им станет. Это хорошо согласуется с предположением, что передача Москве Любутска связывалась с занятием Литвой Смоленска: Смоленск был взят Витовтом 26 июня 1404 г.²⁰⁶, вероятно, уже после составления договора Василия I с Владимиром Андреевичем и завещания серпуховского князя. Поскольку в 1408 г. Любутск выступает по-прежнему как литовское владение, надо полагать, что литовский князь либо договоренность не исполнил, либо вернул себе Любутск в ходе военных конфликтов с Москвой 1406–1408 гг.

В начале 20-х гг. XV в. Одоевское княжество выступает в источниках как зависимое и от Литвы и от Москвы. Ко второй половине 20-х гг., времени наивысшего могущества Витовта, московское влияние здесь сошло на нет²⁰⁷. Оно вновь проявляется в 30-е гг., когда в Литве шла междоусобная война. После того как в Белеве, центре одного из выделившихся из Новосильско-Одоевского княжества уделов, обосновался изгнанный из Орды хан Улуг-Мухаммед, Василий II организовал (в 1438 г.) поход на Белев²⁰⁸: очевидно, он имел основание рассматривать местных князей как зависимых от Москвы. По свидетельству родословных книг, князей Федора и Василия Белевских «князь великий было Василей свел... с вотчины з Белева в опале, а дал им Волок, и жили на Волоце долго, и князь великий пожаловал их, опять им вотчину их Белев отдал»²⁰⁹. «Опала», по-видимому, была связана с позицией белевских князей по отношению к Улуг-Мухаммеду²¹⁰. Поскольку в 50-е гг. князья новосильско-одоевского дома служили Казимиру IV²¹¹, а в московско-рязанском договоре от 20 июля 1447 г. предусматривается только возможность, что они «добьют челом» Василию II²¹², период московского контроля над Белевым мог иметь место в промежутке между 1439 и 1447 г.

²⁰⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 232.

²⁰⁷ См.: *Иванов Д. И.* Московско-литовские отношения в 20-е гг. XV столетия // *СР.* М., 1999. Вып. 2. С. 93–94, 102.

²⁰⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 260.

²⁰⁹ РИИР. Вып. 2. С. 112.

²¹⁰ См.: *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой. М., 1995. С. 44–46.

²¹¹ ДДГ. № 60. С. 192.

²¹² Там же. № 47. С. 144.

Новая попытка продвижения Москвы во владения новосильско-одолевских князей, зависимых от великого князя литовского, началась в начале 70-х гг. Тогда на службу к Ивану III перешел один из представителей новосильско-одолевского дома, Семен Юрьевич; в качестве компенсации за утерю его доли Одоевского княжества московский князь пожаловал ему владения на пограничье, примерно в 30 км к северо-востоку от Любутска²¹³. Московские войска совершили набег на Любутск (надо полагать, с князем Семеном), в ответ любучане напали (в 1473 г.) «на князя Семена Одоевского», который погиб в бою с ними²¹⁴. Успех в борьбе за новосильско-одолевские земли пришел к Москве позднее, в конце 80-х — 90-е гг. XV в.²¹⁵

§2. Тарусско-Оболенское княжество

Тарусско-Оболенское княжество было самым северным в Черниговской земле; ему принадлежала сравнительно небольшая территория по обоим берегам Оки между Любутском и устьем Протвы, а также Мезческ (Мезецк) на правом берегу левого притока Оки р. Угры²¹⁶.

Еще в начале XIV в. тарусские князья продали митрополиту Петру (1308–1326) территорию на правом берегу Оки выше Тарусы, где позже был поставлен г. Алексин (см. раздел VI — «Алексин»). По свидетельству московско-рязанского договора 1381 г., тарусские князья уступили вяземскому князю Федору Святославичу также на правом берегу Оки «уездъ Мьстиславль, Жадѣне городище, Жадемль, Дубокъ, Броднич с мьсты»²¹⁷. Уезд Мстиславль локализуется в районе верховьев рек Беспуты и Вошаны (правых притоков Оки), к востоку от Алексина²¹⁸. Очевидно, эта уступка была сделана после ухода Федора из Вязьмы на службу к Семену Ивановичу Московскому в результате похода Ольгерда 1341 г. (см. выше § «Ржева» в разделе II «Смоленская земля»)²¹⁹. Семен мог добиться от тарусских князей предоставления Федору части

²¹³ Антонов А. В. К истории удела князей Одоевских // РД, М., 2001. Вып. 7. С. 262–263.

²¹⁴ ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 136 («Летописец от 72-х язык»).

²¹⁵ См.: Крам М. М. Меж Русью и Литвой. Ч. 1. Гл. 2.

²¹⁶ См.: Кучкин В. А. Русские княжества... С. 50, 56.

²¹⁷ ДДГ. № 10. С. 29.

²¹⁸ Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты... Ч. 1. С. 26.

²¹⁹ РИИР. М., 1977. Вып. 2. С. 165, 169.

их владений с тем, чтобы иметь на заокских территориях зависимого от себя князя. Вскоре московский князь предпочел предоставить Федору наместничество в Волоке²¹⁹, а заокскими территориями овладеть непосредственно, после чего они были обменены на рязанские владения на левом берегу Оки (о времени обмена см. выше § «Отменные места рязанские» в разделе I — «Рязанская земля»).

Во второй половине 60-х гг. глава тарусско-оболенской ветви Константин Юрьевич являлся союзником Дмитрия Ивановича Московского — в 1368 г. он погиб во время похода Ольгерда на Москву²²⁰. Константин именуется в летописном известии о его гибели «Оболенским», следовательно, стольным городом княжества был в это время Оболенск (на р. Протве). Сыновья Константина, Семен (старший) и Иван, участвовавшие в походах Дмитрия Московского на Тверь в 1375 г. и к Куликову полю в 1380 г., называются соответственно «Оболенским» и «Тарусским»²²¹; таким образом, Оболенск и при них сохранял статус «старшего» стола — оболенским князем был старший из братьев.

В договоре Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским, заключенном в 1390 г., т. е. на следующий год после вступления Василия на великокняжеский престол, имеется фраза: «А наиду собѣ Муромъ или Торусу, или иная мѣста, а тотъ ти протор не надобе»²²². В 1392 г. Василий I получил в Орде от Тохтамыша ярлык на Нижегородское княжество. Одновременно ему достались Муром, Мещера и Таруса: «...и онъ (Тохтамыш. — А. Г.) ему далъ Новгородчкое княжение Нижняго Новагорода, Моуромъ, Мещеру, Торусу»²²³.

Однако если Муром вошел непосредственно во владения Василия (см. раздел VII «Муромское княжество»), то с Тарусой все было иначе. Она не названа ни в трех дошедших до нас духовных грамотах Василия I, ни в завещании Василия II; о передаче Тарусы по наследству сказано только в духовной Ивана III (1503 г.)²²⁴. При этом имеются упоминания «тарусских князей» как владетельных.

²²⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 89.

²²¹ Там же. Стб. 111; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 486.

²²² ДДГ. № 13. С. 38.

²²³ ПСРЛ. Т. 4, Ч. 1. Вып. 2. С. 373; Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 509. В Новгородской IV и Софийской I летописях это событие помещено в статью 6901 г., но из сопоставления разных летописных источников, сообщающих о получении Василием Нижнего Новгорода, следует, что его поездка в Орду имела место в 6900 (1392) г. (См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 119–123).

²²⁴ ДДГ. № 89. С. 354, 356.

В договоре Василия I с рязанским князем Федором Ольговичем от 25 ноября 1402 г. говорится: «А со княземъ с Семеном с Романовичем с новосильским и с тарускими князи так же взяти ти (Федору. — А. Г.) любовь по давным грамотамъ, а жити ти с ними без обиды, занеже тѣ всѣ князи со мною (Василием. — А. Г.) один человекъ»²²⁵. Семен Романович Новосильский был, как сказано выше, правителем Новосильско-Одоевского княжества после своего отца Романа Семеновича, оба признавали верховенство Дмитрия Донского, но оставались владетельными князьями. Тарусские князья, хотя никто из них и не назван по имени, упоминаются в одном ряду с Семеном, т. е. явно выступают как владетельные. Об этом говорит и последующий за цитированным текст, посвященный процедуре разбирательства споров между названными князьями, новосильскими и тарусскими, и рязанским князем: обе возможные стороны конфликта рассматриваются как равностатусные, московскому князю отводится только роль гаранта исполнения решения третейского суда в случае, если виноватая сторона не подчинится этому решению. Среди возможных соглашений рязанского князя с новосильскими и тарусскими названы договоренности «о земли или о водѣ», т. е. касающиеся размежевания владений²²⁶.

Из текста договора 1402 г., как и из упоминания в договоре с Рязанью 1381 г. об уступке тарусскими князьями земель Федору Свято-славичу, видно, что определение «тарусские князья» охватывало всю тарусско-оболенскую ветвь независимо от конкретных мест княжения. Упоминание в договоре 1390 г. и летописном сообщении о ханском пожаловании Василию I именно Тарусы как объекта приобретения говорит, что либо она номинально продолжала оставаться главным центром княжества в то время, как старшие представители ветви избрали своей резиденцией Оболенск, либо к началу 90-х гг. столица княжества вернулась в Тарусу.

В договоре Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским 1404 г. среди владений московского дома названы и Ржева, и Нижний Новгород, и Муром, и Мещера (где сохранялись местные князья — см. раздел V «Мещера») и даже «места татарские и мордовские», которые, как свидетельствуют московско-рязанские договоры, реально тогда Москве не принадлежали, московские князья только рас-

²²⁵ Там же. № 19. С. 53.

²²⁶ Там же. С. 53–54.

считывали их вернуть (из-под ордынской власти — см. § «Места татарские и мордовские» в разделе IV «Владения Орды»). Но Таруса не упомянута.

В то же время в этом договоре, а также в одновременной ему духовной грамоте Владимира Андреевича среди владений, переданных Василием двоюродному дяде, названы Лисин и Пересветова купля — районы к западу и юго-западу от Тарусы²²⁷. В договоре Василия I с Владимиром Андреевичем 1390 г. данные территориальные единицы еще не фигурируют, следовательно, они были приобретены московскими князьями между 1390 и 1404 г. «Пересвета», совершившего «куплю», соблазнительно отождествить с Александром Пересветом — героем Куликовской битвы²²⁸. Учитывая, что он был, скорее всего, митрополичьим боярином²²⁹, а близ «Пересветовой купли», на противоположном берегу Оки, находился Алексин, купленный у тарусских князей в начале XIV в. митрополитом Петром, между 1390 и началом 1392 г. перешедший во владение Василия I в результате обмена с митрополитом Киприаном (см. раздел VI «Алексин») и упоминаемый в его договоре с Владимиром Андреевичем 1404 г. перед Лисиным и Пересветовой куплей среди переходящих к серпуховскому князю земель, можно полагать, что после гибели Пересвета в 1380 г. территория его «купли» находилась в распоряжении митрополичьей кафедры и в начале 90-х, т. е. незадолго до получения Василием ярлыка на Тарусу, перешла во владение великого князя вместе с Алексинем. Волость Лисин, возможно, стала великокняжеской в результате «операции» 1392 г.: Василий таким образом брал в непосредственное владение пограничные с другими верховскими княжествами южные и западные территории Тарусского княжества, а «внутренние» его области оставил местным князьям.

В описи Посольского приказа 1626 г. упомянут «список з докончальные грамоты князя Дмитрея Семеновича тарусского, на одном листу, с великим князем Васильем Дмитриевичем, году не написано»²³⁰. Дмитрий — несомненно сын Семена Константиновича «Оболенского»;

²²⁷ ДДГ. № 16. С. 43; № 17. С. 47; Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты... Ч. 2. СПб., 1902. С. 2–3.

²²⁸ Любавский М. К. Формирование... С. 76.

²²⁹ См.: Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский в канун Куликовской битвы // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990. С. 106–109.

²³⁰ Опись Посольского приказа 1626 г. М., 1977. С. 37.

в родословцах также есть упоминание о его dokonчании с Василием I²³¹. Dokonчание Дмитрия с Василием, вероятно, определяло их отношения в условиях, сложившихся после получения московским князем ярлыка на Тарусу. Вряд ли это было в 1392 г., так как тогда еще, вероятно, старшим среди тарусских князей был либо отец Дмитрия Семен, либо дядя Иван Константинович (поскольку второй из пяти сыновей последнего — Василий — действовал до 70-х гг. XV в.²³², в конце XIV в. Иван, скорее всего, еще был в живых). По-видимому, договор с Дмитрием Семеновичем был заключен после того, как он остался старшим в тарусской династии и необходимо было обновить dokonчание, имевшее место с его предшественником в 1392 г.

В 1434 г. в договоре занимавшего тогда великокняжеский престол Юрия Дмитриевича с рязанским князем Иваном Федоровичем имеется упоминание тарусских князей, сходное с текстом московско-рязанского dokonчания 1402 г.: «А с тарусским князем взяти ми любовь, а жити ми с ним без обиды, занеж тѣ князи с тобою, с великим князем Юрием Дмитриевичем, один человѣкъ»²³³. Упоминание среди тарусских князей собственно «тарусского», в единственном числе, князя говорит о том, что главный центр княжества оставался во владении местной династии.

Договор Василия II с тем же Иваном Федоровичем, заключенный 20 июля 1447 г., в основном повторяет норму dokonчания 1434 г. (с той разницей, что о тарусских князьях теперь опять, как в договоре 1402 г., сказано только во множественном числе)²³⁴.

В договоре Василия II с Казимиром IV, великим князем литовским и польским королем, от 1 августа 1449 г. о тарусских князьях говорится: «А князь Василей Ивановичь тарускыи, и з братьею, и з братаничы служить мне, великому князю Василью. А тебе, королпо и великому князю Казимиру, в них не въступатися»²³⁵. Тарусские князья, с одной стороны, выступают как служебные князья Василия, с другой — как явно владельческие: Казимир берет на себя обязательство не «вступаться» в принадлежащие им земли.

²³¹ РИИР. Вып. 2. С. 113.

²³² См. о нем: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 48.

²³³ ДДГ. № 33. С. 85.

²³⁴ Там же. № 47. С. 144.

²³⁵ Там же. № 53. С. 161.

В отличие от московско-рязанских докончаний, назван по имени «главный» из тарусских князей — Василий Иванович. В тарусско-оболенской княжеской ветви в это время был только один князь с таким именем — сын Ивана Константиновича²³⁶. Он упоминается в качестве воеводы Василия II под 1443, 1445, 1450 гг., в роли послуха как боярин Василия II и Ивана III; в летописных известиях Василий Иванович именуется с определением «Оболенский», так же определяются и его братья, Семен и Глеб²³⁷. Очевидно, во время тарусского княжения Дмитрия Семеновича сыновья Ивана Константиновича правили в «Оболенской части» княжества, и определение «Оболенские» осталось за ними и тогда, когда Василий получил права на тарусский стол.

В 1473 г. Иван III пожаловал Тарусу своему младшему брату Андрею Вологодскому. Это было сделано в ответ на претензии последнего, связанные с тем, что он не получил доли от владений умершего годом ранее брата — Юрия Васильевича²³⁸. Однако в своем завещании (ок. 1479 г.) Андрей упоминает «села в Тарусе», но не делает распоряжения относительно самого города и тянувшей к нему территории (как это он сделал в отношении Вологды)²³⁹. Очевидно, Таруса передавалась Андрею Иваном III без права распоряжения, на условии, что после его смерти она отойдет к великому князю.

В докончании, заключенном Иваном III с рязанским князем Иваном Васильевичем 9 июня 1483 г., в отличие от предшествующих московско-рязанских договоров, тарусские князья не упоминались. Нет упоминания владетельных тарусских князей и в договоре Ивана III с великим князем литовским Александром Казимировичем 1494 г. (хотя названы как владетельные другие верховские князья — «новосилский, и одоевский, и воротинский, и перемишльский, и белевский»). Таруса и Оболенск здесь отнесены к владениям московского князя: «Тако же и мнѣ (Александру. — А. Г.) не вступатися... и в Торусу, и в Оболенскъ, и во всѣ то, што к тѣмъ местамъ потяглю»²⁴⁰.

Из приведенных данных ясно, что молчание о Тарусе в духовных грамотах Василия I и Василия II не может быть объяснено допущением,

²³⁶ РИИР. Вып. 2. С. 114.

²³⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 252, 264, 236, 270, 272, 394; АСЭИ. Т. 1. № 277. С. 198; АФЭХ. Ч. 1. № 103, 126. С. 99, 118; Разрядная книга 1475–1605. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 86.

²³⁸ ПСРЛ. Т. 24. С. 194.

²³⁹ ДДГ. № 74. С. 276–277.

²⁴⁰ Там же. № 83. С. 330.

что она скрыта в упоминании о «великом княжении»²⁴¹, так как в договорных грамотах Таруса в лице «горусских князей» называется отдельно от «великого княжения».

Очевидно, что тарусские князья и после 1392 г. сохраняли свои родовые владения²⁴². При этом они «служили» (термин из московско-литовского договора 1449 г.) московским князьям²⁴³. Такая ситуация — когда мелкие владетельные князья поступали на московскую службу, сохраняя при этом свои владения (на условии несения службы), которые не превращались в часть «великого княжения», — типична для конца XIV—XV в. Известно докончание Василия II с князем суздальско-нижегородского дома Иваном Васильевичем Горбатым 1449 г., где устанавливаются отношения такого рода: Иван Васильевич обязуется не принимать впредь ханских ярлыков на какие-либо владения своих предков и служить московскому князю; тот, со своей стороны, жалует его одним из родовых столов — Городцом на Волге²⁴⁴. Скорее всего, ярлык на Тарусу, полученный Василием I в 1392 г., позволил московскому князю построить отношения с тарусскими князьями по той же схеме: если ранее они имели свои отношения с Ордой (как рудимент этого периода позже сохранялся особый побор на содержание татарских послов с Тарусского княжества, о котором упоминает духовная Ивана III²⁴⁵), то теперь великий князь пожаловал им родовые земли уже от себя на условии службы²⁴⁶. Очевидно, ярлык был получен Василием по согласованию с тарусскими князьями, и ранее,

²⁴¹ Такое допущение делал А. Е. Пресняков: *Пресняков А. Е. Образование...* С. 331, примеч. 1.

²⁴² Помимо «центральной» части княжества на левом берегу Оки за местными князьями (принадлежавшими к одной из ветвей тарусского дома — конинско-волконской), вероятно, сохранялись до середины XV в. владения на окском Правобережье, к юго-востоку от Любутска и Алексина (см.: *Шеков А. В. Верховские княжества* (Краткий очерк политической истории. XIII — середина XVI в.). Тула, 1993. С. 55–65).

²⁴³ Это не касается «мезецкой» ветви тарусского княжеского рода (пошедшей от брата Константина Юрьевича Оболенского Всеволода): ее представители вместе со своими владениями на правобережье Угры служили в XV в. литовским великим князьям (см.: *Кром М. М. Меж Русью и Литвой*. С. 46–50).

²⁴⁴ ДДГ. № 52. С. 155–159. О статусе «служилых князей» см.: *Назаров В. Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке*.

²⁴⁵ ДДГ. № 89. С. 362.

²⁴⁶ Вероятность сходства отношений Москвы с тарусскими и нижегородско-суздальскими князьями отметил С. А. Фетищев (*Фетищев С. А. К вопросу о присоединении...* С. 34–35).

и позже сохранявшими с Москвой хорошие отношения. Переход на положение служебных князей был им выгоден, так как великий князь брал на себя уплату выхода в Орду, был обязан защищать их земли от тех же татар, Литвы или других русских князей. При этом владения тарусских князей становились анклавом внутри московских владений, так как южная, пограничная часть Тарусского княжества (Лисин, Пересветова купля) перешла непосредственно в руки московского княжеского дома.

Такое положение сохранялось до тех пор, пока в 1473 г. московский князь, пользуясь своим правом верховного собственника Тарусского княжества, не передал Тарусу своему брату. До 1494 г. под непосредственной властью Ивана III оказался и Оболенск²⁴⁷.

§3. Козельское княжество

Козельское княжество выделилось к началу XIV в. из состава Карачевского — владения потомков Мстислава Михайловича, одного из сыновей св. Михаила Черниговского²⁴⁸. Оно занимало территории левобережья Оки между ее притоками Жиздрой и Угрой. В договоре Василия I с Владимиром Андреевичем 1404 г. и в современной ему

²⁴⁷ По-видимому, это произошло незадолго до 1494 г., так как во время происшедшего между 1496–1498 гг. земельного спора старцев Троице-Сергиева монастыря с князем Иваном Константиновичем Оболенским, в течение 24 лет незаконно владевшим монастырским селищем Зеленым, отмечалось, что великокняжеский суд не состоялся раньше, поскольку пристав великого князя «в Оболенск... не въѣжал» и старцам приходилось обращаться к самому князю Ивану (АСЭИ. Т. 1. № 607, 617а. С. 507, 518), т. е. еще недавно Оболенск сохранял права центра формально самостоятельного княжества.

²⁴⁸ См.: Кукиш В. А. Русские княжества... С. 50. Существует мнение, что карачевским князьям в начале XIV в. принадлежал подмосковный Звенигород, поскольку одна из их ветвей носила наименование «звенигородские» (Зотов Р. В. О черниговских князьях... С. 132–136; Аверьянов К. А. Московское княжество Ивана Калиты. Московские «трети». Звенигород. История вхождения в состав Московского княжества. М., 1993. С. 35–54). Это представляется маловероятным, учитывая, что между достоверно известной карачевско-козельской территорией и Звенигородом лежали владения новосильских, тарусских и рязанских князей. Скорее всего, прозвание «Звенигородский» произошло от одноименного укрепленного поселения в Карачевском княжестве, позже (в XVI в.) известного как Звенигородское городище на р. Неполоди (Пищовые книги Московского государства. СПб., 1877. Ч. 1. Отд. 1. С. 889 — отождествление со Звенигородом принадлежит А. К. Зайцеву).

духовной Владимира Андреевича Козельск указан в числе владений, переданных великим князем князю серпуховскому²⁴⁹. Лишь один из козельских городков — Людимльск передается во владение некоему князю Ивану («пожаловал князя Ивана Людимльском») ²⁵⁰. Возможно, это Иван Козельский, упоминаемый в письме Ольгерда патриарху Филофею 1371 г.²⁵¹

Обстоятельства перехода Козельского княжества под московскую власть могут быть гипотетически реконструированы только исходя из общей обстановки в верховских землях на рубеже XIV—XV вв.

Как говорилось выше (см. § «Новосильско-Одоевское княжество»), в 90-е гг. усилилось продвижение Великого княжества Литовского в данный регион, был занят Любутск, находящийся на правом берегу Оки. Видимо, в противовес этому Василий I и предпринял попытку овладеть Козельском и тянувшими к нему землями. В 1403 г. он восстановил отношения с Ордой, прерванные с приходом в ней к власти во второй половине 90-х гг. временщика Едигея²⁵². Едигей был врагом Витовта и мог выдать Василию (от лица своего марионеточного хана Шадибека) ярлык на Козельск. Василий после этого оставил за местными князьями часть владений, а сам Козельск и большую часть тянувших к нему волостей передал Владимиру Серпуховскому. Ясно, что перераспределение земель было произведено по договоренности с козельскими князьями, поскольку Ивана Василий I «пожаловал» Людимльском, а в 1408 г. в Ржеве московским воеводой был «князь Юрий Козельский»²⁵³. По типу это были действия, аналогичные предпринятым в начале 90-х гг. XV в. по отношению к Тарусскому княжеству; но в случае с Козельском местным князьям оставлялась много меньшая часть территории княжества и без его столицы.

Однако уже в 1406 г. в ходе начавшегося московско-литовского конфликта Козельск был занят войсками Витовта²⁵⁴. Тем не менее в договоре Василия II с внуком Владимира Андреевича Василием Ярославичем 1433 г. сказано: «А чѣм, господине, князь велики, благословил тебя отец твой, князь велики Василеи Дмитриевич, в Москвѣ, и Ко-

²⁴⁹ ДДГ. № 16. С. 43–44; № 17. С. 47.

²⁵⁰ Там же. № 16. С. 43.

²⁵¹ РИБ. 2-е изд. Т. 6. Приложение. Стб. 137–138.

²⁵² См.: Горский А. А. Москва и Орда. С. 125–127.

²⁵³ ПСРЛ. Т. 25. С. 237.

²⁵⁴ Приселков М. Д. Троицкая летопись. С. 461; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 472.

ломною с волостми, и всѣм великим княженьем, так жо и Муром с волостми, и Козелскими мѣсты, и иными примыслы, того ми, господине, под тобою блости, а не обидети, ни вступатися»; аналогично в договоре Василия II со своим дядей Юрием Дмитриевичем того же года: «А чѣмъ тебе благословиль отецъ твой... и Козельском с мѣсты...»²⁵⁵. По смыслу текстов Козельское княжество признается владением отца Василия II — Василия I, переданным в числе других его «примыслов» сыну. Однако ни в одной известной духовной грамоте Василия I Козельск не фигурирует. Не назван он и в договоре Василия II с Юрием Дмитриевичем от 11 марта 1428 г.

Объяснить указанное противоречие можно тем, что после войн с Москвой 1406–1408 гг. Витовт удержал Козельск за собой. Василий I «благословил» этим примыслом сына на случай, если Козельск удастся заполучить обратно (причем «благословил» в устной форме, так как в двух последних его завещаниях гарантом был Витовт, дед Василия II по матери). И это удалось сделать после смерти Витовта (1430 г.), когда в Великом княжестве Литовском началась борьба за власть между Свидригайлой Ольгердовичем и Сигизмундом Кейстутевичем.

В середине 40-х гг. в ходе междоусобной борьбы уже в Московском великом княжестве Василий II дал Козельск своему двоюродному брату Ивану Андреевичу Можайскому²⁵⁶, потом отнял обратно²⁵⁷. К началу 1448 г. Козельск отошел к Литве²⁵⁸. Возвратить его под московскую власть удалось только в 90-е гг. XV в.²⁵⁹

§4. Елецкое княжество

Елецкое княжество располагалось к юго-востоку от Новосильского, по р. Быстрой Сосне, левому притоку Дона. В домонгольский период его территория находилась за пределами Руси и в Черни-

²⁵⁵ ДДГ. № 27, 30. С. 70, 76.

²⁵⁶ Там же. № 41. С. 122. В этом документе фиксируются тянувшие тогда к Козельску волости — Серенск, Людимск (= Людимльск, в начале XIV в. оставленный за князем Иваном), Коробки, Вырка.

²⁵⁷ Там же. № 46, 48. С. 141, 147.

²⁵⁸ Там же. № 49. С. 149.

²⁵⁹ См.: Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 82–83.

говскую землю не входила. Но в XIV в. здесь обосновались князья, происходившие из козельской ветви, и сформировалось особое княжество²⁶⁰.

В договоре Ивана III с Иваном Васильевичем Рязанским 1483 г. Елец фигурирует среди московских владений²⁶¹. Поскольку духовная Василия II (1461–1462 гг.) о нем не упоминает, присоединение Елецкого княжества следует датировать временем между 1462 и 1483 г. Скорее всего, оно произошло в 70-е гг., когда Иван III перестал признавать власть Орды. Елец лежал близ районов ордынских кочевий и присоединение его отодвигало московские границы далеко на юг. Механизм присоединения остается неясным²⁶².

* * *

Хотя первое приобретение волости, относящейся к одному из княжеств Черниговской земли, было осуществлено Семеном Ивановичем в 40-е гг. XIV в., настоящее московское наступление в верхнеокском регионе началось при Дмитрие Донском. Оно было тесно связано с аналогичным продвижением Великого княжества Литовского. Дмитрий, а затем Василий I сумели поставить под контроль земли на левом берегу Оки ниже устья Угры (присоединение Калуги, подчинение Тарусско-Оболенского княжества), но развить успех южнее не удалось — Козельское княжество осталось за Литвой, литовским стал Любутск. Василию II удалось заново овладеть Козельском, но ненадолго. В 70-е гг. XV в. уже Иван III сумел присоединить территорию Елецкого княжества.

²⁶⁰ См.: *Зотов Р. В.* О черниговских князьях... С. 147–148, 215–216.

²⁶¹ ДДГ. № 76. С. 285.

²⁶² Возможно, что накануне присоединения Елецкого княжества как политической единицы уже не существовало (последнее до договора 1483 г. упоминание его относится к 1415 г., когда татары доводили «Елецкую землю» — Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 535). Высказывались предположения о подчинении его территории в XV в. Рязани (*Kuczyński S. M.* *Ziemia czernikowsko-siewierskie pod rządami Litwy.* Warszawa, 1936. S. 234) или Орде (*Лантеиков В. В.* Государственное разграничение верхнего Подонья в XIV–XV вв. // Проблемы исторической демографии и исторической географии Центрального Черноземья и Западной России. Липецк, 1998. С. 21–22). Если верно первое из них, следует говорить об уступке Ельца Рязанью, если второе — об отнятии у Орды.

IV. Владения Орды

§1. Тула

В московско-рязанском договоре 1381 г. о Туле сказано следующее: «А что мѣсто князя великого Дмитрия Ивановича на Рязанской сторонѣ, Тула, как было при царице Тайдуле, и коли еѣ баскаки вѣдали, в то ся князю великому Олгу не вступати, и князю великому Дмитрию»²⁶³. Текст можно понять так, что Тула признается местом, находящимся вне власти обеих договаривающихся сторон²⁶⁴. Но такая трактовка порождает ряд вопросов. Во-первых, непонятно, зачем вообще оговаривать статус территории, не принадлежащей ни Москве, ни Рязани. Во-вторых, неясно, почему тогда Тула названа «местом великого князя Дмитрия»; если же допустить, что он владел ею ранее, то вызывает удивление, что в 1381 г., после Куликовской победы, Дмитрий отказывается от Тулы в пользу Орды. Наконец в последующих московско-рязанских докончаниях о Туле говорится в связи с принадлежностью её одной из договаривающихся сторон (см. ниже). Упоминание царицы Тайдулы и ее баскаков говорит не о нынешней принадлежности Тулы Орде, а о пределах тянущей к ней территории²⁶⁵ — т. е. оговаривается, что речь идет о Туле и ее окрестностях в тех границах, какие были, когда Тула принадлежала царице Тайдуле и эту территориальную единицу ведали ее баскаки.

Полагаю, правы авторы, считающие, что договор 1381 г. фиксировал принадлежность Тулы великому князю московскому²⁶⁶. Фраза «в то ся князю великому Олгу не вступати, и князю великому Дмитрию» может пониматься не только как «не принадлежит ни великому князю Олегу, ни великому князю Дмитрию», но и как «не принадлежит великому князю Олегу, а [принадлежит] великому князю Дмитрию». Кроме того, не исключена и порча текста. Договор дошел до нас

²⁶³ ДДГ. № 76. С. 149.

²⁶⁴ Ср.: Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 2. С. 462; Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 41, 52.

²⁶⁵ Ср.: Пресняков А. Е. Образование... С. 243, прим. 2.

²⁶⁶ Карамзин Н. М. История... Т. 5. С. 46; Экземплярский А. В. Великие и удельные князья... Т. 1. С. 114; Любавский М. К. Формирование... С. 44.

в копии конца XV в.²⁶⁷; при переписке могла быть пропущена частица «то» — «и [то] князю великому Дмитрию». Смысл всей статьи, скорее всего, следующий: «А что владение великого князя Дмитрия за Окой, Тула с теми границами тянущей к ней территории, какие были при царице Тайдуле (когда ее баскаки ведали), то великому князю Олегу туда не вступать, это принадлежит великому князю Дмитрию».

Поскольку Тайдула была убита в 1360 г.²⁶⁸, переход Тулы под московскую власть состоялся между 1360 и 1381 гг. Напрашивается предположение, что Тула была занята москвичами во время похода Дмитрия на Дон в августе — сентябре 1380 г. Не исключено, впрочем, что она могла быть приобретена каким-либо образом и ранее — например, в период «замятни» в Орде 60-х гг.

Однако по московско-рязанскому договору 1402 г. Тула объявляется рязанским владением. «А в Тулу и в Берести не вступатися мне, князю великому Василью Дмитриевичю»²⁶⁹. Аналогичную норму содержат московско-рязанские договоры 1434 и 1447 гг.²⁷⁰. Таким образом, между 1381 и 1402 г. Тула отошла от Москвы к Рязани. Возможны две версии относительно того, когда это произошло.

1. Тула была передана Рязанскому княжеству Тохтамышем после конфликта с Москвой 1382 г.: в 1383 г. московское посольство во главе со старшим сыном Дмитрия Василием вело переговоры в Орде, результатом которых стало оставление за московским князем великого княжения владимирского²⁷¹; не исключено, что в этой ситуации Москва поступила Тулой, после чего Тохтамыш мог отдать ее поддержавшему его во время похода на Москву Олегу Рязанскому.

2. Тулу Москва уступила Рязани в результате военного конфликта с ней 1385 г. Тогда Олег Иванович захватил Коломну, а ответный по-

²⁶⁷ См.: *Черетин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1948. Ч. 1. С. 51.

²⁶⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 69.

²⁶⁹ ДДГ. № 19. С. 53. Берестей — село близ Тулы.

²⁷⁰ Там же. № 33. С. 84; № 47. С. 143. Занесколько лет до договора 1434 г., в 1427 г., Рязань признавала принадлежность Тулы и Берестья Великому княжеству Литовскому (ДДГ. № 25. С. 68 — договор Ивана Федоровича с Витовтом, по которому рязанский князь признавал свою зависимость от литовского); под литовской властью они находились еще в 1432 г., в начале княжения Свидригайлы (см.: *Kuczyński S. M.* Ziemie... S. 42). Очевидно, рязанскому князю удалось вернуть эти территории около 1433 г. в ситуации, когда Великое княжество Литовское погрузилось в междоусобную войну (ср. возвращение тогда же Москвой Козельска).

²⁷¹ См.: *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 108–110.

ход московских войск на Рязань не принес успеха; мир был заключен благодаря посольству к Олегу Сергия Радонежского²⁷². Возможно, в обмен на отказ от претензий на Коломну Москва отдала Тулу²⁷³, являвшуюся тогда московским анклавом на правом берегу Оки и непосредственно с основной московской территорией не граничившую.

В следующем после 1447 г. московско-рязанском договоре — 1483 г. — Тула не упомянута. Но к этому времени в составе Московского княжества уже были бывшие рязанские территории, расположенные к северу и востоку от нее (см. выше § «Правобережье Оки» в разделе I «Рязанская земля»). Следовательно, Тула вернулась в состав московских владений, вероятно, вместе с куплей Тешилова, Венава и Растовца, т. е. в конце княжения Василия II.

§2. «Места татарские и мордовские»

В московско-рязанском договоре 1381 г. записано: «А что Татарская мѣста отоимал князь великий Дмитриий Иванович за себя от татаръ до сего до нашего докончанья, та мѣста князю великому Дмитрию. А что князь великий Олегъ отоимал Татарская от татаръ дотоле же, а то князю великому Олгу та мѣста»²⁷⁴. В договоре Василия I с Федором Ольговичем Рязанским 1402 г. данная статья сформулирована иначе: «А что будет отецъ наш, князь великы Дмитрией Иванович, оттаимал Татарьская мѣста и Мордовска мѣста, а ци переменил Богъ татаръ, и та мѣста мнѣ, князю великому Василею Дмитреевичю. А что будет отнял отецъ твой, князь великы Олегъ Иванович, Татарьския мѣста и Морьдовския, а та тобѣ и есть»²⁷⁵. Таким образом, к этому времени «места», названные на сей раз «татарскими и мордовскими», Москве принадлежать перестали (в отличие от аналогичных «мест», захваченных Олегом Рязанским, остававшихся за Рязанью), но московский князь надеялся вновь их получить в случае «перемены» в Орде.

Договор Юрия Дмитриевича с Иваном Федоровичем Рязанским 1434 г. также говорит о надежде на возвращение «мест татарских и

²⁷² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 150–151.

²⁷³ Ср.: Мазуров А. Б. Средневековая Коломна... С. 104–105.

²⁷⁴ ДДГ. № 10. С. 29.

²⁷⁵ Там же. № 19. С. 54.

мордовских» в случае «перемены» Орды, но захват их приписывается не Дмитрию Донскому, а самому Юрию: «А что будешь ты, князь велики Юрьи Дмитриевич, отоимал мѣста Татарьская и Мордовская, а ци переменит Богъ татары, та мѣста тобѣ и есть. А что будет дѣд мой, князь великии Олег, или отець мой, князь велики Федоръ, отнял мѣста Татарьская и Мордовская, та мѣста мнѣ и есть»²⁷⁶. В договоре Василия II и Ивана Федоровича 1447 г. повторена формулировка 1402 г.: «А что будет дѣд мой, князь велики Дмитрии Иванович, отоимал мѣста Татарские и Мордовскаа, а ци переменит Богъ татар, и та мѣста мнѣ, великому князю Василью Васильевичю. А что будет отнял дѣд твой, князь велики Олег Иванович, и отець твой, князь велики Федоръ Олгович, Татарскаа мѣста и Мордовскаа, а то тебѣ и есть, великому князю Ивану Федоровичю, та мѣста»²⁷⁷. Наконец, договор Ивана III с Иваном Васильевичем Рязанским 1483 г. говорит о возвращении этих территорий Москве: «А что прадѣд наш, князь велики Дмитрии Иванович, поотоимал мѣста Татарские и Мордовские, и та мѣста нам, великим князем. А тебѣ ся в них не вступати. А что будет отнял прадѣд твой, князь велики Олег Иванович Татарские мѣста и Мордовские, ино то твое и есть. А нам, великим князем, не вступатися»²⁷⁸.

Упоминание «татарских» и «мордовских» «мест» вместе позволяет думать, что речь идет об одном регионе²⁷⁹. Владения Дмитрия Донского непосредственно с мордовскими землями не граничили. К ним можно было выйти через Мещеру, также присоединенную к Москве при Дмитрии (см. ниже раздел V «Мещера»). Территории собственно татарских кочевий начинались только к югу и востоку от мордовских земель. Довольно сомнительно, чтобы анклавы московских владений заходили так далеко на юго-восток. Но территория Мордвы считалась ордынским владением²⁸⁰ и в этом смысле тоже была «татарской зем-

²⁷⁶ Там же. № 33. С. 85.

²⁷⁷ Там же. № 47. С. 144.

²⁷⁸ Там же. С. 76, 285–286.

²⁷⁹ Предположение, что под «местами татарскими» имеется в виду территория правобережья Дона между Тулой и Ельцом (*Лаптеков В. В.* Указ. соч.), не представляется основательным. В московско-рязанском договоре 1483 г. эта территория определена как «Елец» и «Меча», а «места татарские», помимо того что называются вместе с «мордовскими», упомянуты между двух статей, посвященных Мещере (ДДГ. № 76. С. 285–286, 289; о Мещере см. ниже специальный раздел), что ясно указывает на их принадлежность именно мещерско-мордовскому региону.

²⁸⁰ См.: *Егоров В. Л.* Указ. соч. С. 43–44.

лей». Поэтому вероятнее всего, что речь в цитированных документах идет не о двух группах «мест» — отдельно «татарских» и отдельно «мордовских», но о двух названиях одних и тех же «мест», а союз «и» имеет не соединительный, а пояснительный характер²⁸¹: т. е. «места татарские (те, что мордовские)». В пользу этого говорит и тот факт, что в договоре 1381 г. упоминаются только «места татарские», а в последующих — «татарские и мордовские», причем захваченные как Дмитрием, так и Олегом Рязанским. Если считать, что речь идет о разных территориях, то надо допускать, что до 1381 г. Дмитрий и Олег захватывали только «места татарские», и лишь позднее и тот и другой — еще и по куску мордовских земель²⁸².

Захват данных «мест» нужно связывать, по-видимому, с периодом конфронтации Дмитрия и Олега с Ордой. Это 1374–1380 гг. (до похода Мамаю). В начале 1378 г. московские войска повоевали мордовские земли (в качестве мести за действия мордовских князей, подведших Мамаевых татар к русскому лагерю на р. Пьяне в 1377 г.), а в августе 1378 г. московские и рязанские полки разбили войско Бегича на р. Воже²⁸³. Скорее всего, захват Москвой и Рязанью мордовских «мест», т. е. какой-то части мордовской территории, считавшейся владением Орды, произошел примерно в это время.

Поскольку договоры 1402, 1434 и 1447 гг. связывают возобновление владения Москвой «местами татарскими и мордовскими» с «переменной» в будущем Орды, постольку уход этих «мест» из-под московской власти явно имел своей причиной действия ордынских правителей. Событием, которое могло между 1381 и 1402 г. повлечь их возвращение Орде, был конфликт Москвы с Тохтамышем 1382 г.²⁸⁴ Только

²⁸¹ Об этом его значении см.: *Яшин В. Л., Зализняк А. А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 30; *Горский А. А.* Москва и Орда. С. 166, примеч. 78.

²⁸² Впрочем, если считать, что «татарские» и «мордовские» места — не одно и то же, под первыми все равно вероятнее понимать татарские поселения в мордовской земле, а не какие-то территории в глубине ордынских владений.

²⁸³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 120, 134–135.

²⁸⁴ Ср. утерю, вероятно в то же время, Тулы. Не исключено, что помещение «мест татарских и мордовских» в число владений Василия I в его договоре с Владимиром Андреевичем 1404 г. (ДДГ. № 16. С. 44) указывает на возвращение этих территорий Москве после временного налаживания отношений с Ордой в 1403 г. (см. § «Козельское княжество» в разделе III «Черниговская земля»). В этом случае надо предполагать их вторичную утерю в результате конфликта с Едигеем, начавшегося в 1408 г. Но возможно, упоминание данных мест в конце перечня владений Василия в договоре с Вла-

после ликвидации зависимости от Орды в 70-е гг. XV в. Москва возвратила данные «места» под свою власть.

Остается вопрос, почему в договоре 1434 г. приобретение «мест татарских и мордовских» связывается не с Дмитрием Донским, а с Юрием Дмитриевичем. Между 1402 и 1434 г. Юрий совершил один поход в сторону мордовских земель. Зимой 1414–1415 гг. возглавляемое им войско изгнало из Нижнего Новгорода местных князей, поддерживаемых Ордой²⁸⁵. В последней в то время фактическим правителем был Едигей, и власть временщика в Москве не признавали²⁸⁶. Обратная часть войск, возглавляемая непосредственно Юрием, двигалась по Оке²⁸⁷. Именно тогда мог быть совершен рейд на юг или юго-восток, в мордовские земли, с возвращением ранее захваченных Дмитрием Донским и позже утраченных «мест» под московскую власть. Когда же после гибели Едигея (1419 г.) в Орде было восстановлено законное, с московской точки зрения, правление, эти территории пришлось вновь вернуть. Однако кратковременное их отвоевание Юрием могло отразиться в составленном от его имени договоре указанием на то, что именно он приобрел (подразумевалось, что вторично, вслед за отцом) данные «места».

§3. «Меча»

В московско-рязанском договоре 1483 г. имеется лаконичная запись: «А Меча нам вѣдати вопчѣ»²⁸⁸. Речь идет о районе р. Красивой Мечи, правого притока Дона в верхнем течении (южнее Непрядвы). В конце XIV в. эта территория принадлежала Орде (именно до р. Мечи преследовали войска Дмитрия Донского татар после Куликовской битвы)²⁸⁹; нет причин полагать, что позднее она изменила свой статус. Поскольку в духовной Василия II Меча не упоминается, вероятнее всего относить присоединение данной территории к 70-м гг. XV в., к то-

димиром Андреевичем имеет в виду (не оговаривая это специально) ту же надежду на их возвращение в результате «перемены» Орды, что зафиксирована в московско-рязанских докончаниях 1402, 1434 и 1447 гг.

²⁸⁵ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 486–487.

²⁸⁶ Горский А. А. Москва и Орда. С. 134–133.

²⁸⁷ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 487.

²⁸⁸ ДДГ. № 76. С. 285.

²⁸⁹ См.: Памятники Куликовского цикла. С. 38, 77.

муже времени, что и приобретение Ельца (Меча расположена как раз между рязанской «куплей» Василия II и Елецким княжеством) и связывать с ликвидацией зависимости от Орды.

В. Мещера

Мещерой в XIV–XV вв. именовалась территория по обоим берегам Оки, вытянутая с северо-запада на юго-восток и отделявшая Рязанское княжество от Муромского и мордовских земель. Население там имело этнически смешанный характер²⁹⁰. Русских князей в Мещере не было, этим краем управляли местные правители татарского происхождения²⁹¹.

Впервые как московское владение Мещера упоминается в договоре Дмитрия Донского с Олегом Ивановичем Рязанским 1381 г.: «А что купля князя великого Мещера, как было при Александрѣ Уковичѣ, то князю великому Дмитрию, а князю великому Олгу не вступатися по тот розъездъ»²⁹².

Таким образом, ранее лета 1381 г. Дмитрий Иванович «купил», очевидно у местных князей, Мещеру или ее часть²⁹³. В летописном

²⁹⁰ О пределах Мещеры см.: *Черменский П. Н.* Материалы по исторической географии Мещеры // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962.

²⁹¹ *Черменский П. Н.* Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1964, С. 3–4.

²⁹² ДДГ. № 10. С. 29.оборот «как было при Александрѣ Уковичѣ» имеет в виду границы Мещеры с Рязанским княжеством, установленные при этом князе и рязанском князе Иване Ярославиче в первой половине XIV в. (см.: *Черменский П. П.* Материалы... С. 44). В. А. Кучкин считает, что в Александре Уковиче «следует видеть не одного из местных князей народности мещеры... а одного из рязанских Рюриковичей»; имя его отца он трактует как «славянское имя Вук, по сей день распространенное, в частности, у сербов» (*Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 259–260). Но сербское «Вук» означает «волк». Следуя В. А. Кучкину, надо признать, что один из представителей рязанской династии носил имя-прозвище Волк (среди княжеских, нехристианских имен Рюриковичей не встречающееся), при этом почему-то в сербской огласовке, и что его сын получил отчество не по христианскому имени отца (коего не могло не быть), а по этому прозвищу, но с выпадением начальной огласной. Каждое из этих допущений невероятно само по себе, тем более невозможно их сочетание. Неясно, почему В. А. Кучкин не учитывает признанной в историографии версии о татарском (а вовсе не местном — из народности мещеры) происхождении мещерских князей.

²⁹³ В. А. Кучкин полагает, что князем, продавшим Мещеру, был Александр Укович (Там же. С. 260).

рассказе о походе Дмитрия Донского на Новгород зимой 1386–1387 гг. в числе участвовавших в нем ратей упоминается и «мещерская»²⁹⁴. Однако Мещера не фигурирует ни в духовной Дмитрия, ни в завещаниях Василия I и Василия II — о ее передаче по наследству сказано

По мнению К. А. Аверьянова, «купля» Мещеры — это передача ее Дмитрию Ивановичу в приданое при его женитьбе в 1366 г. на дочери Дмитрия Константиновича Нижегородского Евдокии (*Аверьянов К. А. Купли Ивана Калиты. М., 2001. С. 29–33*). Автор исходит из статьи договора Василия I с Владимиром Андреевичем 1404 г.: «А мнѣ, господине, князь великий, брату твоему молодшему, князю Володимеру Андрѣевичю, и моим дѣтем под тобою и под твоими дѣтми, твоего удела, Москвы и Коломны с волостми, и всего твоего великого князенья, да Волока к Ржевы с волостми, и Новагорода Нижнего с волостми, и что к нему потягло, с Муром с волостми, и что к нему потягло, и Мещеры с волостми, и что к неи потягло, и в та мѣста в Татарская и в Мордовская, как было, господине, за твоим отцомъ, за великим князем, и за твоим дѣдом, за великим князем Дмитрием Костянтиновичем, и за тобою, за великим князем, того ми, господине, и моим дѣтем подъ тобою, великим князем, и под твоими дѣтми блости и боронити, а не обидѣти, ни вступатися» (ДДГ. № 16. С. 44). Он полагает, что ссылка на прежних владельцев, в том числе Дмитрия Константиновича, относится здесь только к землям, упомянутым в конце перечня — Мещере и «местам татарским и мордовским» (забывая, что московско-рязанские договоры говорят об отнятии последних Дмитрием Донским у татар, а не получении от тестя). На самом деле прежние владельцы упоминаются в связи с перечнем всех владений Василия. Называются они в соответствии с давностью и значимостью: сначала Москва с Коломной, затем великое княжение владимирское, потом отдельно Волок и Ржева, ранее принадлежавшие Владимиру Андреевичу (ДДГ. № 13. С. 37), а теперь переходившие к великому князю, далее «примыслы» — сначала Нижний Новгород (вновь присоединенное великое княжение), потом Муром (княжение рангом пониже), затем Мещера (территория, не имевшая статуса русского княжества), наконец «места» татарские и мордовские. Отсылки на отца было недостаточно, так как он не владел Нижним Новгородом и Муромом. Но нижегородским князем являлся дед Василия по матери Дмитрий Константинович, поэтому он и был упомянут (поминать еще и его преемника на нижегородском столе Бориса Константиновича Василию было ни к чему, так как он не являлся великому князю прямым предком и не владел, в отличие от Дмитрия, всей тянувшей к Нижнему территории, см. об этом: *Горский А. А. Москва и Орда. С. 114–115*). В отношении же Мурома можно было сослаться только на владение им самим Василием I, поэтому после упоминания Дмитрия Константиновича сказано «и за тобою, великим князем». Никаких оснований считать Мещеру бывшим владением нижегородских князей, таким образом, нет.

²⁹⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 345. В «Сказании о Мамаевом побоище» среди воевод полка Владимира Андреевича Серпуховского упомянут князь Юрий Мещерский (Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 34), известный и по родословцам (РИИР. Вып. 2. С. 168). Поздний (начало XVI в., см.: *Клоос Б. М. Избранные труды. Т. 2: Очерки по истории русской агрографии XIV–XVI веков. М., 2001. С. 333–348*) характер источника не позволяет судить о достоверности известия. В любом случае неясно, идет ли речь о владетельном князе.

только в духовной Ивана III (1503 г.)²⁹⁵. Каков же был статус этой территории в течение столетия с конца XIV по конец XV в.?

В 1392 г., когда Василий I получил в Орде от Тохтамыша ярлык на Нижегородское княжество, ему одновременно достались Муром, Мещера и Таруса: «...и онъ (Тохтамыш. — А. Г.) ему даль Новгородское княжение Нижняго Новагорода, Моуромъ, Мещеру, Торусоу»²⁹⁶. Следовательно, «купля» Дмитрия Донского не была связана с санкцией Орды²⁹⁷. Лишь в 1392 г. приобретение Мещеры было закреплено ханским ярлыком.

В договоре Василия I о Федором Ольговичем Рязанским 1402 г. сказано: «А что Мещерская мѣста, что будет купил отецъ твой, князь велики Олег Иванович, или вы, или ваши бояря, в та мѣста тобѣ, князю великому Федору Олговичю, не вступатися, ни твоим бояром, а земля к Мещерѣ по давному. А порубежье Мещерским землям, как было при великом князѣ Иванѣ Ярославичѣ и при князи Александрѣ Уковичѣ»²⁹⁸. С одной стороны, Мещера здесь мыслится как территория, принадлежащая Василию. С другой, упомянутые факты приобретения рязанскими князьями «мест» в ней говорят о непрочности владения.

В договоре Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским содержится перечень великокняжеских владений, в котором последовательно названы: Москва и Коломна, «великое княжение», Волок и Ржева, Нижний Новгород, Муром, Мещера, «места татарские и мордовские»²⁹⁹. Мещера выступает как владение Василия, отдельное от великого княжения и на том же месте, что и в летописной статье о приобретениях 1392 г. — после Нижнего Новгорода и Мурома.

²⁹⁵ ДДГ. № 89. С. 354, 356.

²⁹⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 373; Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 509.

²⁹⁷ Это свидетельствует, кстати, против интерпретации известных «купель» Иваном Калитой Галицкого, Углицкого и Белозерского княжеств, как покупок ярлыков на них в Орде (Кучкин В. А. Формирование... С. 247–256; *Оп. же.* Последнее завещание Дмитрия Донского // СР. М., 2001. Вып. 3. С. 146–155). Недавно выдвинутая К. А. Аверьяновым версия, что под «куплями деда», упомянутыми в завещании Дмитрия Донского, имеются в виду передачи территорий в качестве приданого за княжнами при женитьбах Калиты и его братьев (Аверьянов К. А. «Купли» Ивана Калиты. М., 2001), не может рассматриваться всерьез, так как покоится на предположении о «купле» Мещеры Дмитрием Донским у Дмитрия Константиновича Нижегородского, которое бесосновательно (см. выше примеч. 293).

²⁹⁸ ДДГ. № 19. С. 54.

²⁹⁹ Там же. № 16. С. 44. См. текст перечня выше, в примеч. 293.

Существует список XVII в. с жалованной грамоты Василия II от 20 апреля 1426 г. на наместничество в мещерских городах Елатье и Кадоме³⁰⁰. Однако не исключено, что этот документ является подложным (топоним Елатья известен только с XVI в.)³⁰¹.

В договоре Юрия Дмитриевича с Иваном Федоровичем Рязанским 1434 г. о Мещере говорится следующим образом: «А что будет покупил в Мещерских мѣstech дѣд мои, князь великий Олег Иванович, и отець мои, князь великий Федоръ Олгович, и аз, князь великий, или мои бояря, и в ти мѣста мнѣ не вступатися, ни моим бояром, знати нам свое серебро, а земля в Мещере по давному. А порубежье Мещерской земли, как было при великом князи Иоаннѣ Ярославичѣ и при князи Александрѣ Уковичѣ... А князи мещерские не имут тобѣ, великому князю, правити, и мнѣ их не примати, ни в вотчинѣ ми в своей их не держати, ни моим бояром, а добывать ми их тебѣ без хитрости, по тому целованью»³⁰². По сравнению с договором 1402 г. добавлено обязательство рязанского князя «не принимать» к себе мещерских князей, а в число лиц, покупавших земли в Мещере, добавлен Иван Федорович. Это вновь говорит о непрочности московской власти над данной территорией: и после заключения договора 1402 г. продолжались покупки в ней владений рязанскими князьями, сохранялись князья местные, которые могли пожелать служить рязанскому князю, причем не исключено, что имелось в виду поступление в зависимость вместе со своими землями.

В докончании Василия II с Иваном Федоровичем 1447 г. текст о Мещере практически идентичен договору Юрия (с той лишь разницей, что на сей раз сохранившаяся грамота составлена от лица московского князя)³⁰³.

В договоре Василия II с великим князем литовским и польским королем Казимиром 1449 г. о Мещере сказано: «Тако жъ и у вотчину мою в Мещеру не вступатися, ни приимати»³⁰⁴. Королю вменяется в обязанность не претендовать на территорию Мещеры и не принимать на службу мещерских князей.

В 50-е гг. XV в. на части территории Мещеры Василием II было создано образование во главе со служилым татарским царевичем Ка-

³⁰⁰ АСЭИ. Т. 3, № 108. С. 145–146.

³⁰¹ См.: Черменский П. Н. Из истории... С. 4–5.

³⁰² ДДГ. № 33, С. 85.

³⁰³ Там же. № 47. С. 144.

³⁰⁴ Там же. № 53. С. 162.

сымом — будущее так называемое Касимовское ханство (с центром в Городце Мещерском на Оке)³⁰⁵.

В договоре Ивана III с Иваном Васильевичем Рязанским 1483 г. статья о Мещере была сформулирована следующим образом: «А что Мещерская мѣста, что будет покупил прадѣд твой, князь велики Олег Иванович, или прадѣд твой, князь велики Федоръ Олгович, или дѣд твой, князь велики Иван Федорович, или отецъ твой, князь велики Василии Иванович, или ты, князь велики Иван Васильевич, или ваши бояря, в та мѣста тебѣ, великому князю Ивану Васильевичю, не вѣстupati, ни твоим бояром. А знати ти свое серебро, и твоим бояром. А земля по давному к Мещерѣ. А порубежье Мещерским землям, как было при великом князи Иванѣ Ярославичѣ, и при князи Александрѣ Уковичѣ... А что наши князи мещерские, которые живут в Мещерѣ и у нас, у великих князеи, и тебѣ их къ себе не приимати. А побегат от нас, к тебѣ их добывати нам без хитрости, а добывъ ти их, нам выдати»³⁰⁶.

Из текста следует, что покупки рязанскими князьями и боярами земель в Мещере предпринимались и при отце Ивана Васильевича — Василии Ивановиче, и при нем самом. Мещерские князья в 1483 г., как видно из текста, частью находились в Мещере, частью — на службе у великого князя в других регионах.

В договоре Ивана III с великим князем литовским Александром Казимировичем 1494 г. Мещера отнесена к владениям московского князя: «Так же ми (Александру. — А. Г.) и в Мещеру, и во отчину твою, не вступатися и не приимать их»³⁰⁷.

Наконец, в завещании Ивана III Мещера названа в числе великокняжеских владений, передаваемых по наследству сыну Василию: «Да ему ж даю город Муром с волостми и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что къ Мурому потягло, да Мещера с волостми, и з селы, и со всѣмъ, что к ней потягло, и с Кошковым, да князи мордовские всѣ, и з своими отчинами, сыну же моему Василию»³⁰⁸. Мещера, как и в летописной статье о событиях 1392 г. и в договоре Василия I с Владимиром Андреевичем начала XV в., названа вслед за Муромом.

³⁰⁵ См.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1; Зимин А. А. Витязь на распутье. М., 1991. С. 171–172.

³⁰⁶ ДДГ. № 76. С. 285–286, 289.

³⁰⁷ Там же. № 83. С. 330.

³⁰⁸ Там же. № 89. С. 354, 356.

Из приведенных данных ясно, что молчание о Мещере в духовных грамотах Дмитрия Донского, Василия I и Василия II не может быть объяснено допущением, что она скрыта в упоминании о «великом княжении», так как в договорных грамотах Мещера называется отдельно от великого княжения. В договоре с Владимиром Андреевичем Василий I называет Мещеру среди своих владений, которые должны перейти к его детям; в 50-е гг. часть территории Мещеры была передана царевичу Касыму. Московские князья постоянно старались препятствовать приобретению владений на территории Мещеры рязанскими князьями и боярами, опасались возможности перехода мещерских князей на рязанскую и литовскую службу. В договоре с Литвой Мещера именуется «отчиной» московского князя. Источники явно донесли отголоски длительной борьбы за власть над этой территорией, свидетельствующей о непрочности московского владения ею. Поэтому надо полагать, что ярлык на Мещеру 1392 г. не предоставлял Василию I права наследственного владения, он требовал подтверждения при каждой смене великого князя. В Орде Мещера рассматривалась, по-видимому, не в одном ряду с русскими княжествами в силу смешанного характера населения и наличия там князей татарского происхождения. Примечательно, что в послании Ахмата Ивану III тот требовал «свести» с Городца Мещерского царевича Данияра, сына Касыма³⁰⁹; хан явно считал себя вправе распоряжаться данной территорией. Лишь после ликвидации зависимости от Орды Иван III смог считать Мещеру владением, которое он вправе передать по наследству.

VI. Алексин

Город Алексин, расположенный на правом берегу Оки в 12 км ниже Любутска и в 27 км выше находящейся на другом берегу Тарусы, был, согласно сведениям, содержащимся в жалованной грамоте Ивана III 1483 г., выменен Василием I у митрополита Киприана³¹⁰. Датируется обмен на основе данных об упомянутых в грамоте лицах временем между 6 марта 1390 и 13 февраля 1392 г.³¹¹ Митрополитским владением,

³⁰⁹ Горский А. А. Москва и Орда. Приложение 2. № 2. С. 198. О «ярлыке» Ахмата и отразившихся в нем реалиях см.: Там же. С. 175–177.

³¹⁰ АФЭХ. Ч. 1. № 1. С. 23–24.

³¹¹ Кучкин В. А. Формирование... С. 273–274.

согласно той же грамоте, Алексин стал в результате купли, совершенной митрополитом Петром: «...что менял дед мой князь великий Василий Дмитриевич с Киприаном митрополитом киевским и всеа Руси, взял дед мой князь великий Василий у отца своего митрополита Олексин, место домовное святыа Богородици с всем, как купил Петр митрополит, земли и воды и борть, что будет ни потягло издавна к Олексину»³¹². У кого мог купить эту территорию митрополит? В начале 90-х гг. XIV в. к востоку от Алексина лежали владения рязанских князей, к юго-западу — новосильских (Любутск), к западу — тарусских. Вероятнее всего, Петр совершил сделку именно с последними. В отношении тарусских князей известны случаи уступки ими своих владений: Федору Святославичу Вяземскому, московским князьям и боярам (Лисин, «Пересветова купля»). Среди этих владений были и территории, находившиеся на правобережье Оки, к северу от Алексина (те, что отошли к Федору, затем к Москве, и наконец к Рязани — см. § «Отменные места Рязанские» в разделе I «Рязанская земля» и § «Тарусско-Оболенское княжество» в разделе III «Черниговская земля»).

Учитывая близость Петра и его преемников на митрополичьем престоле к московским князьям, можно полагать, что территория, о которой идет речь, была в какой-то мере под московским контролем. Тем не менее формально она Москве не принадлежала. Обмен Василия I с Киприаном произошел вскоре после приезда последнего в Москву 6 марта 1890 г. (Дмитрий Донской, как известно, Киприана после 1382 г. митрополитом не признавал). Этот шаг великого князя стоит в ряду его действий, направленных на укрепление московских позиций на Оке. Как раз в 1390 г. в договоре с Владимиром Андреевичем Серпуховским Василий говорит о желании приобрести Муром и Тарусу («А наиду собѣ Муром или Торусу, или иная мѣста, а тотъ ти проторъ не надобѣ»³¹³); т. е. княжества, расположенные на Оке соответственно к востоку и юго-западу от Москвы. В 1392 г. Василий получает от Тохтамыша ярлыки на крупный массив поокских земель — Нижний Новгород, Муром, Мещеру, Тарусу. Позже он присоединяет Козельск. Возможно, включение в состав московских владений Алексина было непосредственным ответом на захват Литвой лежащего в 12 км к юго-западу Любутска: тем самым как бы перекрывалась возмож-

³¹² АФЗХ. Ч. 1. № 1. С. 23.

³¹³ ДДГ. № 13 С. 38.

ность дальнейшего литовского продвижения на восток по правому берегу Оки. Василий мог, в частности, быть обеспокоен возможными литовскими претензиями на Алексин, учитывая, что Киприан признавался митрополитом и на русских землях Великого княжества Литовского. Предпочтительней было предоставить митрополичьей кафедре владения внутри Северо-Восточной Руси, не имеющие границ с Литвой, что и было сделано.

В XV в. Алексин выступает как важный форпост Московского великого княжества на правобережье Оки: именно у него захлебнулся поход Ахмата на Москву 1472 г.³¹⁴

VII. Муромское княжество

Муромское княжество занимало территорию по обе стороны Оки к северо-востоку от Рязанского³¹⁵. С XII в. оно управлялось особой династией потомков внука Ярослава Мудрого Ярослава Святославича. Сведений о событиях в Муромском княжестве крайне мало. В конце XIII в. муромские князья, по-видимому, входили, как и Даниил Александрович Московский, в группировку князей, ориентировавшихся на Ногаю³¹⁶. В 1355 г. «князь Феодоръ Глѣбовичъ и собравъ воя многы иде ратию къ Мурому на князя Юрья Ярославича и согна его съ города съ Мурома, а самъ князь Феодоръ съде на княжении въ Муромѣ. А муромци яшася за него и поидоша съ нимъ въ Орду. А князь Юрьи Ярославичъ приеха въ Муромъ за недѣлю после князя Феодора и собравъ останочныя люди муромци и поиде за нимъ въ Орду. И бысть имъ судъ великъ предъ князми ординьскими и досталось княжение Муромское князю Феодору Глѣбовичю, а князь Юрьи выданъ бысть ему и съ истомы у него оумре»³¹⁷. Дж. Феннелл отождествил князя Федора Глебовича с главой московского посольства в Орду 1348 г.³¹⁸, высказавший затем аналогичное предположение В. А. Кучкин сделал на основе его вывод о вокняжении Федора как акции, направленной

³¹⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 297.

³¹⁵ См.: Кучкин В. А. Русские княжества к земли перед Куликовской битвой. С. 51–52, 56 вкл.

³¹⁶ См.: Горский А. А. Ногай и Русь. С. 144–145.

³¹⁷ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 64.

³¹⁸ Fennell J. L. I. The Emergence of Moscow. 1304–1359. London, 1968. P. 199. note 3.

из Москвы³¹⁹. Мне представляется, кроме того, возможным, что князь Федор Глебович не принадлежал к династии муромских князей, а был сыном Глеба Святославича Брянского, убитого в 1340 г. союзника Москвы. Имя Федор было распространено в смоленской княжеской ветви: в частности, так звали родного брата Глеба Федора Святославича, тестя Семена Ивановича. Но такая идентификация Федора Глебовича остается, разумеется, не более чем догадкой: нельзя исключить, что это мог быть и князь муромской ветви, поскольку о представителях этой династии и их именованье мы почти не имеем сведений.

В 1385 г., во время войны с Рязанью, Дмитрий Донской посылал также войска на Муром «на князя бесчестья»³²⁰. Исходя из значений термина «бесчестье»³²¹, можно допустить два истолкования этого известия: 1) действия Москвы были ответом на бесчестье, нанесенное Олегом Рязанским муромскому князю и направлены против занявших Муром рязанских войск; 2) бесчестно повел себя (по отношению к Москве) муромский князь, вступив в союз с Рязанью, и поход был направлен на него. Как бы то ни было, зимой 1386–1387 гг. в походе Дмитрия Донского на Новгород участвовала и «муромская рать»³²², т. е. зависимое положение Муромского княжества по отношению к Москве сохранилось и после 1385 г.

В договоре Василия I с Владимиром Андреевичем Серпуховским 1390 г. говорится: «А найду собѣ Муромъ или Тарусу, или иная мѣста, а тотъ ти протор не надобѣ»³²³. С чем были связаны расчеты Василия на получение Муромского княжения, неизвестно, но два года спустя они были реализованы: в 1392 г. вместе с нижегородским столом великий князь получил от Тохтамышша Муром, Мещеру и Тарусу³²⁴. В духовных грамотах Василия I и последующих великих князей московских Муром выступает как великокняжеское владение, причем упоминается всегда следом за Нижним Новгородом³²⁵. Если Нижний выхо-

³¹⁹ Кучкин В. А. Русские княжества... С. 52.

³²⁰ Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 490; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 348.

³²¹ См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988. Т. 1. С. 151–152.

³²² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 345.

³²³ ДДГ. № 13. С. 38.

³²⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 373; Софийская первая летопись старшего извода. Стб. 509.

³²⁵ ДДГ. № 20–22, 61. С. 56, 59, 61, 194.

дил из-под московской власти (такая ситуация отразилась в одной из духовных Василия I³²⁶), то Муром всегда оставался безусловным владением великого князя.

В противоречии с данными ранних летописных источников о присоединении Мурома в 1392 г. Никоновская летопись 20-х гг. XVI в. говорит об участии не названного по имени муромского князя (вместе с князьями пронскими и козельским) в походах Олега Рязанского на Литву 1396 г., на татар до р. Хопра 1400 г. и на занятый Литвой Смоленск 1401 г.³²⁷ Можно было бы допустить, что речь идет о князе, лишившемся стола и нашедшем убежище в Рязани у Олега³²⁸. Но вероятнее все же, что указание на столь представительную группу зависящих от Рязани князей следует связать с редакторской работой составителя Никоновской летописи митрополита Даниила, «прорязанский» характер которой известен³²⁹.

«Правовые основания» присоединения Муромского княжества остаются неясными.

Заключение: последовательность «примыслов», статусы присоединяемых территорий и механизмы присоединения

Первые «примыслы» территорий, не входивших в политическую систему Северо-Восточной Руси, были осуществлены в конце XIII — начале XIV в. Тогда Даниил Александрович расширил территорию Московского княжества в западном направлении, приобретя Можайск,

³²⁶ Там же. № 21. С. 59.

³²⁷ ПСРЛ. Т. 11. С. 163, 184–185.

³²⁸ Ср.: *Фетищев С.А.* К вопросу о присоединении... С.33. Здесь же (с.32–33) — аргументы в пользу того, что московские князья владели Муромом с 1392 г. (правда, с ошибкой — граница по р. Цне, устанавливаемая московско-рязанскими договорами 1381 и 1402 гг., истолкована как граница по Цне — правому притоку Оки, в то время как речь идет о другой Цне — левому притоку Оки ниже р. Москвы).

³²⁹ См.: *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 102–103. Подозрительно выглядят как одинаковость перечня князей-участников во всех трех случаях, так и совпадение имени якобы захваченного у Хопра «царевича Мамат-Салтана» с именем хана, посаженного Мамаем в Орде в 1370 г., и правителя Булгара, капитулировавшего перед московско-нижегородскими войсками в 1377 г. (см.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 92, 116–117).

входивший в состав Смоленской земли, и в южном, получив от Рязанской земли Коломну и волости по р. Лопасне. Территория Московского княжества в результате выросла примерно вдвое. Теперь она включала в себя все течение р. Москвы и выходила к Оке. Получение Можайска было, видимо, связано либо с перипетиями борьбы смоленских князей, либо княжеских коалиций, ориентированных на разные силы в Орде, а Коломна послужила платой за помощь одной из борющихся группировок в Рязанском княжестве.

Юрий Данилович и Иван Калита владений на западе и юге не расширили. Юрий отстоял Можайск от попытки смоленских князей вернуть его. Иван стремился (без успеха) сохранить зависимость смоленских князей от владимирского великого княжения в условиях нажима на них со стороны Литвы.

Семен Иванович продолжил данную линию политики отца, приведя в зависимость Смоленское и Брянское княжества. Что касается расширения непосредственно подвластной Москве территории, то он успешно действовал на «южном направлении». Благодаря сложной комбинации, связанной с вытесненным из своих родовых владений вяземским князем Федором Святославичем и, возможно, с помощью своим рязанским родственникам по женской линии в междоусобной борьбе, он сумел получить обширный массив рязанских владений на левом берегу Оки, по рр. Протве и Луже. В том же регионе он приобрел путем купли волость Заберег, принадлежавшую новосильскому князю.

Иван Иванович за свое краткое княжение не сделал новых приобретений, напротив, потерял Лопасню. Правда, зато Ивану удалось поставить под московский контроль Муромское княжество.

Масштабная деятельность по продвижению московских владений на запад, юго-запад, юг и юго-восток имела место при Дмитрии Донском. Причем в этом продвижении Москва непосредственно столкнулась с Литвой³³⁰ и Ордой. Дмитрию удалось в борьбе с Литвой заполучить Ржевское княжество — бывшее владение союзника, а затем служилого князя Москвы Федора Святославича (1368 и, после утери в 70-е гг., 1381 г.). После выхода Вяземского княжества из возглавляемой Москвой коалиции (1386 г.) он сумел отспорить у смольнян

³³⁰ Ранее можно говорить только о борьбе с Великим княжеством Литовским за влияние на русские княжества, лежавшие между московскими и литовскими владениями.

входившую в это княжество Медынь. Около 1370 г. Дмитрий, вмешавшись в междоусобную борьбу новосильских князей, получил часть владений Ивана Новосильского — Калугу на Оке. К периоду конфронтации с Ордой Мамай (1374–1380 гг.) следует отнести захват Тулы (ордынского владения), куплю Мещеры и присоединение «мест татарских» — скорее всего, части считавшихся принадлежностью Орды мордовских земель. В 1381 г. был присоединен и ряд населенных пунктов Рязанского княжества на правом берегу Оки. Но после конфликта с Тохтамышем 1382 г. Тулу и «места татарские» пришлось уступить. В отношениях с суверенными соседними княжествами, не входившими в политическую систему Северо-Восточной Руси, Дмитрий стремился к превращению их в зависимых союзников. Рязанское княжество колебалось между ориентацией на Москву или Орду, Смоленское — на Москву или Литву. В конце концов отношения с Рязанью удалось построить на основе признания рязанским князем московского «старейшим братом». Смоленск же во второй половине 80-х гг. попал в зависимость от Литвы. С соседними княжествами Черниговской земли (Новосильско-Одоевским, Тарусско-Оболенским) Дмитрий строил отношения, видимо, в основном напрямую (хотя и использовал в 70-е гг., в качестве союзника номинального великого князя черниговского), и их князья вошли в число тех, кто действовал в русле московской политики.

При Дмитрие Донском, таким образом, было осуществлено заметное продвижение на западе (Ржева, Медынь) и на юго-востоке (Мещера, «места татарские»), а также сделаны приобретения на юго-западе (Калуга) и юге (Тула, Выползов, Талица и Такасов). Был осуществлен третий (после присоединения Коломны при Данииле и «мест рязанских» при Семене) важный шаг по укреплению Москвы в Поочье.

Василий I активно продолжил действия в этом направлении (соперничая здесь с переменным успехом со своим тестем Витовтом). Он выменял у митрополита Киприана Алексин (между 1390–1392 гг.), получил в 1392 г. вместе с ханским ярлыком на Нижний Новгород ярлыки на Муромское и Тарусское княжества, а также Мещеру, которой ранее его отец владел без ярлыка. Муромской землей московский князь стал владеть непосредственно. Ярлык на Тарусу делал Василия верховным распорядителем земель Тарусского княжества; московский князь непосредственно стал владеть его южной частью, а северную со стольными городами Тарусой и Оболенском оставил местным князьям на условии их службы себе. Ярлык на Мещеру закреплял

«куплю» Дмитрия Донского, но не предусматривал передачу этой территории по наследству.

В начале XV в. (скорее всего, в 1403 г.) Василий получил ярлык на Козельское княжество, после чего большая часть его территории стала владением князей московского дома, а меньшая была оставлена местным князьям, перешедшим на московскую службу. Тем самым московские владения еще более основательно выдвигались на юго-запад по бассейну Оки. Но вскоре Козельск был захвачен Литвой.

Удачное в плане «примыслов» начало княжение Василия I получило не столь благоприятное продолжение. Помимо утери Козельска, на рубеже XIV–XV вв. (скорее всего, в 1399–1401 гг.) в результате коллизий отношений с Литвой и Тверью пришлось ненадолго уступить последней Ржеву. Она была возвращена дипломатическим путем; вероятно, ненадолго удалось в 1415 г. вернуть и мордовские «места татарские», но пришлось вернуть их обратно Орде после воцарения там законного правителя (ок. 1420 г.).

Несмотря на эти сложности, масштаб присоединений, осуществленных Василием I на юге и востоке, сопоставим со сделанным его отцом.

При Василии II под московскую власть был возвращен Козельск (в начале 30-х гг.). Но в условиях междоусобной войны московских князей во второй половине 40-х гг. он вернулся под литовскую власть. Тогда же была ненадолго утеряна Ржева. В конце своего правления, во второй половине 50-х или начале 60-х гг., Василий II приобрел путем купли большой массив рязанских земель на правом берегу Оки, вплоть до верховьев Дона.

Последний в «ордынскую эпоху» шаг по приобретению земель к югу от Оки был сделан в 70-е гг. Иваном III. Тогда (по-видимому в связи с борьбой за ликвидацию зависимости от Орды) были присоединены Елецкое княжество, ордынские владения в верховьях Дона («Меча»), возвращены мордовские «места татарские». Вероятно, в то же время московский князь начал рассматривать Мещеру как свое наследственное владение.

* * *

Рассмотренные «примыслы» различались как по своему статусу до вхождения в состав московских владений, так и по механизмам присоединения.

И. Присоединение цельного княжества («земли»)

Известен один случай такого рода — присоединение в 1392 г. Муромской земли — слабого политического образования, с середины XIV в. находившегося в зависимости от Москвы. Непосредственным основанием был ханский ярлык. Сохранялись ли при этом местные князья и каким становился их статус, или княжество было выморочным — остается неясным.

В отношениях с крупными соседними «землями» — Смоленской, Рязанской и Черниговской — московские князья на присоединение не претендовали³³¹. Их целью было привести верховных правителей этих земель в зависимость от себя как великих князей владимирских (= всея Руси)³³². С Рязанью это в конце концов удалось, в случае со Смоленском такая политика была сорвана экспансией Литвы.

II. Удельные княжества «земель» Смоленской, Рязанской и Черниговской

1. Присоединение части владений побежденного в войне князя в качестве платы за помощь, оказанную его соперникам. Такое произошло с Коломенским княжеством Рязанской земли в 1300 г. и с владениями Ивана Новосильского ок. 1370 г. (к Москве отошла Калуга).

2. Получение владения князя-союзника, приобретшего с помощью Москвы более крупное княжество (это один из гипотетических путей приобретения Можайского княжества — начало XIV в.).

3. Получение ярлыка на княжение с последующим разделом территории княжества на владения московского дома и местных князей, переходивших в разряд «служебных». Этот механизм был применен в 1392 г. к Тарусско-Оболенскому княжеству и в начале XV в. — к Козельскому. В обоих случаях можно определенно говорить о наличии договоренности с местными князьями.

³³¹ В 1380 г. Дмитрий Донской захватил территорию Рязанского княжества, но вскоре вернул его законному правителю, оговорив ряд выгодных для себя условий (признание своего «старейшинства», закрепление за Москвой левого берега Оки и ряда владений на правом берегу, см.: ДДГ. № 10. С. 29–30).

³³² О номинальном старейшинстве великих князей владимирских на всей Руси и применении к ним титула «великий князь всея Руси» см.: Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV вв. М., 1996. С. 45–46.

Неясным остается механизм присоединения территории Елецкого княжества.

III. Присоединение «нестольных» городов с волостями

1. Получение от Орды из владений князей-соперников — второй возможный путь приобретения Можайска (ок. 1291 г.).
2. Уступка местными князьями:
 - а) неравный обмен, возможно как результат военной поддержки в борьбе с соперниками — «отменные места рязанские» (40-е гг. XV в.),
 - б) в качестве платы за признание прав на главный стол земли — Талица, Выползов и Такасов (1381 г.),
 - в) отспаривание («вытягание»), скорее всего после отпадения княжества от союза с Москвой — Медынь (ок. 1386 г.).
3. Обмен с митрополитом — Алексин (1390–1392 гг.).
4. Военный захват у Литвы территории, ранее бывшей княжеством московского союзника — Ржева (1368 г.).
5. Купля у местных князей — Тешилов, Венев и Растовец (конец 50-х — начало 60-х гг. XV в.).

IV. Территории вне пределов Руси

1. Захват у Орды — Тула (60-е или 70-е гг. XIV в.), «места татарские» (1378 (?) г., вновь 1415 г. (?) и окончательно в 70-е гг. XV в.), Меча (70-е гг. XV в.).
2. Купля у местных князей, закрепленная затем ханским ярлыком — Мещера (70-е гг. XIV в. — 1392 г.).

Следует констатировать, что данные о прямом, ничем не подкрепленном захвате имеются только в отношении территорий, принадлежавших Орде. Даже захват у Литвы Ржевы, видимо, имел определенные «законные» основания, так как ранее ржевским князем был союзник Москвы Федор Святославич. Территории же, отходившие к Москве от русских князей, всегда «примышлялись» на какой-то правовой основе, будь это договоренность с местными князьями (в том числе и в случае, когда «примысел» осуществлялся по ярлыку) или покупка.

Статус великого князя владимирского, главного из всех русских князей, помогал приводить в зависимость правителей княжеств вне пределов Северо-Восточном Руси, но при непосредственном присое-

динении тех или иных территорий в роли основания не выступал (в отличие от статуса великого князя владимирского в пределах Северо-Восточной Руси, дававшего в XIII—XIV вв. право на выморочные удельные княжества). Московские князья присоединили ряд территорий еще до того, как стали великими владимирскими. В период, когда они уже являлись таковыми, но Владимирское великое княжество еще не слилось с Московским (т. е. до 80-х гг. XIV в.), присоединения на западе и юге («отменных мест рязанских», Ржевы, Калуги) осуществлялись в состав собственно Московского, а не великого Владимирского княжества (в противоположность «примыслам» на территории Северо-Восточной Руси).

На протяжении всего рассмотренного периода способы «примыслов» были разнообразны. Если разделить его на два равновеликих (по девятидесятилетий) хронологических отрезка — до Дмитрия Донского включительно и после — то окажется, что в первом применялись 7 способов из 9 (кроме приобретения цельного княжества по ярлыку в непосредственное владение и получения ярлыка на княжество с превращением местных князей в служебных), во второй — 5 (обмен, присоединение по ярлыку всего княжества, получение ярлыка с превращением местных князей в служебных, захват у Орды, купля). Дмитрий Донской и Василий I «лидируют» не только по масштабам присоединений, но и по разнообразию их способов — соответственно 5 и 4. С Дмитрием связано появление таких механизмов, как прямой захват у Литвы и Орды и купля, с Василием — получение ярлыка на княжество по договоренности с местными князьями, превращавшимися в «служебных». При Василии II и Иване III «примыслы» вне пределов Северо-Восточной Руси происходят менее активно и без участия Орды. Освобождение от ордынской зависимости в 70-е гг. XV в. дало толчок к новому движению на юг и запад, получившему развитие в последующие десятилетия (см. таблицу).

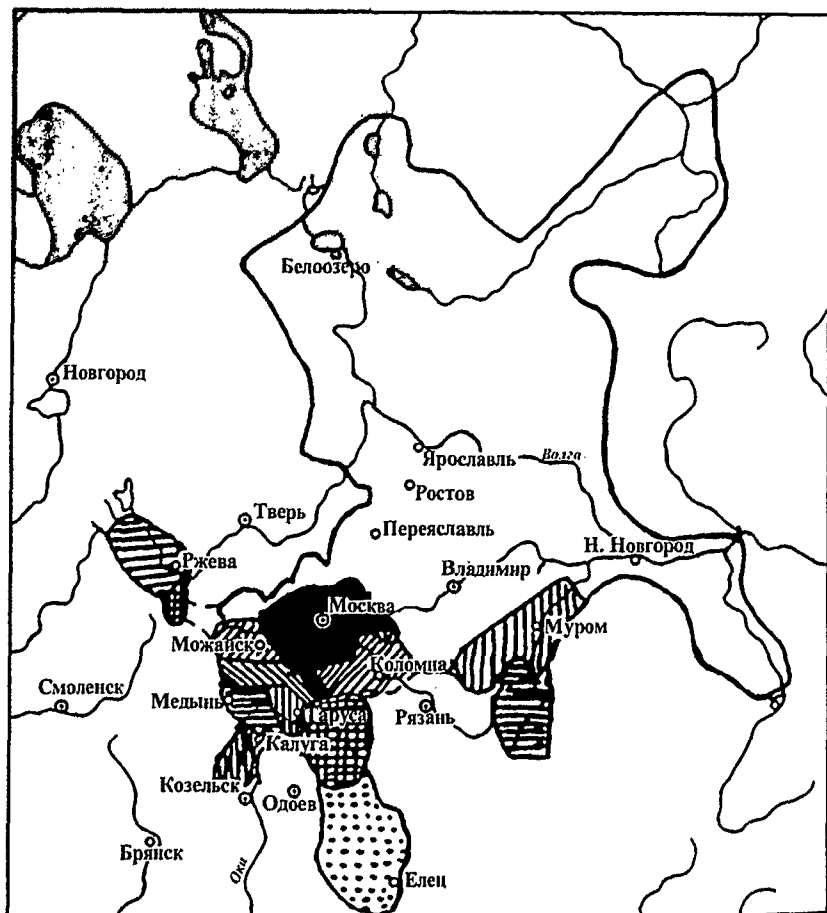
За 200 лет, прошедших со времени образования Московского княжества (70-е гг. XIII в.) до ликвидации его зависимости от Орды (70-е гг. XV в.), московские границы на западе, юге и юго-востоке отодвинулись на расстояние, варьирующее на разных участках в пределах от 60 до 300 км.

«Примыслы» владений за пределами «своей» «земли» (т. е. управлявшегося князьями одной из выделившихся в XII в. ветвей рода Рюриковичей крупного политического образования, каковыми были

Таблица 1. Хронология и механизмы «примыслов»

Века	Присоединение владения враждебного князя с санкции Орды	Уступка части владений победоносного князя его соперниками за военную помощь или союзником — своих владений после получения с московской помощью новых	Обмен	Уступка по иным основаниям	Захват у Литвы	Култя	Захват у Орды	Получение ярлыка на княжение с превращением местных князей в служебных и предоставлении по ярлыку части земель от себя	Присоединение княжества в непосредственное владение по ярлыку
XIII	1291 — Можайск (?)	1300 — Коломенское княжество							
XIV		Между 1300—1303 — Можайское княжество (?)	1340-е гг. — «отменные места рязанские»		1368 — Ржева	1340-е гг. — Заберег	конец 1370-х гг. — «места татарские и мордовские», Тула		
		ок. 1370 — Калуга				1370-е гг. — Мещера			

XIV		1390—1392 — Алексий	1381 — Вязьмов, Талица, Такасов ок. 1386 — Мельнь			1392 — Тарусско- Оболенское княжество, Мещера	1392 — Муромское княжество
XV				Между 1456— 1462 — Теплов, Венев, Раствоец	1415 — вторично «места татарские и мордовские»	1403 — Козельское княжество	
				1470-е гг. — «Меча», в третий раз — «места татарские и мордовские»			

■ Первоначальная территория Московского княжества

«Примыслы» вне Северо-Восточной Руси

▨ Даниила Александровича

▩ Семена Ивановича

▧ Дмитрия Донского

▦ Василия I

▤ Василия II

▣ Ивана III

— Общая граница московских владений

накануне присоединения Новгородской земли (1478)

Суздальская земля — Северо-Восточная Русь, Смоленская, Рязанская, Муромская земли³³³) не были чертой исключительно московской политики. Правда, из княжеств Северо-Восточной Руси аналогичное явление фиксируется лишь для Тверского княжества, к тому же только в виде двукратного кратковременного присоединения Ржевы. Но это объясняется тем, что, не считая границ с Новгородской землей, входившей в систему великого княжения владимирского, границы с «чужими» землями в Северо-Восточной Руси имелись только у Тверского княжества (со Смоленской землей) и у Нижегородского с Муромской и с Ордой. Географическое положение Московского княжества в этом отношении было уникальным, так как больше половины его периметра в конце XIII в. приходилось на рубежи со Смоленской, Черниговской и Рязанской землями.

Во время у соседних земель — Смоленской и Рязанской — «примыслы» интересующего нас рода известны. К смоленским князьям отошло в конце XIII в. (видимо, по воле Орды) и удерживалось ими до конца 50-х гг. XIV в. Брянское княжество³³⁴, рязанские завладели во второй половине XIII или начале XIV в. принадлежавшими верховским князьям черниговского дома землями по Протве и Луже, отвоевывали у Москвы Лопасню, на время отбирали Тулу, захватывали у Орды «места татарские и мордовские». Отличие московских «примыслов» вне Северо-Восточной Руси от смоленских и рязанских приобретений было в их несравненно большей результативности. Успех Смоленского княжества остался эпизодом на фоне его ослабления. В течение конца XIII — XIV в. смоленские князья потеряли Можайск, северные территории своей земли (включая Ржеву), Медынь, тот же Брянск. У рязанских князей потери также превысили приобретения: в XIV в. была утрачена Коломна, все другие владения на левом берегу Оки, в середине XV в. — обширные территории на правом берегу. Москва тоже знала потери — Лопасня, не раз — Ржева, «места татарские и мордовские», Тула, Козельск. Но, во-первых, это были потери не исконно московских земель (как происходило в большинстве случаев со Смоленским и Рязанским княжествами), а именно «примыслов» — порой их не удавалось удержать. Во-вторых, утраты были все же

³³³ О понятии «земля», этапах и особенностях политического развития русских земель до XV в. см.: Горский А. А. Русские земли в XIII–XIV веках; *Он же*. О древнерусских «землях» // ОИ. 2001. № 5.

³³⁴ См.: Горский А. А. Брянское княжество... С. 76–91.

эпизодами на фоне планомерного развития успехов в продвижении московских границ на запад, юг и юго-восток. В-третьих, все утраченные владения (кроме Козельска) удавалось раньше или позже в пределах рассматриваемого периода вернуть. Успехи в примыслах за рубежами Северо-Восточной Руси шли бок о бок с борьбой за великое княжение владимирское, за верховенство среди северо-восточных княжеств, а со второй половины XIV в. — и на всей Руси.

В. А. Кучкин

Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного

Две сохранившиеся духовные грамоты преемника Симеона Гордого на московском великокняжеском столе его брата Ивана находились в XVI в. в составе царского архива среди других духовных и договорных грамот предков Ивана Грозного¹. Согласно перечню 1614 г., в архиве Посольского приказа имелись две духовные грамоты Ивана Ивановича, причем хранились они раздельно. Первой из них в Описи 1614 г. значилась «духовная, на харатье, з золотою печатью, великого князя Ивана Ивановича всеа Русии, великого князя Дмитрея Донского отца, а назаде духовные подписано рука великого князя Ивана Ивановича, а лета не написано»². Описание второго завещания Ивана Красного более кратко: «Духовная грамота великого князя Ивана Ивановича всеа Русии, у духовной печать золота, невелика, писана по харатье, а лета не написано»³. Видимо, при приведении в порядок архива Посольского приказа в 1614 г. обе духовные Ивана Ивановича были соединены вместе. Во всяком случае, Опись Посольского приказа 1627 г. описывает их одну за другой: «Духовная грамота великого князя Ивана Ивановича, при владыке ростовском Игнатъе, писана на

¹ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 31; *Зимин А. А.* Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. М., 1978. Вып. 1. С. 66; вып. 2. С. 315.

² Описи царского архива... С. 56.

³ Там же. С. 58.

харатье, печать приложена золотая, а году в ней не написано. Духовная грамота, писана на харатье, великого князя Ивана ж Ивановича, а у ней печать железная золоченая, а году в ней не написано»⁴.

Даже по этим кратким описаниям можно установить, какая именно из известных сегодня духовных грамот Ивана Ивановича описана в 1627 г. первой, а какая — второй. В начале второй четверти XVII в. московские приказные писцы отметили, что одна духовная Ивана Ивановича была составлена «при владыке ростовском Игнатъе», относительно второй же духовной такого пояснения сделано не было. Между тем, ростовский епископ Игнатий назван первым среди послухов — свидетелей в обоих завещаниях Ивана Красного⁵. Дело, однако, в том, что в духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича, хранящейся теперь в РГАДА под № 5, имя Игнатия читается полностью⁶, а в духовной грамоте, хранящейся там же под № 4, имени Игнатия нет. Там остались только буквы «вл(а)д(ы)ка ростовъс», а последующий текст «кии Игнатии» отсутствует из-за утраты того фрагмента пергамента, на котором он был написан⁷. Судя по всему, дефектность грамоты № 4 в том месте, где упоминался владыка ростовский Игнатий, и не дала возможности составителям Описи 1627 г. установить, что и другое имевшееся у них в руках завещательное распоряжение Ивана Ивановича было составлено при том же ростовском епископе Игнатии. Различна и сохранность печатей обеих грамот. Позолота на печати, прикрепленной к грамоте № 4, сохранилась хуже, чем на печати грамоты № 5, особенно если сравнивать их оборотные стороны. Поэтому последнюю печать архивисты XVII в. охарактеризовали как «золотую», а печать грамоты № 4 — как «железную золоченую». Исходя из приведенных различий первую из описанных в 1627 г. духовных грамот Ивана Красного следует отождествлять с

⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. С. 33. О составлении Описи в 1627 г., а не в 1626 г. см.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV в. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 119, примеч. 3.

⁵ Древняя Российская вивлиофика. СПб., 1775. Ч. 8. № 5. С. 236; № 6. С. 243; Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. № 25. С. 41; № 26. С. 43.

⁶ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1.

⁷ Там же. № 4. Л. 1. Ср. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). № 4а. С. 17. Имя Игнатия здесь должно было стоять не только по аналогии с грамотой № 5, но и потому, что в период составления духовных грамот Ивана Ивановича ростовскую кафедру занимал один только Игнатий — ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1. Стб. 64, под 6864 г.; Л., 1926–1928. Т. 1. Стб. 533, под 6872 г.

грамотой № 5, а вторую — с грамотой № 4 современной архивной нумерации. В Описи архива Посольского приказа 1673 г. характеристика первой духовной грамоты Ивана Ивановича, которая была составлена «при владыке ростовском Игнатъе», полностью повторяет характеристику, данную в 1627 г. В описание же второй духовной грамоты Ивана Ивановича было внесено одно лишнее слово по сравнению с Описью 1627 г.: «изодрана»⁸. Это самое раннее прямое свидетельство о дефектах во второй духовной грамоте Ивана Ивановича.

Достаточно скромным было описание обеих духовных грамот Ивана Ивановича в составленном в 1766/1767 гг. Н. Н. Бантыш-Каменским «Реэстре старинных великих князей московских... грамотам». В нем относительно одной духовной великого князя Ивана Красного, описанной под № 5, сказано, что «писана сия грамота на пергамене⁹, и привешена к ней печать серебряная позолочена. В середине и по краям многих речей недостает»¹⁰. Сходно описание и второй грамоты, помещенное в «Реэстре» под № 6: «Писана сия грамота на пергамене, и привешена к ней печать серебряная позолочена. По обеим краям грамоты нескольких речей недостает»¹¹. Единственным признаком, отличающим одну духовную грамоту Ивана Ивановича от другой, в глазах Н. Н. Бантыш-Каменского была «недостача речей» в середине одной из грамот. В настоящее время больше утрат в середине текста у того завещания Ивана Красного, которое хранится в РГАДА под № 4¹². Очевидно, оно и описано первым в «Реэстре» 1767 г. Таким образом, в XVIII в. была нарушена последовательность архивного хранения духовных грамот великого князя Ивана Ивановича. Если в описи архива Посольского приказа 1627 г. первым шло описание грамоты № 5, а затем грамоты № 4, то со времени Н. Н. Бантыш-Каменского первой стала считаться грамота № 4, а второй — № 5 (в «Реэстре» Н. Н. Бантыш-Каменского соответственно № 5 и № 6).

В настоящее время духовная грамота Ивана Ивановича, хранящаяся в РГАДА, в Древлехранилище под № 4, представляет собой лист пергамента, первоначально прямоугольного, размером 259 мм вверху по горизонтали, 210 мм внизу по горизонтали, 564 мм по левому краю по вертикали

⁸ РГАДА. Ф. 138. Оп. 3. Ед. хр. 4. Л. 25.

⁹ Так в рукописи.

¹⁰ РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. Ед. хр. 426. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 3 об.

¹² РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1.

и 557 мм по правому краю по вертикали. Пергамен был разлинован на строки острым предметом. Текст грамоты написан четким уставом черными чернилами. Писец — Нестерко. Всего в грамоте 83 строки. Сохранность пергамена была плохой уже в XVII в. В настоящее время правый край грамоты утрачен почти на всем своем протяжении. Левый край разрушен значительно меньше, только в некоторых его местах имеются утраты. Есть утраты текста в середине грамоты, особенно большие в строках 27–33. Во многих местах пергамен порвался по линии графления. Все это заставило архивистов XVII или XVIII в. наклеить грамоту на бумажный лист. Последний настолько плотен, что не дает возможности установить, были ли какие-либо пометы на обороте грамоты или нет. Уже к моменту наклейки на бумагу многие кусочки пергамена с текстом оказались утраченными. Некоторые оставшиеся были выклеены на правом боковом поле бумажного листа. Выклеены они большей частью бессистемно, без попыток установить, откуда происходит тот или иной фрагмент. Всего таких фрагментов 5. Фрагмент 1 наклеен против строк 6–9 грамоты. Фрагмент трехстрочный. В нем читаются буквы «вы. А», под ними «кнѣз(ю)» и в третьей строке «кнѣз(А)». Это окончания строк 28–30. Под фрагментом 1 выклеены фрагменты 2 и 3. Фрагмент 2 следует за словом «Коломну» грамоты. В нем 7 строк. Рядом с ним справа фрагмент 3 в 6 строк. Оба эти фрагмента размещены правильно, это окончания строк 12–17 духовной Ивана Ивановича. Против строк 25–29 наклеен пятистрочный фрагмент 4 с ясно читающимися буквами «разань» в первой строке, «меру» — во второй, «азаньск» — в третьей, «на» — в четвертой, пятая строка почти не читается. Действительное положение фрагмента 4 — примерно середина строк 27–31. Наконец, против строк 31–33 выклеен еще один фрагмент — 5. Он трехстрочный, с очень плохо различимыми буквами. Буквы эти являются окончаниями строк 33–35 грамоты.

К духовной на красном шелковом шнуре привешена серебряная позолоченная печать великого князя Ивана Ивановича. Надписи на обеих сторонах печати дополнительно проработаны резчиком.

Другая духовная грамота Ивана Красного также написана на пергамене. Пергамен имеет форму прямоугольника со скошенным правым нижним углом. Размеры прямоугольника (листа) 262 мм вверху по горизонтали, 203 мм внизу по горизонтали, 593 мм по левой стороне по вертикали, 559 мм по правой стороне по вертикали, далее следует скос влево, высота части пергаменного листа со скосом составляет 23 мм по вертикали. В нижней части лист пергамена имеет естественные отверстия. Одно находится на уровне строки 54, там, где написа-

но слово «огнивчату», второе — на уровне строки 62, там, где читается слово «ее». Для письма лист пергамена был разлинован острым предметом на строки, но разлиновка не столь глубока, как в грамоте № 4. Текст духовной написан черными чернилами тем же писцом Нестерком, что и текст грамоты № 4. Почерк грамоты — устав середины XIV в. Всего в грамоте 80 строк. Последние три строки более короткие из-за среза правого нижнего угла листа пергамена.

Текст грамоты имеет утраты. Они приходятся главным образом на правый край грамоты, который обветшал сильнее, чем другие ее части. Но небольшие утраты есть и на левом краю грамоты, а единичное — в ее середине в конце текста. Для предохранения распада пергамена грамота в XVIII или в XIX в. была наклеена на толстый лист бумаги. Он не дает возможности установить, есть ли какие-либо подписи, записи или пометы на обороте грамоты. Поэтому свидетельство 1614 г. относительно того, что одна из духовных грамот Ивана Красного имела на обороте подпись самого великого князя, при нынешнем состоянии документов не поддается проверке обычными средствами.

К грамоте на красном шелковом шнуре прикреплена серебряная позолоченная печать великого князя Ивана Ивановича, отлитая в той же матрице, что и печать грамоты № 4.

В последовательности, установленной Н. Н. Бантыш-Каменским, духовные грамоты Ивана Ивановича не только хранятся в архиве, но и печатались и печатаются в различных изданиях XVIII—XX вв.

Впервые завещания великого князя Ивана Ивановича были опубликованы в 1775 г. Н. И. Новиковым¹³. Публикация была осуществлена по копиям, снятым с подлинников Н. Н. Бантыш-Каменским. Это, однако, не были те копии, что хранятся теперь в РГАДА вместе с оригиналами духовных грамот великого князя Ивана Ивановича Красного¹⁴. Во-первых, копии Н. Н. Бантыш-Каменского в РГАДА имеют правку, произведенную, скорее всего, при вторичной сверке копий с подлинниками. Такая правка в публикации Н. И. Новикова не отразилась. Во-вторых, в изданном в «Древней российской вивлиофике» тексте грамоты № 5 (в публикации Н. И. Новикова эта грамота

¹³ ДРВ. Ч. 8. Отд. 3. № 5. С. 230–237; № 6. С. 237–243.

¹⁴ Мысль, что Н. И. Новикову отсылались для публикации именно те копии Н. Н. Бантыш-Каменского, которые хранятся теперь в РГАДА при оригиналах духовных и договорных грамот московских князей XIV–XVI вв., принадлежит Н. А. Козловой — Козлова Н. А., Н. Н. Бантыш-Каменский и некоторые вопросы актовой археографии второй половины XVIII в. // Археографический ежегодник за 1977 год. М., 1978. С. 400.

обозначена как № 6 в соответствии с тем архивным номером, который дал ей Н. Н. Бантыш-Каменский) читается «то того и есть» и «суд высеребряныхъ»¹⁵. В подлиннике соответственно «то того и и есть» и «суд(о)въ серебряныхъ»¹⁶. В копии Н. Н. Бантыш-Каменского — «то того ни есть» и «судовъ серебряныхъ»¹⁷. Чтение в этой копии «ни» появилось как результат осмысления ошибки писца оригинала духовной Ивана Ивановича, допустившего удвоение буквы «и». Второе чтение копии соответствует чтению подлинника, только Н. Н. Бантыш-Каменский не отметил, что буква «д» в грамоте является выносной и что букву «о» он вставил сам. При этом заметно, что Н. Н. Бантыш-Каменский вместо буквы «о» хотел написать букву «ъ», но оставил все-таки первую. Такое колебание свидетельствует о том, что у Н. Н. Бантыш-Каменского был текст, где читалось по крайней мере «судъ въсеребряныхъ», т. е. почти так же, как у Н. И. Новикова. Сам Н. И. Новиков едва ли мог скорректировать «то того ни есть» в «то того и есть» и совершенно не мог превратить «судовъ серебряныхъ» в «судъ высеребряныхъ», если бы готовил свое издание по тем копиям (до их правки) Н. Н. Бантыш-Каменского, которые теперь сопутствуют оригиналам духовных грамот Ивана Красного. Очевидно, что Н. И. Новиков использовал копии Н. Н. Бантыш-Каменского, снятые до того, как были изготовлены те списки грамот, что в настоящее время хранятся при подлинниках.

Публикация духовных грамот Ивана Ивановича в «Древней российской вивлиофике» именно по копиям Н. Н. Бантыш-Каменского подтверждается совершенно одинаковыми отступлениями напечатанного Н. И. Новиковым текста и текста архивных копий (до его правки), с одной стороны, от текста оригиналов — с другой. Так, в грамоте № 4 (старый № 5) у Н. И. Новикова и в копии Н. Н. Бантыш-Каменского ошибочно читается «своемъ» вместо «своёмъ», «всѣ три князя» вместо «вси три князи», «сѣ волостыми со всѣми» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского нет только букв «ѣ» и «ь») вместо «[со всѣми воло]стми» (дважды)¹⁸; «сѣ мыгами» вместо «с мыт(о)мъ»; «а что волостіи» вместо «а ч[то] ис тыхъ волостіи»; «до ее живота» — «до ее живота и села»; «волости» — «тѣ волости»; «князь» — «кназ(ю)»; «Мезыни» — «Мъзыни»;

¹⁵ ДРВ. Ч. 8. Отд. 3. № 6. С. 240, 242.

¹⁶ РГАДА. Ф. 135. Рубр. 1. Отд. 1. № 5. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 3, 4.

¹⁸ ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 230, 231; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 2, 2 об. и там же, л. 1, строки 3, 9, 10–11, 11–12.

«Песочна» — «Пѣсочна»; «Устьмерска» — «Оусть-Мерьска»; «Маковецъ» — «Маковецъ»; «Съверцъ» — «Съвърц[ѣ]»; «Мещерна» — «Мещерка»; «волостьми» — «волостми»; «съ мытамы» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского «съ мытами») — «с мыт(о)мъ»; «Сводька» — «Свободька»; «Негучу» — «Нѣгучу»; «Репиѣ» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского «е» позднее переправлено на «ѣ») — «Рѣпиѣ»; «Боровьсцѣ» — «Поровьсцѣ» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского буква «Б» написана по смытой букве «П»); «село Милщинское» — «селце Милщ[иньское]»; «вѣдать» — «вѣдаеть», «Рязанская» — «Разаньская»¹⁹; «устью Паротли» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского вместо буквы «а» написана буква «о») — «оусть Поротвы»; «старинная мѣста» — «[а] инаа мѣста»; «вѣдаеть» — «вѣ[да]еть»; «имуть» — «имуть»; «отмѣнныхъ» — «[от]мѣнныхъ»; «Песочну» — «Пѣсочну»; «село» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского слово «село» переделано позднее в слово «селце») — «селце»; «княгини» — «княгинѣ»²⁰; «князь Дмитрію» — «княз(ю) Дмитрию»; «Парамшина» — «[Па]рапшина»; «отець» — «о(те)ць»; «два овкача» — «2 овкача»; «ковшъ» — «ковшь»; «гладкий» — «гладь[к]и»; «сердоничня» — «[сердони]чна»; «скорлатень» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского позднее к этому слову было приписано слово «сажень») — «скорлатень сажень»²¹; «тыхъ волостии» — «тыхъ воластии» (так в подлиннике); «пресвятѣй» — «с(ва)тѣй»; «подѣлятся» — «податса» (ошибка писца оригинала); «кости московскіи» — «кости московскіѣ»; «къ» — «и к»; «память» — «памать» (описка в оригинале грамоты); «своемъ» — «своемъ»; «будеть» — «буд(у)ть»²²; «послухъ» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского последние две буквы позднее были исправлены на буквы «си») — «послус(и)»; «отець» — «о(те)ць»; «порушить, судить» — «порушить, судить»; «благословенья» — «бл(а)-г(о)с(ло)в(е)нья»; «не будетъ на немъ» — «не буд(и)»²³.

¹⁹ ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 231, 232; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 2 об. и там же, л. 1, строки 12, 12–13, 13, 14 (четырежды), 15, 16, 17, 19, 20 (дважды), 21 (дважды), 23 (трижды) 26, 27.

²⁰ ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 232, 233; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 3 и там же, л. 1, строки 28, 29, 31 (дважды; правописание во втором случае ср. грамоту № 5. Л. 1, строка 32), 34, 35, 38, 39, 40.

²¹ ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 234; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 3 об. и там же, л. 1, строки 44, 46–47, 48, 50 (трижды), 50–51, 52.

²² ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 235, 236; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 4 об. и там же, л. 1, строки 80 (дважды), 82 (трижды).

²³ ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 236; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 4 об. и там же, л. 1, строки 80 (дважды), 82 (трижды).

При копировании грамоты Н. Н. Бантыш-Каменский не обратил внимания на имеющуюся в ее начале символическую инвокацию — небольшой знак креста — и не отразил ее в своей копии. Нет символической инвокации и в публикации Н. И. Новикова²⁴.

Однако сходство публикации Н. И. Новикова с копией Н. Н. Бантыш-Каменского наблюдается не во всем. Есть много случаев, когда напечатанный в «Древней российской вивлиофике» текст отклоняется от копии, которая в этих разночтениях повторяет подлинник. Таким образом, опубликованный в 1775 г. текст одной из духовных грамот великого князя Ивана Ивановича не только повторил ошибки и недостатки копии Н. Н. Бантыш-Каменского, но и привнес свои. К последним относятся следующие: «грѣшный рабъ божиї» вместо «грѣшныи худыи [рабъ] бо(жиї)» как в оригинале грамоты и копии Н. Н. Бантыш-Каменского; «купленые» вместо «купленьѣ»; «подѣвѣчныи» вместо «подѣвѣчныѣ», впрочем, в копии Н. Н. Бантыш-Каменского вторая буква «ѣ» переправлена из буквы «е»; «собча» вместо «сопча»; «съ бортью» вместо «з бортью»²⁵; «пошлина» — «пошлинами», причем в копии Н. Н. Бантыш-Каменского буквы «пошлина» заканчивают одну из строк, а буквы «ми» перенесены на следующую строку; возможно, переписчик списка для Н. И. Новикова просто из-за невнимательности пропустил буквы «ми», отделенные от основной части слова; «съ бортью» — «з бортью»; «Константиновское» — «Костянтиновское» (так в копии Н. Н. Бантыш-Каменского; в подлиннике грамоты текст утрачен); «съ бортью» — «з бортью»; «Демонтовское» — «[Дѣмонто]вское» (буква «ѣ» стоит в копии Н. Н. Бантыш-Каменского²⁶); «Дмитрію» — «Дмитрыю»; «великаго» — «великого»; «безпеными» — «безъпеными»; «Александрѣ» — «[Оле]ксандрѣ»; «изъ» — «ис»; «Мысцовское» — «Лысцевъ[ско]е»; «изъ Звенигородскихъ» — «и Звенигород[скихъ]»; «Юрлеву» — «Юрьеву»; «изъ» (дважды) — «ис»²⁷; «дасться» — «дастся» (так в копии Н. Н. Бантыш-Каменского, в подлиннике сохранилась только буква «д»); «Дмитрыю» — «Дмитрию»; «въ крокомѣ» —

²⁴ ДРВ. ч. 8. № 5. С. 230; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 2.

²⁵ ДРВ. ч. 8. № 5. С. 230, 231; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 2 и л. 1, строки 1, 8 (дважды), 10, 11.

²⁶ ДРВ. ч. 8. № 5. С. 231, 232; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 2 об. и л. 1, строки 11, 12, 17, 20, 25.

²⁷ ДРВ. ч. 8. № 5. С. 232, 233; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 3 и л. 1, строки 29, 31, 36, 38 (дважды), 39 (дважды), 40, 42.

«с крюкомъ» (так в копии Н. Н. Бантыш-Каменского, в подлиннике эти слова утрачены); «чечанъ» — «чечакъ» (так в копии Н. Н. Бантыш-Каменского, в подлиннике слово утрачено)²⁸; «изъ» — «ис»; «дочери» — «дчери» (так в копии Н. Н. Бантыш-Каменского, в подлиннике слово утрачено); «изъ серебряныхъ» — «и серебряныхъ»; «съ своею» — «своею»; «сельце» — «[се]лце»; «въ прокъ» — «впрокъ»; «изъ... изъ» — «ис... ис»²⁹; «людій и» — «люд(и)и»; «душевные» — «д(у)щ(е)вныѣ»; «Патрекей» — «Патрекѣи»³⁰. Приведенные разночтения между новиковским изданием духовной грамоты Ивана Ивановича и копией, снятой с оригинала духовной Н. Н. Бантыш-Каменским, показывают, что текст XIV в. в «Древней российской вивлиофике» был несколько изменен в соответствии с языковыми нормами XVIII в. Например, старые предлоги «з» «ис» были заменены соответственно на «съ», «изъ»; не воспроизведены буквы «ъ» и «ь» в середине слов, окончания прилагательных «ого», «ыѣ» были трансформированы соответственно в «аго» и «ьи»; дописывался предлог «изъ».

Фактически по тем же правилам был издан Н. И. Новиковым и текст другой духовной грамоты великого князя Ивана Ивановича. Сравнение имеющейся копии Н. Н. Бантыш-Каменского с этой духовной и публикации в «Древней российской вивлиофике» показывает, что в основе издания лежала архивная копия XVIII в., предшествовавшая той, что ныне хранится вместе с оригиналом грамоты. Следующие чтения сближают издание Н. И. Новикова и копию Н. Н. Бантыш-Каменского и отличают переписанный и напечатанный в XVIII в. текст от подлинника: «моемъ» вместо «моемь» оригинала грамоты; «три князя» — «три кн[а]з(и)»³¹; «Серодокоротна» — «Сер[е]докоротна»; «будеть» — «буд(у)тъ»; «за Марью» — «за М(а)рь(е)ю»; «волостми» — «волостми»; «въдаеть» — «въдаеть»; «на устьѣ Поротлиная» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского нет буквы «ѣ» во втором слове, а последнее написано в два: «Поротлиная») — «на усть Порот..., а иная» (в оригинале после букв «Порот» утрачен фрагмент пергамена); «отмѣнная» —

²⁸ ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 233, 234; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 3 об. н л. 1, строки 43, 44, 48, 58.

²⁹ ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 235, 236; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 14. Л. 4 н л. 1, строки 64, 66, 67–68, 69, 71.

³⁰ ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 236; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 4 об. н л. 1, строки 77, 81 (дважды).

³¹ ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 237, 238; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 2 н л. 1, строки 3, 10.

«отъмѣнная»³²; «безъ обиды» — «безъ ъбиды»; «въдаеть» — «въдаеть»; «Димитрію» — «Д[ми]трію»; «съ Новымъ селцемъ» — «с Номъ селцемъ» («Номъ» — описка в оригинале)³³; «великіи» — «великии»; «два овкача» — «2 овкача»; «ковшъ» — «ковшь»; «гладкіи» — «гладкий»; «да стоканъ» — «достоканъ»³⁴; «казначеевъ» — «казн(а)чѣевъ»; «гды» — «[к]уды»³⁵; «послухъ» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского буква «ъ» позднее переделана в букву «и») — «послуси»; «будеть на немъ» — «буд(и) на немъ»³⁶.

В то же время при печатании текста рассматриваемой духовной грамоты Ивана Ивановича в «Древней российской вивлиофике» были допущены отступления от копии Н. Н. Бантыш-Каменского, которые усугубили расхождения между публикацией и подлинником. Так, Н. И. Новиковым было напечатано «Дмитрею», тогда как в копии Н. Н. Бантыш-Каменского и в подлиннике читалось «Дмитрію», «и отца» вместо правильного «и что о(т)ца»; «купленые подъ вѣчные» вместо «купленѣ подвѣчныѣ»; «численные» вместо «численѣѣ»; «собча» — «сопча»; «съ бортью» [дважды] — «з бортью» (дважды); «мытамы» — «мыт(о)мъ»³⁷; «Мезыни» — «Мѣзыни»; «Песочна» — «Пѣсочна»; «изъ тыхъ» — «ис тыхъ» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского после «с» стоит «ъ»); «съ мытамы» — «с мыт(о)мъ»; «съ бортью» — «з бортью»; «Фоминское» — «Фоминьское», «Сводка» — «Сводька» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского вместо «ъ» стоит «ь»); «сею Рюховское» — «сел(о) Рюховское»; «Демонтовское» — «Дѣмонтовское»; «Андреевское» — «Андрѣевское»; «изъ тыхъ» — «ис тыхъ»; «Лопастны» — «Ломастны» (описка в оригинале грамоты)³⁸; «великаго» — «великого»; [ведает] «сель» — «сел(а)»; «князь» — «кназ(ю)»; «лопястинскихъ» —

³² ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 238, 239; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 2 об. и л. 1, строки 14, 19 (дважды), 21, 27, 29–30, 30.

³³ ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 239, 240; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 3 и л. 1, строки 31, 32, 33, 42.

³⁴ ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 240, 241; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 3 об. и л. 1, строки 47, 50 [трижды], 57–58.

³⁵ ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 243; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 4 и л. 1, строки 71, 75.

³⁶ ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 243; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 4 об. и л. 1, строки 76, 79.

³⁷ ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 237, 238; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 2 и л. 1, строки 5, 8 (дважды), 9, 10, 11, 12 (дважды).

³⁸ ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 238, 239; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 2 об. и л. 1, строки 14 (дважды), 19, 21, 22 (дважды), 23, 24 (дважды), 28, 29.

«лопастьныхъ» (но в копии Н. Н. Бантыш-Каменского, как и у Н. И. Новикова, после «т» стоит «и»); «безпеньными» — «безъпеньными»; «изъ» — «ис»; «волостей» — «волостии»; «Песочну» — «Пъсочну»; «изъ звенигородскихъ» — «и звенигородскихъ» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского «из звенигородскихъ»); «Юрлеву» — «Юрьеву»; «изъ тамги изъ» — «ис тамги ис»; «котораго» — «которого»³⁹; «гладкій» — «гладыкий» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского «гладыкій»); «каропка» — «коропка» (так в копии, в оригинале слово утрачено); «и съ женчугомъ» — «с женчуз(и)»; «княгиня» — «княгини», «изъ тыхъ» — «ис тыхъ»⁴⁰; «дчрне...е» — «дч(е)ри ее» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского стоит как и в подлиннике «дчри ее» — первое слово под титулом; очевидно, при изготовлении копии для Н. И. Новикова переписчик опустил титул, а вместо буквы «и» написал очень похожую на нее букву «н», отчего и получилось «дчрн» в «Вивлиофике»; кроме того, все слово было переосмыслено в «дчрне»); «съ своею» — «своею»; «изъ тамги изъ» — «ис тамги ис» (в копии Н. Н. Бантыш-Каменского предлоги «ис» даны с буквой «ъ» на конце); «люди» — «люд(и)и»; «пальныхъ» — «полныхъ»; «отець» — «о(те)ць»; «душевные» — «д(у)ш(е)вныѣ»; «Патрекей» — «Патрекѣи»⁴¹. В отступлениях напечатанного под № 6 Н. И. Новиковым текста духовной грамоты Ивана Красного от копии Н. Н. Бантыш-Каменского прослеживаются те же закономерности, что были отмечены при рассмотрении публикации грамоты № 5: замена предлогов «з» и «ис» подлинника на «съ» и «изъ», опущение имевшихся в середине слов букв «ъ» и «ь», окончания в именах прилагательных «ые» вместо «ьѣ» оригинала духовной и «аго» вместо «ого», замена буквы «ѣ» внутри слова на «е», окончание «я» в им. пад. слова «княгиня» вместо древнего «и», «ѳ» (фита) вместо «ф» по нормам правописания XVIII в. в слове «Фоминское», наконец, по-видимому, по тем же нормам, «собча» вместо «сопча» подлинника, что было характерно и для грамоты № 5.

Однако главная особенность введившихся в научный оборот «Древней российской вивлиофики» текстов заветаний великого кня-

³⁹ ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 239, 241; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 3 н л. 1, строки 32 (дважды), 33, 35–36, 38, 39 (трижды), 40, 41, 42, 45.

⁴⁰ ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 241, 242; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 3 об. н л. 1, строки 50, 54, 57, 61.

⁴¹ ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 242, 243; РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 4, 4 об. н л. 1, строки 62, 64, 69, 75 (дважды), 77 (дважды), 78.

зя Ивана Ивановича состояла в ином. В публикации Н. И. Новикова в грамоте № 5 был отмечен отточием единственный пропуск после слов «с наливкою серебряною», содержащий название золотого, украшенного драгоценными камнями предмета⁴². Пропуск после тех же слов отмечен и в грамоте № 6, а в последней — еще и несуществовавший пропуск после ошибочно прочитанного слова «дчрне...е»⁴³. В остальных же текстах обеих духовных грамот Ивана Ивановича переданы без каких-либо купюр. Данное обстоятельство не согласуется со свидетельствами Н. Н. Бантыш-Каменского относительно сохранности этих документов. Следует напомнить, что, по его заключению, в грамоте № 5 «в середине и по краям многих речей недостает», а в грамоте № 6 — «по обеим краям грамоты нескольких речей недостает». Если оба завещания имели лакуны, то почему же пропуски текста не отразились в публикации Н. И. Новикова? С другой стороны, отсутствие пропусков в «Древней российской вивлиофике» заставляет поднять вопрос о том, насколько точным было заключение Н. Н. Бантыш-Каменского о «недостатке речей» в духовных грамотах великого князя Ивана Красного. Налицо, таким образом, явное противоречие, которое необходимо объяснить. Данных для ответа на поставленные вопросы немного, но они есть.

В грамоте № 5 (современный архивный № 4) среди драгоценностей, завещавшихся младшему сыну Ивана Красного Ивану, последний получил «чепь зол(о)ту врану, а друга...о...с к(р)есты»⁴⁴. После слова «друга» идет механический пропуск, утрачен кусочек пергамента, где может разместиться одна буква, а затем после буквы «о» снова следует утрата. В копии Н. Н. Бантыш-Каменского и соответственно в «Древней российской вивлиофике» последняя лакуна оказывается заполненной: «друга огнивчату»⁴⁵. Имеющиеся в копии XVIII в. чтения вызывают недоумение: одно определение стоит в именительном падеже, а другое — в винительном. Нестерко, писец духовных грамот Ивана Ивановича, подобных несоответствий не допускал. Откуда же

⁴² ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 234. Этот пропуск, как единственный во всей грамоте, был специально отмечен первым исследователем, писавшим в духовных грамотах московских князей, М. М. Щербатовым: «а единое именованіе бывшему сосуду с каменіем в подлинной грамоте слиняло» — *Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен.* СПб., 1902. Т. 3. Стб. 542.

⁴³ ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 241, 242.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строки 53–54.

⁴⁵ Там же. Л. 3 об. и ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 234.

появилось в копии и публикации XVIII в. слово «огнивчату»? Оказывается, оно есть в грамоте № 6 (современный архивный № 5). Там читается почти идентичная приведенной из грамоты № 5 фраза: «чепь зол(о)ту врану, а другую огнивчату с кр(е)сты»⁴⁶. Очевидно, что слово «огнивчату» заимствовано Н. Н. Бантыш-Каменским из грамоты № 6 и механически вставлено в грамоту № 5. Судя по пропуску между буквой «а» в слове «друга» и буквой «о», в этой грамоте за буквами «друга» должна была следовать буква «а» или «а». Но эта последняя буква в копии Н. Н. Бантыш-Каменского не воспроизведена. Поэтому нельзя считать, что во времена Н. Н. Бантыш-Каменского в указанном месте грамоты № 5 не было лакун, а известный архивист XVIII в., написав в своей копии «огнивчату», лишь неточно (дав ошибочное окончание), воспроизвел текст подлинника. Грамота № 5 в рассматриваемом месте в XVIII в. имела точно такие же механические утраты, что и теперь. Н. Н. Бантыш-Каменский не восстановил окончания слова «друга», повторив в своей копии только то, что сохранилось в тексте грамоты, но реконструировал утраченный после буквы «о» текст буквально выписанным словом из идентичного текста грамоты № 6.

Скорее всего влиянием грамоты № 6 следует объяснять исправление, внесенное Н. Н. Бантыш-Каменским в свою копию грамоты № 5, где слово «Поровьсць», точно соответствующее написанию подлинника, было переправлено на «Боровьсць». «Боровьсць» читается в грамоте № 6⁴⁷.

Передача старшему сыну великого князя Ивана Ивановича Дмитрию Можайска и Коломны в списке Н. Н. Бантыш-Каменского с грамоты № 5 сформулирована следующим образом: «Можаеть с волостми со всѣми» и «Коломну с волостми со всѣми»⁴⁸. Таковы чтения и в «Древней российской вивлиофике» с той лишь разницей, что после предлога «с» там стоит буква «ѣ», а в слово «волостми» после буквы «т» внесена буква «ь»⁴⁹. Сейчас в оригинале грамоты № 5 (№ 4) вместо первой фразы читается «...стми», а вместо второй — «Коломну со всѣми ...ми»⁵⁰. Ясно, что в подлиннике в обоих случаях на последнем месте читалось слово «волостми». Почему же в копии Н. Н. Бантыш-Каменского последним словом в тех же случаях является «всѣми»,

⁴⁶ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строки 53–54.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строка 25.

⁴⁸ Там же. № 4. Л. 2, 2 об.

⁴⁹ ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 231.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строки 11, 11–12.

а не «волостми»? Оказывается, в аналогичной статье грамоты № 6 (№ 5) относительно Можайска читается «Можаяескъ с во... (далее вырвано) со всѣми», а о Коломне сказано так: «Коломну со в...ми», текст между буквами «в» и «ми» утрачен, но непосредственно перед буквой «м» видна правая часть буквы «т»⁵¹. Трудно сказать, имелась ли лакуна в приведенной фразе о Можайске грамоты № 6 во времена Н. Н. Бантыш-Каменского. Но, даже если бы она и была, отсутствующие буквы легко восстанавливаются: «с во[лостми] со всѣми». Очевидно, что такое чтение было перенесено в список с грамоты № 5 на место существовавших уже в XVIII в. утрат. Отсюда инверсия слов «с волостми со всѣми» в копии XVIII в. грамоты № 5 по сравнению с подлинником.

Показательно заполнение лакуны о Коломне в копии XVIII в. грамоты № 6. Н. Н. Бантыш-Каменский дал чтение «Коломну с волостми»⁵². Между тем, в последнем слове перед буквой «м» видна часть буквы «т», а в отсутствующем тексте между буквами «в...[т]ми» подлинника должно было уместиться не четыре буквы [«олос»], как получается по Н. Н. Бантыш-Каменскому, а девять. К тому же предлог «со», читающийся перед буквой «в», писцом духовных грамот великого князя Ивана Ивановича Нестерком ставился обычно перед словом «всѣми». Следовательно, правильное чтение — «Коломну со всѣми волостми», а не «Коломну с волостми». Реконструкция Н. Н. Бантыш-Каменского свидетельствует о том, что в его время текст грамоты № 6 был в данном месте испорчен так же, как и теперь. Любопытно отметить, что в «Древней российской вивлиофике» Коломна упоминается «съ волостми со всѣми»⁵³. Надо полагать, что первоначально и сюда Н. Н. Бантыш-Каменский перенес формулу, сопровождающую в грамоте № 6 упоминание Можайска. Однако затем изменил текст, дав чтение, которое, по его представлениям, более соответствовало ясно читавшимся буквам «в...ми» оригинала.

В грамоте № 5 (№ 4) строка 36 оканчивается в настоящее время словом «кнагини», далее текст утрачен. Строка же 37 начинается словом «мѣсто». В копии с этой грамоты Н. Н. Бантыш-Каменского после слова «кнагини» читаются слова «в то»⁵⁴. Текст получается вполне

⁵¹ Там же. № 5. Л. 1, строки 10–11, 11–12.

⁵² Там же. Л. 2.

⁵³ ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 238.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 3.

осмысленным («в то мѣсто»). Читающееся теперь в строке 36 последним словом «кнагини» написано под словом «которое» строки 35 и над словом «кнагини» строки 37. Строки 35 и 37 также имеют утраты, по своим размерам одинаковые с утратой в строке 36. Утраты в строках 35 и 37 могут быть восстановлены на основании текста грамоты № 6. Строку 35 грамоты № 5 следует дополнить словом «мѣсто», а строку 37 — словом «своеи» и буквами «оле» («[Оле]ксандръ»). Эти дополнения явно превышают размер читающегося в копии XVIII в. дополнения — всего в три буквы — к строке 37. Столь большая разница заставляет думать, что в строке 36 текст был бѣльшим, там читалось «моа в то» («кнагини моа в то мѣсто» и т. д.), т. е. несколько иначе, чем в грамоте № 6. Наличие слов «в то» в копии Н. Н. Бантыш-Каменского после слова «кнагини» 36-й строки подлинника объясняется, таким образом, не лучшей сохранностью грамоты № 5 в XVIII в., а механическим использованием Н. Н. Бантыш-Каменским чтений грамоты № 6 для заполнения существовавшей лакуны в грамоте № 5.

Весьма показательным для суждений о происхождении полноты текста духовных грамот Ивана Ивановича в копиях и публикации XVIII в. является передача в списке Н. Н. Бантыш-Каменского статьи о разделе отошедших к Москве рязанских земель из рассматриваемых завещаний. Иван Красный передавал своему племяннику маленькому княжичу Владимиру на левой стороне р. Оки из числа бывших рязанских владений Новый городок на устье р. Протвы. Другими землями, перешедшими к Москве от Рязанского княжества, должны были поделиться между собой сыновья Ивана Ивановича Дмитрий и Иван. В грамоте № 5 строки 28–30, где читаются указанные распоряжения великого князя Ивана Ивановича, сильно повреждены. От правого края листа оторвался фрагмент пергамена с окончаниями текста этих строк. Как говорилось выше, он наклеен на бумажный лист против строк 7–9 грамоты. Остатки текста на этом фрагменте никогда не принимались во внимание архивистами и исследователями-историками, изучавшими текст грамоты № 5. Есть утраты и в середине строк 28–30. Кроме того, из-за разрушения пергамена по линии графления для письма плохо читается текст в начале строки 29. Если не принимать во внимание данные, содержащиеся во фрагменте 1, не состыкованном со строками 28–30, текст о Новом городке в грамоте № 5 в строках 28–29 имеет следующий вид: «Новый городокъ на оустъ Порот... // инаа мѣста р...ана». В копии Н. Н. Бантыш-Каменского данное место передано так: «Новый городокъ на устью Поротли, старинная мѣста

Рязанская»⁵⁵. Аналогично эта фраза воспроизведена и в «Древней российской вивлиофике», только вместо первого «о» в слове «Поротли» там стоит буква «а»⁵⁶. Слово «старинная» в копии Н. Н. Бантыш-Каменского появилось явно по догадке вместо плохо видимого слова «инана». Об этом свидетельствует одинаковое окончание обоих слов — «ная». Очевидно, что эти три буквы Н. Н. Бантыш-Каменский разглядел отчетливо и прочел правильно. Но как возникло окончание «ли» в слове «Поротли»?

Обращение к грамоте № 6 вопроса не проясняет. Там после букв «Порот» также вырвана часть пергамента с текстом, и эта часть не переклеена, а совсем утрачена. Но в целом текст сохранился много лучше, чем в грамоте № 5: «Новый город(о)къ на оусть Порот... // а инаа мѣста рязаньская». Этот текст прочитать точно Н. Н. Бантыш-Каменскому также не удалось. В его копии процитированный отрывок передан как «Новый городокъ на усть Поротли ная мѣста Рязаньская»⁵⁷. В издании Н. И. Новикова отступления от подлинника еще бóльшие: «Новый городокъ на усть Поротлиная, мѣста рязаньская»⁵⁸. Но основа отступлений печатного текста — список Н. Н. Бантыш-Каменского. Последний букву «ь» в слове «оусть» принял за букву «ѣ», поскольку это лучше согласовывалось с тем окончанием предложного падежа, которое было обычно для XVIII в. Вместо «а инаа» Н. Н. Бантыш-Каменский прочитал «ли ная», чему были некоторые основания. Дело в том, что союз «а» в оригинале грамоты начинал новую, 30-ю строку и был написан несколько необычно, как буква «л», а переκладина представляла собой косую линию, шедшую от нижней части левой ножки буквы «а» перпендикулярно к его правой ножке. При этом часть переκладины, примыкающая к правой ножке, видна плохо, почему всю букву «а» легко принять за букву «л». Однако деление слова «инаа» на две части было, безусловно, неправомерным. Такое деление дало возможность букву «и» присоединить к предшествующей, мнимой букве «л» и сделать из них окончание слова «Порот» — «Поротли», но буквосочетание «ная» так и осталось лишенным смысла набором букв. Кроме того, Н. Н. Бантыш-Каменский не принял во внимание, что в грамоте № 6 после букв «Порот» кусочек пергамента выпал, а именно на этом утраченном фрагменте и должно было читаться окончание слова «По-

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 232.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 2 об.

⁵⁸ ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 239.

рот...», но отнюдь не в начале следующей строки, как получилось по его реконструкции. Неправильно восстановив по грамоте № 6 окончание слова «Поротли», Н. Н. Бантыш-Каменский перенес это окончание в копию с грамоты № 5, дав и там написание «Поротли». На самом же деле сохранившийся остаток буквы после букв «Порот...» в грамоте № 6 никак не напоминает остаток буквы «л», это скорее всего остаток буквы «в». А текст фрагмента 1 грамоты № 5, выклеенного против совершенно других строк грамоты, а потому постоянно остававшийся вне внимания исследователей, содержит ясно видимое окончание слова «Порот...» в строке 28 этой грамоты — «вы». Оказывается, название реки, на которой был расположен Новый городок, передававшийся Иваном Красным сыну своего брата княжичу Владимиру, было обычное «Поротвы», а вовсе не «Поротли», как читается в копиях Н. Н. Бантыш-Каменского, в издании Н. И. Новикова и во всех последующих публикациях духовных грамот великого князя Ивана Ивановича. Следовательно, «Поротли» обоих завещаний Ивана Красного — плод неверной реконструкции. Это означает, что в XVIII в. в духовной грамоте Ивана Ивановича, хранившейся тогда под № 6, конец строки 29 был утрачен, не читалось окончание слова «Порот...», а в грамоте № 5 были утраты в строках 28–30, причем три утраты — окончания названных строк — были мнимые. Фрагмент пергамена с окончаниями имелся, но был оторван от основного текста и хранился или вперемешку с другими оторвавшимися кусочками пергамена, или был выклеен на несоответствующее место, что сильно затрудняло определение его правильного местоположения и оставляло не до конца прочитанным текст строк 28–30 грамоты № 5 (№ 4).

Таким образом, анализ ряда расхождений между копиями Н. Н. Бантыш-Каменского завещаний Ивана Ивановича и оригиналами духовных грамот этого князя позволяет установить, что грамота № 4 имела в XVIII в. по меньшей мере пять дефектов (в строках 10, 11, 28–30, 36, 53), вызванных утратой текста, или отрывом фрагментов пергамена от основного пергаменного листа грамоты, никак не отмеченных при передаче ее текста Н. Н. Бантыш-Каменским, а грамота № 5 — два таких дефекта (в строках 11–12 и 29). Сделанное заключение подтверждает правильность описания внешнего состояния духовных грамот Ивана Ивановича, составленного Н. Н. Бантыш-Каменским в 1766/1767 г. В грамотах действительно недоставало «многих» и «нескольких» «речей». Точное количество существовавших в XVIII в. лакун в обоих документах неизвестно и установить его не представляется возможным.

Однако есть основания думать, что число лакун было несколько меньшим, чем теперь. На такую мысль наталкивает одно место в копиях Н. Н. Бантыш-Каменского. В списке с грамоты № 5 о блюде, предназначавшемся Успенскому собору в г. Владимире, сказано, что оно «серебряно»⁵⁹. В подлиннике сейчас это место не читается: «да[дуть блюдо серебряно] великое»⁶⁰. В грамоте № 6 аналогичная статья о вкладе большого серебряного блюда во владимирский Успенский собор имеет несколько иное правописание: «блюдо великое серебряно»⁶¹. Так эта фраза скопирована и Н. Н. Бантыш-Каменским⁶². Если в его времена в грамоте № 5 в строке 64 была лакуна, то ее следовало бы заполнить словом «сереброно», как оно читается в грамоте № 6. Но Н. Н. Бантыш-Каменский вместо этого слова и более распространенного «серебряно» написал в своей копии грамоты № 5 «серебряно». Скорее всего, произошло это потому, что данное слово еще читалось в XVIII в. в подлиннике и лишь впоследствии было утрачено. Но даже если утрат текста в духовных грамотах Ивана Ивановича было в XVIII в. меньше, чем теперь, это не колеблет основного вывода о том, что в принципе они там имелись два с лишним столетия назад. Отсутствие лакун (за единственным исключением) в копиях Н. Н. Бантыш-Каменского с духовных грамот Ивана Красного свидетельствует о том, что копии этого архивиста представляют собой восстановленный текст завещаний названного князя. Поскольку для XVIII в. ни определенного количества лакун, ни их точного расположения неизвестно, приходится только гадать, где Н. Н. Бантыш-Каменский прибегал к реконструкциям, а где нет. В отдельных, приведенных выше случаях такие реконструкции выявляются, но выявляются они только тогда, когда текст был восстановлен Н. Н. Бантыш-Каменским неправильно. Если же он был реконструирован им вполне корректно, при нынешнем состоянии методов изучения письменных источников невозможно определить, где в копиях XVIII в. текст восстановлен, а где передан по лучше сохранившемуся, чем сейчас, подлиннику. Например, грамота № 4 начинается теперь словами: «Во има о(т)ца ... и с(ва)т(о)го

⁵⁹ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1, № 4. Л. 4.

⁶⁰ Там же. Л. 1, строка 64. Текст, заключенный в квадратные скобки, реконструирован Л. В. Черепниним — ДДГ. № 4а. С. 16.

⁶¹ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строка 63.

⁶² Там же. Л. 4. «Сереброно» читается и в «Древней российской вивлиофике» (ДРВ. Ч. 8. № 6. С. 242).

д(у)ха». После слова «о(т)ца» текст утрачен. Но в грамоте № 5 утраты нет: «Во има о(т)ца и с(ы)на и с(ва)т(о)го д(у)ха». Начало грамоты № 4 легко восстанавливается по грамоте № 5 вставкой слов «и сына». В копии Н. Н. Бантыш-Каменского грамоты № 4 первая фраза дана без каких-либо купюр, и трудно сказать, восстановлены ли слова «и сына» по другой духовной Ивана Ивановича, или в XVIII в. начало грамоты № 4 не имело утраты, и Н. Н. Бантыш-Каменский точно воспроизвел текст оригинала. Впрочем, колебания касаются только больших или меньших размеров восстановленного текста. Существование же самого восстановления сомнений не вызывает. И публикация Н. И. Новиковым по копиям Н. Н. Бантыш-Каменского текстов завещаний великого князя Ивана Ивановича, по сути дела, ввела в научный оборот реконструкции этих документов XVIII в.

В 1813 г. духовные грамоты Ивана Ивановича были изданы заново по оригиналам. Текст документов был передан по тем же нормам, по которым были напечатаны в «Собрании государственных грамот и договоров» духовные грамоты предшественников Ивана Красного на московском столе. Сравнение напечатанных сотрудниками канцлера Н. П. Румянцева завещаний Ивана Ивановича с подлинниками показало, что при передаче их текста в начале XIX в. публикаторы руководствовались еще и следующими правилами. При вставке в строку выносных букв они придавали слову такую форму, которая была типична не для XIV, а для XIX в. Например, слова «три кн(а)з» с выносным «з» они раскрыли как «три князя», а не «три кн(а)з(и)»⁶³; слова «которана бу^лть» с выносным «д» — как «которая будеть», а не «которана буд(у)ть»⁶⁴; слово «отмъньных» — как «отъмъньных», а не «отммъньных»⁶⁵. Выносные буквы вставлялись в строку не только с дополнительным «ъ», но и с «ь», окончание «ъго» предпочиталось окончанию «ого», буквы «е якорное» и «ею» передавались посредством «е», а буква «ω» (омега) воспроизводилась в печатном тексте как «о». Некоторые слова в духовных грамотах Ивана Ивановича, имевшие в глазах составителей «Собрания государственных грамот и договоров» особую смысловую нагрузку, были выделены разными шрифтами или заглавными буквами. Имя завещателя, великого князя Ивана Ивановича, было набрано большими курсивными буквами, курсивом были

⁶³ СГТ и Д. Ч. 1. № 26. С. 41; ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строка 9.

⁶⁴ СГТ и Д. Ч. 1. № 26. С. 42; ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строка 19.

⁶⁵ СГТ и Д. Ч. 1. № 26. С. 42; ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строка 36.

выделены в обеих грамотах имена племянника Ивана Красного Владимира, великого князя Семена Гордого, вдовы Ивана Калиты княгини Ульяны, вдовы Семена княгини Марии, имена духовных отцов Ивана Ивановича, присутствовавших при составлении завещаний московского великого князя, и имя писца грамоты Нестерка. В завещании Ивана Красного, напечатанном в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 26, курсивом было выделено и название Архангельского собора в Москве, которое в № 25 было набрано обычным шрифтом. Имена ближайших наследников Ивана Ивановича, его сыновей Дмитрия и Ивана, а также жены Александры, в грамоте № 26 даны разрядкой, а в грамоте № 25 — обычным шрифтом, кроме первой половины с. 40, где эти имена также набраны в разрядку. Кроме того, некоторые имена существительные, например такие, как «князь», «княгиня», а также некоторые прилагательные даны в публикации 1813 г. с большой буквы. Встречающиеся в грамотах цифры не заменены на арабские, а воспроизведены по-древнерусски в соответствии с их передачей в подлинниках.

Текст грамот был прочитан сотрудниками канцлера Н. П. Румянцева очень внимательно, и большинство ошибок, допущенных Н. Н. Бантыш-Каменским при копировании грамот в XVIII в. и повторенных Н. И. Новиковым в «Древней российской вивлиофике», было исправлено. Тем не менее некоторые остались. Так, в грамоте № 25 вместо «подвѣчнѣ» было напечатано «подъ вѣчнѣ»; вместо «Съвърц(ѣ)» — «Съверцѣ»; вместо «Свободька» — «свободка»; вместо «и звенигород[скихъ]» — «изъ Звенигородскихъ»; «[Па]рапшина дѣла» — «Парамщина дѣла»; «[сердони]чна» — «сердоничня», «Афиньев[ское]» — «Афиньевское»; «казначѣвъ» — «казначеевъ»⁶⁶. Не была воспроизведена и имеющаяся в этой духовной грамоте Ивана Ивановича символическая инвокация.

Есть неточности и в передаче текста другой духовной грамоты Ивана Красного. В грамоте № 26 «Собрания государственных грамот и договоров» вместо «подвѣчнѣ» подлинника было напечатано «подъ вѣчнѣ», вместо «свои княгини» — «своей княгини»; вместо «Дѣмонтовское» — «Домонтовское»; «и звенигородскихъ» — «изъ Звенигородскихъ»; «и и есть» — «и есть»; «достоканъ» — «да стоканъ», «сереброно» — «серебрено»; «впрокъ» — «въ прокъ»⁶⁷.

⁶⁶ СГГ и Д. Ч. 1. № 25. С. 39 (дважды), 40 (остальные разночтения); ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строки 17, 21, 23, 39, 46–47, 50–51, 68, 73.

⁶⁷ СГГ и Д. Ч. 1. № 26. С. 41, 42 (пять примеров), 43 (трижды); ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строки 4, 23, 25, 29, 40, 45, 57–58, 63, 67.

Самым же главным минусом работы сотрудников канцлера Н. П. Румянцева явилось то, что вслед за Н. Н. Бантыш-Каменским они опубликовали реконструированный текст завещаний великого князя Ивана Ивановича, совершенно не обозначив, какие чтения подлинные, а какие были ими восстановлены.

Во-первых, в издании 1813 г. были исправлены без каких-либо оговорок описки в оригиналах духовных грамот Ивана Ивановича. Так, в грамоте № 25 было напечатано «Боровьсьцъ», хотя в подлиннике стоит «Поровьсьцъ»; «волостий» вместо «властий»; «подълятса» вместо «податса»; «память» вместо «памать»⁶⁸. В грамоте № 26 было напечатано «свободка», тогда как в подлиннике читается «сводька»; «Лопастны» вместо «Ломастны» оригинала; «безъ обиды» вместо «безъьбиды»; «с Новымъ селцемъ» вместо «с Номъ селцемъ»⁶⁹. Во-вторых, лакуны, образовавшиеся в духовных грамотах Ивана Ивановича из-за механической утраты текста, в издании за единственным исключением не были обозначены. Они оказались заполненными, как заполнены они были в копиях Н. Н. Бантыш-Каменского и в «Древней российской вивлиофике» Н. И. Новикова.

Реконструкция текста духовных грамот Ивана Ивановича в публикации 1813 г. была осуществлена на несколько иных основаниях, чем в XVIII в. Так, в грамоте № 25 (современный архивный № 4) пропуск в строке 2, который, как показано было выше, существовал уже во времена Н. Н. Бантыш-Каменского, был восполнен словом «волостми»⁷⁰. Такое чтение подсказывал сохранившийся текст: «Коломну со всѣми ...ми». Н. Н. Бантыш-Каменский же заполнил здесь пропуск путем механического переноса формулы из грамоты № 5: «Коломну с волостми со всѣми».

При восстановлении строки 10 грамоты № 4 сотрудники канцлера Н. П. Румянцева также учли сохранившиеся буквы «...стми» и дали такую реконструкцию: «Можаеть со всѣми волостми»⁷¹ (у Н. Н. Бантыш-Каменского — «Можаеть с волостми со всѣми»). Трудно сказать, как велик был дефект в строке 10 грамоты № 4 в начале XIX в., равнялся ли он современному или же был меньше. Но похоже, что при

⁶⁸ СГГ и Д. Ч. 1. № 25. С. 39, 40 (трижды); ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строки 23, 62, 66, 73.

⁶⁹ СГГ и Д. Ч. 1. № 26. С. 42; ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строки 23, 29, 31, 42.

⁷⁰ СГГ и Д. Ч. 1. № 25. С. 39.

⁷¹ Там же.

реконструкции текста в 1813 г. учитывались не только уцелевшие буквы, но и формула относительно Коломны со всеми волостями, которая легко восстанавливалась по грамоте № 5 и по аналогии переносилась в текст о Можайске грамоты № 4.

Восполнена в «Собрании государственных грамот и договоров» и лакуна в строках 53–54 грамоты № 4, где упоминалась огнивчатая цепь. Вместо «друга огнивчату», как читалось в копии Н. Н. Бантыш-Каменского и «Древней российской вивлиофике», издатели 1813 г. дали чтение «другая огнивчата»⁷², восстановив окончание первого слова и согласовав с ним окончание второго.

Однако в тех случаях, когда утраченный текст не мог быть восстановлен на основании аналогий, сотрудники канцлера Н. П. Румянцева реконструировали его по копиям Н. Н. Бантыш-Каменского. Так, в тексте грамоты № 4 они напечатали «усть Поротли»⁷³, восполнив недостающее окончание после букв «Порот...» в строке 17 подлинника по копии XVIII в., которая, как показано было выше, включила реконструкцию текста Н. Н. Бантыш-Каменского. В соответствии с копией Н. Н. Бантыш-Каменского был напечатан в 1813 г. и текст в строках 36–37 грамоты № 4: «княгини въ то мѣсто»⁷⁴, хотя, как это показано было выше, утрата текста в конце строки 36 была больше, чем в три буквы, и в грамоте скорее всего читалось «кнагини моя в то мѣсто». Возможно, что по списку Н. Н. Бантыш-Каменского дано в издании 1813 г. чтение «серебряно» (определение блода, предназначавшегося вкладом во владимирский Успенский собор)⁷⁵. В настоящее время часть пергамена с этим словом утрачена, но «серебряно» читается в копии Н. Н. Бантыш-Каменского и в «Древней российской вивлиофике»⁷⁶.

Сейчас трудно сказать, как оценивали копию Н. Н. Бантыш-Каменского сотрудники канцлера Н. П. Румянцева. Судя по тому, что они восстановили по ней чтение «Поротли», на копию XVIII в. издатели XIX в. смотрели скорее всего как на документ, отразивший первоначальное состояние подлинника, когда лакун в нем было меньше, чем в их время. Тем не менее в некоторых случаях сотрудники канцлера Н. П. Румянцева заполняли утраченный текст, не считаясь с по-

⁷² Там же. С. 40.

⁷³ Там же. С. 39.

⁷⁴ Там же. С. 40.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 4; ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 235.

казаниями списка Н. Н. Бантыш-Каменского. Так, в «Собрании государственных грамот и договоров» после слов «съ наливкою серебряною» было напечатано «...ца золота»^{77?}). Сейчас в тексте грамоты последние два слова не читаются⁷⁸. Нет слов «...ца золота» также в копии Н. Н. Бантыш-Каменского и «Древней российской вивлиофике»⁷⁹. Это дает основание считать, что существующий пропуск в подлиннике возник еще до того, как духовные грамоты московских князей начали описывать при Екатерине II. В публикации же 1813 г. слова «...ца золота» появились под влиянием чтений в другой духовной грамоте Ивана Ивановича — № 5, где и сейчас после слов «с наливкою серебряною» читается «...ца зол(о)та»⁸⁰. Точно так же следует объяснить чтение «сженчужный» в «Собрании государственных грамот и договоров» («аламь сженчужный» в перечне драгоценностей, предназначенных второму сыну Ивана Красного Ивану)⁸¹. В подлиннике теперь сохранилась только буквы «нчужныи»⁸². В копии Н. Н. Бантыш-Каменского и в «Древней российской вивлиофике» читается «аламь женчужный»⁸³, но в грамоте № 5 — «аламь сженчужныи». Последнее чтение, очевидно, и перенесено в грамоту, изданную под № 25, составителями «Собрания государственных грамот и договоров».

Что касается грамоты № 5, напечатанной в «Собрании государственных грамот и договоров» под № 26, то ее текст также исправлен по копии Н. Н. Бантыш-Каменского. Об этом свидетельствует форма «Поротли», сохраненная публикацией 1813 г., хотя после этого слова издатели напечатали «а иная» вместо «ная» списка Н. Н. Бантыш-Каменского, правильно прочитав сохранившиеся в подлиннике после «Порот...» буквы⁸⁴. Возможно, что исправление описки оригинала «сводька» на «свободка» было осуществлено сотрудниками канцлера Н. П. Румянцева по грамоте № 4, где читалось слово «свободька», переданное в издании 1813 г. как «свободка»⁸⁵.

⁷⁷ СГГ и Д. Ч. 1. № 25. С. 40.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строка 51.

⁷⁹ Там же. Л. 3 об.; ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 234.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строка 52.

⁸¹ СГГ и Д. Ч. 1. № 25. С. 40.

⁸² РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строка 56.

⁸³ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 3 об.; ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 235.

⁸⁴ СГГ и Д. Ч. 1. № 26. С. 42. Ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 2 об.

⁸⁵ СГГ и Д. Ч. 1. № 26. С. 42; ср. № 25. С. 39.

Итак, можно констатировать, что при публикации духовных грамот великого князя Ивана Ивановича в 1813 г. их текст восстанавливался не только по копиям Н. Н. Бантыш-Каменского, что можно было бы объяснить оценкой этих копий сотрудниками канцлера Н. П. Румянцева как списков, снятых с подлинников в то время, когда текст последних сохранялся в лучшем состоянии, чем в начале XIX в., но и на основании текстов грамот № 4 и № 5 самими издателями, видимо, как и Н. Н. Бантыш-Каменский, стремившимися к полноте издаваемых документов. Полнота достигнута была, в опубликованных в 1813 г. текстах духовных грамот Ивана Ивановича отмечен многоточием единственный пропуск, но полнота эта оказывается искусственной. Она была получена путем реконструкции текста, причем ни реконструированные места грамоты, ни источники восстановления текста не были указаны. Издание создавало иллюзию достаточной сохранности в начале XIX в. завещаний Ивана Красного и довольно точного воспроизведения их текста.

Третье по счету издание духовных грамот Ивана Ивановича по подлинникам было осуществлено в советское время. Это сделал Л. В. Черепнин в 1950 г. Сохранение всех букв оригинала за исключением «якорного е», обозначение выносных букв и аббревиатур, деление текста грамот на сохранившийся и несохранившийся (последний заключался в квадратные скобки), разбивка содержания грамот на абзацы составляют несомненное достоинство издания и отличают его (в лучшую сторону) от публикаций Н. И. Новикова и сотрудников канцлера Е. П. Румянцева. Тем не менее и в издании Л. В. Черепнина был целый ряд недочетов.

Прежде всего издателем не была воспроизведена имеющаяся в грамоте № 4 (в ДДГ напечатана под № 4а) символическая инвокация. Не приняты во внимание тексты фрагментов 1 и 4, выклеенных в грамоте № 4 на правом поле на не соответствующих им местах. Во многих случаях неточно были указаны размеры имевшихся в грамоте текстуальных утрат. Слова «рабъ божи» были напечатаны в квадратных скобках как несуществующие, однако буквы «бо» в тексте читаются. Далее в слове «Ивановичъ» в квадратные скобки заключены последние шесть букв, однако буквы «нови» сохранились. В публикации 1950 г. в словах «Аже что» первые пять букв показаны как отсутствующие, на самом же деле кроме буквы «о» читается и буква «ч». Слово «Василцева» также показано как утраченное, но первая буква «в» в подлиннике грамоты читается. В квадратные скобки заключены в издании Л. В. Черепнина слово «люди» и следующие за ним, однако на самом деле первая буква «л» в слове «люди» сохранилась. По «Духовным и договорным грамотам» получается,

что в подлиннике завещания Ивана Ивановича в статье о Можайске нет слова «сель», но буква «с» видна в оригинале грамоты достаточно хорошо. Заключен в издании 1950 г. в квадратные скобки большой отрывок от слов «Каневъ» до слова «село» включительно. На самом же деле буквы «Кан» сохранились, читаются также буквы «това» (в слове «Горѣтова», которое Л. В. Черепниным ошибочно передано как «Горѣтовка») и два последние слова отрывка «Горки, село». Название села «Микульское» заключено в рассматриваемой публикации в квадратные скобки, хотя последние буквы «кое» в подлиннике есть. В квадратных скобках дано и название другого села — «Рюховское», однако буква «р» в оригинале грамоты № 4 видна. Видна также буква «ц» в слове «Милциньское», хотя в издании 1950 г. показано, будто в этом слове сохранились только три первые буквы. Название «Кузминьское» заключено Л. В. Черепниным в квадратные скобки, но буквы «уэми» читаются в подлиннике. Название «Дѣмонтвовское» также обозначено как утраченное. Однако буквы «вское» сохранились. Сохранились и буквы «ло» в слове «село» («село Козловское»). Как отсутствующие обозначены в публикации 1950 г. слова «А княгини Оульяна по». На самом же деле в этом месте нет только букв «уль». Из издания 1950 г. можно заключить, что в тексте духовной грамоты Ивана Ивановича утрачены слова «братаничъ князь», однако последнее слово сохранилось⁸⁶. Как отсутствующее показано в «Духовных и договорных грамотах» слово «Лысцевское», между тем в нем утрачены только буквы «ско». Сохранились в подлиннике буква «и» в слове «моеи», предлог «по» в сочетании «а по», буква «д» в слове «дастся». В квадратные скобки заключено в публикации Л. В. Черепнина слово «огнивчата», но, как уже говорилось выше, буква «о» в оригинале грамоты читается. Читаются и первая буква «а» в слове «аламъ», буква «м» в слове «моеи», которые в издании 1950 г. показаны как утраченные. В слове «четвертую» Л. В. Черепнин поставил квадратную скобку после первой буквы «т», хотя сохранилась и буква «в»⁸⁷. Как отсутствующие показаны в публикации 1950 г. буквы «м» в слове «мене», «н» в отрицании «ни», вторая буква «с» в слове «ростовский», между тем все они читаются в оригинале грамоты. Заключены Л. В. Черепниным в квадратные

⁸⁶ ДДГ. № 4а. С. 15, строки 2 (дважды), 3, 10, 13, 15, 22, 24, 31, 32, 33, 33–34, 34, 41, 43–44 изданного текста грамоты. Ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строки 1 (дважды), 3, 7, 9, 11, 16, 18, 22, 23, 24, 25 (дважды), 31, 32.

⁸⁷ ДДГ. № 4а. С. 16, строки 4, 8, 9, 10, 23, 27, 34, 48 изданного текста грамоты. Ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строки 39, 42, 43, 53, 56, 61, 71.

скобки и слова «не буди», между тем как в подлиннике нет только последней буквы «и»⁸⁸.

С другой стороны, в публикации 1950 г. около трех десятков мест текста духовной грамоты великого князя Ивана Ивановича, напечатанной под № 4а, показаны как сохранившиеся в подлиннике, хотя теперь эти места утрачены. Возможно, что утраты произошли уже после того, как текст грамоты был подготовлен к печати Л. В. Черепниным. Однакостораживает один факт. В «Духовных и договорных грамотах» отмечено, что в подлиннике читается слово «Поротли»⁸⁹. На самом деле там читается «Поротвы», причем буквы «вы» находятся в отделенном от строк 28–30 фрагменте 1. Чтение «Поротли» — плод, как показано было ранее, неудачной реконструкции Н. Н. Бантыш-Каменского. Включение такого чтения в текст грамоты без каких-либо оговорок, без заключения, например, букв «ли» в квадратные скобки, свидетельствует о том, что в издании 1950 г. не только некоторые сохранившиеся части текста были показаны как утраченные, но и утраченный текст был представлен как существующий. К сожалению, определить истинное количество случаев второго рода не представляется возможным.

При передаче сохранившегося текста было сделано несколько ошибок. В «Духовных и договорных грамотах» в духовной Ивана Ивановича № 4а (а также и в № 4б) было напечатано «под въчньѣ» вместо «подвъчньѣ». В № 4а в квадратных скобках было напечатано «Горѣтовка», хотя последние буквы этого слова сохранились: «това». Суффикса «к» они не содержат. Название одной из подмосковных рек было передано как «на Сѣверсѣѣ», хотя в подлиннике стоит «на Сѣвѣрѣѣ». Вместо «Свободька» подлинника было напечатано «Сводька», вместо «Поровьсѣѣ» — «Боровьсѣѣ», вместо «мѣста» — «места», вместо «Володимерь» — «Володимер», вместо «Дмитрии» — «Дмитрии и»⁹⁰, вместо «женчугомь» — «женчугомь», «зол(о)та» — «золота», «воластий» — «волостий», «московьскій» — «московский»⁹¹, «купленыхъ» — «купленыхъ», «бл(а)г(о)с(ло)в(е)нья» — «бл(а)г(о)с(ло)в(е)нья»⁹².

⁸⁸ ДДГ. № 4а. С. 17, строки 2, 6, 11 изданного текста грамоты. Ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строки 75, 79, 82.

⁸⁹ ДДГ. № 4а. С. 15, строка 38 изданного текста грамоты.

⁹⁰ ДДГ. № 4а. С. 15, строка 22 (дважды) 29, 32, 38, 44, 47 изданного текста грамоты. Ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строки 16, 17, 21, 23, 29, 33, 36.

⁹¹ ДДГ. № 4а. С. 16, строки 24, 30, 35, 49 изданного текста грамоты. Ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строки 54, 59, 69, 72.

⁹² ДДГ. № 4а. С. 17, строки 5, 11 изданного текста грамоты. Ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строки 77, 82.

Не были сделаны к тексту грамоты и необходимые палеографические примечания, которые должны были отметить наличие исправленных букв в грамоте и существование таких описок, как «податса» и «памать». Вместо последних в грамоте напечатано «подълатса», «памать» без указаний на то, что буквы «ѣл» в первом слове и буква «а» во втором являются конъектуральными поправками⁹³.

Как показывает пример со словом «Поротли», при издании грамоты № 4 в 1950 г. Л. В. Черепнин руководствовался или копией Н. Н. Бантыш-Каменского, или публикацией в «Собрании государственных грамот и договоров». Последнее представляется более вероятным, поскольку в издании 1950 г. нет тех промахов, какие были в списке Н. Н. Бантыш-Каменского и какие были исправлены в 1813 г. сотрудниками канцлера Н. П. Румянцева. Выясняется, что и в некоторых других случаях не подлинник, а публикация в «Собрании государственных грамот и договоров» оказала влияние на передачу текста в «Духовных и договорных грамотах». Так, в перечислении волостей, предназначавшихся вдове Симеона Гордого княгине Марье, в 1950 г. было напечатано: «...за М(а)рьею, тѣ волости...»⁹⁴. Так читается и в «Собрании государственных грамот и договоров»⁹⁵. Между тем, в подлиннике перед буквами «тѣ» есть некоторое пространство, где может уместиться одна буква. В настоящее время эта буква в грамоте № 4 не читается. В грамоте же № 5 в аналогичном месте стоит: «...за М(а)рьею, а тѣ волости...»⁹⁶. Очевидно, что и в грамоте № 4 первоначально перед словом «тѣ» читался союз «а». Однако публикаторы 1813 г. не обратили внимания на имеющуюся лауну на месте этого союза и не восстановили его. Л. В. Черепнин же пошел за старой публикацией, не отметив особенности подлинника в данном месте.

В «Духовных и договорных грамотах» после слова «Выславское» текст восстановлен: «[село Кузминское...]»⁹⁷. Как уже говорилось, буквы «узми» в последнем слове сохранились. Но между этими буквами и словом «Выславское» в подлиннике грамоты нет места для

⁹³ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строки 66, 73. Ср. ДДГ. № 4а. С. 16, строки 41, 51 изданного текста грамоты.

⁹⁴ ДДГ. № 4а. С. 15. Ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строка 13.

⁹⁵ СГГ и Д. Ч. 1. № 25. С. 39.

⁹⁶ ДДГ. № 46. С. 17. Ср. РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строка 13.

⁹⁷ ДДГ. № 4а. С. 15, строка 33 изданного текста грамоты.

написания слова «село»⁹⁸. Сейчас такое слово в грамоте не читается. Если оно когда-то и читалось, в чем полной уверенности нет, то оно могло быть написано только поверх строки. По правилам, принятым Л. В. Черепниным, такое слово должно было быть набрано курсивом. Однако в издании 1950 г. слово «село» набрано обычным шрифтом, что означает, что издатель доверился публикации 1813 г., где читается «село Кузминьское» без каких-либо палеографических пояснений⁹⁹.

Наконец, в статье духовной грамоты Ивана Ивановича о разделе между наследниками великого князя «безпенных» мест, в издании 1950 г. напечатано: «кнагини [в то] мѣсто»¹⁰⁰. Точно так же напечатано и в «Собрании государственных грамот и договоров», только там отсутствуют квадратные скобки и после предлога «в» стоит «ъ»¹⁰¹. Как указывалось выше, подлинник грамоты № 4 имеет после слова «кнагини» утрату текста более чем в три или четыре буквы. Там скорее всего читалось «кнагини [мона в то]...». Л. В. Черепнин размер утраты не указал, а текст восстановил (не вполне точно) по публикации 1813 г.

С другой стороны, из читающейся в «Собрании государственных грамот и договоров» фразы «не буди на немъ»¹⁰² Л. В. Черепнин оставил в своей публикации только два первых слова¹⁰³, хотя после букв «буд» в подлиннике утрачен текст размером явно больше одной буквы¹⁰⁴ и в аналогичном месте грамоты № 5 читается «не буд(и) на немъ»¹⁰⁵.

Сходные по своему характеру отступления от подлинника имели место и при публикации в 1950 г. другой духовной грамоты Ивана Ивановича, хранящейся в РГАДА в Государственном древлехранилище хартий и рукописей под № 5. Прежде всего следует отметить неточности в определении размеров текстуальных утрат в грамоте.

Так, в статье о Коломне Л. В. Черепнин напечатал: «[всьми волостьми]»¹⁰⁶. Однако в подлиннике буква «в» в слове «всьми» сохранилась, а

⁹⁸ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строка 24.

⁹⁹ СГГ и Д. Ч. 1. № 25. С. 39.

¹⁰⁰ ДДГ. № 4а. С. 16, строка 1 изданного текста грамоты.

¹⁰¹ СГГ и Д. Ч. 1. № 25. С. 40.

¹⁰² Там же. С. 41.

¹⁰³ ДДГ. № 4а. С. 17.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1, строка 82.

¹⁰⁵ ДДГ. № 4б. С. 19.

¹⁰⁶ Там же. С. 17, строка 16 изданного текста грамоты.

во втором слове перед буквами «ми» видны остатки буквы не «ь», а «т»¹⁰⁷. Правильно было бы напечатать «в[сѣми волост]ми». При перечислении драгоценностей, передававшихся старшему сыну Ивана Ивановича Дмитрию, упоминался «пояс [золоть с] крюкомъ». Так данное место передано в публикации 1950 г.¹⁰⁸ Однако в оригинале грамоты видна выносная буква «л», а далее буквы «тъ» и «с»¹⁰⁹. Слово «огнивчату» Л. В. Черепнин разделил на две части: «огнив» и «чату», отточием между ними показав, что тут произошла механическая утрата текста. Издателем было сделано и соответствующее примечание¹¹⁰. На самом деле никакой утраты в данном месте грамоты нет. Слово «огнивчату» в подлиннике действительно написано в два приема, но такое написание объясняется тем, что пергамен здесь имел естественное отверстие, через которое писцу грамоты Нестерке пришлось перейти, чтобы закончить слово¹¹¹.

Более чем в полутора десятках случаев текст, отсутствующий в настоящее время в подлиннике, показан в «Духовных и договорных грамотах» как существующий. Поскольку никаких четких доказательств утраты такого текста в оригинале грамоты к 40-м гг. XX в. нет, он мог быть утрачен и позже, вопрос о причине указанного расхождения между подлинником и изданием 1950 г. приходится оставить открытым.

В полном объеме трудно судить и о том, на каких основаниях восставлялся Л. В. Черепниным утраченный текст грамоты № 5. Только в одном случае можно смело утверждать, что источником реконструкции послужило издание грамоты в «Собрании государственных грамот и договоров». То место духовной Ивана Красного, где упоминается река Протва, Л. В. Черепнин передал так: «на оусть Порот[ли], а инаа мѣста...»¹¹². По словоделению и окончанию «ли» в названии реки приведенная цитата точно соответствует тексту публикации 1813 г.¹¹³, но не копиям и изданиям XVIII в. Как было выяснено ранее, окончание «ли» в слове «Порот[ли]» является неудачной реконструкцией Н. Н. Бантыш-Каменского, утвержденной сотрудниками канцлера Н. П. Румянцева и без всякой проверки принятой Л. В. Черепниным.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строки 11–12.

¹⁰⁸ ДДГ. № 46. С. 18, строка 32 изданного текста грамоты.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строка 48.

¹¹⁰ ДДГ. № 46. С. 18 и примеч. 3.

¹¹¹ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строка 53.

¹¹² ДДГ. № 46. С. 18, строка 6 изданного текста грамоты.

¹¹³ СГТ и Д. Ч. 1. № 26. С. 42.

Неточно было восстановлено в издании 1950 г. окончание строки 12 грамоты № 5. Вместо правильного «[ис тыхъ воло]стий» было напечатано «[и с тыхъ воло]стий»¹¹⁴. Не на одинаковом уровне оказалась и передача сохранившегося текста рассматриваемого завещания Ивана Ивановича. Вместо «своимъ» подлинника (буквы «имъ» написаны над строкой) было напечатано «своим», вместо «мыт(о)мъ» — «мыт(о)мъ»¹¹⁵, вместо «без ъбиды» — «без обиды», вместо «отоиметса» (последняя буква является выносной) — «отоиметса», вместо «гладыкий» — «гладкий», «велик(и)и» — «велик(и)», «сабла» — «сабна»¹¹⁶, вместо «псаль» (под титлом) — «пис(а)ль»¹¹⁷.

Различным было отношение издателя к встречающимся в грамоте № 5 опускам. С одной стороны, в печатном тексте грамоты была воспроизведена имеющаяся в подлиннике ошибка: «Ломастны» вместо очевидного «Лопастны», причем описка была сопровождается отметкой «[так!]¹¹⁸. С другой стороны, описка «Номъ селцемъ» была исправлена на «Но[вы]мъ селцемъ» без каких-либо пояснений¹¹⁹.

Остались неотмеченными в публикации 1950 г. случаи исправления букв в тексте грамоты и наличие естественных отверстий в пергаменном листе, на котором был написан текст завещания Ивана Ивановича.

Подводя итог характеристике публикаций духовных грамот этого князя в 1950 г. Л. В. Черепниным, приходится констатировать, что, несмотря на ряд существенных достижений по сравнению с изданиями XVIII–XIX вв. в передаче текста этих документов, печатные тексты обеих грамот все равно содержали отступления от подлинников, причем отступления эти были довольно существенными. Самое же главное заключается в установлении того факта, что издание середины XX в. фактически представляет собой публикацию не подлинного, а реконструированного текста, который был восстановлен еще в XVIII–XIX вв. и в ряде случаев содержал явные ошибки.

¹¹⁴ ДДГ. № 46. С. 17, строка 18 изданного текста грамоты.

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строки 3, 21. Ср. ДДГ. № 46. С. 17, строки 4, 30 изданного текста грамоты.

¹¹⁶ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строки 31, 36, 50, 55, 58. Ср. ДДГ. № 46. С. 18, строки 7, 15, 35, 41, 46 изданного текста грамоты.

¹¹⁷ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строка 80. Ср. ДДГ. № 46. С. 19, строка 27 изданного текста грамоты.

¹¹⁸ ДДГ. № 46. С. 18, строка 5 изданного текста грамоты.

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1, строка 42. Ср. ДДГ. № 46. С. 18, строка 22 изданного текста грамоты.

Несовершенство изданий духовных грамот великого князя Ивана Ивановича в известной степени способствовало тому, что соотношение грамот между собой до сих пор, как показано будет ниже, определялось неверно. Различные мнения были высказаны прежде всего о том, представляют ли дошедшие до нашего времени духовные Ивана Красного два различных завещательных распоряжения этого князя, или же одно, сохранившееся в двух противнях.

Н. Н. Бантыш-Каменский, а за ним М. М. Щербатов и Н. И. Новиков считали, что сохранились две различные духовные грамоты Ивана Ивановича ¹²⁰. Издатели «Собрания государственных грамот и договоров» также полагали, что Иван Иванович составил два разных завещания. Они впервые отметили разницу между грамотами: по их мнению, грамота, напечатанная ими под № 26, написана «противу первой грамоты с некоею прибавкою» ¹²¹. В чем заключалась эта «прибавка», сотрудники канцлера Н. П. Румянцева так и не поняли.

Н. М. Карамзин был первым историком, кто полагал, что Иван Красный составил только одно завещание. Наличие двух текстов он никак не комментировал и сравнения их не проводил. Цитируя духовную грамоту Ивана Ивановича, Н. М. Карамзин ссылался на публикацию в «Собрании государственных грамот и договоров», именно на грамоту № 26, очевидно, как и его предшественники, считая ее позднейшей ¹²².

Идентичным с карамзинским был подход к духовным грамотам Ивана Ивановича С. М. Соловьева. Он также писал о завещании этого князя в единственном числе и ни словом не обмолвился о существовании двух текстов завещательных актов московского великого князя. Единственно, что отличало С. М. Соловьева от Н. М. Карамзина, было то, что автор «Истории России» безразлично цитировал то грамоту № 26, опубликованную в 1813 г., то грамоту № 25 ¹²³.

¹²⁰ РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. Ед. хр. 426. № 5. Лл. 3 об.—4; № 6. Л. 4. Ср. ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 230; № 6. С. 237; *Щербатов М. М.* Указ. соч. Т. 3. Стб. 499—500; ДРВ. Ч. 8. № 5. С. 230; № 6. С. 237.

¹²¹ СГТ и Д. Ч. 1. № 25. С. 39; № 26. С. 41.

¹²² *Карамзин Н. М.* История Государства Российского / Изд. И. Эйнерлинга. СПб., 1842. Кн. 1. Т. 4. Стб. 179—180 и примеч. 386.

¹²³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2. Т. 3/4. С. 345, примеч. 459, 458.

Очень четко о двух экземплярах одной духовной грамоты Ивана Ивановича писал И. И. Срезневский. Однако он полагал, что между этими экземплярами существует заметная временная разница. Если основная грамота была написана перед второй поездкой великого князя Ивана Ивановича в Орду, то «другой противень» — спустя два года, перед кончиной князя ¹²⁴.

О духовной грамоте Ивана Ивановича как об одном документе писал и А. В. Экземплярский ¹²⁵.

По мнению же А. С. Орешникова, существовала не одна, а две духовные грамоты отца Дмитрия Донского ¹²⁶.

С последней точкой зрения не был согласен А. Е. Пресняков. Сам он строго следовал за Н. М. Карамзиным, считая, что сохранилось единственное завещание Ивана Ивановича, и цитируя, как его далекий предшественник, только грамоту № 26 из «Собрания государственных грамот и договоров». Но в отличие от других исследователей А. Е. Пресняков более внимательно отнесся к тексту этой грамоты, указав на редакционные неувязки в ее тексте: перечисление коломенских волостей Похряне, Песочны и Середокоротны одновременно в составе владений вдовы Симеона Гордого Марии и в составе владений жены самого Ивана Красного Александры, а также неуместное упоминание «села» «Мещерки у Коломны», попавшее на ненадлежащее место «с приписки на черновой» ¹²⁷.

Идею историографии XIX — начала XX в. о существовании одного завещания Ивана Ивановича в советское время развил Л. В. Черепнин. В отличие от публикаторов «Собрания государственных грамот и договоров», как будто сличавших тексты духовных грамот Ивана Ивановича и отметивших в одной из них (№ 26) некую «прибавку», но так и не показавших, в чем же она заключалась, Л. В. Черепнин произвел реальное сравнение двух духовных великого князя Ивана Красного. Итоги сравнения и следуемые из них выводы Л. В. Черепнин изложил следующим образом. «Ближайший сравнительный анализ двух сохранившихся текстов завещания Ивана Ивановича, — пи-

¹²⁴ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). СПб., 1882. 2-е изд. Стб. 214.

¹²⁵ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889, т. 1. С. 79, примеч. 208.

¹²⁶ Орешников А. В. Материалы к русской сфрагистике // Труды Московского нумизматического общества. М., 1903. Т. III. Вып. 1. С. 123.

¹²⁷ Пресняков А. Е. Образование Великоорусского государства. Пг., 1918. С. 170, примеч. 2 и 3.

сал ученый, — приводит, прежде всего, к бесспорному выводу, что нет никаких оснований видеть в них *различные по своей редакции грамоты*, возникшие в разное время или написанные одновременно. Несомненно, перед нами *два противня одного завещательного акта*.

Наиболее существенное различие между обоими текстами заключается в перечне сел, находившихся в пожизненном владении за княгиней Марьей Александровной, вдовой великого князя Семена Ивановича.

Первая грамота
[по СГГ и Д. Т. 1. № 25]

А что ис тых волостей за княгиню за Марьею, те волости до ее живота и села; а по ее животе те волости и села сыну моему князю Дмитрию: Городна, Мезыни, Песочна, Середокоротна, Похряне, Устьмерска, Брашевая, Гвоздна, селце Ивань, деревни Маковець, Левичин, Скулнев, Канев, Кошира, Гжеля, Горетова, Горки, село на Северце, село Малино, село Холмы, село Костянтиновское, село Орининское, село Островское, село Копотеньское, село Микульское, село Малаховское, село Напрудское, село Илмовское, село Новое, Мещерки у Коломны.

Вторая грамота
[по СГГ и Д. Т. 1. № 26]

А что ис тых волостей за княгиню за Марьею, а те волости до ее живота; а по ее животе те волости сыну моему князю Дмитрию: Городна, Мезыни, Песочна, Середокоротна, Похряне, Устьмерска, Брашевая, Гвоздна, селце Ивань, деревни Маковець, Левичин, Скулнев, Канев, Кошира, Гжеля, Горки, Горетовка, село в Похрянском уезде на Северце, село Малино, село Холмы, село Костянтиновское, село Орининское, село Островское, село Копотеньское, село Малаховское, село Напрудское, село Микульское, село Илмовское, село Новое, *а ис тых сел, которая будет за княгиню за Марьею села, те до ее живота; а по ее животе те села сыну моему князю Дмитрию*, Мещерка у Коломны.

Совершенно очевидно, что переписчик второго текста, повторив дважды княжеское распоряжение о том, что владения, выделенные княгине Марии Александровне в Коломенском уезде, после ее смерти переходят к старшему сыну завещателя — Дмитрию Ивановичу, — оторвал от общего списка коломенских волостей и сел Мещерку у Коломны. В первой грамоте говорится сразу об условиях владения княгиней и волостями и селами, а затем следует их перечень. Вторая грамота сначала указывает

на временный (пожизненный) характер владения Марии Александровны коломенскими волостями, затем перечисляет эти волости, после них называет коломенские села и заканчивает вторичным напоминанием о пожизненном владении уже применительно не к волостям, а к селам. Таким образом, у нас нет никаких оснований говорить о принципиально отличных редакциях первой и второй грамот. Просто при переписке набело чернового текста переписчик в одном случае несколько изменил его конструкцию, допустив тем самым отмеченный выше ляпсус.

Так же перебит при переписке и список сел в Звенигородском уезде, завещанных Иваном II своему сыну Ивану. В двух грамотах названы одни и те же села, но в разном порядке.

Итак, в основе обеих изучаемых грамот лежит один черновик. Повторяю, мы имеем дело с двумя противнями, переписанными одним лицом (почерк документа абсолютно одинаковый); оформленными одновременно в присутствии одних и тех же свидетелей; с одинаковыми печатями великого князя Ивана Ивановича. Совершенно естественно возникает вопрос: для каких целей понадобилось оформление великокняжеского завещательного акта в двух противнях? Думаю, что один из них должен был остаться в княжеской казне, а другой Иван II предполагал отвезти в Золотую Орду с тем, чтобы к нему там привесили печать (по образцу духовной Ивана Даниловича Калиты)¹²⁸.

Приведенная выдержка из монографии Л. В. Черепнина ясно показывает, на анализе каких мест духовных Ивана Ивановича основывал исследователь свой вывод о существовании не двух различных завещаний этого князя, а двух противней с одной грамоты. Правда, объяснение того, зачем Ивану Красному нужно было иметь два противня одного завещания, выглядит искусственно. Во-первых, другие случаи составления великокняжеских духовных грамот в двух списках неизвестны. Параллель с завещаниями Ивана Калиты, предложенная Л. В. Черепниным, теперь, после того как выяснено, что это разные завещания¹²⁹, не может быть принята во внимание. Во-вторых, такая параллель некорректна и по другой причине. Духовные грамоты Ивана Калиты существенно отличались друг от друга перечнем завещавшихся наследникам московского великого князя владений. В одной из них указывались немосковские прикупы Ивана Даниловича, на которые, вообще говоря, не

¹²⁸ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 28–29.

¹²⁹ Кучкин В. А. Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? // Источниковедение отечественной истории. М., 1989. С. 214–222.

должно было распространяться отчинное право московских князей. Эти прикупы могли быть оставлены за Москвой лишь с согласия Орды, что и требовало ханской санкции в отношении одной из духовных Калиты. Духовные же грамоты Ивана Ивановича, по заключению Л. В. Черепнина, никаких принципиальных различий между собой не имели. Ясно, что от проведения аналогии однотипных документов с качественно различными следует воздержаться.

Объяснение Л. В. Черепниным необходимости изготовления двух противней завещания Ивана Ивановича оказывается сомнительным.

И это вынужден был отметить А. А. Зимин, хотя сам он при датировке духовных грамот Ивана Красного исходил из анализа Л. В. Черепнина и принимал оба сохранившихся текста за одно завещание московского великого князя¹³⁰.

Об одной духовной грамоте Ивана Ивановича, но представленной «в двух редакциях», писал В. А. Водов¹³¹.

Таким образом, в историографии вначале (последняя треть XVIII — начало XIX в.) господствовала точка зрения на духовные грамоты Ивана Красного как на два разных завещательных акта. Начиная с Н. М. Карамзина и по сегодняшний день считается, что великий князь Иван Иванович составил только одно завещание, которое сохранилось в двух противнях. Наиболее серьезные доказательства в пользу такой точки зрения были приведены Л. В. Черепниным. Однако исследователь отметил не все особенности текстов изучавшихся им документов. Доказывая, что сохранившиеся духовные грамоты Ивана Ивановича являются противнями одного акта, но противнями не везде тождественными, Л. В. Черепнин вынужден был объяснять происхождение нетождественных мест в грамотах достаточно вольным переписыванием одного и того же черновика. Такое истолкование текстуальных различий грамот может быть принято только в том случае, если нет противоречащих подобному объяснению фактов. А они обнаруживаются при более внимательном сличении подлинников.

¹³⁰ *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. 6. С. 280 и примеч. 33. Принимая мысль Л. В. Черепнина о наличии двух противней одного завещательного распоряжения Ивана Ивановича, А. А. Зимин в то же время считал недоказательными соображения Л. В. Черепнина о причинах появления двух копий духовной грамоты второго сына Ивана Калиты.

¹³¹ *Водов В. А.* Зарождение канцелярии московских великих князей (середина XIV в. — 1425 г.) // Исторические записки. М., 1979. Вып. 103. № 19. С. 329.

В грамоте № 4 в перечне послухов имя игумена Ивана написано поверх строки. Слово «Ивань» приходится на середину строки 81 этой грамоты, поэтому первоначальный пропуск данного слова какими-либо особенностями письма грамоты объяснить невозможно. Но если обратиться к грамоте № 5, то окажется, что словом «Ивань» в этой грамоте заканчивается 77-я строка. Эта особенность расположения слова «Ивань» в грамоте № 5, кстати говоря, скрытая во всех публикациях духовных грамот Ивана Ивановича, поскольку издатели не считали нужным обозначать концы строк, подсказывает, почему в грамоте № 4 указанное слово оказалось вписанным над строкой. Очевидно, при написании грамоты № 4 ее писец Нестерко имел перед собой грамоту № 5, пропустив по невнимательности последнее слово в строке 77 этой грамоты, перешел к списыванию строки 78, однако заметил пропуск и восстановил его, написав имя «Ивань» поверх строки.

Аналогичный случай произошел и при переписывании другого места грамоты № 4. В ней, как уже говорилось, после слов «сел(о) Выславское» читаются буквы «узми» — остаток названия другого села — «[К]узми[ньское]». Так это название передано в другой грамоте — № 5. Однако там перед приведенным наименованием читается еще слово «сел(о)». Данное слово во всех публикациях постоянно включалось и в текст грамоты № 4. Но между словом «Выславское» и буквами «узми» в грамоте № 4 утрата текста, как отмечалось выше, не превышает одной–двух букв, что также никогда не оговаривалось издателями духовных грамот Ивана Ивановича. Слово «сел(о)» по своим размерам занимает больше места, чем утраченный текст. Оно или было написано поверх строки (как «Ивань»), но сейчас не читается, или отсутствовало вовсе. В любом случае можно смело утверждать, что в строке его не было. В грамоте же № 5 слово «сел(о)» заканчивает строку 25. Очевидно, что в грамоте № 4 оно пропущено (или вписано над строкой) потому, что писец грамоты Нестерко пропустил его как самое последнее в строке грамоты № 5.

Таким образом, особенности письма грамоты № 5, не отраженные в изданиях этой грамоты, позволяют удовлетворительно объяснить некоторые палеографические особенности грамоты № 4. Становится очевидным, что грамота № 5 служила оригиналом при составлении грамоты № 4. Порядок хранения этих грамот в архиве Посольского приказа в XVII в., где, судя по Описи 1627 г., первой значилась грамота № 5, а второй — грамота № 4, видимо, соответствовал реальной хронологии их появления. Сделанные наблюдения аннулируют заключение Л. В. Черепнина о восхождении текстов двух духовных гра-

мот Ивана Ивановича к несохранившемуся черновику завещания этого князя. На самом деле одно завещательное распоряжение Ивана Ивановича написано на основании другого ¹³².

Такому выводу не противоречат и текстуральные различия между грамотами. Если не считать таких разночтений, как «А се дал» (грамота № 5) и «[А се] даю» (грамота № 4) в статье завещаний о передаче старшему сыну Ивана Ивановича Дмитрию драгоценностей, надо отметить несколько отличий одной грамоты от другой. Л. В. Черепнин указал лишь два, на самом же деле их больше.

Грамота № 5

Грамота № 4

1. Статья о Коломне

«и со всеми пошлинам(и)»

«с оборочник(и) и с пошлинами».

2. Статья о волостях княгини Марии Александровны
(приведена в цитате из работы Л. В. Черепнина).3. Статья о звенигородских селах
второго сына Ивана Ивановича Ивана

«Максимовское, сел(о) Дѣмон-
товское, сел(о) Андрѣевское, сел(о)
Каринское, сел(о) Козловское, сел(о)
в Замошской свободѣ, сел(о) Выслав-
ское, сел(о) Кузминское».

«Максимовское, сел(о) в За-
мошской слободѣ, сел(о) Выслав-
ское, [село(?)] [К]узми[н]ское, село
Дѣмонто]вское, село Андрѣевское,
село Каринское, село [Козловское]».

4. Статья об «отменных» рязанских местах

«с(ы)ну моему княз(ю) Дмит-
рию и [князю] Ивану».«с(ы)номъ моимъ княз(ю) Дмит-
рию [и князю И]вану».

¹³² Не могут служить доказательствами существования двух противней одного завещания Ивана Ивановича такие отмеченные Л. В. Черепниным особенности рассматриваемых духовных грамот, как написание их одним лицом, оформление при одних и тех же свидетелях, скрепление одинаковыми печатями великого князя. В самом деле, тот самый Нестерко, который написал текст духовных Ивана Ивановича, позднее, став дьяком, написал и завещание сына Ивана Дмитрия (ДДГ. № 8. С. 25). Очевидно, что написание документов одним писцом еще не доказывает их одновременности. Не доказывает этого и одинаковый состав послухов, и тождественность печатей, скреплявших документы. Данные по этим вопросам см.: *Кучкин В. А.* Сколько сохранилось духовных грамот Ивана Калиты? С. 216. Об одинаковом составе послухов при написании разновременных документов дополнительно см.: АСЭИ. Т. 1. № 274 и № 275.

5. Статья о наследовании владений и доходов княгини Ульяны

«...по ее животь тѣ волости и села, и осмничѣ дѣтемъ моимъ княз(ю) Д[ми]трию, и княз(ю) Ивану, и княз(ю) Володимеру, и моеи княгинѣ, подѣлатса на четверо, безъ обиды». «...по ее животь дѣти мои, князь Дмитрии и князь Иванъ, и братаничъ князь Володимер и моа кн(а)гини подѣлатса на чет[веро без]ъ обид[ы]».

6. Статья о наследовании владений и доходов княгини Александры

«часть тамги с(ы)номъ моимъ княз(ю) Дмитрию и княз(ю) Ивану». «треть тамги д[а]стса сыну моем[у] княз(ю) Дмитрию и княз(ю) Ивану».

7. Статья о драгоценностях, завещавшихся князю Дмитрию

«чепь золот(у) великую врану». «[чепь золо]ту врану».

8. Статья о наделении землями дочери княгини Ульяны

«дѣти мои дадутъ дч(е)ри ее». «дѣти мои княз(ь) Дмитрии, княз(ь) Иванъ, княз(ь) Володимеръ да[дутъ] дчери] ее».

9. Статья о разделе стад между сыновьями

«то с(ы)ну моему княз(ю) Дмитрию и княз(ю) Ивану». «то с(ы)ну моему княз(ю) Дмитрию и с(ы)ну моему [князю Ивану]».

10. Статья о московских костках

«А костки московский дал есмь к с(ва)тѣи Б(огороди)ци и к с(ва)т(о)-му Михаилу»¹³³. «А костки московский [даль есмь] на Москвѣ к с(ва)тѣи Б(огороди)ци и к с(ва)т(о)му Михаилу»¹³⁴.

По своему характеру приведенные разночтения делятся на несколько групп. Относительно разночтений 1 и 7 трудно решить, какие формулы первоначальны. О разночтении 3 писал Л. В. Черепнин, указавший, что список сел в Звенигородском уделе младшего сына Ивана Ивановича Ивана был нарушен при переписке. Строго говоря, в духовных изменен порядок перечисления звенигородских сел только в самом конце перечня. В грамоте № 5 сначала перечислены села Демонтовское, Андреевское, Каринское и Козловское, а затем села в За-

¹³³ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1; ср. ДДГ. № 46. С. 17, 13, 19.

¹³⁴ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1; ср. ДДГ. № 4а. С. 15, 16.

мошской слободе, Выславское и Кузьминское. В грамоте № 4 сначала упомянуты последние три села и именно в таком порядке, как в грамоте № 5, а затем другие четыре села и тоже в том же самом порядке, что и в грамоте № 5. Речь, следовательно, идет о перестановке местами двух фрагментов текста. Такие перестановки обычно являются следствием ошибок при переписывании. Не представляет исключения и рассматриваемый случай. В грамоте № 5 слова «сел(о) Дѣмонтавское» приходятся на середину строки 25. Примерно на середину следующей 26 строки приходятся слова «сел(о) в Замошьской свободѣ». Хотя вторая фраза стоит левее первой, ясно, что при написании грамоты № 4 писец перескочил со строки 25 грамоты № 5 на строку 26 и сначала списал в грамоту № 4 из грамоты № 5 названия сел в строке 26 и в начале строки 27, а затем заметил пропуск и дописал текст со второй половины строки 25 и первой половины строки 26. Весьма показательным, что, начав ошибаться при переписке данного места грамоты № 5, Нестерко ошибся еще раз, не вписав в строку грамоты № 4 последнее слово «сел(о)» строки 25 грамоты № 5, о чем уже шла речь выше. Таким образом, разночтение 3 объясняется ошибкой переписывания текста грамоты № 5 при составлении грамоты № 4. Данное разночтение лишний раз доказывает первичность грамоты № 5.

Разночтения 4, 5, 9 и 10 ясно свидетельствуют о совершенствовании текста в грамоте № 4. В самом деле, где в грамоте № 5 читалось «с(ы)ну моему», а далее упоминались не один, а оба сына Ивана Ивановича Дмитрий и Иван, в грамоте № 4 текст уже отредактирован, там читается «с(ы)номъ моимъ» (разночтение 4) или перед именем Ивана также делается указание, что он сын великого князя (разночтение 9). Племянник Ивана Красного князь Владимир правильно назван в грамоте № 4 братаничем великого князя. В грамоте же № 5 он никак не назывался и мог быть ошибочно отнесен к «детям моим» Ивана Ивановича (разночтение 5). В грамоте № 4 было также разъяснено, что московские костки предназначались двум соборным церквам в городе Москве. В грамоте № 4 последнее только подразумевалось.

О более четком словесном оформлении грамоты № 4 свидетельствует и разночтение 2, разобранный Л. В. Черепниным. Исследователь убедительно показал, что никаких юридических различий данная статья духовных грамот Ивана Ивановича не содержит. Просто одни и те же нормы получили в этих статьях разное композиционное и стилистическое решение. Он только считал, что, повторив в грамоте № 5 условие владения княгиней Марисей Александровной на сей раз не во-

лостями, а селами, писец грамоты таким повтором разорвал перечень принадлежавших этой княгине коломенских волостей и сел. В результате вставки упоминание Мещерки у Коломны оказалось отделенным от общего перечня. По-видимому, указание грамоты № 5 о судьбе коломенских сел, принадлежавших вдове Симеона Гордого, расценивалось как некая «прибавка» еще сотрудниками канцлера Н. П. Румянцева. И современные архивисты считают, видимо, именно данный фрагмент грамоты № 5 «дополнением» к первоначальному тексту, представленному грамотой № 4¹³⁵. Однако такая оценка заключительной части статьи грамоты № 5 о коломенских владениях Марии Александровны основана на недоразумении.

Дело в том, что Мещерка у Коломны — это не село, а волость¹³⁶. Упоминание волости в конце перечня сел явно неуместно. Мещерка должна была бы упоминаться перед этим перечнем, в составе коломенских волостей, как это и было сделано в духовных грамотах Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича. Следовательно, фразу о судьбе коломенских сел, которыми владела княгиня Мария Александровна, нельзя расценивать как вторичное редакционное дополнение, нарушившее единый список этих сел. Вторичным редакционным дополнением было указание на Мещерку у Коломны. Здесь можно согласиться с А. Е. Пресняковым, полагавшим, что эти слова попали в духовную грамоту Ивана Ивановича из приписки, сделанной в черновике. Мысль А. Е. Преснякова подкрепляется еще одним соображением. Мещерка стала московским владением скорее всего при Иване Красном. Во всяком случае, в духовных грамотах его предшественников она не упоминается. Мещерка являлась самой восточной из всех московских волостей, занимая территорию по среднему течению р. Цны, левого притока Оки¹³⁷. Здесь Московское княжество граничило с Рязанским. Очевидно, Мещерка относилась к тем «отменным местам рязанским», какие названы в завещаниях Ивана Ивановича как отошедшие к Москве. Новоприобретенная волость и оказалась вписанной последней в перечень коломенских волостей и сел. Она замыкает этот перечень не только в грамоте № 5, но и в грамоте № 4, которую все издатели и исследователи XVIII–XX вв. принимали за первоначаль-

¹³⁵ Государственное Древлехранилище хартий и рукописей. М., 1971. С. 21. № 18.

¹³⁶ Ср. ДДГ. № 12. С. 33; № 20. С. 55.

¹³⁷ Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. СПб., 1901. Ч. 1. С. 23.

ный вариант завещания Ивана Ивановича. Сохранение грамотой № 4 ошибочного упоминания волости Мещерки после перечня коломенских сел показывает, что грамота № 4 переработала текст грамоты № 5. При переработке была устранена стилистическая шероховатость в статье о коломенских владениях княгини Марии Александровны грамоты № 5, где отдельно, но одно и то же говорилось о судьбе коломенских волостей и коломенских сел после смерти Марии. В грамоте № 4 два распоряжения о будущем коломенских волостей и сел были объединены в одну преамбулу, за которой следовал конкретный список владений. Следовательно, и разночтение 2, как и рассмотренные ранее разночтения 4, 5, 9 и 10, свидетельствует о более четком изложении завещательных распоряжений Ивана Ивановича в грамоте № 4 по сравнению с грамотой № 5. Последняя несомненно являлась источником первой.

Любопытен еще один штрих, говорящий о более раннем происхождении грамоты № 5. При перечислении коломенских владений духовные грамоты Ивана Ивановича повторяют последнюю духовную грамоту Ивана Калиты. Так, порядок перечисления коломенских волостей в завещаниях отца и сына совпадает до слова «Каневъ» включительно¹³⁸. С этой точки зрения показательно, что село на р. Северке в грамоте № 5 великого князя Ивана Ивановича обозначено как «в Похранскомъ оуѣздѣ», т. е. точно так же, как в первоисточнике — последней духовной грамоте Ивана Калиты¹³⁹. Но в грамоте № 4 Ивана Красного приведенных слов нет¹⁴⁰. Следовательно, эта грамота стоит дальше от первоисточника, чем грамота № 5, и является более поздней.

Если проанализированные текстуальные различия между духовными грамотами Ивана Ивановича до сих пор свидетельствовали главным образом о более четком словесном оформлении в грамоте № 4 общих с грамотой № 5 юридических норм, то разночтения 6 и 8 указывают на изменение самих этих норм в грамоте № 4 по сравнению с грамотой № 5.

Разночтение 6 касается распределения московской тамги. По обоим духовным грамотам Ивана Ивановича $\frac{1}{3}$ московской тамги шла его малолетнему племяннику князю Владимиру Андреевичу, а $\frac{2}{3}$ — его

¹³⁸ ДДГ. № 16. С. 9; ср. № 4а. С. 15; № 46. С. 17.

¹³⁹ Там же. № 46. С. 17 и № 16. С. 9.

¹⁴⁰ Там же. № 4а. С. 15.

сыновьям Дмитрию и Ивану, причем надо полагать, что каждому из них выделялось по $\frac{1}{3}$ всей московской тамги. Сыновья Ивана Красного должны были поделиться тамгой с матерью — ей переходила $\frac{1}{3}$ двух долей сыновей, т. е. $\frac{1}{9}$ всей собиравшейся тамги. По грамоте № 5 после смерти матери каждый из ее сыновей — Дмитрий и Иван — должен был вернуть свою долю и вновь получать по $\frac{1}{3}$ московской тамги. Но в грамоте № 4 эта норма изменена. После смерти великой княгини Александры ее доля тамги переходила к одному только Дмитрию. Он становился получателем $\frac{4}{9}$ всей московской тамги, а его младший брат Иван — $\frac{2}{9}$. Перераспределение тамги между обоими сыновьями, произведенное в грамоте № 4 великим князем Иваном Ивановичем, точно отвечало принципу, выработанному в отношениях между старшим и младшими членами московского княжеского дома. Старшему князю полагалось тамги в два раза больше, чем его родному брату. Такая норма нашла свое отражение в договоре 1348 г. самого Ивана Красного и его младшего брата Андрея с занимавшим в ту пору московский великокняжеский стол Симеоном Гордым¹⁴¹. Теперь эту норму Иван Иванович вводил в свое последнее завещание, видимо стремясь избежать будущих трений относительно распределения тамги между своими сыновьями.

Несомненно иной с юридической точки зрения стала в грамоте № 4 формулировка статьи о земельных владениях дочери княгини Ульяны после возможной смерти ее матери. Согласно грамоте № 5, распорядиться наследством вдовы Ивана Калиты и выделить земли ее дочери должны были только дети (т. е. сыновья) самого великого князя Ивана Ивановича. По грамоте же № 4 гарантами материального обеспечения сводной тетки выступали не только Дмитрий и Иван Ивановичи, но и Владимир Андреевич, что точнее отвечало положению последнего как одного из наследников земельных владений княгини Ульяны, хотя формулировка данной статьи в грамоте № 4 была небрежной: князь Владимир причислялся к «детям» Ивана Красного.

Таким образом, анализ текстуальных различий между духовными грамотами Ивана Ивановича приводит к выводу, что грамота № 4 непосредственно основывалась на грамоте № 5, содержала более точные юридические формулировки, а в двух случаях — и более точные юри-

¹⁴¹ ДДГ. № 2. С. 11. О дате договора см. Кучкин В. А. Договор Калитовичей (К датировка древнейших документов Московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 24; ДДГ. № 2. С. 11.

дические распоряжения завещателя. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что сохранялись не два противня одного завещания Ивана Красного, а два различных завещания этого князя, причем его духовная грамота, хранящаяся ныне в фонде Государственного Древлехранилища РГАДА под № 5, была написана раньше, чем грамота № 4 ¹⁴². Необходимо теперь установить уже не относительную, а абсолютную хронологию этих грамот.

Такая попытка впервые была предпринята Н. Н. Бантыш-Каменским. Работая в 1766–1767 гг. над реестром старинных русских грамот, он при описании духовных Ивана Ивановича, стремясь установить время их составления, сначала написал «а по лѣтописцам слѣдует быть между», оставил пустые места для цифр, а позднее вписал даты 6864/1356 и 6867/1359. Показательно, что в описании первой духовной грамоты Ивана Ивановича первая дата была переделана Н. Н. Бантыш-Каменским из даты 6861/1353: цифра 1 вверху была переправлена на цифру 4, а цифра 3 внизу на цифру 6 более темными чернилами ¹⁴³. Прямое указание Н. Н. Бантыш-Каменского на летописцы свидетельствует, что датировка завещания Ивана Ивановича проводилась им на основании летописных данных об этом князе. Совершенно ясно происхождение выведенной Н. Н. Бантыш-Каменским самой поздней из возможных дат написания завещаний великого князя Ивана — 1359 г. Это время кончины Ивана Ивановича ¹⁴⁴. Столь же очевидно основание и самой ранней указанной архивистом даты, позднее им отвергнутой — 1353 г. Это год, когда Иван Иванович после смерти своих братьев стал московским князем ¹⁴⁵.

Несколько труднее объяснить дату 1356 г., которую Н. Н. Бантыш-Каменский предпочел дате 1353 г. Скорее всего она названа Н. Н. Бантыш-Каменским потому, что упомянутый в обеих духовных грамотах Ивана Ивановича ростовский епископ Игнатий был поставлен на ростовскую кафедру именно в 1356 г. ¹⁴⁶ Эти лежащие на поверх-

¹⁴² Можно думать, что худшая сохранность грамоты № 4 по сравнению с грамотой № 5 и объясняется тем, что к грамоте № 4, как к более поздней, выражавшей последнюю волю завещателя, имевшей действительную юридическую силу, в XIV–XV вв. обращались гораздо чаще, чем к грамоте № 5. Отсюда ббльшая ветхость грамоты № 4.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. Ед. хр. 426. Л. 3 об.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 68.

¹⁴⁵ Там же. Стб. 63.

¹⁴⁶ Там же. Стб. 64.

ности датирующие признаки и позволили Н. Н. Бантыш-Каменскому отнести оба сохранившихся завещания Ивана Ивановича к 1356–1359 гг.

Иначе датировал духовные грамоты Ивана Ивановича М. М. Щербатов. Он, конечно, тоже полагал, что обе духовные великий князь Иван «во время живота своего сочинил», но связывал их составление (по-видимому, по аналогии с завещаниями Ивана Калиты) с поездками Ивана Ивановича в Орду¹⁴⁷. Первую такую поездку, а следовательно, и составление первой духовной грамоты Ивана Ивановича, он относил к 1353 г., вторую — к 1358 г.¹⁴⁸ Если вторая дата еще может быть предметом обсуждения, то первая совершенно неприемлема по той простой причине, что в 1353 г. Игнатий еще не был епископом ростовским. Нераскрытые Н. Н. Бантыш-Каменским мотивы своих датировок духовных грамот Ивана Ивановича остались неизвестны и М. М. Щербатову, и он допустил ошибку там, где ее легко можно было избежать. Но в отличие от своего предшественника М. М. Щербатов прямо написал об одном содержащемся в грамотах датирующем, на его взгляд, признаке. Разбирая статью завещаний Ивана Ивановича о наделении его будущих зятяев золотыми цепями и поясами, М. М. Щербатов отметил, что духовные грамоты Ивана Ивановича, «видимо, были писаны прежде, нежели дочь его была выдана за князя Дмитрия Литовского»¹⁴⁹. Такое предположение М. М. Щербатова, относившего замужество дочери Ивана Ивановича к 1356 г.¹⁵⁰, входило в противоречие с другим его предположением о составлении последней духовной грамоты великого князя Ивана в год второй поездки этого князя в Орду. Однако М. М. Щербатов так и оставил противоречие неразрешенным.

В 1775 г. Н. И. Новиков относительно времени написания первой духовной грамоты Ивана Ивановича (следует напомнить, что первой он ошибочно считал современную грамоту № 4) заметил, что она составлена «между 1356 и 1359» годами, а вторую духовную датировал «около 1359 года»¹⁵¹. Датировка первой грамоты повторяла датировку Н. Н. Бантыш-Каменского. Датировка второй расходилась с датами, предложенными Н. Н. Бантыш-Каменским и опубликованными

¹⁴⁷ Щербатов М. М. Указ. соч. Т. 3. Стб. 499–500.

¹⁴⁸ Там же. Стб. 473, 491.

¹⁴⁹ Там же. Стб. 500.

¹⁵⁰ Там же. Стб. 482.

¹⁵¹ ДРВ. Ч. 8. № 5 С. 237; № 6. С. 243.

самим Н. И. Новиковым в 1773 г.¹⁵² К сожалению, на чем основывал свое заключение Н. И. Новиков, относя составление второго завещания Ивана Ивановича к 1359 г., понять трудно. Никаких аргументов в пользу такой датировки издатель не привел.

Сотрудники канцлера Н. П. Румянцева, публикуя в 1813 г. обе духовные грамоты Ивана Ивановича, датировали их 1356 г.¹⁵³ Такая точная датировка могла исходить только из двух моментов: упоминания в грамотах ростовского епископа Игнатия и соображения М. М. Щербатова о написании грамот до выхода замуж за литовского князя Дмитрия дочери Ивана Красного. Поскольку в различных летописных сводах под 1356 г. сначала сообщалось о поставлении на ростовскую кафедру Игнатия, а затем о замужестве московской княжны¹⁵⁴, следовал вполне резонный вывод о составлении обеих духовных грамот Ивана Ивановича в 1356 г.

С предложенной издателями «Собрания государственных грамот и договоров» датировкой духовных грамот Ивана Ивановича не согласился И. И. Срезневский. На тех же основаниях, что и Н. Н. Бантыш-Каменский, он назвал широкие хронологические рамки составления завещания отца Дмитрия Донского — 1356–1359 гг. В этих рамках он указал на две даты, когда могли быть составлены первый и второй «противни» духовной грамоты Ивана Ивановича. Одна дата — 1357 г., когда великий князь Иван должен был идти в Орду за ярлыком к новому хану Бердибеку, вторая — 1359 г., когда Иван Иванович умер¹⁵⁵. Нетрудно видеть, что если общие рамки составления «противней» завещания Ивана Красного были И. И. Срезневским обоснованы, то конкретные даты названы субъективно, отчасти, может быть, под влиянием мыслей М. М. Щербатова, должной аргументации они не получили.

Впрочем, А. В. Орешников без каких-либо поправок принял предложенные И. И. Срезневским даты¹⁵⁶.

Наиболее обстоятельно вопрос о времени составления духовных грамот (одного завещания) Ивана Ивановича был рассмотрен Л. В. Черепниным. Исследователь отметил приведенные Н. И. Новиковым и сотрудниками канцлера Н. П. Румянцева датировки духовных грамот вели-

¹⁵² ДРВ. СПб., 1773, ч. 2. С. 24.

¹⁵³ СГГ и Д. Ч. 1. № 25. С. 39; № 26. С. 41.

¹⁵⁴ Ср. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 64 и 65.

¹⁵⁵ Срезневский И. И. Указ. соч. Стб. 214.

¹⁵⁶ Орешников А. В. Указ. соч. С. 123.

кого князя Ивана, но не стал объяснять того, как они возникли. Более подробно он остановился на датировках, предложенных И. И. Срезневским, указав на совершенно бесспорные аргументы, на основе которых И. И. Срезневский определял широкие хронологические рамки написания духовных грамот Ивана Ивановича: поставление в ростовские епископы Игнатия в 1356 г. и кончину великого князя Ивана Ивановича в 1359 г.¹⁵⁷ Сам Л. В. Черепнин при работе по дальнейшему уточнению даты написания завещания Ивана Ивановича несомненно исходил из указанных хронологических рамок, хотя специально не оговорил этого в своей работе. Уточняющим датирующим признаком для Л. В. Черепнина послужили те статьи духовных грамот Ивана Ивановича, из которых можно было извлечь данные о московско-рязанских и московско-ордынских отношениях. Ученый обратил внимание на две статьи духовных грамот: «А чт[о са мнѣ] достали мѣста рязаньская на сеи сторонѣ Оки, ис тыхъ мѣсть дал есмь княз(ю) Володимеру в Л[опастн]ы мѣста Новыи городокъ на оустъ Поротвы, а иная мѣста р[язаньск]аѧ ѡтмѣньнаѧ с(ы)номъ моимъ, княз(ю) Дмитрию [и князю И]вану, подѣ[латса нап]олы, безъ обиды»; «А ци по грѣхомъ имуть искати из Орды Коломны или лопаственскихъ мѣсть, [или ѡт]мѣньныхъ мѣсть рязанскихъ, а по грѣхомъ ци ѡт(ъ)иметса которое [мѣсто], дѣти мои княз(ь) Дмитрии и княз(ь) Иванъ, княз(ь) Володимеръ и княгини [моѧ в то] мѣсто подѣлатса безъпennyми мѣсты»¹⁵⁸. В первой статье речь идет о рязанских землях, которые достались великому князю Ивану Ивановичу и из которых он выделил своему племяннику княжичу Владимиру Новый городок на устье р. Протвы взамен повоенной рязанцами в 1353 г. Лопастни. Вторая статья предусматривала случаи, когда «из Орды» будут «искать» Коломну, лопаственские или рязанские «отменные», т. е. перешедшие к Москве, места. В случае потери каких-либо названных территорий наследники Ивана Ивановича должны были поделиться между собой «безъпennyми мѣсты», т. е. землями, на которые не распространялись бы чужие притязания. Комментируя процитированные статьи, Л. В. Черепнин вполне справедливо полагал, что «эти распоряжения, по-видимому, вызваны какими-то вполне реальными планами ордынской политики, которые сделались известными московскому князю»¹⁵⁹. Летописи же со-

¹⁵⁷ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 27–28.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 4. Л. 1; Ср. ДДГ. № 4а. С. 15, 15–16.

¹⁵⁹ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 29.

общали, что в 1358 г. на Русь из Орды пришел сын хана (вероятно Джанибека) Мамат-Хожа. Он остановился в Рязанском княжестве, где «много... зла сотвори», и «къ великому князю Ивану Ивановичю прислалъ о розъездѣ земля Рязаньскыя. Князь же великий не въпусти его во свою отчину...»¹⁶⁰. Действия Мамат-Хожи были направлены на отторжение от Москвы земель, на которые претендовала Рязань. Вмешательство в 1358 г. Орды в московско-рязанские территориальные споры и вызвало, по мнению Л. В. Черепнина, внесение в духовную грамоту Ивана Ивановича статьи о возможных происках Орды в отношении принадлежавших Москве коломенских, лопастанских и «отменных» рязанских земель. Доводы Л. В. Черепнина представляются вполне убедительными. Из них следует, что духовные грамоты Ивана Ивановича были составлены после попыток Мамат-Хожи провести в 1358 г. новую границу между Московским и Рязанским княжествами, границу, невыгодную для московской стороны. Таким образом, 1358 г. должен был бы считаться датой, обозначающей нижний, самый ранний хронологический предел написания завещания Ивана Ивановича. Однако Л. В. Черепнин, стремившийся представить духовные грамоты московских князей как прямое следствие крупнейших политических событий своего времени, принял 1358 г. не за хронологическую грань, а за само время составления завещания Ивана Ивановича¹⁶¹.

С возражениями Л. В. Черепнину выступил А. А. Зимин. Он более четко, чем все его предшественники, определил хронологические рамки написания духовных грамот Ивана Ивановича: они не могли быть составлены «ранее 12 апреля 1356 г. (ибо тогда был назначен епископом Ростовским Игнатий, упомянутый в качестве такового в духовной) и позднее 13 ноября 1359 г. (ибо в этом году умер составитель духовной — кн. Иван Иванович)»¹⁶². Далее, сославшись на неопубликованную кандидатскую диссертацию Т. С. Ясковичевой, где было обращено внимание на то, что в тексте духовных грамот есть пункт относительно будущих зятьев великого князя: «[А кого ми дасть богъ] зятю, по чепи имъ по зол(о)тъ, по поясу по зол(о)ту»¹⁶³, и проведено сопоставление данного места завещания Ивана Ивановича с летописным известием о выдаче замуж в 1356 г. одной из дочерей

¹⁶⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 67.

¹⁶¹ Черепнин Л. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 30.

¹⁶² Зимин А. А. Указ. соч. С. 280–281.

¹⁶³ Ср. ДДГ. № 4а, С. 16.

великого князя Ивана за литовского князя, А. А. Зимин датировал духовные грамоты Ивана Ивановича временем «около 1356 г.»¹⁶⁴. Нетрудно видеть, что приписанное А. А. Зиминим Т. С. Ясковичевой «уточнение» датировки духовных грамот Ивана Ивановича на самом деле полностью исходит из догадки М. М. Щербатова и было реализовано еще сотрудниками канцлера Н. П. Румянцева, весьма определенно датировавшими в 1813 г. духовные Ивана Ивановича 1356 г. Т. С. Ясковичева просто лучше знала работы предшественников.

Отнеся составление завещания великого князя Ивана ко времени «около 1356 г.», А. А. Зимин не пояснил, как в свете приведенной им даты следует понимать статью духовных грамот Ивана Ивановича о пересмотре состава уделов его наследников в случае, если какие-то коломенские, лопастанские или «отменные» рязанские земли будут для Москвы потеряны, Л. В. Черепнин вполне логично сопоставлял это распоряжение завещателя с реальным фактом: попыткой ордынского посла в 1358 г. «разъехать» московско-рязанскую границу, очевидно, невыгодным для москвичей образом. При отнесении же духовных грамот Ивана Красного к 1356 г. такая интерпретация сделанного великим князем распоряжения становится невозможной, и его приходится толковать как некое предвидение, порожденное неопределенными обстоятельствами.

И хотя с датировкой духовных грамот Ивана Ивановича, предложенной А. А. Зиминим, полностью согласился В. А. Водов¹⁶⁵, ясно, что аргументация исследователя должна быть проверена самым тщательным образом.

Н. Н. Бантыш-Каменский, И. И. Срезневский, А. В. Орешников, Л. В. Черепнин и А. А. Зимин безусловно правы, когда определяют крайние хронологические рамки написания духовных грамот Ивана Ивановича 1356–1359 годами. В первом из указанных годов стал ростовским епископом упоминаемый в грамотах Игнатий, во втором — умер великий князь Иван Иванович. Правда, точная дата поставления на кафедру Игнатия — 12 апреля 1356 г., приведенная А. А. Зиминим, — неверна. Указанная дата обозначает в источнике не день поставления Игнатия, а день смерти его предшественника — ростовского епископа Иоанна¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Зимин А. А. Указ. соч. С. 281.

¹⁶⁵ Водов В. А. Указ. соч. № 19. С. 329.

¹⁶⁶ ПСРЛ, Л., 1926–1928. Т 1. Стб. 532, под 6864 годом мартовским. Ср. Насонов А. Н. Летописный свод XV в. (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. II. С. 301, под тем же годом.

Игнатий занял ростовскую кафедру позже, весной 1356 г.¹⁶⁷ Следовательно, духовные грамоты Ивана Ивановича были написаны между весной 1356 г. и 13 ноября, как правильно отметил А. А. Зимин, 1359 г.

Содержат ли духовные грамоты Ивана Ивановича признаки, позволяющие в указанных рамках уточнить их датировку? Исследователи дружно отвечали на такой вопрос положительно, однако признаки называли разные. По мнению М. М. Щербатова и солидаризировавшихся с ним составителей «Государственных грамот и договоров», Т. С. Ясковичевой и А. А. Зимины таким признаком является наличие в духовных Ивана Ивановича статьи о будущих зятях великого князя. М. М. Щербатов пытался рассматривать данную статью как свидетельство об отсутствии у Ивана Ивановича в момент составления завещаний замужних дочерей. Однако такое толкование текста источников является расширительным. Из приведенной ранее цитаты о зятях великого князя Ивана можно вывести лишь то, что к моменту составления завещаний у него оставались незамужние дочери, по всей вероятности, от второго брака¹⁶⁸. Но что у Ивана Ивановича не было тогда дочерей замужних, на основании статьи о будущих зятях великого князя судить нельзя. О зяте или зятях, уже имевшихся у Ивана Ивановича, речи в его духовных грамотах нет.

Поэтому сопоставлять летописные известия 1356 г. о замужестве одной из дочерей Ивана Ивановича с текстом о зятях его духовных для выведения даты последних неправомерно. Становится очевидным, что отнесение завещаний Ивана Ивановича к 1356 г. не является

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Первый раз Иван Иванович женился в 1341 г. на Феодосии, дочери брянского князя Дмитрия. Через год Феодосия умерла (ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 54). Вторично Иван Иванович женился в 1345 г. (Там же. Стб. 56) на неизвестной по происхождению Александре, которая и упоминается в его духовных грамотах. От первого брака Иван Иванович мог иметь ребенка. Скорее всего, это была дочь, выданная замуж в 1356 г. за литовского князя Дмитрия Кориадовича. Женитьба Кориадовича на Ивановне, вероятно, преследовала цели усиления литовского влияния в Брянском княжестве, которым Литва вскоре и завладела (о соперничестве Москвы и Литвы за брянские земли см.: *Флоря Б. Н.* Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. Формирование государственной территории России. М., 1982. Вып. 1. С. 60–70). Дочери Ивана Ивановича, которые косвенно упоминаются в его духовных грамотах и не выходили еще замуж, были, очевидно, от второго брака. В момент составления завещания отца им было примерно 11–13 лет, и по нормам тех времен (церковь официально разрешала вступление в брак с 12-ти лет) их ожидало скорое замужество.

доказательным. Датирующий признак в духовных грамотах этого князя, впервые указанный М. М. Щербатовым, на самом деле таким качеством не обладает.

Гораздо более весомо наблюдение, сделанное Л. В. Черепниным. В духовных грамотах Ивана Ивановича несомненно отразилось обострение московско-рязанских и, на этой почве, московско-ордынских отношений. А кульминации это обострение достигло, как показал Л. В. Черепнин, в 1358 г. Следовательно, духовные грамоты Ивана Ивановича были составлены не ранее 1358 г.

На эту же дату указывает еще одна статья рассматриваемых документов, которая почему-то до сих пор упускалась исследователями из поля зрения. Завещания Ивана Ивановича были адресованы его сыновьям, жене и «своему брат(а)ничу княз(ю) Володимеру». Последний в духовных грамотах великого князя признавался единственным наследником удела своего отца, брата Ивана Ивановича Андрея: «А брат(а)ничъ [мой], княз(ь) Володимеръ, вѣдаетъ оуѣздъ о(т)ца своего»¹⁶⁹. Владимир был младшим сыном Андрея. Он родился 15 июля 1353 г., спустя 39 дней после смерти отца¹⁷⁰. Старше Владимира был первенец Андрея Иван. Согласно Софийской I и Новгородской IV летописям, малолетний князь Иван Андреевич умер в 1358 г. Известие о смерти Ивана Андреевича в Софийской I летописи — единственное за 6866 г., а в Новгородской IV летописи оно открывает статью 6866 г.¹⁷¹, что дает основание относить смерть старшего брата князя Владимира Андреевича к первой половине мартовского 6866 года. Поскольку духовные грамоты Ивана Ивановича в качестве владельца удела князя Андрея Ивановича называют одного Владимира, ясно, что они составлялись после кончины Ивана Андреевича, т. е. после 28 февраля 1358 г., а скорее всего — после весны-лета 1358 г. и, как уже говорилось выше, до 13 ноября 1359 г.

Названные рамки поддаются дальнейшему сужению. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в обоих завещательных актах великого князя Ивана Ивановича в качестве первого послуха назван ростовский епископ Игнатий. Он определяется в них как «от(е)ць мой»¹⁷², но не «мой душевныи» (последнее определение

¹⁶⁹ Ср. ДДГ. № 4а. С. 15.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 63.

¹⁷¹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 433; Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 287.

¹⁷² Ср. ДДГ. № 4а. С. 17.

прилагалось к более низким по духовному рангу духовникам великого князя Ивана Ивановича). Очевидно, что определение «от(е)ць мой» отнесено к Игнатию как к высокопоставленному церковнику, которого великий князь специально привлекал в качестве свидетеля при составлении своих завещаний. Подобным образом поступил при написании своей духовной грамоты и старший брат Ивана великий князь Симеон Гордый. Но почему Иван Иванович в качестве первого свидетеля выбрал ростовского владыку, а не главу русской церкви митрополита Алексея? Ведь Симеон Гордый первым послухом своего завещания назвал именно Алексея, который тогда хотя и не был митрополитом, но исполнял должность митрополичьего викария, фактически возглавляя Русскую митрополию. Отношения великого князя Ивана Ивановича с митрополитом Алексеем, как свидетельствуют события 1357 г., когда Алексей посоветовал тверскому великому князю Василию Михайловичу «взять любовь» с московским великим князем¹⁷³, были приятными, и не видно причин, по которым Иван Иванович добровольно отказался бы от послушества митрополита, а митрополит не согласился бы стать первым свидетелем при составлении важных государственных актов. Тем не менее свидетелем при их оформлении оказался ростовский епископ — второе по значению после митрополита церковное лицо в Северо-Восточной Руси. Объяснение этому факту может быть только одно: духовные грамоты Ивана Ивановича писались во время отсутствия на Северо-Востоке митрополита Алексея.

В литературе, посвященной истории русской церкви или касающейся этой истории, традиционно принято считать, что митрополит Алексей в 1358 г. предпринял поездку в Киев, где его на два года задержал литовский великий князь Ольгерд¹⁷⁴. В Северо-Восточную Русь митрополит сумел вернуться только в 1360 г., уже после смерти великого князя Ивана Ивановича. Летописи, подтверждая последнюю дату, относительно отправления Алексея в Киев сообщают, что оно имело место «тое же зимы по крещении» в лето 6866¹⁷⁵. Летописная

¹⁷³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 66.

¹⁷⁴ Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900. Т. 2, первая половина. С. 192; Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV–XV вв. М., 1986. С. 80. Кажется, только Б. Н. Флоря правильно датировал поездку митрополита Алексея в Киев зимой 1358/59 г. — Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 68.

¹⁷⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 67.

статья 6866 года — мартовская¹⁷⁶. Следовательно, митрополит Алексей выехал из Москвы в Киев после 6 января 1359 г. Полагая, что участие в качестве первого свидетеля при оформлении духовных грамот Ивана Ивановича ростовского владыки Игнатия связано с отсутствием в Москве митрополита Алексея, составление завещаний Ивана Ивановича нужно относить ко времени между 6 января и 13 ноября 1359 г. Написание одной из двух сохранившихся духовных грамот великого князя Ивана, именно грамоты № 4, следует связывать с кончиной Ивана Ивановича и датировать октябрём — первой декадой ноября 1359 г. Тогда первую духовную грамоту этого князя надо отнести примерно к весне — легу 1359 г.

Какие же исторические свидетельства заключают в себе завещания Ивана Ивановича? Их анализ необходимо начать с первой духовной грамоты этого князя.

Грамота начинается, как и некоторые другие завещания московских князей, со словесной *invocatio*. *Invocatio* первой духовной грамоты Ивана Ивановича, относится, по определению С. М. Каштанова, к самой ранней редакции *invocatio* в княжеских завещаниях: «Во има о(т)ца и с(ы)на и с(в)а(т)о(г)о духа»¹⁷⁷. С. М. Каштанов отметил также своеобразие и *intitulatio* в духовной грамоте Ивана Красного, где этот князь назван с отчеством: «Иванъ Ивановичъ»¹⁷⁸. Указание на отчество великого князя подчеркивало, по мнению С. М. Каштанова, преемственность власти Ивана Ивановича от отца, Ивана Калиты, хотя на самом деле Иван наследовал не отцу, а брату Симеону Гордому¹⁷⁹. Такое объяснение вполне возможно, тем более что, как будет видно из дальнейшего анализа духовной грамоты великого князя Ивана, второй сын Ивана Калиты после смерти братьев если и не узурпировал власть в Московском княжестве, то явно захватил некоторые земли и права, принадлежавшие другим членам московского княжеского дома. В такой ситуации намек в завещании на преемственность власти Ивана Ивановича от власти отца был весьма уместен. Впрочем, объективность требует сказать, что предложенная С. М. Каш-

¹⁷⁶ Ср. Березков Н. Г. Указ. соч. С. 351.

¹⁷⁷ Каштанов С. М. К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV — начала XV в. // ВИД. Л., 1979, вып. 11. С. 239. Ср. ДДГ. № 46. С. 17.

¹⁷⁸ ДДГ. № 46. С. 17.

¹⁷⁹ Каштанов С. М. Указ. соч. С. 239.

тановым интерпретация особенностей *intitulatio* духовной грамоты Ивана Ивановича хотя и весьма соблазнительна, тем не менее не является единственно возможной. Выше уже говорилось о зависимости завещания Ивана Ивановича от второй духовной грамоты его отца Ивана Калиты. Возможно, что, переписывая в 1359 г. некоторые статьи этой грамоты в завещание своего князя, писец Нестерко просто подставил отчество «Иванович», чтобы отличить князя Ивана документа 1359 г. от князя Ивана документа 1339 г. Но, как бы то ни было, важно подчеркнуть, что только с первой духовной грамоты Ивана Ивановича великий князь в *intitulatio* начинает писаться с отчеством.

Далее в грамоте следует статья о психическом и физическом состоянии завещателя. Иван Иванович писал свою духовную «ничим же не нужень, цѣлымъ своимъ оумомъ, во своемъ здоровьѣ». С. М. Каштанов при анализе формуляра великокняжеских духовных грамот обозначил приведенные фразы как обороты «г», «д» и «з». По его мнению, эти обороты «встречаются только в грамотах князей XIV в. до Дмитрия Донского включительно»¹⁸⁰. Однако даже из приведенных самим С. М. Каштановым данных видно, что такое заключение может быть отнесено лишь к обороту «д» («цѣлымъ своимъ оумомъ»)¹⁸¹. Обороты «г» и «з» характерны только для духовных грамот Ивана Калиты и Ивана Красного (в обороте «г» имеется небольшое расхождение: «никимъ» в грамоте Ивана Калиты вместо «ничимъ» грамоты его сына Ивана), причем в этих духовных наблюдается одна и та же последовательность оборотов «г», «д» и «з». Указанные совпадения, как и приведенный ранее пример с одинаковым порядком перечисления коломенских волостей во второй духовной Ивана Калиты и духовных грамот Ивана Ивановича, свидетельствуют о том, что завещание 1339 г. Ивана Даниловича было использовано при составлении первой духовной грамоты его сына Ивана.

Далее в завещании Ивана Ивановича следует *agensa*, содержащая моральное обоснование составления духовной грамоты. Наличие *agensa* еще раз сближает первую духовную грамоту Ивана Ивановича со второй духовной грамотой его отца (в духовных других князей *agensa* отсутствует), хотя формулировки *agensa* в них несколько отличаются. Вместо «Аже б(ог)ъ что розгадаеть о [мо]емъ животь» второй

¹⁸⁰ Каштанов С. М. Указ. соч. С. 243.

¹⁸¹ Там же. С. 241.

духовной Ивана Калиты¹⁸² в первой духовной Ивана Ивановича читается «Аже что б(ог)ъ розмыслить о моемъ животь»¹⁸³.

За arenga в рассматриваемом документе следует *inscriptio*. В духовной грамоте Ивана Ивановича *inscriptio* имеет особенность, резко отличающую ее от аналогичных компонентов всех других завещательных распоряжений московских великих князей. Если до Ивана Красного и после него великокняжеские духовные грамоты в качестве наследников завещателя называли его сыновей и жену (или только жену, или только сыновей), т. е. исключительно членов семьи самого великого князя, то духовные грамоты Ивана Ивановича были адресованы «своимъ с(ы)номъ, княз(ю) Дмитрею и княз(ю) Ивану, и своему брат(а)ничу, княз(ю) Володимеру и свои княгини»¹⁸⁴. В первый и последний раз в великокняжеском завещании в качестве наследника наряду с членами семьи великого князя фигурировал представитель не прямой, а боковой линии, племянник Ивана Ивановича, сын его брата Андрея княжич Владимир, которому в год составления завещаний Ивана Красного исполнилось 6 лет. Необычность упоминания в духовных грамотах Ивана Ивановича в качестве сонаследника «братанича...Володимера» требует объяснения. Его можно найти, проследив судьбу удела третьего сына Ивана Калиты Андрея в годы великого княжения Ивана Ивановича.

Летописи сообщают, что 22 июня 1353 г. рязанцы во главе со своим князем Олегом «Лопасну взяша, а намѣстника изымаша Михаила Александровича и поведоша его на Рязань...»¹⁸⁵. Нападение рязанцев произошло в то время, когда уже умер московский великий князь Симеон (26 апреля 1353 г.) и после недавней кончины младшего брата Симеона Андрея (6 июня 1353 г.)¹⁸⁶. Согласно завещанию Ивана Калиты, именно Андрею принадлежала взятая летом 1353 г. рязанцами Лопасна¹⁸⁷. Из этого факта некоторые историки делали вывод, что рязанский князь Олег сумел захватить в тяжелый для Москвы 1353 г. часть удела младшего сына Ивана Калиты Андрея. А уже отсюда следовало заключение, что плененный ря-

¹⁸² ДДГ. № 16. С. 9.

¹⁸³ Там же. № 46. С. 17.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 63, под 6862 г. ультрамартовеким.

¹⁸⁶ О времени смерти Симеона и Андрея см.: Там же. Стб. 62.

¹⁸⁷ ДДГ. № 16. С. 9.

занцами лопаственский наместник Михаил Александрович был боярином князя Андрея Ивановича¹⁸⁸.

Однако такое заключение наталкивается на противополоказания источников. Самое раннее сведение о боярине Михаиле Александровиче относится к 1348 г. Тогда Михаил Александрович был в числе послухов, присутствовавших при составлении договора Симеона с братьями Иваном и Андреем¹⁸⁹. С. Б. Веселовский полагал, что Михаил Александрович выступал там доверенным лицом князя Андрея Ивановича¹⁹⁰. Но Михаил Александрович назван вторым из числа светских послухов договора, после московского тысяцкого Василия Протасьевича. Если Михаил Александрович был боярином, как думал С. Б. Веселовский, князя Андрея Ивановича, то возникает недоуменный вопрос: почему послух самого младшего Калитовича упоминается на втором месте среди светских свидетелей договора, т. е. выше по меньшей мере возможного представителя более старшего сына Калиты Ивана? Завещание Симеона Гордого содержит ссылку на договор 1348 г. В нем бояре, участвовавшие в составлении договорной грамоты 1348 г., были охарактеризованы как «старые бояре», хотевшие «о(т)цю нашему добра и намъ»¹⁹¹. Бояре, желавшие «добра» Ивану Калите, несомненно принадлежали к числу великокняжеских. К таким боярам и должен быть отнесен упомянутый в соглашении 1348 г. Михаил Александрович.

Этот вывод, полученный на основании косвенных данных, вполне подтверждается при анализе самого позднего известия о Михаиле Александровиче. Рассказав о таинственном убийстве 3 февраля 1357 г. московского тысяцкого Алексея Хвоста, случившемся из-за боярской «зависти и непокорьства», летописец далее записал: «Тое же зимы по послъднему поути болшии бояре Московьские того ради оубиства отъехаша на Рязань съ женами и зъ дѣтьми»¹⁹². Следовательно, убийство московского тысяцкого было делом рук «больших» московских бояр, которые, опасаясь расследования, отъехали к недавно открыто

¹⁸⁸ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960, Кн. II. Т. 3/4. С. 265; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 489.

¹⁸⁹ ДДГ. № 2. С. 13.

¹⁹⁰ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 489.

¹⁹¹ ДДГ. № 3. С. 14.

¹⁹² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 65.

враждовавшему с Москвой рязанскому князю. Но этим действия бежавших из Москвы бояр не ограничились. Вскоре они оказались в Орде, чтобы, возможно, и там вести происки против великого князя Ивана Ивановича. И тот, отправившись в конце 1357 г. к новому хану Бердибеку, вынужден был в Сарае вновь принять на свою службу отступивших было от него бояр.

Летопись называет их поименно: «а што бояре были на Рязани Михаило, зять его Василей Васильевич[ъ]»¹⁹³. Совершенно очевидно, что Михаил Александрович принадлежал к числу «больших» московских бояр и служил не в уделе, а в столице великому князю Ивану Ивановичу.

Но если Михаил Александрович и при Калите, и при Симеоне, и при Иване Красном постоянно принадлежал к числу великокняжеских бояр, его наместничество в Лопастне летом 1353 г., после кончины владельца Лопастни князя Андрея Ивановича надо рассматривать не как службу удельному князю, а как свидетельство установления контроля Ивана Ивановича над уделом умершего брата Андрея. Именно в таком плане трактовал московско-рязанские столкновения 1353 г. Н. М. Карамзин, хотя и не приводил доводов в обоснование своей трактовки¹⁹⁴.

Заключение об установлении великокняжеского контроля над удельными владениями Андрея Ивановича подкрепляется еще одним фактом. Вторая духовная грамота Дмитрия Донского в числе сел, завещавшихся третьему сыну Дмитрия Андрею, называет село «Хвостовское в Перемышль»¹⁹⁵. Перемышль был волостью, выделенной Иваном Калитой князю Андрею и оставшейся длительное время в руках потомков этого удельного князя¹⁹⁶. Село Хвостовское получило свое название, очевидно, по прозвищу боярина Алексея Петровича Хвоста. Около 1347–1348 гг. Хвост попал в опалу и был лишен великим князем Симеоном всех своих владений¹⁹⁷. Но после смерти Симеона Хвост был прощен и при Иване Ивановиче занял высокий пост московского тысяцкого. Поскольку село Хвостовское в Перемышле в документах времени Симеона Гордого не упоминается, надо полагать,

¹⁹³ Там же. Стб. 66, под 6863 г. мартовским.

¹⁹⁴ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 4. Стб. 173. Н. М. Карамзин называл лопастненского наместника «Иоановым», т. е. великого князя Ивана Ивановича.

¹⁹⁵ ДДГ. № 12. С. 34.

¹⁹⁶ Там же. № 1. С. 7, 9; № 17. С. 47; № 58. С. 180, 183.

¹⁹⁷ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 23, 24.

что оно было приобретено Хвостом после своей реабилитации, т. е. между летом 1353 г. и 7 февраля 1357 г., когда Хвост был убит. Покупка великокняжеским боярином села в удельнокняжеской волости запрещалась¹⁹⁸, но, если она была осуществлена, как в данном случае, это означает, что верховная власть в уделе принадлежала великому князю.

Таким образом, управление Иваном Ивановичем уделом своего брата Андрея при малолетних сыновьях последнего сначала Иване, после 15 июля 1353 г. — Иване и Владимире, а после весны—лета 1353 г. — одним Владимире и объясняет появление имени Владимира в рассматриваемом завещании.

Другой характерной особенностью *inscriptio* духовной грамоты Ивана Красного, но по сравнению не со всеми другими завещательными распоряжениями московских князей, а по сравнению с завещанием предшественника Ивана великого князя Симеона Гордого, было полное поименное перечисление наследников. Первым в их перечне назван сын Ивана Дмитрий, которому в год составления завещаний отца исполнилось 9 лет¹⁹⁹. Упоминаемый следом за Дмитрием второй сын Ивана Ивановича Иван мог родиться не ранее конца 1351 — начала 1352 г., т. е. к 1359 г., когда Иван Иванович писал свои духовные грамоты, ему было самое большее 7 лет. Сыновья Ивана Красного были постарше сыновей Симеона Гордого, которые в завещании своего отца так и не были прямо названы, но все равно находились в том возрасте, который был еще далек от формального совершеннолетия — 12 лет. В княжеских семьях такие мальчики по средневековым юридическим нормам считались недееспособными, не могли наследовать имущества отца непосредственно, их до совершеннолетия опекала мать. Именно по таким нормам решался вопрос о наследниках в завещании Симеона Гордого. Иван Иванович эти нормы отверг. Он точно определил, кто и чем должен был владеть после его смерти, хотя и его сыновья, и его племянник оставались еще малолетними. Эта точность завещательного распоряжения Ивана Ивановича была вызвана, среди прочих причин, и последствиями практического применения не вполне четкой в формулировках относительно наследников духовной грамоты Симеона Гордого. По-видимому, после смерти маленьких княжичей Даниила и Михаила Семеновичей вновь возник вопрос о судь-

¹⁹⁸ ДДГ. № 2. С. 12; № 5. С. 20.

¹⁹⁹ Дмитрий родился 12 октября 1350 г.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 60, под 6858 г. мартовским.

бе земельных владений Симеона, а на них, согласно букве его завещания, имела право только одна его вдова Мария Александровна. Однако, как будет видно из дальнейшего, основные центры Симеоновых владений оказались в руках Ивана Ивановича. Гладко такое отчуждение пройти из могло, оно должно было вызвать конфликтные ситуации. Чтобы избежать подобных коллизий после собственной кончины, Иван Иванович и пошел в своей духовной грамоте на то, чтобы выделить объекты владений даже малолетним наследникам. Политические расчеты великого князя вели к игнорированию утвердившихся в обществе правовых норм и установлению своих, расхитившихся с общепринятыми, в интересах собственной семьи, главным образом сыновей, которые должны были стать преемниками Ивана на великокняжеском столе.

Идущая за *inscriptio* духовной грамоты *dispositio* начинается с раздела, который очень удачно выделил Л. В. Черепнин. Чтобы яснее представить содержание статей этого раздела, которые оказываются связанными между собой, необходимо привести их текст полностью: «Приказываю отч(и)ну свою Москву с(ы)номъ своимъ княз(ю) Дмитрию, и княз(ю) Ивану. А брат(а)ничу моему, княз(ю) Володимеру, на Москвѣ в намѣстничтвѣ треть, в тамзѣ, в мытѣхъ, и в пошлинах городских треть, что к город(у) потагло. И что мед оброчный Василщева стану, и что о(т)ца моего бортничи купленѣй подвѣчныхъ варахъ, и кони ставити по станомъ и по варамъ, и конюшии путь, то имъ все на трое. А численѣй люд(и) вси три княз(и) блюдутъ сопча с одного»²⁰⁰.

Из данного раздела завещания Ивана Ивановича видно, что Москва «приказывалась» сыновьям великого князя Дмитрию и Ивану. Впрочем, тут же следовала оговорка, что треть «на Москвѣ» должна была принадлежать племяннику Ивана Ивановича княжичу Владимиру Андреевичу, и разъяснялось, в чем должна была выражаться эта треть. Поскольку Владимир Андреевич получал также право «кони ставити по станомъ», делается ясным, что под «Москвой» завещания Ивана Ивановича понимались город Москва и примыкавшая к нему округа, тот городской уезд, который был прямо назван в духовной грамоте Симеона Гордого. Из текста процитированного раздела завещания можно выяснить, что понималось завещателем под выражением «приказываю... Москву». Очевидно, под этим подразумевалось право сыновей Ивана Красного Дмитрия и Ивана собирать различные судебные и торговые

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1; ср. ДДГ. № 46. С. 17.

пошлины, а также право на эксплуатацию населения, которое обязано было нести в пользу князей различные повинности. Состав пошлин и повинностей рассматривается в последующих статьях раздела, по отношению к которым первая статья является как бы «шапкой».

Согласно второй статье процитированного текста, Владимир Андреевич получал треть «в намѣстничтвѣ», т. е. в доходах от верховного управления Москвой и ее округой, состоявших скорее всего из судебных пошлин. Далее он получал треть от тамги, мыта и городских пошлин, «что к город(у) потагло». Последний оборот надо относить, по-видимому, только к городским пошлинам, а не ко всем видам доходов, перечисленных в статье. Дело в том, что мыт уже в 30-е гг. XIV в. собирался на территории Московского княжества в уделах Калитовичей, а не в городе Москве или, что, может быть, точнее, не только в городе Москве. Поэтому «мыты» нельзя относить к тем доходам, которые, согласно духовной Ивана Ивановича, «тянули» к городу. Очевидно, что и тамга к концу 50-х гг. XIV в. перестала быть чисто московской городской пошлиной, какой она выступает в духовных Калиты и Симеона Гордого. При Иване Ивановиче она взималась не только в Москве, но и по меньшей мере в московской округе. Указание второй статьи анализируемого раздела первой духовной грамоты Ивана Ивановича о принадлежности князю Владимиру Андреевичу одной трети в наместничьих доходах, тамге, мыте и городских пошлинах косвенно свидетельствует о том, что остальные две трети этих доходов поступали в распоряжение сыновей Ивана Ивановича.

Третья статья раздела указывает на то, что мужские наследники великого князя Ивана получали верховные права на сбор оброчного меда, на труд купленных бортников, на постой коней в станах и варях, конюший путь. На характеристике этих прав следует остановиться подробнее.

«Мед оброчный Василцева стану» — это городской медвяной оброк «Василцева вѣданыя».

Упоминание о бортниках в духовной грамоте Ивана Ивановича обычно не комментировалось. Во всех изданиях грамоты всегда печатали «под вѣчныя варяхъ», что затрудняло понимание текста. С. М. Каштанов предложил чтение «подвечные», что представляется правильным²⁰¹. Речь, таким образом, должна идти о бортниках, купленных еще отцом

²⁰¹ Каштанов С. М. Финансовое устройство Московского княжества в середине XIV в. по данным духовных грамот // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1962. С. 186 и примеч. 24.

Ивана Ивановича Иваном Калитой и купленных навсегда, навечно. Так, думается, следует толковать определение «подвѣчныѣ». Эти бортники концентрировались в «варахъ»²⁰². Что же понималось в завещании Ивана Ивановича под словом «вара?»

В договоре 1348 г. есть одно дефектное место, которое тем не менее позволяет ответить на поставленный вопрос. Место это следующее: «и бортницы въ Пере...» Последнее слово Л. В. Черепнин напечатал почему-то с большой буквы, одновременно указав, что за буквами «Пере...» должно было следовать еще около 6 букв²⁰³.

В «Собрании государственных грамот и договоров» это слово было напечатано с маленькой буквы и в менее дефектном виде: «перев...ахъ»²⁰⁴. Из шести отсутствовавших к середине XX в. букв четыре еще читались в начале XIX в. Очевидно, что обозначенный в публикации 1813 г. пропуск между буквами «перев» и «ахъ» равнялся двум буквам. Они легко восстанавливаются: «перев[ар]ахъ». Следовательно, в договоре 1348 г. речь шла о бортниках в переварах. Названные в духовной грамоте Ивана Ивановича бортники в варях несомненно идентичны бортникам в переварах. Отсюда тождество вари с переварой. Перевара же хорошо известна. Это место приготовления меда и пива²⁰⁵. Становится понятным, почему с варями-переварами были связаны бортники, обязанностью которых, очевидно, было не только собирать мед, но и «варить» его.

По варям, а также по станам мужские наследники великого князя Ивана Ивановича имели право ставить коней. Речь идет об остановках при объездах территории московской округи князьями и их чиновниками, а также при проезде через нее. В грамоте станы указаны раньше варь. Надо полагать, что станами назывались места длительных остановок князей или лиц княжеской администрации, вероятно, на ночь или на несколько дней. Вари же служили пунктами приема пищи и питья. Они устраивались княжеской властью заранее путем расселения в нужных местах купленных холопов-бортников. Духовная грамота Ивана Ивановича свидетельствует, что во времена этого

²⁰² Чтение «[в] варахъ» предложено С. М. Каштановым: Там же. С. 186 и примеч. 25.

²⁰³ ДДГ. № 2. С. 11, примеч. 6.

²⁰⁴ СГТ и Д. Ч. 1. № 24. С. 38.

²⁰⁵ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. 2. Стб. 8, 97.

князя в Московском княжестве продолжали действовать вари, завенные еще его отцом.

Конюший путь, о котором говорится в разбираемой духовной далее, обычно трактуется как особая отрасль княжеского хозяйства, связанная с содержанием лошадей²⁰⁶. В принципе это верно, хотя довольно обобщенно. Завещание Ивана Ивановича позволяет более подробно охарактеризовать конюший путь. В этой грамоте есть особая статья, предусматривавшая раздел принадлежавших Ивану Ивановичу «стад конев[ы]х, [и жере]пцевъ и кобылицъ» пополам между его сыновьями Дмитрием и Иваном²⁰⁷. Конюший же путь передавался Дмитрию, Ивану и их двоюродному брату Владимиру «на трое». Следовательно, в понятие конюшего пути включались главным образом не столько конские стада, сколько вся организация конского хозяйства: особая категория лиц, следивших за состоянием лошадей (конюхи, сторожи, пастухи и т. п.), поселения этих лиц, хозяйственные постройки для содержания лошадей и хранения корма для них, пастбища и выпасы для табунов и т. д. Очевидно, разведение лошадей диктовалось природными условиями, стада содержались там, где для этого были естественные благоприятные возможности, т. е. в разных местах Московского княжества²⁰⁸. Отсюда и само понятие пути, возникшее из-за разбросанности мест, где заводилась эта отрасль хозяйства, которые связывались вместе дорогами. По-видимому, первоначально пастбища, труд людей, обслуживавших коневодство, использовались князьями, а быть может, и ближайшим к ним боярским окружением сообща²⁰⁹, стада же были отдельными, различавшимися друг от друга по типу «пятна» — особой владельческой метки, которой клеймились лошади. Представляется, что именно такое устройство конюшего пути в Московском княжестве к 1359 г. фиксирует духовная грамота

²⁰⁶ Капитанов С. М. Финансовое устройство... С. 187.

²⁰⁷ ДДГ. № 4. С. 19 (здесь текст сохранился лучше), ср. С. 14.

²⁰⁸ Следует напомнить о существовании у Симеона Гордого особого коломенского стада, хотя из контекста его духовной нельзя с определенностью заключить, было ли это стадо конским или иным. Важно, что оно находилось далеко от постоянной княжеской резиденции: ДДГ. № 3. С. 14.

²⁰⁹ Ср. рассказ Ипатьевской летописи под 1168 г. о том, как холопы бояр Петра и Нестора Борнславичей, служивших киевским князьям Изяславу Мстиславичу и его сыну Мстиславу, в стаде (общем?) покрали княжеских коней и поставили на них «пятна», указывавшие на принадлежность коней Борнславичам — ПСРЛ. СПб., 1908, Т. 2. Стб. 541. О дате см. Березков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 180.

Ивана Ивановича. Великий князь передавал этот путь вместе с оброчным медом, купленными бортниками в варях, правом ставить коней по станам и варям мужским представителям московской династии «на трое». Последнее выражение толкуется исследователями как указание на раздел перечисленных прав²¹⁰. Думается, что контекст духовной грамоты Ивана Ивановича не дает оснований для такого понимания приведенного выше оборота. «На трое» означает не деление на три части, а совместное пользование тремя наследниками Ивана Ивановича указанными правами.

Такое общее владение предусматривает и четвертая, заключительная статья раздела, посвященная «численным людям»: их «все три княз(и) блюдут сопча с одного». Таким образом, если денежные (судебные и торговые) доходы, получаемые от управления Москвой, делились между каждым из наследников Ивана Ивановича, то повинностями, которые несло население города и округа, Дмитрий, Иван и Владимир обслуживались вместе, нераздельно.

Анализируемый раздел завещания Ивана Ивановича содержит еще одну важную информацию, которая выявляется при сопоставлении духовной грамоты Ивана Красного с духовными грамотами его отца и старшего брата, а также с договором 1348 г. Из текста раздела прямо следует, что, передавая права на повинности жителей Москвы и московского городского уезда своим сыновьям Дмитрию, Ивану и племяннику Владимиру, великий князь Иван Иванович выступал как единственный носитель этих прав. Между тем Иван Калита в своих завещаниях предписывал поделиться оброчным медом «Василцева вѣданья» своим сыновьям. Они все трое «собча» должны были также ведать численных людей²¹¹. Совершенно очевидно, что старший из Калитовичей Симеон, ставший великим князем, этими правами обладал. После смерти Симеона наследницей его прав должна была стать его вдова Мария Александровна. Но, судя по духовной грамоте Ивана Ивановича, она была лишена этих прав, они перешли к ее деверю.

В отличие от статей раздела о наследовании прав на пользование повинностями населения, статьи о наследовании денежных доходов не содержат однозначных указаний, кто в годы правления Ивана Ивановича распоряжался этими доходами. Там не менее выяснить это можно. Обращает на себя внимание тот факт, что Иван Иванович ^{1/3} там-

²¹⁰ Капитанов С. М. Финансовое устройство... С. 187.

²¹¹ ДДГ. № 16. С. 10.

ги завещал своему братаничу Владимиру Андреевичу. Между тем по завещаниям Ивана Калиты тамгой должны были поделиться три его сына²¹². Симеон, Иван и Андрей и разделили тамгу в 1348 г. По заключенному тогда соглашению Иван и Андрей «сступилиса» старшему брату полтамги и приняли решение, что и в будущем великий князь будет получать $\frac{1}{2}$ тамги, а другая половина будет делиться между его младшими братьями²¹³. Таким образом, договор 1348 г. конкретизировал завещание 1339 г. Ивана Калиты: Симеон получил $\frac{1}{2}$ тамги, а Иван и Андрей — по $\frac{1}{4}$ ее части. При таком распределении тамги князь Владимир Андреевич должен был унаследовать долю отца, т. е. $\frac{1}{4}$ тамги. Однако по духовной своего дяди он получил не $\frac{1}{4}$, а $\frac{1}{3}$ часть. Было бы наивно думать, что Иван Иванович выделил племяннику дополнительно $\frac{1}{12}$ долю тамги из своей старой части, оставив своим сыновьям на двоих лишь $\frac{1}{6}$ часть тамги. Прибавление $\frac{1}{12}$ к доле тамги, следуемой Владимиру Андреевичу, могло произойти только в том случае, если в руки Ивана Ивановича перешла вся московская тамга или, по меньшей мере, великокняжеская ее часть, принадлежавшая в свое время Симеону. Относительно этой части Симеон вполне определенно высказался в своей духовной: «в городѣ на Москвѣ жер(е)бе[и] мои тамги» завещался его жене Марии Александровне²¹⁴. Думается, нет никаких противопоказаний для заключения, что Иван Иванович нарушил процитированное распоряжение своего старшего брата. Тамга была отнята у вдовы Симеона Гордого и пошла в раздел между сыновьями и племянником Ивана Ивановича. Причем некоторое увеличение доли Владимира Андреевича в московской тамге (в отношении сыновей Ивана Ивановича доля, очевидно, увеличилась с $\frac{1}{4}$ до $\frac{2}{3}$, т. е. почти в 3 раза) свидетельствует о стремлении великого князя заинтересовать в лишении доходов вдовы Симеона самую младшую ветвь московского княжеского дома. Перераспределение тамги, зафиксированное в духовной грамоте Ивана Ивановича, дает основание считать, что Мария Александровна после смерти мужа была лишена и других денежных доходов, полученных Симеоном от отца и завещанных им своей жене.

Последующие статьи духовной грамоты Ивана Ивановича показывают, что Мария Александровна была лишена не только денежных

²¹² ДДГ. № 1а. С. 8; № 16. С. 10.

²¹³ Там же. № 2. С. 11.

²¹⁴ ДДГ. № 3. С. 13, 14.

доходов и феодальных привилегий, предназначавшихся ей по завещанию Симеона Гордого, но и многих земельных владений. Распределению последних посвящена бóльшая часть текста рассматриваемой духовной грамоты.

Старшему сыну Дмитрию великий князь Иван выделял Можайск «с во[лостми] со всѣми, с тамгою, и с селы, и з бортью, и со всѣми пошлинами» и Коломну «со в[сѣми волост]ми, и с тамгою, и с мыт(о)мь, и съ селы, и з бортью и со всѣми пошлинам[и]»²¹⁵. Можайск и Коломна с относившимися к ним волостями составляли главную часть владений московского великого князя. Эти центры и административно подчинявшиеся им территории по духовной грамоте Ивана Калиты получил Симеон, который в свою очередь завещал их своей жене и двум маленьким сыновьям. Передача Можайска и Коломны Иваном Ивановичем своему первенцу Дмитрию свидетельствует о том, что два самых главных (после столицы) города Московского княжества с их округами были отняты Иваном Ивановичем у вдовы Симеона Марии Александровны и стали его владениями. Возможно, что после смерти Симеона Гордого Можайск и Коломна фактически были закреплены за его сыновьями Даниилом и Михаилом (каждый сын получил по городу) и после кончины племянников Иван Иванович, ставший великим князем, предъявил на них права как преемник власти Симеона и его мужских наследников, но, как бы там ни было, ясно, что завещание Симеона, соблюдение которого Иван Иванович гарантировал, скрепив духовную старшего брата своей печатью, было нарушено в самых существенных его положениях.

В статьях о Можайске и Коломне духовной грамоты Ивана Ивановича содержится информация и иного рода. Обращают на себя внимание элементы, которыми характеризуются названные города. Можайск завещался Дмитрию «с тамгою» и «со всѣми пошлинами», Коломна — «с тамгою и с мыт(о)мь... и со всѣми пошлинам[и]». Это новые моменты в характеристиках Можайска и Коломны. Духовные грамоты Ивана Калиты и Симеона Гордого их не содержали. Трудно думать, что тамга и другие пошлины в Можайске, тамга, мыт и пошлины в Коломне стали собираться только в княжение Ивана Ивановича. Скорее всего они собирались и раньше. Но упоминание денежных доходов с этих городов в завещании Ивана Красного свидетельствует о том, что значение их в княжеских финансах возросло. Анали-

²¹⁵ РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. 1. № 5. Л. 1; ср. ДДГ. № 46. С. 17.

зируя финансовые поступления от Можайска и Коломны, С. М. Каштанов приходит к мысли, что в 50-е гг. XIV в. в Можайске собирался еще и мыт. Отсутствие указаний на него в духовной грамоте Ивана Ивановича исследователь расценивает как признак принадлежности мыта Орде, в Можайске он взимался ханскими чиновниками²¹⁶. С таким истолкованием статьи о Можайске духовной грамоты Ивана Красного согласиться трудно. Заключение о сборе мыта в Можайске сделано по аналогии с фиксируемым грамотой сбором мыта в Коломне. Такая аналогия не может служить серьезным доказательством. Разные денежные доходы с городов Московского княжества XIV в. свидетельствуют о разном уровне их экономического развития, а не о передаче финансовых регалий монголо-татарам. В Можайске торговля велась, скорее всего, жителями города или еще и жителями ближайших подгородных сел, не платившими мыта. Коломна же, крупный московский пограничный пункт, стоявший близ такой водной артерии, как р. Ока, видимо, притягивала к себе торговцев не только из Московского княжества, но и из Рязанского, верховских княжеств, быть может, даже из Орды. И они платили мыт. Этим следует объяснять разницу в составе денежных поступлений, собиравшихся в Можайске и Коломне. О наличии же в Московском княжестве XIV в. постоянно действовавших представителей ханской администрации, взимавших те или иные налоги с населения, на чем настаивает С. М. Каштанов, источники совершенно ничего не говорят.

Передавая Можайск и Коломну с их волостями, селами и денежными пошлинами старшему сыну Дмитрию, Иван Иванович сделал оговорку относительно коломенских волостей и некоторых сел. Коломенские волости, а также некоторые коломенские и подмосковные села предназначались вдове Симеона Гордого Марии Александровне и только после смерти последней должны были перейти к Дмитрию Ивановичу.

Список этих волостей и сел, приведенный ранее при цитировании работы Л. В. Черепнина, показывает, что ко времени составления первой духовной Ивана Ивановича в составе коломенских волостей по сравнению с 30-ми гг. XIV в. появились три новые: помимо уже называвшейся Мещерки у Коломны еще Сельцо и Кашира (Кошира)²¹⁷.

²¹⁶ Каштанов С. М. Финансовое устройство... С. 184.

²¹⁷ ДДГ. № 46. С. 17; ср. № 16. С. 9. При передаче текста завещания Ивана Красного в данном издании допущена неточность. Вместо «селце Ивань, деревни Мако-

Волость Сельцо, судя по ее упоминанию вместе с волостями Брашевой, Иванями и Гвоздной, находилась в среднем течении р. Москвы. Она образовалась там, где существовала наибольшая концентрация сельского населения Московского княжества. Волость Кашира располагалась по окскому левобережью в устье р. Каширки. Ее возникновение свидетельствует о хозяйственном освоении пограничных с Рязанским княжеством московских земель.

Из 12 сел, названных в духовной грамоте Ивана Ивановича как принадлежащих княгине Марии, 9 последних — подмосковные. Другие предназначавшиеся вдове Симеона Гордого 3 села — коломенские. Одно из них существовало еще в 30-е гг. XIV в. Это село на р. Северке «в Похраньскомъ оуѣздѣ». Два других до времени Ивана Ивановича в источниках не упоминаются. Это села Малино и Холмы.

Малино было расположено на р. Городенке, правом притоке р. Северки²¹⁸. Село Холмы находилось близ волости Мещерки на р. Тербенке, левом притоке р. Гуслицы²¹⁹. Если возникновение села Малина лишний раз свидетельствует об освоении в середине XIV в. земель в бассейне среднего течения р. Москвы, то Холмы — скорее всего пункт, захваченный Москвой у Рязани между 1353 и 1359 гг.

Сравнение перечней коломенских волостей, а также коломенских и подмосковных сел в первой духовной грамоте Ивана Ивановича и в духовных грамотах его предшественников давно заставило исследователей обратить внимание на то, что в завещании Ивана Красного не упоминается село Астафьевское²²⁰. Поскольку теперь выясняется, что название Астафьевское — ошибочная реконструкция трудночитаемого места во второй духовной Ивана Калиты, совершенно не оговоренная Н. Н. Бантыш-Каменским, отсутствие Астафьевского в завещании Ивана Ивановича не может расцениваться как какая-то особенность этого документа.

Помимо Можайска и Коломны старшему сыну Ивана Ивановича Дмитрию предназначалась часть «отменных» рязанских мест (такими

вещь» надо читать «Селце, Ивань, Деревни, Маковець». О том, что Сельцо — особая волость, см.: Там же. № 20. С. 55; № 21. С. 58; № 22. С. 60; № 61. С. 196.

²¹⁸ ПКМГ. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 502; Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. С. 121.

²¹⁹ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 559–569; карта «Подмосковье». М., 1956, квадрат Е8; Смолицкая Г. П. Указ. соч. С. 110.

²²⁰ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. II. Т. 3/4. С. 457; Дебольский В. Н. Духовные и договорные грамоты московских князей как истерика-географический источник. СПб., 1901. Ч. 1. С. 22.

землями он должен был поделиться поровну со своим младшим братом Иваном), село Романовское по р. Рокше, а в будущем после кончины вдовы Симеона Гордого Марии — ее коломенские волости, после же смерти вдовы Ивана Калиты Ульяны — часть ее владений.

Своему второму сыну Ивану великий князь Иван Иванович завещал Звенигород «со всѣми волостми, и с мыт(о)мь, и [с] селы, и з бортью, и с оброчники, со всѣми пошлинами», звенигородские волости Кремичну, Рузу, Фоминское, Суходол, Истерву, Слободку («Сводька»), Замошскую слободу, Ростовцы, Кремичну (так вторично в тексте духовной грамоты), Тростну, Негучу, а также села Рюховское, Михалевское, Каменское, село на Репне в Боровске, Мильцинское, Максимовское, Демонтовское, Андреевское, Каринское, Козловское, село в Замошской слободе, Выславское и Кузьминское. Кроме того Ивану полагалась часть «отменных» рязанских мест (после дележа с Дмитрием), село Афинеевское и сельцо близ Павловского села, а в будущем — часть владений княгини Ульяны ²²¹.

Содержащийся в духовной грамоте Ивана Ивановича перечень звенигородских владений его младшего сына позволяет проследить те изменения, которые произошли в Звенигородском уделе Московского княжества после смерти Ивана Калиты.

Прежде всего следует отметить, что к концу 50-х гг. XIV в. изменился статус самого Звенигорода. Если во времена Ивана Калиты Звенигород — это волость, вероятнее всего, со своим центром — селом того же названия, то к концу правления Ивана Красного Звенигород — уже город, которому административно подчинялись волости и села, территория с заведенным на ней княжеским хозяйством (бортью и оброчниками), пункт, где собирались различные пошлины. С. М. Каштанов обратил внимание на то, что в числе звенигородских пошлин в духовной грамоте Ивана Ивановича назван мыт, но отсутствует тамга. Неупоминание звенигородской тамги могло обозначать, по мнению С. М. Каштанова, или отсутствие в Звенигороде рынка, или передачи этой пошлины не Ивану, а какому-то другому наследнику Ивана Красного. Обе эти возможности ученый отвергает. Торг, считает С. М. Каштанов, в Звенигороде существовал, об этом свидетельствует упоминание в завещании Ивана Ивановича звенигородского мыта. Передача тамги не Ивану, а его старшему брату (или матери) не могла иметь места, так как это специально было бы оговорено в духовной грамоте

²²¹ ДДГ. № 46. С. 17–18, 19.

великого князя. Поэтому С. М. Каштанов заключил, что тамга в Звенигороде была ордынской регалией²²². Доводы С. М. Каштанова о существовании в середине XIV в. в Звенигороде рынка, где должна была собираться тамга, и о том, что последняя не переходила к старшему сыну или жене Ивана Ивановича, являются бесспорными. Однако отсутствие указания на звенигородскую тамгу в духовной грамоте Ивана Красного нельзя объяснять только теми двумя причинами, которые рассматривает С. М. Каштанов. В Звенигороде торг существовал, а тамга в пользу местного князя могла не собираться, но не потому, что принадлежала монголо-татарам, а потому, что на какой-то срок стала княжеской льготой для торговцев. Превращая свой удельный центр из села в город, Иван Красный должен был озаботиться увеличением числа его жителей и развитием в нем торговли. Этого можно было достигнуть путем предоставления различных льгот. Так было, например, в 1374 г. при преобразовании села Серпуховского в город Серпухов, когда местный князь, братанич Ивана Красного Владимир Андреевич, «людемъ приходящимъ и гражаномъ живущимъ въ немъ и человекомъ торжествующимъ (т. е. торгующим. — В. К.) подас[ть] великую волю и ослабу и многоу льготу»²²³. Снятие таможенных ограничений и имело целью привлечение «человек торжествующих». Очевидно, в конце 50-х гг. XIV в. в молодом городе Звенигороде продолжали сохраняться торговые льготы, чем и объясняется отсутствие упоминания тамги в завещании бывшего звенигородского удельного князя.

С. М. Соловьев был первым исследователем, кто обратил внимание на разный состав звенигородских волостей, завещанных Иваном Ивановичем своему сыну Ивану и полученных самим Иваном Ивановичем от отца Ивана Калиты. Историк отметил, что в духовной грамоте Ивана Красного не упомянуты такие волости, как Великая слобода, Угож, Акатьевская слободка и Скирминовское. Зато появилась новая «Истерва свободка»²²⁴. Наблюдения С. М. Соловьева верны лишь отчасти. Великая слобода и Угож на самом деле фигурируют в завещании Ивана Красного, о них речь пойдет ниже. «Окатыеву свободку», названную во второй духовной Ивана Калиты, следует отождествлять со «Сводькой» духовной Ивана Красного, понимая под словами «Истерва, Сводька» название не одной волости, как тракто-

²²² Каштанов С. М. Финансовое устройство... С. 184.

²²³ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 106–107.

²²⁴ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. II. Т. 3/4. С. 457.

вал это место С. М. Соловьев, а двух. Однако Скирминовского в завещании Ивана Ивановича действительно нет. На месте Скирминовского, как раз там же, что и в грамоте Калиты 1339 г., перед упоминанием волостей Тростны и Негучи в завещании Ивана Ивановича фигурирует Кремична, причем фигурирует во второй раз. Первый раз в этом документе Кремична названа выше, она открывает список звенигородских волостей. В Звенигородском уделе была одна Кремиченская волость²²⁵. Сохранялась во второй половине XIV в. и волость Скирминовское²²⁶. Принимая это во внимание, а также то, что дублирующее название Кремична стоит в духовной грамоте Ивана Ивановича на точно таком же месте, как Скирминовское в грамоте его отца, что оба слова имеют тождественный набор некоторых букв (к, р, м, и, н), следует признать, что в завещании Ивана Красного была допущена описка. Под второй Кремичной этого документа следует разуместь волость Скирминовское. С. М. Соловьев оказывается прав только в одном: появлении к концу 50-х гг. XIV в. новой звенигородской волости Истервы. Волость эта в духовных грамотах московских великих князей конца XIV–XV вв. всегда упоминалась вместе с волостями Суходолом и Истьею²²⁷. Называлась она так, скорее всего, по р. Истерьме, впадающей слева в р. Протву недалеко от г. Боровска²²⁸. Большую часть XIV в. Боровск был рязанской территорией²²⁹. Поэтому появившееся в первой духовной грамоте Ивана Ивановича указание на волость Истерву следует расценивать как свидетельство дальнейшего расширения территории Московского княжества в сторону (а может быть, и за счет) рязанских земель.

О том же процессе свидетельствует еще один факт, извлекаемый на этот раз из перечня сел, которыми Иван Красный наделил младшего сына. Из семи сел, названия которых впервые встречаются только в духовной грамоте Ивана Ивановича: Михалевское, село на Репне в Боровске, Мильцинское, Каринское, Козловское, Выславское, Кузьминское²³⁰, местоположение одного определяется сразу. Это село на

²²⁵ ДДГ. № 12. С. 33; № 29. С. 73.

²²⁶ Там же. № 12. С. 33.

²²⁷ Там же. № 12. С. 34; № 25. С. 74; № 61. С. 194; № 89. С. 355.

²²⁸ Атлас Калужского наместничества. СПб., 1782 (карта № 8).

²²⁹ ДДГ. № 10. С. 29.

²³⁰ Эти села в свое время были точно указаны С. М. Соловьевым — *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. II. Т. 3/4. С. 457.

Репне в Боровске. Речь идет о поселении, располагавшемся на р. Репне (позднейшей Репенке), левом притоке р. Протвы²³¹. Земли по этой реке административно подчинялись Боровску. Появление здесь московского села указывает на захват Калитовичами части территории Рязанского княжества.

Работа по локализации остальных шести новых звенигородских сел показала, что села Выславское (позднейшее Иславское), Каринское, Козловское, Кляповское были расположены в радиусе 7–15 км от Звенигорода²³². Их появление необходимо связывать с превращением Звенигорода из села в город, который начал притягивать к себе феодалов и зависимое от них сельское население, расселявшихся в непосредственной близости от растущего политико-административного центра.

С другой стороны, не все звенигородские села, перечисленные в духовной грамоте 1339 г. Ивана Калиты, названы в завещании Ивана Ивановича. С. М. Соловьев отметил, что в последнем нет упоминаний сел Рузского, Белжинского, Вяземского и Семцинского²³³. Замечание С. М. Соловьева не вполне справедливо. Село Белжинское, как можно будет убедиться далее, в духовной грамоте Ивана Ивановича все-таки фигурирует. Упомянуто там и село Семцинское. Но в отношении остальных двух сел исследователь был прав. Возможно, что село Рузское не упоминается потому, что в духовной грамоте была названа волость Руза, центром которой это село являлось. Село Вяземское указано только в духовных Ивана Калиты, другие источники XIV в. о нем молчат. Возможно, что село в какой-то период XIV в. прекратило свое существование и возобновилось лишь спустя длительное время. Подобные случаи в истории русских средневековых поселений известны. Поэтому Вяземское отсутствует в духовной грамоте Ивана Ивановича. Впрочем, настаивать на данном предположении не приходится. Археологические раскопки в районе Малых Вязем, с которыми отождествляется село Вяземское XIV в., вероятно, смогли бы пролить свет на время существования этого села и тем самым дать ответ на вопрос, почему Вяземского нет в завещании Ивана Ивановича.

Племяннику Владимиру Андреевичу великий князь завещал владения его отца князя Андрея Ивановича. Указание на то, что Влади-

²³¹ Атлас Калужского наместничества (карты № 6 и № 8).

²³² Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. II. Т. 3/4. С. 457, 458 и с. 671, примеч. 168; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 682; Дебольский В. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 24–25.

²³³ Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. II. Т. 3/4. С. 457.

мир «вѣдаетъ оуѣздъ о(т)ца своего»²³⁴, в духовной грамоте Ивана Ивановича было необходимо, поскольку, как говорилось выше, удел князя Андрея в малолетство его сыновей управлялся администрацией великого князя. Однако состав этого «уезда» в изучаемом документе точно определен не был. Очевидно, что завещательное распоряжение Ивана Ивановича основывалось в данном случае на сложившейся практике, а юридически — на второй духовной Ивана Калиты, где волости и села Андрея Ивановича были перечислены конкретно. Иван Иванович сделал только одно прибавление к земельным владениям своего покойного брата: он дал Владимиру Новый городок на устье р. Протвы «в Ло<п>астны мѣста»²³⁵. Новый городок «достался» великому князю Ивану среди других рязанских владений на левом берегу р. Оки. Хотя Новый городок был великокняжеским приобретением, но Иван Красный передал его племяннику в качестве компенсации за тот урон, который нанесли Серпуховскому уделу рязанцы, взяв в 1353 г. Лопастню, управлявшуюся тогда великокняжеским наместником Михаилом Александровичем²³⁶.

Приращения своих владений княжич Владимир мог ожидать и в будущем. Удел его неродной бабки, второй жены Ивана Калиты Ульяны, после ее смерти, согласно анализируемому завещанию, за некоторым исключением, должен был быть поделен на четыре части между ним, сыновьями и женой Ивана Ивановича²³⁷. Данное решение

²³⁴ ДДГ. № 46. С. 18.

²³⁵ Там же. В подлиннике описка: Ломастны.

²³⁶ Выражение «в Ло<п>астны мѣста» в научной литературе обычно понимается как «вместо Лопастни» и толкуется как свидетельство отторжения от Москвы Лопастни Рязанью — Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. II. Т. 3/4. С. 260; Экземплярский А. В. Указ. соч. Ч. 1. С. 90; Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 172; Черетин Л. В. Русские феодальные архивы. Ч. 1. Такое толкование было бы возможно при условии, что древняя волость Лопастна была расположена в окском правобережье, как считали некоторые исследователи. Но она была расположена по р. Лопастне (Лопасне), левому притоку р. Москвы. Об этом: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 77 и примеч. 163. Полагать, что Рязань в 1353 г. сумела захватить у Москвы левобережные окские земли и длительное время удерживать их за собой, нет оснований. Выражение «в Ло<п>астны мѣста» следует понимать как «за разорение Лопастны». Новый городок был компенсацией за материальный ущерб, причиненный уделу князя Владимира во время перехода этого удела под великокняжеское управление, а не за территориальные потери. «Лопастненские места» как принадлежавшие Москве упомянуты в духовной грамоте Ивана Ивановича далее.

²³⁷ ДДГ. № 46. С. 18.

великого князя не было нововведением. Оно основывалось на традиции, согласно которой владения княгинь были только пожизненными. Права передавать свои земли по наследству они не имели. После смерти княгинь такие владения делились между другими членами местного княжеского дома. Иван Иванович в своей духовной грамоте только конкретно обозначил таких наследников.

Четвертая наследница Ивана Ивановича, его жена Александра, получала по завещанию мужа самый скромный по размерам удел. Из коломенских земель ей предназначались волости Похряне, Песочна, Середокоротна, село Лысцевское, а также село Семцинское «на Москвѣ». Из звенигородских земель великий князь оставлял ей волости Угож, Великую слободу Юрьеву, а также села Кляповское и Белцинское с Новым сельцом. После смерти княгини Ульяны Александра должна была получить часть ее владений, а после смерти княгини Марии Александровны — Заячков и Заберег «с мѣсты»²³⁸.

При рассмотрении более ранних статей духовной грамоты Ивана Ивановича было выяснено, что коломенские волости и села передавались великим князем старшему сыну Дмитрию, но их держательницей до конца своих дней признавалась вдова Симеона Гордого Мария Александровна. В перечне переданных ей коломенских земель, среди других значатся и волости Песочна, Середокоротна и Похряне, нет только села Лысцевского. Судя по всему, реальной владелицей трех названных коломенских волостей должна была стать после смерти Ивана Ивановича его жена Александра, а не невестка Мария. Во избежание всякого рода двусмысленностей Песочну, Середокоротну и Похряне следовало бы исключить из перечня волостей Марии Александровны, но этого не было сделано. Очевидно, что правовое оформление текста завещательного акта Ивана Ивановича в данном случае стояло не на высоте.

Волости Песочна, Середокоротна и Похряне образовывали, по сути дела, единый земельный комплекс между правым берегом р. Москвы и левым берегом р. Северки в ее среднем и нижнем течении²³⁹. По-видимому, в этот комплекс входило и передаваемое княгине Александре село Лысцевское, которое следует отождествлять с известным в XVI в. селом Лысцевым-Цепевым²⁴⁰. Совершенно не связанным с коломенским ком-

²³⁸ Там же.

²³⁹ Дебольский В. Н. Указ. соч. Ч. 1. С. 4, 5; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 482 (здесь указан погост Сорокоротня, который следует отождествлять с центром волости Середокоротна).

²⁴⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 378.

плексом владений княгини Александры было завещавшееся ей село Семцинское «на Москвѣ». Оно действительно располагалось недалеко от московского кремля, на правом берегу р. Москвы напротив Остоженки²⁴¹.

Звенигородские земли княгини Александры состояли из двух крупных волостей и трех сел, не связанных между собой территориально²⁴². Обе волости, а также село Белцинское, которое по редкому названию надо отождествлять с селом Белжинским, существовали еще в 30-е гг. XIV в. Село Кляповское и сельцо Новое впервые фиксируются завещанием Ивана Ивановича. Их упоминания — свидетельство процесса заселения и хозяйственного освоения территории Московского княжества в 30–50-е гг. XIV в.

Любопытно отметить, что если завещавшиеся княгине Александре коломенские волости фигурируют в списке коломенских волостей княгини Марии, то предназначавшиеся ей звенигородские волости и села не названы в перечне земель младшего сына Ивана Красного Ивана. Возможно, последняя особенность духовной грамоты Ивана Ивановича объясняется тем, что Великая слобода, Угож и три звенигородских села были выделены Иваном Ивановичем из числа бывших собственных удельных владений своей жене «на прокорм» еще при жизни и перечни звенигородских волостей и сел княжича Ивана и его матери учитывали существовавшее положение.

После смерти Александры ее коломенские и звенигородские земли должны были вернуться в распоряжение соответственно Дмитрия и Ивана: «в которого оуѣздѣ, то того и и есть»²⁴³. Если в отношении звенигородской части княжича Ивана все более или менее ясно²⁴⁴, то относительно будущей владельческой судьбы коломенских земель княгини Александры полной ясности нет. Поскольку держательницей коломенских волостей в духовной грамоте Ивана Ивановича названа княгиня Мария Александровна, то, по логике этого документа, Похряне, Песочна и Середокоротна должны были бы после смерти Алек-

²⁴¹ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1957. С. 25 и карта-вклейка между С. 288 и 289.

²⁴² Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М., 1937. С. 380, 400.

²⁴³ ДДГ. № 46. С. 18.

²⁴⁴ Неясность возникает только относительно села Семцинского, которое в завещании Ивана Ивановича отнесено к коломенским владениям его жены, тогда как по духовным грамотам Ивана Калиты Семцинское — часть Звенигородского удела самого Ивана Ивановича. Возможно, Иван Красный пересмотрел состав этого удела в сторону увеличения великокняжеских владений старшего сына Дмитрия.

сандры вернуться к Марии, а уже после кончины Марии перейти к Дмитрию. Однако Дмитрий назван в завещании отца непосредственным преемником Александры. Здесь снова обнаруживается недостаточная юридическая разработка положений завещательного акта Ивана Красного. Если же следовать букве этого акта, то тогда нужно прийти к выводу, что вдова Симеона Гордого была лишена части даже оставленных ей самим завещателем в держание коломенских волостей.

Тем не менее в руках овдовевшей супруги Симеона Гордого в пределах Московского княжества оставалось 15 из 18 коломенских волостей, 3 крупных коломенских села и 9 подмосковных сел. Кроме того, ей принадлежали земли на юго-западе княжества, присоединенные ее мужем: Заячков и Заберега «с мѣсты». Состав последних в анализируемой духовной грамоте конкретно не определен, однако в число этих «мест» должно было входить по меньшей мере 5 волостей (Гордошевичи, Вышгород, Рудь, Кропивна, Сушев)²⁴⁵.

Кроме владений членов семьи Ивана Красного, его племянника Владимира Андреевича, невестки Марии Александровны в Московском княжестве оставался еще удел княгини Ульяны, второй жены Ивана Даниловича Калиты. По духовной грамоте Ивана Ивановича удел его мачехи сохранялся в том объеме, в каком был определен завещанием Калиты: «А княгини Оульяна, по о(т)ца м[оего княза] великого грамотъ по д(у)ш(е)внои, вѣдаетъ волости, и осмничье, и сел(а) до св[оего живота]»²⁴⁶. После смерти Ульяны ее землями и осмничим «на четверо безъ обиды» должны были поделиться сыновья Ивана Ивановича, его племянник и жена. Но при этом Дмитрий и Иван обязаны были оставить за дочерью Ульяны (речь, как показано будет ниже, должна идти об их единокровной тетке Феодосии) из ульянинных владений волость Сурожик и село Лучинское²⁴⁷.

Своим наследникам, членам семьи и братаничу Владимиру Иван Иванович предписывал поделиться владениями в случае, если «из Орды» будут «искать» Коломну, лопастанские или «отменные» рязанские места и захватят какие-нибудь из них²⁴⁸.

Перечень московских земель, которые могли быть отторгнуты «из Орды», весьма симптоматичен. Все они имели то или иное отношение

²⁴⁵ ДДГ. № 7. С. 23

²⁴⁶ Там же. № 46. С. 18.

²⁴⁷ Там же. С. 19.

²⁴⁸ Там же. С. 18.

к Рязани. Коломна была рязанской территорией, отнятой Москвой у Рязани в начале XIV в.²⁴⁹ К коломенским волостям духовная грамота Ивана Ивановича относила Мещерку, которая, судя по ее местоположению, перешла к Москве от Рязани. Лопастненские земли стали объектом нападения Рязани в 1353 г., следовательно, Рязань на них претендовала. «Отменные места» в завещании Ивана Красного прямо названы рязанскими. Очевидно, что в отторжении этих земель от Москвы прямо была заинтересована не Орда, а Рязань. Однако рязанские князья были не в состоянии вернуть эти земли своими силами и могли это сделать только с помощью Орды, возможно, отдельных группировок ордынских феодалов, что и объясняет выражение духовной грамоты «из Орды». Отторжение от Московского княжества коломенских земель или «отменных» рязанских мест могло затронуть интересы не только наследников Ивана Ивановича, но и вдовы Симеона Гордого Марии. Тем не менее в завещании великого князя Ивана ничего не было сказано о том, как следует поступать, если противники Москвы отнимут какие-то волости и села у княгини Марии.

Судя по истории с Новым городком, потери Марии должны были быть компенсированы. Можно догадываться, что Мария Александровна в данной статье духовной грамоты Ивана Ивановича прямо не была названа потому, что впоследствии собственниками ее владений по грамоте должны были стать старший сын и жена великого князя Ивана и территориальные потери Марии рассматривались как потери Дмитрия и Александры, а как компенсировать их, в завещании говорилось. В целом же статья о перераспределении владений между наследниками Ивана Ивановича в случае потери некоторых земель носила узкий казуальный характер. Она отличалась, и не в лучшую сторону, от соответствующей статьи духовной грамоты Ивана Калиты, где подобная вероятностная ситуация была изложена в виде общей нормы.

Подводя итог рассмотрению статей первой духовной грамоты Ивана Ивановича о распределении земельных владений между его наследниками, можно констатировать, что, превратившись из удельного звенигородского князя в великого князя московского, Иван Красный отнял у своей невестки княгини Марии Александровны наиболее ценную часть ее владений — города Коломну и Можайск, а также все Можайские и некоторые коломенские волости и села. Уделом другой сво-

²⁴⁹ *Ключевский В. О.* Указ. соч. Т. 2. С. 13–14; *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 40; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства. М., 1960. С. 459.

ей невестки, жены князя Андрея Ивановича, он управлял через своих бояр. Территориальный состав этого удела был сохранен и передан великим князем своему маленькому племяннику княжичу Владимиру. Кроме того, к уделу Владимира был придан Новый городок на устье р. Протвы в качестве компенсации за ущерб, нанесенный рязанцами Лопастне. Собственные владения (наследованные и перешедшие от Марии Александровны) Иван Красный поделил между своими двумя сыновьями и женой. Основная часть была завещана Иваном Ивановичем старшему сыну Дмитрию: города Коломна, Можайск и можайские волости. Число последних не превышало, судя по более поздней духовной грамоте 1389 г. Дмитрия Донского, двенадцати. Младший сын Ивана Красного Иван получил город Звенигород и 11 звенигородских волостей. Жена великого князя Ивана Александра — 5 волостей и 5 сел. Совершенно очевидно, что Иван Иванович, распределяя земельные владения среди членов своей семьи, придерживался того же принципа выделения бóльшей доли старшему сыну, что и его отец. Однако удел старшего сына Ивана Ивановича Дмитрия был и абсолютно, и относительно меньше удела, назначенного в свое время Иваном Калитой Симеону Гордому. Число волостей, которые переходили по завещанию Ивана Ивановича Дмитрию, почти равнялось количеству волостей его младшего брата Ивана. В то же время вдова Ивана Калиты Ульяна удерживала в своих руках 14 волостей, а у вдовы Симеона Гордого Марии оставалось 22 волости (15 коломенских и 7 в бассейне р. Протвы). По-видимому, за Марией Александровной сохранялись и села, завещанные ей Симеоном и находившиеся за пределами собственно Московского княжества. Иван Иванович в своей духовной грамоте почти ничего не говорит о таких селах. Он называет только 4 села, расположенные на немосковской территории, из которых тремя должны были владеть его потомки. Князю Ивану были даны село Афинеевское и сельцо у Павловского села, очевидно, те два сельца на р. Маса на территории Владимирского великого княжества, что были куплены Иваном Калитой у Афиня и завещаны Ивану Красному²⁵⁰. Село Романовское на р. Рокше²⁵¹, тоже на территории Владимирского великого княжества, Иван Иванович отдавал Дмитрию. Возможно, это село, впервые

²⁵⁰ Ср. ДДГ. № 16. С. 10.

²⁵¹ Река Рокша — левый приток р. Шахи, являющейся правым притоком р. Нерли Клязьминской — *Смолицкая Г. П.* Указ. соч. С. 216. Территория по р. Рокше административно подчинялась Переяславлю Залесскому, который входил в состав Владимирского великого княжества.

упоминаемое в рассматриваемой духовной грамоте, было выменено Иваном Ивановичем на села Петровское, Алексинское и Вседобрич, которые он получил по завещанию отца и которые в его предсмертном распоряжении не фигурируют. Очевидно, что Иван Иванович не преуспел в приобретении сел за пределами Московского княжества, и те три села на переяславской территории, которые он оставил сыновьям, исчерпывали владения наследников Ивана в порубежных с Москвой землях. В итоге можно сделать вывод, что Ивану Красному, несмотря на отчуждение значительной части великокняжеского Симеонова удела, так и не удалось, распределяя владения в своем завещательном акте, добиться безоговорочного преобладания владений своего старшего сына Дмитрия над уделами других представителей московского княжеского дома.

Иван Красный вынужден был в определенной степени ограничить и денежные доходы будущего великого князя. Раздел его первой духовной грамоты об уделе жены, княгини Александры, содержал статью, согласно которой одна треть «из дву жеребьевъ» московской тамги, выделенных его сыновьям, должна была поступать в пользу Александры. Всего ей отчислялось $\frac{2}{9}$ московской тамги. Столько же оставалось у Дмитрия и Ивана. Будущий великий князь должен был получать тамги меньше, чем его двоюродный брат Владимир, которому выделялся один «жеребей», т. е. $\frac{1}{3}$ собиравшейся в Москве тамги. Только после смерти матери Дмитрию и Ивану возвращалось до $\frac{1}{9}$ тамги, и их доли уравнивались с долей Владимира Андреевича.

Большой раздел духовной грамоты Ивана Ивановича посвящен распределению между своими наследниками хранившихся в его казне сокровищ. Распределению подлежали различные предметы из золота и драгоценных камней. Изделия из серебра за единственным исключением конкретно не назывались.

Раздел состоит из трех статей. Последняя статья — самая краткая. Она назначает приданое за дочерьми Ивана Ивановича и Александры. Будущим зятям завещалось по золотой цепи и по золотому поясу.

Первая и вторая статьи раздела гораздо подробнее. Они содержали обстоятельные перечни драгоценных предметов, которые предназначались сыновьям Ивана Красного Дмитрию и Ивану. К старшему сыну Дмитрию переходили икона с изображением святого Александра²⁵²; большая, золотая «враная», т. е. черненная²⁵³, цепь с золотым кре-

²⁵² А. С. Хорошев утверждает, будто на этой иконе был изображен Александр Невский, и делает отсюда далеко идущие выводы о культе Невского «в московской

стом; золотая цепь из колец; икона «зол(о)томъ кована Парамшина дѣла» (как явствует из духовной Василия Темного, это был золотой крест с иконкой²⁵⁴); золотая шапка; большой золотой пояс «с каменьемъ с женчуги», который достался Ивану Ивановичу в наследство от отца; золотой пояс с крюком; золотая «обазь», т. е. перевязь; золотая сабля; золотая серьга с жемчугом; золотой «чечакъ», т. е. шишак, шлем, «[с ка]меньемъ с женчуги»; два золотых овкача; большой гладкий золотой ковщ; сердоликовая коробка, окованная золотом; бадья серебряная «с наливкою серебреною» — серебряный сосуд с разливной ложкой, единственная серебряная вещь, ценившаяся наравне с золотыми; «опашень скорлатенъ сажень»²⁵⁵. Перед опашнем — верхней летней одеждой, носившейся внакидку (опашень Ивана Ивановича был из сукна — скорлата, и на нем были нашиты драгоценные камни²⁵⁶), — в первой духовной грамоте Ивана Ивановича указан еще один предмет. К сожалению, начальные буквы названия этого предмета утрачены и сейчас читается «...ца зол(о)та с каменьемъ». Вторая духовная грамота Ивана Ивановича также имеет в данном месте лакуну, причем еще бóльшую, чем в первой, там читаются только два последних слова из процитированной фразы. Поэтому восстановить утраченный текст с помощью параллельного нельзя. Приходится идти иным путем. Перед буквами «ца» в первом завещании Ивана Красного отсутствует кусочек пергамента размером в 24 мм. На таком расстоянии могло уместиться примерно 6 букв²⁵⁷. Остаток дефектного слова «ца» и определение «зол(о)та» показывают, что это слово было женского рода. Его редкое окончание, то обстоятельство, что этим

великокняжеской династии», объявляя этого князя патроном московских князей: *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 124. Однако духовная грамота Ивана Красного вовсе не говорит о том, что на иконе был изображен Александр Невский. Утверждения и выводы А. С. Хорошева лишены твердого основания. Появление иконы с изображением Александра в казне Ивана Ивановича (этой иконы не было в имуществе Ивана Калиты) следует связывать скорее всего с семьей жены Ивана Ивановича Александры. Возможно, это была фамильная икона названной семьи.

²⁵³ *Базилевич К. В.* Имущество московских князей в XIV–XVI вв. // Труды Государственного Исторического музея. М., 1926. Вып. 3. С. 7, 10.

²⁵⁴ Там же. С. 5.

²⁵⁵ ДДГ. № 46. С. 18.

²⁵⁶ *Савваитов П. И.* Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896. С. 93, 128.

²⁵⁷ Ср. ДДГ. № 46. С. 18 и примеч. 2.

словом назывался золотой предмет, позволяет предложить реконструкцию «[короби]ца» или «[краби]ца». Буквы «короби» или «краби» как раз могут разместиться в той лакуне, какая образовалась в документе. В целом, Дмитрий получил 2 иконы, 2 золотые цепи, 1 золотую шапку, 1 бармы, 2 золотых пояса, 1 золотую обязь, 1 золотую саблю, 1 золотую серьгу, 1 золотой шлем, 2 золотых овкача, 1 золотой ковш, 2 золотых крабицы, 1 серебряный сосуд с наливкой, 1 опашень — всего 19 предметов, из которых 3 (шапка, бармы и опашень) были предметами одежды.

Второму сыну Ивану Иван Иванович завещал большую золотую цепь с крестом; золотую цепь черненую («врану»); цепь с крестами «огнивчату», звенья которой состояли из пластин — огнив²⁵⁸; икону Благовещенье; серьгу с жемчугом; золотой пояс с «каменьем с женчу(и)», который Иван Красный получил от старшего брата Семена; золотой пояс «сточный», по определению П. И. Савваитова — тканый²⁵⁹; алам с жемчугом; золотые наплечики «с круги с каменьем с женчуги»; малый алам с жемчугом, который Иван Красный получил от княгини Марьи; большой золотой гладкий ковш; золотой овкачик; золотую чашку; «достокань ц(а)рьгородский зол(о)томь ковань», т. е. золотой кубок византийской работы²⁶⁰; шишак (шлем) золотой «с каменьем с женчуги»; золотую саблю; золотую обязь²⁶¹. Всего Иван должен был унаследовать от отца 17 драгоценных предметов: 1 икону, 3 золотых цепи, 2 золотых пояса, 1 золотую обязь, 1 золотую саблю, 1 золотую серьгу, 1 золотой шишак, 1 золотой овкачик, 1 золотой ковш, 1 золотую чашку, 1 золотой кубок; 2 алама и 1 золотые наплечики. Аламы и наплечики являлись украшениями одежды.

Если сравнить перечни предметов, завещавшихся Иваном Ивановичем сыновьям, то окажется, что и по количеству, и по их составу золотые вещи великого князя были довольно равномерно распределены между Дмитрием и Иваном. Хотя дележу драгоценностей среди наследников Иван Иванович явно придавал значение (рописи дорогих предметов были помещены в его духовной грамоте), но, видимо,

²⁵⁸ Савваитов П. И. Указ. соч. С. 88. Едва ли может быть принято мнение К. В. Базилевича, считавшего, что огнивчатая цепь состояла из продолговатых трехгранных призм: Базилевич К. В. Указ. соч. С. 7.

²⁵⁹ Савваитов П. И. Указ. соч. С. 131.

²⁶⁰ О значении слова «достакан» см.: ДДГ. № 99. С. 413.

²⁶¹ ДДГ. № 46. С. 18.

не такое, как раздаче земельных владений. Сокровища казны делились более или менее поровну. Конечно, могла быть разница, и большая, в стоимостном выражении завещавшихся каждому сыну вещей, но для современной науки такая разница уже неуловима. Приходится исходить не из стоимостной оценки названных выше драгоценностей, а из их количества и типов. Они же у Дмитрия и Ивана были примерно одинаковы.

Содержащиеся в духовной грамоте Ивана Ивановича списки предметов его казны, переходившие к сыновьям, интересны и важны еще в некоторых отношениях. Впервые в завещаниях московских князей появляется указание на предметы культа, которые наследуются наряду с предметами быта. В завещании Ивана Красного названы три иконы, и по крайней мере одна из них — золотая икона «Парамшина дѣла», т. е. мастера Парамши — Парамона, становится реликвией московских великих князей, в течение более чем 100 лет передававших ее от отца к старшему сыну²⁶². Другая особенность списка драгоценностей завещательного распоряжения Ивана Ивановича заключается в том, что в него, как уже отмечалось, были внесены, за единственным исключением, только предметы из золота и драгоценных камней. Ранее Иван Калита в перечень завещавшихся каждому из его наследников предметов регулярно вписывал наряду с золотыми и наиболее ценные серебряные вещи — большие и малые блюда. Иван Красный конкретно назвал только один серебряный предмет — бадью с наливкой, ценную, по-видимому, уже своим весом. По сравнению с духовными грамотами Ивана Калиты в завещании Ивана Красного почти ничего не говорится об одеждах, которые должны были унаследовать его дети. А те предметы одежды, которые названы в духовной грамоте Ивана Ивановича, не отделены от других предметов княжеского обихода, и в этом еще одно отличие рассматриваемой грамоты от грамот Калиты.

Третье отличие самое важное. Оно выявляется при сравнении того, что получил Иван Иванович от отца и что он передал своим сыновьям. От Ивана Калиты Иван Красный унаследовал 4 золотых цепи. Очевидно, все их он сохранил, поскольку оставлял Дмитрию и Ивану 5 золотых цепей и по меньшей мере 2 золотых цепи он предназначал своим будущим зятям. Далее Ивану Ивановичу перешли от отца 3 золотых пояса. Иван Иванович перечисляет в своей духовной

²⁶² ДДГ. № 61. С. 197.

не менее 6 таких поясов, как минимум 2 пояса оставлялось зятям. Самый большой и ценный пояс, завещанный Иваном Красным Дмитрию, ранее принадлежал Калите. Другой пояс Иван Красный получил от старшего брата Симеона. Два пояса, завещанных сыновьям, судя по описаниям в духовной грамоте Ивана Ивановича, отличались от тех, которые получил сам Иван от отца. Калита передал второму сыну также два золотых овкача. Эти два овкача перешли от Ивана Красного к его первенцу Дмитрию. Ивану Красному достались в наследство 2 золотые чашки. В своей духовной грамоте он упоминает лишь одну, которую должен был получить его младший сын Иван. Три серебряных блюда, перешедшие от Ивана Калиты к Ивану Ивановичу, в завещании последнего не упомянуты и скорее всего не потому, что их не стало, а потому, что серебряные вещи не вносились в описи самых ценных предметов казны Ивана Ивановича. Из одежд Иван Калита завещал Ивану Красному кожух с жемчугом и коць великий с бармами. Кожух и коць в духовной грамоте Ивана Ивановича не упомянуты, бармы же были завещаны Дмитрию.

Некоторые предметы Иван Иванович получил в качестве подарков от родственников. Так, один из золотых поясов был подарен ему его старшим братом великим князем Семеном. Малый алам с жемчугом Иван Красный получил от княгини Марии. До сих пор считалось, что алам был преподнесен великому князю Ивану вдовой Симеона Гордого Марией Александровной²⁶³. Однако известие духовной грамоты Ивана Ивановича следует сопоставить со следующим местом духовной грамоты 1339 г. его отца: «А что есмь нын(ѣ)ча нарадил 2 кожуха с аламы с женчюгомь, а то есмь дал меншимъ дѣтемъ своимъ, М(а)рьи же, Федосьи, ожерел(ѣ)емъ»²⁶⁴. Выясняется, что дочь Ивана Калиты от второго брака Мария получила жемчужный алам, который мог использоваться и без кожуха, в виде «ожерелья» — накладного богато украшенного воротника²⁶⁵. То обстоятельство, что по духовным грамотам Ивана Калиты и Ивана Ивановича именно Мария была владелицей алама, а не какого-то иного драгоценного предмета, заставляет видеть в Марии завещания Ивана Красного не Марию Алек-

²⁶³ Шербатов М. М. Указ. соч. Т. 3. Стб. 500 (перечисляя упоминаемых в духовных Ивана Ивановича княгинь, историк ничего не говорит о Марии Ивановне); Базилева К. В. Указ. соч. С. 11, примеч. 2; ДДГ, по «Указателю имен».

²⁶⁴ ДДГ. № 16. С. 10.

²⁶⁵ Саваитов П. И. Указ. соч. С. 4 и примеч. 14.

сандровну, а Марию Ивановну, его единоотечную сестру. В пользу такого отождествления говорят еще два факта. Калита «наряжал» кожаную с аламами для своих дочерей, когда те были еще детьми. Аламы, следовательно, были небольших размеров. А полученный Иваном Ивановичем от княгини Марии алам как раз и был «малым». Для Марии Ивановны полученный ею от отца алам был самой большой драгоценностью. Обычно с наиболее ценными и памятными вещами расставались перед смертью. Если в духовных грамотах Ивана Калиты названа его вторая жена с меньшими детьми дочерьми Марией и Феодосией, то в духовной грамоте Ивана Ивановича приводится имя мачехи — Ульяна — и говорится о наделении волостью Сурожиком и селом Лучинским лишь одной, не названной по имени ее дочери. Следовательно, одна из дочерей Ульяны, Мария или Феодосия, к 1359 г., времени составления завещания великого князя Ивана, уже умерла. Феодосия была жива, когда Ивана Красного сменил на московском столе Дмитрий Донской²⁶⁶. Значит, не стало Марии. Очевидно, что перед своей смертью или по завещанию она и передала Ивану Ивановичу самую ценную вещь из своего имущества.

Относительно того, переходили ли какие-нибудь другие сокровища Ивану Ивановичу от остальных членов московского княжеского дома, судить трудно. Можно только отметить, что завещанные им старшему сыну Дмитрию золотая шапка, золотой пояс с крюком, золотая крабица по своим названиям идентичны с предметами, предназначенными Калитой братьям Ивана Симеону (золотая шапка) и Андрею (золотой пояс с крюком), мачехе Ульяне (золотая коробка)²⁶⁷. Но были ли идентичны сами предметы, установить невозможно. Во всяком случае ясно, что иконы, золотые чечаки, украшенные жемчугом, золотые сабли и обязи, серьги с жемчугом, золотые ковши, сердоликовая коробка, царьградский кубок, несколько золотых поясов и цепей и некоторые другие драгоценные предметы были собраны самим Иваном Ивановичем. Его сокровищница, несомненно, уступала казне Ивана Калиты²⁶⁸, но по сравнению с тем, что завещал ему отец, она заметно возросла и стала разнообразнее. В ней появились иконы,

²⁶⁶ ДДГ. № 12. С. 35. О Феодосии см.: *Копанев А. И.* История землевладения Белозерского края XV–XVI в. М.; Л., 1951. С. 32–37. С. А. И. Копаневым нельзя только согласиться в том, что Феодосия была выдана замуж за белозерского князя до 1339 г.

²⁶⁷ ДДГ. № 16. С. 10, 9.

²⁶⁸ Это отмечено К. В. Базилевичем: *Базилевич К. В.* Указ. соч. С. 12.

одна из которых была на золотом кресте, золотое оружие, различные золотые предметы сервировки стола. При этом следует помнить, что продолжительное время казна Ивана Ивановича существовала как удельнокняжеская и возможности ее пополнения были ограниченными. Но, превратившись в великокняжескую сокровищницу, она стала ядром формирования казны московских великих князей, а потом царей. Именно в казне Ивана Красного могли храниться предметы, которые впоследствии из-за древности и ценности стали русскими государственными регалиями. В литературных памятниках конца XV—XVI вв. отразилось убеждение, что регалии, которые одевались или выносились при церемониях посажения на владимирский, а позже московский великокняжеский стол, были привезены из Византии. В числе этих регалий назывались венец, сердоликовая крабца, ожерелье (бармы) и кация (цепь) «от злата аравийска»²⁶⁹. Исследователи давно искали соответствий перечисленным инсигниям в предметах московской великокняжеской казны. Д. И. Прозоровский, проделавший такое сопоставление, пришел к выводу, что первоначально в казне московских великих князей появляются золотая шапка и бармы. Постепенно к ним присоединяются сердоликовая крабца и золотая цепь. Долгое время этим предметам московские великие князья не придавали особого значения. В XIV — первой четверти XV в. шапка, бармы, крабца и цепь не рассматривались как особые великокняжеские регалии²⁷⁰. Соглашаясь с последним выводом Д. И. Прозоровского, трудно разделить его точку зрения на формирование той группы вещей, которые впоследствии стали государственными регалиями. По прямой линии московские великие князья XIV — середины XVI в. вели свое происхождение от Ивана Красного. Именно его сокровищница, а не Ивана Калиты, была тем местом, где должны были храниться предметы, необходимые при торжественных церемониях посажения на великокняжеский стол. И действительно, перечисленные регалии находят соответствие в сокровищах Ивана Ивановича, причем именно той их части, которая была выделена старшему сыну Ивана Дмитрию. Венец может быть сопоставлен с единственной золотой шапкой, упомянутой в завещании Ивана Красного; сердоликовая крабца — с сер-

²⁶⁹ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955. С. 164, 177, 184.

²⁷⁰ Прозоровский Д. И. Об утварях, приписываемых Владимиру Мономаху // Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. СПб., 1882. Т. 3. С. 28–29. Особое значение названным предметам стали придавать со времен Василия Темного: ДДГ. № 6. С. 197.

доничной коробкой, окованной золотом, или с золотой крабицей, украшенной драгоценными камнями; бармы — с единственными бармами, а кация — с двумя золотыми цепями.

Венцом, которым венчались великие князья владимирские, а позднее московские цари, была известная «шапка Мономаха». Как выяснилось в начале XX столетия, это переделанная на Руси золотая ордынская тюбетейка XIV в.²⁷¹ Любопытно отметить, что в 1954 г. при раскопках Тушкова городка, центра одноименной Можайской волости, в слое конца XIV в. была найдена золотая бляшка. Форма бляшки — стилизованный цветок лотоса, техника ее изготовления — зернь и ложная скань — соответствуют орнаменту и технике изготовления 5 (из 8) древнейших золотых пластин, из которых состоит шапка Мономаха²⁷². Издавший бляшку М. Г. Рабинович полагал, что она являлась частью украшения одежды, подаренной вместе с шапкой Мономаха ордынским ханом московскому великому князю²⁷³. Такое предположение кажется слишком смелым, но факт наличия в Московском княжестве XIV в., точнее, в московской великокняжеской казне, поскольку Тушков как Можайский городок принадлежал к владениям великого князя, драгоценных восточных вещей, сделанных в той же технике, что и шапка Мономаха, теперь устанавливается совершенно определенно. Поэтому можно думать, что шапка Мономаха появилась в сокровищнице московских князей уже во времена Ивана Красного, поскольку в духовных грамотах Дмитрия Донского упомянута единственная золотая шапка²⁷⁴, сохранившаяся его потомками, а ее он получил от отца.

К разделу духовной грамоты Ивана Ивановича о распределении сокровищ между своими наследниками тематически примыкают еще две статьи документа, отделенные от трех рассмотренных статей статьями о будущем юго-западных московских волостей Марии Александровны и о будущем владении дочери Ульяны Феодосии. Одна из этих двух статей обязывает наследников передать из великокняжеской серебряной посуды в Успенский собор г. Владимира «блюдо ве-

²⁷¹ *Стицкин А. А.* Бухарский клад и Мономахова шапка // Известия Археологической комиссии. СПб., 1909. Вып. 29. С. 81.

²⁷² *Рабинович М. Г.* Золотое украшение из Тушкова города // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., 1957. Вып. 68. С. 45–50.

²⁷³ *Рабинович М. Г.* О древней Москве. М., 1964. С. 134.

²⁷⁴ ДДГ. № 8. С. 25; № 12. С. 36.

ликое сереброно с колци»²⁷⁵. Похоже, что речь идет о том самом «блюде великом» «о 4 колца», которое собирался пожертвовать в этот собор еще Иван Калита²⁷⁶. Очевидно, это завещательное распоряжение Калиты не было выполнено ни его старшим сыном Симеоном, ни его вторым сыном Иваном при их жизни. Московские великие князья предпочитали хранить дорогостоящие вещи в собственной казне и расставались с ними крайне неохотно.

Другая статья предписывала поделиться остальными серебряными сосудами великокняжеской казны сыновьям Ивана Ивановича Дмитрию, Ивану и их матери, княгине Александре²⁷⁷. Последней завещались, следовательно, только серебряные вещи, никаких золотых предметов или изделий из драгоценных камней княгиня Александра по духовной мужа не получила.

Конскими стадами должны были поделиться пополам только сыновья Ивана Ивановича²⁷⁸. Его жена и здесь ничего не наследовала. Правда, в духовной грамоте Ивана Красного не говорится о других стадах скота. Ими, возможно, уже без всякого указания завещателя делились все члены его семьи.

Несколько вкладов великий князь Иван предназначал церкви. «С(ва)т(о)му Олександру впрокъ» он оставлял село Павловское²⁷⁹. Это первый, фиксируемый духовными грамотами московских князей, земельный вклад в пользу церковной организации. Речь идет, по-видимому, об Александровом монастыре в Переяславле²⁸⁰. Передававшееся же село — это село Павловское на р. Масе, которое Иван Иванович получил по завещанию отца²⁸¹.

Четвертую часть собиравшейся в Коломне тамги Иван Красный жертвовал «к с(ва)тѣи Б(огороди)ци на Крут[ицю]»²⁸². Крутицами называлась местность по левому берегу р. Москвы в районе современных московских Симонова и Крутицкого валов. В XV в. здесь существ-

²⁷⁵ Там же. № 46. С. 19.

²⁷⁶ Там же. № 46. С. 10.

²⁷⁷ Там же. № 46. С. 19.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Строва П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 725.

²⁸¹ ДДГ. № 46. С. 10.

²⁸² Там же. № 46. С. 19.

вовали два церковных объекта: Симонов монастырь и Крутицкое подворье сарских епископов. И там, и там были церкви в честь Богородицы. В Симоновом монастыре — Рождества Богородицы²⁸³, на Крутицком подворье — Успения Богородицы²⁸⁴. Поскольку Крутицкое подворье впервые упоминается в конце XV в.²⁸⁵, а Симонов монастырь известен с XIV в.²⁸⁶, надо полагать, что в завещании Ивана Ивановича имеется в виду Симонов монастырь. В таком случае время основания Старого Симонова монастыря следует удревить и относить к периоду княжения в Москве Симеона или его брата Ивана.

Московские костки (одна из торговых пошлин) предназначались Иваном Красным «к с(ва)тѣи Б(огороди)ци и к с(ва)т(о)му Михаилу»²⁸⁷, т. е. кремлевским Успенскому и Архангельскому соборам. Собиравшиеся в Москве костки давались этим церквам в качестве руги.

Две последние статьи *dispositio* первой духовной грамоты Ивана Ивановича были посвящены судьбам находившихся в холопской зависимости казначеев, тиунов, посельских и дьяков, которые ведали княжеским хозяйством. Все они, а также их женатые сыновья и зятья отпускались на волю. Свобода давалась и рядовым холопам: людям «купленным», «грамотным», «полным», попавшим в холопство разными путями. Ни дети, ни княгиня Ивана Ивановича не должны были удерживать этих вольноотпущенников у себя²⁸⁸.

В *conrogatio* грамоты были перечислены послухи, присутствовавшие при составлении завещания великого князя Ивана. Ими были ростовский епископ Игнатий и три духовных отца Ивана Ивановича: игумен Иван, священники («попы») Акинф и Патрикей²⁸⁹. О причинах присутствия при составлении завещания Ивана Красного ростовского епископа речь уже велась. Кто были три духовных отца великого князя, сказать трудно. Скорее всего, они были москвичами.

Далее в первой духовной грамоте Ивана Ивановича следует *sanctio*, начало которой полностью повторяет *sanctio* своего источника —

²⁸³ Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1897. Вып. 3. № 1990. С. 150.

²⁸⁴ Ильин М. А. Москва. М., 1963. С. 144.

²⁸⁵ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 235.

²⁸⁶ АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 339. С. 337–338.

²⁸⁷ ДДГ. № 46. С. 19.

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Там же.

второй духовной грамоты Ивана Калиты, а окончание оригинально, оно грозит княжеским неблагословением нарушителю завещания как при его жизни, так и после его смерти²⁹⁰.

Заканчивается первая духовная грамота великого князя Ивана Ивановича указанием на писца грамоты. Им был Нестерко²⁹¹, впоследствии дьяк Дмитрия Донского, по-видимому, ведавший имуществом, казной великого князя.

* * *

Вторая духовная грамота Ивана Красного несколько отличалась от первой. Была введена символическая инвокация. Что касается текстуальных отличий, то они были приведены при рассмотрении вопроса о том, являются ли дошедшие до нашего времени завещания Ивана Ивановича копиями одного акта или двумя разными актами. Теперь, после анализа содержания первой духовной грамоты, можно сказать, что грамота эта содержала довольно грубые описки (вместо волости Скирминовское ошибочно была названа еще раз волость Кремична), неточные или неполные юридические формулировки. В свете сделанных наблюдений становится понятнее та редакционная работа, которая была проведена при составлении второй духовной грамоты Ивана Ивановича. Было внесено уточнение в статью о передаче Коломны князю Дмитрию, которая завещалась ему еще и «с оброчник(и)». Данный пример, взятый из документов одного года, показывает, что отсутствие или наличие в статьях духовных грамот тех или иных характеристик далеко не всегда может расцениваться как свидетельство отсутствия или существования соответствующих реалий повседневной жизни. Изучение грамот не может обойтись без формального анализа. Однако полученные с его помощью результаты должны быть подвергнуты всесторонней критической проверке для распознавания того, что было в действительности. Возвращаясь к оценке второй духовной грамоты Ивана Ивановича, следует отметить определенную стилистическую работу над ее текстом, выразившуюся в более четкой юридической формулировке положений, зафиксированных в первом завещании Ивана Красного. Наконец, иное правовое содержание по-

²⁹⁰ Там же и № 16. С. 11.

²⁹¹ Там же. № 46. С. 19.

лучили во второй духовной грамоте великого князя Ивана статьи об уделе Феодосии в случае смерти ее матери Ульяны и о переходе обратно к сыновьям Ивана Ивановича после смерти их матери волостей и доходов, выделенных ей из их владений.

Но, несмотря на старания редактора, во второй духовной грамоте Ивана Красного сохранился целый ряд недостатков первой грамоты. По-прежнему Мещерка у Коломны не была внесена в перечень коломенских волостей и заключала список подмосковных сел. Коломенские волости, передававшиеся жене Ивана Ивановича Александре, не были исключены из числа волостей, оставлявшихся за невесткой Ивана княгиней Марией Александровной. Слишком узкий характер носила статья о новом распределении владений между наследниками Ивана Ивановича в случае потери каких-то волостей или сел и т. д. Даже грубая описка в виде второй звенигородской волости Кремичны не была исправлена в последней духовной Ивана Красного. Впрочем, главные факты и основное содержание первой духовной грамоты Ивана Ивановича сохранились и во второй.

* * *

Оценивая духовные грамоты Ивана Ивановича в целом, следует отметить главную их особенность как исторического источника: отражение ими крупного сдвига в политической истории Московского великого княжества. Речь идет о переходе власти от прямой линии Симеона Гордого к боковой его линии. Духовные Ивана Ивановича свидетельствуют, что после смерти великого князя Семена Ивановича и его младшего брата Андрея в Московском княжестве произошел настоящий переворот. Единственный оставшийся в живых взрослый мужской представитель московского княжеского дома звенигородский удельный князь Иван Иванович захватил власть в свои руки. Он установил контроль над Серпуховским уделом скончавшегося князя Андрея Ивановича, управлял волостями этого удела своими великокняжескими боярами, но главное — занял московский великокняжеский стол. Вдова Симеона Гордого Мария Александровна была лишена наиболее крупных из завещанных ей мужем владений — городов Можайска и Коломны. У нее были отняты все можайские волости и несколько коломенских, она лишилась прав и привилегий на московские доходы и повинности населения. Если иметь в виду не форму, а

существо, то необходимо заключить, что Иван Красный грубо нарушил духовную грамоту Симеона Гордого, которую скрепил собственной печатью. Завещательные акты самого Ивана Ивановича должны были узаконить совершившийся переворот и утвердить новый порядок вещей: обеспечение преемственности великокняжеской власти за старшим сыном Ивана Дмитрием. Это обеспечение выразалось прежде всего в том, что Дмитрию переходили наиболее значительные владения из тех, какими обладал сам Иван. В духовных грамотах этого князя последовательно отразился тот принцип выделения большей доли старшему сыну, которым руководствовался еще его отец Иван Калита. Во избежание каких-либо коллизий Иван Иванович в своих завещаниях точно перечислил наследников и определил объекты их будущих владений. Сделано это было несмотря на то, что три мужских представителя рода Калитовичей были еще малолетними и существовавшее право отказывало им во владении наследством в таком возрасте. Однако политические соображения завещателя брали верх над юридическими нормами. Но даже при преимущественном наделении старшего сына будущие великокняжеские владения Дмитрия, существенно превосходя уделы его брата и матери, значительно уступали владениям Симеона Гордого и самого Ивана Ивановича. В Московском княжестве оставались крупные владения вдов Ивана Калиты и Симеона, сына Андрея Ивановича 6-летнего Владимира, по числу волостей превышавшие или почти равные владениям великого князя. В этих волостях «кормилось» боярство, княжеские и боярские люди, в необходимый момент становившиеся ратниками. Вот почему Иван Иванович стремился в своих завещаниях к расширению владений старшего сына: он передавал ему в будущем село Семцинское из удела второго сына Ивана, во второй духовной грамоте оставлял за Дмитрием $\frac{2}{3}$ «дву жеребьев» московской тамги. Однако на полное отчуждение Симеонова удела и немедленную передачу его старшему сыну великий князь Иван не пошел. Завещательные акты Ивана Ивановича отразили известный компромисс внутри московского княжеского дома: за вдовой Симеона Марией было оставлено большинство коломенских волостей и волости на юго-западе Московского княжества, которые только по ее смерти должны были отойти к Дмитрию и его матери. По-видимому, решительная линия на захват Симеонова удела могла натолкнуться на сопротивление части московского боярства, связанного с Марией Александровной и заинтересованного в эксплуатации ее земель, и привести не к желаемым результатам, а к прямо

противоположным. Несомненно, что в осуществлении своих завещательных распоряжений Иван Иванович рассчитывал на поддержку церкви. Крупным церковным организациям он оставлял значительно больше того, что дал церковникам его отец.

Тем не менее завещательные акты Ивана Ивановича, направленные на установление новых отношений в московском княжеском доме и закреплявшие главенство в нем старшего сына Дмитрия, оказались не в состоянии сплотить этот дом и обеспечить верховенство Дмитрия среди других русских князей. После смерти Ивана Ивановича впервые за несколько десятилетий московские князья потеряли владимирский великокняжеский стол и контроль над некоторыми другими княжествами Северо-Восточной Руси. Одна из слагаемых этого неуспеха заключалась в отсутствии у Ивана Ивановича возможностей для увеличения владений своему преемнику на московском столе. Очевидно, что реализация заключенных в завещаниях Ивана Ивановича распоряжений не везде и не всегда приводила к тем результатам, на которые они были рассчитаны.

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Назаренко. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

Книга А. В. Назаренко вышла в 2001 г. и после «Внешней политики Древней Руси» В. Т. Пашуто (1968) является по сути первым капитальным исследованием по данной тематике. Автор пишет о том, что это только частное продолжение и что попытки усовершенствования фундаментального труда В. Т. Пашуто — дело будущего. В самом деле, книга представляет собой не полный обзор истории международных отношений Руси, но в своем роде цельное исследование. Она возникла из ряда статей и сохранила следы своего происхождения. В книгу вошло только то, что является предметом самостоятельного изучения автора, благодаря чему достигается проблемное освещение всех рассматриваемых тем, что чрезвычайно редко для трудов такого объема. Материал подан в неожиданном ракурсе, затрагиваемые им темы способны вызвать интерес читателя.

Книга состоит из 14-ти глав и охватывает значительный временной промежуток — от конца VIII — начала IX в. до XII в. Автор сосредоточился на изучении взаимоотношений с Западной и Центральной Европой и частично Византией. Поскольку только краткое содержание заняло бы все место, какое полагается обычно для рецензии, кажется целесообразным привести список глав. Их названия говорят сами за себя и точно очерчивают тему.

1. Имя «Русь» в древнейшей западноевропейской языковой традиции (IX–X вв).

2. Кирилло-мефодиевская миссия и Русь: новый аспект (IX в.), с. 51–70.

3. Русь на «пути из немец в хазары» (IX–X вв.), с. 71–112.

4. Между арабами и варягами, Западом и Константинополем: древнерусская денежно-весовая система как результат межэтнического культурного взаимодействия, с. 113–218.

5. «Мудрѣиши всѣхъ человекъ»: крещение княгини Ольги как факт международной политики (середина X в.), с. 219–310.

6. «Metropolis totius Sclavorum gentis»: Русь и Магдебургское миссионерское архиепископство (60-е гг. X в.), с. 311–338.

7. Накануне Крещения: Ярополк Святославич и Оттон II (70-е гг. X в.) с. 339–390.

8. Летописное предание об «испытании вер» князем Владимиром и политико-идеологическая реальность 80-х гг. X в., с. 391–434.

9. Владимир — второй Павел? Следы древнейшей русской агнографической традиции о св. Владимире в латинских памятниках первой трети XI в., с. 435–450.

10. Святополк «Окаянный» или Ярослав «Мудрый»? Международный аспект борьбы Владимировичей за Киев (1015–1019 гг.), с. 451–504.

11. Несостоявшийся «триумvirат»: западноевропейская политика Ярославичей (вторая половина XI в.), с. 505–558.

12. «Unicus filius meus»: происхождение Святополка Изяславича и проблема близкородственных династических браков как инструмент генеалогического исследования, с. 559–584.

13. Чудо св. Пантелеимона о «русском короле Харальде»: монастырь св. Пантелеимона в Кельне и семейство Мстислава Великого (конец XI — начало XII в.), с. 585–617.

14. Русь, Запад и Святая Земля в эпоху крестовых походов (XII в.), с. 618–648.

Как это часто случается, произведение живой мысли вызывает множество размышлений, вопросов, сомнений. Здесь хотелось бы предложить не столько рецензию, сколько размышления о нормативах истории как дисциплины, возможностях, предоставляемых текстами источников, и пределах исследовательской реконструкции — словом, обо всем том, на что провоцируют эти «междисциплинарные очерки» историка Древней Руси, не занимающегося специально международной политикой.

Несмотря на смену тем обсуждения, веков и методик (А.В. Назаренко предстает в данной работе, так сказать, в двух ипостасях — филолога и историка), на протяжении всей книги наблюдается в какой-то мере единое отношение к источникам, единые приемы (вос)создания исторической действительности. Книга построена как реконструкция узловых моментов международной истории Руси. На первый взгляд, в ней видим стандартные процедуры (сопоставляются известия, производится критика текста, отклоняются одни источники и гипотезы, доказываются и принимаются другие). Однако это не совсем так. В частности, в отношении к источникам наблюдается, как показалось, бессистемность, переходящая, пусть это не прозвучит странно, в некую систему. Попробую пояснить эту мысль.

Упрекать автора в буквальном следовании источникам было бы некорректно. В некоторых частях книги проводится блестящий анализ. Но: «в некоторых частях» — важная оговорка. Источник сомнительный может на следующих страницах быть представлен как буквальный. Наряду с филигранно обработанным может быть приведен совершенно сырой материал, что создает двойственность восприятия и порой может привести в недоумение. Приведу всего несколько примеров. В 5-й главе А. В. Назаренко подробно рассматривает византийские тексты и убедительно показывает неточность и недостоверность их информации о крещении Ольги. В том числе подробно разбирается «Описание церемоний» Константина Багрянородного, доказываются редактивное редактирование этого текста. Тут же во главу угла ставится фраза о детях Константина и Романа из «Церемоний». С ее помощью обосновывается дата 957 г. (с. 248–249 и др.), хотя эта фраза может иметь значение только в том случае,

если текст не был отредактирован¹. Аналогично в книге неоднократно отмечается, что «Повесть временных лет» (ПВЛ) нельзя воспринимать буквально, предлагаются многочисленные поправки к тексту летописи, и тем не менее как аргумент приводятся цитаты, не предполагающие иной интерпретации, кроме буквальной. Например, в гл. 5 (с. 277) справедливо отвергается летописная дата смерти Игоря, но тут же принимается следующая часть летописной статьи о малолетстве Святослава (а, как уже отмечалось в литературе, мать Святослава Ольга, согласно датам брака с Игорем в ПВЛ и ремарке, что по смерти отца Святослав был «дѣтескъ», должна была родить в возрасте ок. 60 лет). В гл. 8 для подкрепления тезиса о немецко-русском союзе 983 г. пишется следующее: «Здесь уместно вспомнить о тех „немцах“, которые... пришли к Владимиру Святославичу» (с. 422). Автор не настораживает явную инструментальность сюжета об испытании веры — нацеленность летописца на обоснование правильности своей веры, не смущает поздняя редакция известия². В другом месте говорится о том, что Титмар Мерзебургский называет жену Владимира Анну Еленой (с. 257–258), и пишет о трех сыновьях Владимира Святославича (с. 452, в то время как известно по крайней мере вдвое большее их число). Тем не менее А. В. Назаренко опирается на сообщаемое немецким хронистом как на абсолютно достоверные факты, зачисляя в число его информаторов сына князя Владимира Святополка или же людей из его окружения³.

В книге наблюдается смещение временных границ. Практически на равных правах привлекаются и ранние, и поздние источники. Скажем, при исследовании формирования этнонима «русь» IX–X вв. к грамоте, датированной 862/863 г., подыскивается привилегия 1192 г. (с. 15, 17)⁴: в реконструкции взаимоотношений с немцами при Ярополке Святославиче (конец X в.) наравне с текстами XI в. используются даже такие источники, как Иоакимовская и Никоновская летописи (XVI–XVIII вв.). В рецензируемой книге прослеживается одна и та же манера использования поздних источников. Если какой-то из них не подходит гипотезе автора, оказывается, что Скилица, та-

¹ Согласно «Церемониям», возможны две даты, 946 и 957 г., в 946 г. детей у малолетнего Романа однозначно быть не могло. Но если предполагать редактирование текста, безразлично, шла ли речь о 946 или 957 г., ведь поздний редактор мог вставить фразу о детях Романа и в том, и в другом случае. Автор выходит из положения с помощью утверждения о том, что фраза грамматически безупречна (с. 248; как будто бы поздние редакторы были сплошь безграмотными и не могли построить и вставить грамматически безупречную фразу).

² «Немцы» здесь противопоставлены грекам по конфессиональному признаку, а значит, эта редакция не могла появиться ранее схизмы 1054 г. Аналогичные аргументы, касающиеся ПВЛ, см. также на с. 77, 89, 293, 299, 308, 311, 434, 536–537 и др.

³ Хотя легендарные детали должны бы свидетельствовать о не слишком информированных информаторах и/или нарративном конструировании.

⁴ Разница в три с лишним века, за это время меняются и языковые процессы, и исторические реалии.

кая-то летопись, Татищев и пр. «несомненно, ошибается». Если же подходит, делается вывод, что «у него были какие-то ранние источники» (с. 254, 279, 281, 308, 345, 368–369, 391–392, 531–533 и др.). Более того, наименования «ранний»/«поздний» могут быть, так сказать, оценочными. Например, в гл. 5 автор опирается на датировку средневековых русских летописных сводов XV в. (гипотетически восходящих к «Начальному своду» конца XI в.), и отвергает известие «Продолжения хроники Региона Приюмского». Мотивируется это тем, что «Продолжение Региона» написано не в 965–967 гг., как это раньше считалось, а после 973 г. и может содержать ошибки памяти (с. 286). Таким образом, текст конца X в., один из наиболее близких к событиям, попадает в серию «поздних», а Начальный свод конца XI в. (а реально — летописи XV в.) оказываются среди «ранних».

Может показаться, что двойственный подход к текстам, когда одну фразу необходимо критиковать и интерпретировать, а следующую следует читать буквально, когда можно смещать «дальних и ближних» авторов, имеют инструментальное значение. Проще говоря, видимой причиной является то, подходит или не подходит текст гипотезе автора. Например, критика «Церемоний» имеет целью отвести доводы в пользу ранней даты приема Ольги 946 г.: индикт в заголовке, датирующие указания известий о других посольствах, детали приемов и пр. Фразу же о детях Константина и Романа следует читать буквально, так как она единственная указывает на дату 957 г. Аналогично детальный анализ фразы из ПВЛ о походе «к ляхом» 981 г. (с. 393–411) и одновременное лобовое истолкование фразы о немцах, пришедших к Владимиру Святославичу в сюжете об испытании вер (с. 422), служат обоснованию непрерывного русско-немецкого союза в начале 80-х гг. X в. Однако автора, одного из наиболее выдающихся представителей российской русистики, нельзя обвинить в банальном передергивании фактов, и, вероятно, причины лежат глубже.

Большую часть источников, с которыми обычно приходится иметь дело историку, в том числе автору рецензируемого труда, составляют нарративы. А. В. Назаренко оставляет в стороне богатые разработки нарратологии⁵, его ни в коей мере нельзя заподозрить в симпатиях к деконструкции. Единственное, как кажется, что он способен предположить при противоречивости или несоответствиях текстов — это «слабая информированность» авторов (с. 286), «плод недоразумения или тенденциозный вымысел» (с. 346), но не нарративное конструирование. На деле же в большинстве случаев он отвергает и «тенденциозный вымысел», принятый как деконструктивистами, так и реконструктивистами. Из признания того факта, что на характер сообщений влияли интенции авторов, что это обуславливало и отбор деталей, и оценку тех или

⁵ Обзор проблем и литературу см., например: *Berghofer R. F. Beyond the Great Story. History as Text and Discourse.* Cambridge, London, 1995; *Munslow A. Deconstructing History.* London; New York, 1997. См. также классическую работу: *White H. The Value of Narrativity in the Representation of Reality // White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation.* Baltimore, 1987. P. 3–25.

иных персонажей, с необходимостью следует, что параллельные известия (известия об одних и тех же событиях, но разного происхождения) неизбежно будут отличаться. Автор нигде напрямую с этим не полемизирует. Тем не менее при расхождении информации автор делает вывод, что коль в параллельных источниках приводятся разные оценки или детали, значит, речь идет об описании не связанных между собою событий. Например, А. В. Назаренко привлекает рассказ ПВЛ и «Памяти и похвалы» Иакова Мниха о крещении Руси при Владимире Святославиче. Указывается, что в них изменена последовательность (в ПВЛ крещение происходит после взятия Корсуня, а в «Памяти и похвале» — наоборот). Далее приводятся сообщения Язьи Антиохийского и Титмара Мерзебургского, и для сравнения берется только Иаков Мних. Связь между текстами отвергается на том основании, что в них меняется последовательность событий (ср. с. 405, 432). Но подобная логика ведет к тому, что надо постулировать также отсутствие связи между ПВЛ и «Памятью и похвалой», *два* крещения Руси и *два* взятия Корсуня⁶. В других случаях молчаливо предполагается необходимость абсолютного тождества известий. Даже если сопоставляются фантастические цифры военной контрибуции в описаниях походов на Царьград (с. 190). Даже если немецкий хронист говорит о пожаре собора и всего Киева, а древнерусский летописец — о пожаре множества церквей в Киеве (с. 471–472). Сопоставление свидетельств — это и есть та сфера, где критика текста оказывается недействительной, похожесть информации как бы сама по себе гарантирует ее истинность.

Поскольку филигранный критический разбор текстов касается одиночных известий, а реконструкция опирается преимущественно на группы, то именно методика прямого сопоставления является основой для работы исследователя во всей книге. В некоторых случаях автор даже увлекается и «подтягивает» свои источники. Например, на основании того, что в Баварском географе и Пространном Житии Кирилла Солунского упоминаются хазары и русы, — пишет о том, что Баварский географ сочинен человеком круга Мефодия (гл. 2. И это несмотря на то, что по Житию Кирилла, путь славянских учителей существенно отличался от перечисления народов в Баварском географе — в путешествии к хазарам упоминался Крым, не имеющий никаких соответствий в немецком источнике; русь и хазар знали не только люди круга Кирилла и Мефодия и т. п.). Но такое выравнивание все же редкость, обычно

⁶ В другом случае на основании того, что польский хронист пишет о «веселом возвращении» польского короля после завоевания Киева, а древнерусский летописец (можно думать, испытывавший потребность в моральной компенсации) пишет о «бегстве» Болеслава, — автор реконструирует два похода (с. 470). Чаще всего при столкновении с реальными параллельными сообщениями (в которых могут быть изменены детали, последовательность, оценки и пр.) автор отказывается от анализа и пишет о том, что он «не решается» принять ту или иную версию. Если же решение принять необходимо, он выходит из положения, дискредитируя один из источников или предполагая, что в них описываются разные события.

предлагаются более тонкие операции в виде корректуры. Картинка истории «составляется» из кусочков информации, и кусочки, собранные из текстов разного времени, регионов и авторов, по мысли А. В. Назаренко, должны точно подходить друг к другу. Головоломка истории решается не как историческая, а как математическая головоломка, игнорируется природа текста.

Далее, как представляется, для представителей всех соперничающих направлений в истории в настоящее время не требует доказательств тот факт, что семантика известий средневековых текстов не совпадала с современной, и для выяснения значения тех или иных семантически нагруженных деталей необходимы специальные исследования. Между тем многие интерпретации автора не опираются на нарративные аналоги и понятийный аппарат эпохи. Так, в обосновании даты визиты Ольги в Константинополь автор исходит из того, что невозможно предполагать умолчание о «визите правительницы Руси» (с. 277). Далее, однако, отмечается, что «правительница» получила такое же вознаграждение, как и арабские послы (с. 299). Это означает, что автор оперирует не представлениями византийцев X в., а бессознательно подставляет современное понятие о «визитах глав государств и правительств». При написании истории русско-чешских союзов 970-х гг. он использует список старших и младших детей Владимира Святославича и список его жен. Высчитываются даты рождения детей Владимира (с. 368), при этом забывается, что князь в это время был многоженцем, и в один год могли появляться сразу по несколько сыновей. Можно добавить, что в данных списках усматривают нарративную конструкцию, ориентированную на библейские образцы, автор же предпочитает буквальное прочтение, никак не обосновывая такое свое решение. На с. 292 пишется, что нелепо предполагать тенденциозное освещение в немецких источниках приглашения русью немецкого епископа при Ольге. «Почему бы Адальберту так и не написать⁷ в своей хронике? Разве миссионерская активность могла быть предосудительна в глазах ее читателей?». Если бы автор обратился к аналогичным известиям, описывающим проекты принятия веры, легко было бы увидеть, что сюжетный ход, наблюдаемый у немецкого хрониста, является типичным. Каждая из заинтересованных сторон старалась внушить, что не она инициировала идейное столкновение⁸.

⁷ Имеется в виду — прямо сказать, что император сам направил миссионеров, а не настаивать на том, что Ольга (вариант, русь) просила прислать епископа.

⁸ Подобные тенденции освещения событий встречаются, например, в рассказе об испытании вер при Владимире (в ПВЛ и параллельных им сообщениях арабских источников) и при дворе хазарского кагана (в Пространном житии Константина-Кирилла и еврейско-хазарской переписке). Ср.: греческий император сам направил послов — хазары просили послать им мудрецов, мусульмане пришли к Владимиру и пытались его обратить в свою веру — князь сам хотел принять истинную веру. Любопытно, что в другом случае автор признает тенденциозность и даже, по-видимому, конструирование (легендарность) подобных сообщений, приводит литературу, но данное известие изымает из этого ряда и трактует буквально.

Особо следует сказать о таком аргументе, как умолчание. Автор опирается на понимание умолчания у Шахматова и советских историков, основанное на подцензурном ощущении интеллигента XIX–XX вв. Но такая семантически нагруженная деталь, как умолчание, могла иметь различное значение. В том числе в ранних нарративах и документах это часто связано не с утаиванием каких-либо событий, а с тем, что современникам не нужно было объяснять причины, обстоятельства и имена. Более отдаленные от событий люди нуждались в этом, отсюда и объяснения (для себя и читателей) составителей летописей и хроник. А. В. Назаренко не опирается на практику исследования семантики умолчания, а просто подставляет известное ему значение в свою конструкцию. В таком случае умолчание расширяет простор для гипотезирования. Недоказуемые в любом другом случае положения обретают право на существование.

Необходимо добавить, что реконструктивные построения автора в целом чрезвычайно сложны и состоят из множества (иногда до нескольких десятков) звеньев. Разрушение хотя бы одного-двух звеньев нередко способно обрушить все здание. Между тем многие сходства, обнаруживаемые им в источниках, из-за невнимания к семантике или функционированию нарративов оказываются мнимыми.

Для примера приведу одну из наиболее спорных глав, гл. 7. Здесь пишется о возможном крещении Ярополка Святославича (970-е гг.), наречении его в крещении Петром, предполагаемых немецких, чешских и др. союзах русских князей. Читателя проводят от известий о крещении Руси в агнографических памятниках XI в. к мысли о возможной аутентичности сообщений Никоновской летописи XVI в. о контактах с Римом, разбору генеалогического предания о женитьбе дочери немецкого графа Куно на не названном по имени «короле Руси», в котором автор видит Ярополка. За этим следует анализ несообразностей сюжета ПВЛ о причинах ссоры Святославичей, предположение о чешском союзе Владимира, основанное на сведениях списка его сыновей и жен, об аналогичном союзе Олега Древлянского, основанное на генеалогической легенде XVI в., пересмотр хронологии 970–980-х годов (хронологические выкладки отталкиваются от гипотетических дат рождения сыновей Владимира). Далее автор возвращается к известному о союзе Ярополка и дочери Куно, предполагавшем, как он считает, крещение русского князя, и агнографическим произведениям, упоминающим о крещении Руси (попутно приводится серия анахронизмов, ведущих ко времени Владимира). Разбирается известие о крещении костей Ярополка и Олега (1044 г.). Высказывается гипотеза, что точная дата вокняжения Владимира обязана своим происхождением дате смерти Ярополка в княжеском помянике, и, следовательно, князь был крещен. Анализируется сообщение о прибытии в Константинополь некоего Петра, «племянника императора Франгин», в котором предлагается видеть родственника дочери Куно, в честь которого и был наречен Ярополк при крещении. Другим аргументом в пользу крестильного имени Петр есть то, что Ярополк, рожденный «от двою отцю» (а реально — сын Ярополка) также носил

имя Петр, а в Проложном житии Владимира упоминается некая «церковь Петрова». Противоречие гипотезе о крещении в известии 1044 г. снимается с помощью предположения о том, что это неканоническое действие имело своим оправданием крещение Ярополка.

Поскольку автор, как уже отмечалось, полагается на сходство информации, он подводит все эти детали одну к другой. Однако многие очевидные для автора сходства на самом деле не столь очевидны, а аргументы имеют подосновой логику современного человека. Начнем хотя бы с того, что автор толкует ошибки и путаницу в латиноязычных источниках XI в. как свидетельство о реальных событиях третьей четверти X в. Не предоставлено никаких доказательств того, что путаница в источниках (особенно таких, как агиографические) ведет к реалиям. Наоборот, в других случаях автор допускает возможность «просто» ошибки (например, с. 540). Почему неувязки и ошибки, многие из которых ведут ко времени Владимира, должны свидетельствовать о Ярополке, а не о неточных припоминаниях крещения Владимира, соединенных с агиографической топижкой — не поясняется. В интерпретациях автор даже, как кажется, слегка подтягивает свои источники к событиям. В повествовании Петра Дамиани о крещении руси говорится о том, что один из братьев-князей жил «совместно со старшим», т. е. не имел самостоятельного княжения. Чтобы сблизить текст с историей противоборства Святославичей 970-х гг., А. В. Назаренко пишет о том, что он жил недалеко от старшего, как Олег Древлянский от Ярополка (с. 342). Здесь же большое значение придается таким деталям, как наличие трех братьев, описания ссоры «королей» и пр. Однако можно отметить, что три сына (три брата) — это стандартная легендарная и нарративная деталь, то же касается ссор властителей, а мотив слепоты — типичный агиографический мотив (а не специальный мотив крещения Владимира).

Свидетельства Никоновской (тем более, Иоакимовской) летописи ни в коем случае не могут служить надежными. Автор пишет о том, что они, возможно, опираются на ранние источники, однако столь же (и даже более) вероятен другой вариант — что они сочинены во время своего написания. По-видимому, их все же нужно изучать в контексте их эпохи. Попутно замечу, что автор прибегает к оригинальному доказательству положения о ранних источниках Никоновской летописи. Предлагает, например, считать, что общая с ПВЛ ошибка (неверная датировка вокняжения Олдржиха-Андриха Чешского) означает не то, что поздний летописец модифицировал ПВЛ и не имел более достоверных источников, а, в числе других, «является веским аргументом в пользу достоверности сообщений» (с. 359); что война 993–994 гг. свидетельствует о мире 992 г. (и правильности этой даты, кстати, круглой, по летосчислению от сотворения мира — 6500 г.) и т. п.

Автор толкует слово «гех» в известии о дочери Куно, вышедшей за «русского короля» как указание на Ярополка, хотя отстаивает концепцию, что после смерти князя-отца все братья имели равные права, и все равно считались «королями». В другом месте своей книги он это же слово относит к не киев-

скому (черниговскому) князю (с. 518). Таким образом, указание на замужество дочери графа Куно, даже при 100% достоверности этого известия (а инструментальное использование генеалогий — отнюдь не выдумка позднего времени) указывает на одного из трех Святославичей. Тезис о том, что женитьба на христианке предполагала крещение, по-видимому, требует доказательств. Во всяком случае, некоторые древнерусско-половецкие, русско-литовские аналогии не подтверждают безапелляционности такого утверждения.

Предположение о союзе Владимира и Олега с Чехией основывается на списке сыновей и жен Владимира и генеалогической легенде XVI в. Хронологические выкладки отталкиваются от возраста Ярослава Мудрого к моменту его смерти и от предположений о порядке появления сыновей у Владимира. При этом, как уже отмечалось, А. В. Назаренко не берет в расчет того, что князь был в это время многоженцем и что более ранние даты ПВЛ также искусственны (коль Игорь по греческим источникам прослеживается после его «смерти» по ПВЛ, что признает и автор, коль весьма вероятно, что Ольга не родила Святослава в возрасте 60 лет, и он, соответственно, не был «дѣтескъ» на момент смерти отца и т. п.). Если все это принять во внимание, получится такая погрешность, которая не позволит привязать контакты с Чехией к сколько-нибудь определенному времени. Достоверность чешской генеалогической легенды XVI в. автор подкрепляет предположением, что такая малоизвестная фигура, как Олег Древлянский, была невыгодна для сочинителя. Но дело обстоит как раз прямо противоположным образом. Речь идет о брате Владимира-Крестителя, весьма известной фигуры (в других вариантах генеалогической легенды, как отмечает автор, речь идет о сыне Владимира). Другое доказательство чешско-древлянского союза — положение о том, что тот факт, что Ярополк сначала пошел на Олега, свидетельствует о связях Олега с Чехией, похоже даже на самовнушение. Не оставлять противника в тылу — это элементарная военная тактика.

Гипотеза о крещении Ярополка опирается на предположение о том, что существовал княжеский помяник с датой смерти Ярополка, которая была летописцем использована и превращена в точную дату вокняжения Владимира в Киеве. Читателю не предоставлено ни одного аналога подобного «превращения дат». Кроме того, более поздние известия показывают, что между победой в битве / смертью соперника и вокняжением (церемонией) проходило некоторое время, а в данном случае в ПВЛ речь идет о осаде Родня и вокняжении в Киеве. Как летописец должен был высчитывать погрешность по крайней мере в несколько дней, автор не поясняет. Точно так же ничем не подкреплен тезис о том, что крестильное имя Петр сын Ярополка получил от его матери. Более того, это противоречит прямому свидетельству ПВЛ: в летописи сказано о крещении сыновей Владимира вскоре после крещения их отца (по-видимому, достаточно взрослых сыновей). Предположение о том, что крещение костей Ярополка и Олега в 1044 г. должно было иметь оправдание и этим оправданием была память о крещении одного из князей (а именно Ярополка), также ни на чем не основано. Автор опирается на канонические установления,

а не на практику того времени, очевидно предполагая, что варварские государи окраин Европы строго следовали канонам. Но, насколько известно, практика устройства посмертной судьбы членов своего рода на окраинах христианского мира была весьма неканонической и имела иное оправдание — родопочитание⁹, найдены прямые аналоги странного поступка Ярослава Мудрого¹⁰. Таким образом, известие о крещении костей Ярополка и Олега не только не поддерживает предположение о предыдущем крещении Ярополка, но прямо ему противоречит.

Пространное толкование пассажа в одной из редакций Проложного жития Владимира: «И оттоле наречесе место святое, идеже ныне църкы есть Петрова (в других редакциях — Турова, Уторова и пр.), и ть бысть первыи ходатаи нашему спасению» (с. 383 и др.), — запутаны в историографии, но как кажется, основаны на недоразумении. Автор пишет о том, что редакция, где читается «Петрова», согласно Шахматову, поздняя, — на самом деле является ранней, не следуя текстологически памятника в целом (что, думается, недопустимо). Кроме того, слова «и ть бысть первыи ходатаи нашему спасению» относятся, по-видимому, к Владимиру, а не Петру, и не имеют отношения к гипотезе об имени Ярополка. Возражения можно продолжать, но думается, и этого достаточно, чтобы увидеть псевдоочевидность сходств, столь авторитетных для автора.

В некоторых же случаях автор опускает неудобные для себя сходства¹¹. В результате «минимальное вмешательство» в тексты, о котором заявляется многократно, превращается в их комбинирование и подправление в соответствии с его гипотезами. Единственная системность, наблюдаемая в книге — часто на самом деле здравый смысл.

Возражения вызывают не только общие принципы анализа текстов, но и некоторые частные особенности инструментария историка. В гл. 12 обосновывается правомерность использования такого «инструмента» исследования, как урегулирование «проблемы близкородственных браков». Производя генеалогические расчеты, автор опирается на ограничения, накладываемые нормативными актами. Он исходит из того, что канонически допустимым был брак в родстве в степени 4:3 и что возраст вступающих в брак был каноническим (12 лет для девушек, 15 лет для юношей). Попутно им вводится еще одно ограничение: жена и муж должны быть приблизительно одного возраста

⁹ См., например: *Klaniczay G. The Uses of Supernatural Power. The Transformation of Popular Religion in Medieval and Early-Modern Europe. Cambridge, 1990. Ch. 5.*

¹⁰ *Успенский Ф. Б. Крещение костей Олега и Ярополка в свете русско-скандинавских культурных традиций // Норна у источника Судьбы: Сб. ст. в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001. С. 407–414.*

¹¹ Например, в гл. 4 и др. автор привлекает данные о такой денежной единице, как «скоти» (русское происхождение которого необходимо, в свою очередь, доказывать) и оставляет без внимания «щяльгъ», зафиксированный в ПВЛ. Между тем именно щяльгъ-шиллинг имел тот вес и значение, который, по расчетам автора, должен был иметь «скоти» (ср. с. 112, 133).

(с. 478, 547–548 и др.). Но для Средневековья и даже раннемодерного¹² времени расхождение между нормой и практикой было весьма существенным (в некоторых случаях они просто существовали сами по себе). Поэтому положение, не доказанное на эмпирическом материале, не может считаться доказанным. Между тем сам автор приводит многообразные свидетельства того, что возраст вступающих в брак мог быть неканоническим¹³, упоминает случаи, когда спокойно относились к родству в браке в степени 3:3, примеры, когда жена могла быть вдвое старше мужа. Вдобавок ко всему в средневековых источниках свидетельства о нарушении нормативов были не просто случайными — они обусловлены отрицательными характеристиками исторических персонажей. Таким образом, упоминаемый Автором «инструмент» не является рабочим, но используется в реконструкциях.

В гл. 9 А. В. Назаренко пишет о ранней агиографической традиции почитания св. Владимира и на основе перехода некоторых мотивов (светильника, слепоты язычника перед его обращением, явления Господа и пр.) реконструирует историю текстов, а также причины забвения одних мотивов и появления других. В частности, предполагается вытеснение памяти о царице Анне потомками Рогнеды, в том числе Ярославом Мудрым. В таких высоконормативных сюжетах, как описание крещения, святой и грешной жизни метод частного сопоставления приводит к искажениям. Для подтверждения положений, отстаиваемых автором, необходимо фронтальное обследование агиографических и богослужебных латинских и славянских памятников, призванное прежде всего доказать, что данные мотивы были уникальными или хотя бы редкими, что в данном случае не проделано¹⁴. Кроме того, путь передачи мотивов (автор предполагает устный источник, насыщенный библейскими цитатами и конкретными деталями) противоречит представлениям о бытовании устных источников.

Сомнения вызывает способ, каким отстаивается ключевое понятие в книге — понятие внешней/международной политики. В последнее время концепция внешней политики Руси, по словам автора, «нашла... принципиальных оппонентов, заявивших о себе прежде всего в зарубежной русистике» (с. 7). Обосновывая свою правоту, А. В. Назаренко пишет о «сознательной архаиза-

¹² В русском языке это неупотребительный термин, однако в последнее время оно начинает употребляться и в русскоязычных работах.

¹³ Кстати, единственное в летописи прямое указание на возраст княжны, приведенное в Киевском своде (Ипатьевской летописи за XII в.), — 8 лет, Верхуслава.

¹⁴ И что, по-видимому, едва ли возможно. В славянских текстах, например, эти мотивы являются распространенными. О светильнике — Пс. 118: 105: «...свѣтъильникъ ногама моима законъ твои» и др. Считать, что мотив слепоты связан с Павлом, совершенно необязательно, этот мотив напрямую связан с Иисусом Христом; ср. у Илариона описание благодати, дарованной Христом; формулу «слѣпым прозрение, хромым ходити», которая встречается во многих славянских памятниках, начиная с кирилло-мефодиевских, и породила многообразные вариации, и т. п.

ции» отношений в средневековом социуме сторонниками нового направления (там же)¹⁵. Не говоря уже о том, что теоретические обоснования создаются историками, как правило, сознательно, нельзя не заметить, что такая конструкция фразы отсылает к советским штампам. Кроме того, речь должна идти не о целенаправленной архаизации общественного строя Древней Руси, а о пересмотре всей концепции государства применительно к разным регионам и периодам (согласно недавним исследованиям, средневековые государственные образования были основаны на личных (родственных, вассальных, клиентарных) связях, и существенно отличались от современных, в гораздо большей степени использующих внеперсональные механизмы). Кроме упрека в «архаизации», автор предлагает лишь «перевернуть проблему». «Если признаем принципиальную взаимосвязь между уровнем государственно-политического развития, с одной стороны, и международных связей — с другой, то куда резоннее было бы строить рассуждение иначе, поменяв местами посылку и заключение — по состоянию международных связей, их качеству и уровню судить о степени развитости самого государства» (с. 8, ср. с. 75, 114). Здесь же он еще раз переворачивает проблему и пишет о том, что системность, т. е. наличие сложившихся связей, предшествовала государству (с. 9)¹⁶. В итоге небесспорный теоретический тезис, легший в основание всего труда, остается недоказанным, между тем как он также существенно влияет на реконструкции, предлагаемые автором.

В целом же, как уже говорилось, порок, по-видимому, заключен в самом методе, сочетании современного и архаического инструментария. Думается, для этого имеются причины. Автор работает в реконструктивистской манере. Между тем анализ нарративов и семантики не предполагает точной реконструкции событий. При принятии положения о нарративном конструировании сфера допустимых толкований расширяется, соотнесение с реальностью, даже если его удастся проследить, становится крайне неоднозначным, и исследователь вынужден останавливаться в самой интересной и психологически привлекательной части своей работы. Часто реконструкция становится вообще невозможной, что отрицает основной пафос работы автора.

Все сказанное не означает, что книга не представляет собой ценности. Как уже отмечалось, А. В. Назаренко относится к наиболее выдающимся представителям российской и международной русистики. Многие тонкие наблюдения, нестандартные решения заставляют иначе посмотреть на исконные сюжеты, позволяют очертить внешнеполитические отношения Руси

¹⁵ Ср. также: «...программное стремление к общей архаизации общественного и государственного строя Древней Руси» (с. 311).

¹⁶ Таким образом, признается, что наличие государства вовсе не является необходимым условием для контактов и дальней торговли. Если привлечь, например, материалы о транзитной торговле, предшествовавшей образованию Руси, о наличии интенсивных «дальних» контактов уже в палеолите, когда ни о каких государствах говорить не приходится, напрашивается вывод, что указанные автором проблемы не связаны или что связь между ними гораздо более сложная.

и даже уточнить ее внутреннюю историю. В частности, огромную ценность представляет лингвистическое исследование этнонима «русь», форм, бытовавших в латиноязычных и германоязычных источниках (гл. 1). Чрезвычайно интересен раздел о латинско-немецко-славянском культурном круге Кирилла и Мефодия в гл. 2. В списке немецкого монастыря Райхенау получаем дополнительный аутентичный источник, наиболее ранний перечень учеников первых славянских учителей. Сравнение текстов позволяет верифицировать некоторые данные житий св. Кирилла и Мефодия и представить себе более сложную историю славянской миссии. Невозможно переоценить гл. 4, в которой автор реконструирует систему денежных и весовых единиц Руси, связывая ее избыточную, на первый взгляд, сложность с необходимостью согласовывать курсы серебра и золота на международных рынках Руси. Это одна из немногих попыток такого рода, а ключ — соотнесение с денежно-весовыми системами торговых партнеров Руси — подобран впервые. В гл. 5 А. В. Назаренко подробно рассматривает византийские тексты и убедительно показывает неточность и недостоверность их информации, что позволяет откорректировать многие устойчивые представления и штампы восприятия. Вызывает большой интерес гл. 10, посвященная событиям 1015–1019 гг. Политические союзы того времени, детали происхождения наиболее раннего описания конфликта в «Хронике» Титмара Мерзебургского позволяют пролить свет на одну из самых запутанных и темных древнерусских историй, известную в диаметрально противоположных версиях. В гл. 11 реконструкция брачных стратегий русских князей дает более глубокое понимание серии конфликтных ситуаций 1060–1080-х годов. Справедливы и многие критические замечания автора, детальный анализ источников, как правило, сочетается с внимательным разбором гипотез предшественников.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Книга поражает охватом материала, эрудицией автора и способна вызвать восхищение читателя. Тем не менее в ней во многих случаях нарушены процедуры, необходимые в историческом исследовании. Как представляется, это идет от метода, в котором с избытком проявились все слабые стороны реконструктивизма.

Т. Л. Вилкул

Несколько слов о «реконструктивизме» и «деконструкции»

(по поводу рецензии Т. Л. Вилкул)

Надо ли возражать на критику? Для ученого вопрос, казалось бы, странный, так как открытость для дискуссии — одно из условий самого существования науки. Но критика критике рознь. Некий любитель птичьего пения повесил на дерево под окном скворечник, а прохожий сказал ему: «Глупец, надо было срубить дерево, и тогда в твоём окне было бы больше света». Что тут возразить? Разговор умер, не начавшись. Историк пытается разглядеть сквозь неровное стекло источника образ ушедшей реальности, а рецензент говорит ему, что это — «реконструктивизм» и прошедший день науки, а следовало бы заняться «декомпозицией нарратива», т. е. разбить стекло, чтобы из его осколков выкладывать культурологические мозаики, после чего, понятно, «реконструкция становится вообще невозможной» (с. 292). И рука рецензента (ведь она — тоже историк!) не дрогнула, чертя это отчаянное *«Lasciate ogni speranza!»* И эта претенциозная *игра в бисер* выдается за собственную цель науки!

Одна лишь обида за традиционную — именно «реконструктивистскую» — историю, которой даже ее «здравый смысл» (с. 290) рецензент склонна поставить в упрек, конечно же, едва ли смогла бы побудить меня взяться за перо. Меня совершенно не увлекает (тут рецензент совершенно права: с. 284) задача анализировать самоедски-бесплодные ухищрения теоретиков «деконструктивизма», который все больше напоминает змею, заглатывающую собственный хвост, — позиция, стремящаяся к нулю, к неизбежному исчезновению самого предмета исследования. Но в какой-то момент, дивясь рецензии, написанной так, как будто она адресована читателю, заведомо лишенному возможности обратиться к рецензируемой книге, я, как мне показалось, понял причину того, что сначала принял было за опрометчивость. Похоже, «деконструктивист» и к рецензируемому научному исследованию не может не относиться так же, как он *ex officio* относится к подлежащему «деконструкции» источнику. Это придает рецензии Т. Л. Вилкул до известной степени парадигматический характер, и с такой точки зрения ее посильный разбор представлялся мне не лишенным смысла.

Основной укор, который рецензент адресует автору, чрезвычайно суров: последний обвиняется в систематической бессистемности (!) при работе с источниками (с. 282), к тому же пристрастной. Применительно к историческому труду это означает, что его немедленно следует отправить в корзину, и тут уж ничего не могут изменить никакие комплименты «эрудиции» автора и т. п. Приговор вынесен. И под строгим взглядом рецензента даже четверть века занятий международными связями Руси не дают автору права считаться спе-

циалистом в этой ответственной области. Что ж, каждый вправе сам выбирать себе авторитетов. Но присмотримся к методу рецензента, с помощью которой она обосновывает свой вердикт.

Автор-де наивно пользуется в своих построениях «сырым», т. е. не подвергшимся источниковедческой проверке, материалом. Так, доказав, что текст главы II, 15 трактата Константина Багрянородного «О церемониях» был подвергнут редактированию, автор, тем не менее, использует фразу о детях Константина и его сына Романа в том виде, как она есть, потому что она «подходит» ему для обоснования 957 г. как даты поездки княгини Ольги в Константинополь (с. 282). Чтобы подвергнуть сомнению целое, рецензенту не нужно вникать в детали. Для нее не имеет никакого значения, что автор доказывает позднейшее редактирование не *текста* главы II, 15, а ее *заголовков*. Раз источника коснулась рука редактора, историк не вправе, по ее мнению, обращаться к нему — разве что для применения «деконструктивных» процедур с целью выяснить, зачем редактор именно так, а не иначе исказил свою основу. Вот пример того, как модный радикализм готов отобрать у исследователя редчайший источник! Пассажа о детях Константина VII и Романа II обсуждается в науке уже более двух столетий, и до сих пор никому не приходило в голову попросту зачеркнуть его. Напротив, историков всегда влек к себе этот уникальный текст, влек именно потому, что он давал им в руки сухую, подчеркнута точную *протокольную* запись. Даже противники 957 г. ограничивались теми или иными конъектурами в упоминании о детях Романа, т. е. предполагали здесь погрешность текста, а не сознательное исправление протографа. Поэтому, говоря о грамматической безупречности фразы и отсутствии повреждений в данном месте в сохранившейся рукописи «О церемониях», автор не «выходит из положения» (как считает рецензент, намекая читателю на беспомощное лукавство автора в сознании собственной неправоты: с. 283, примеч. 1), а указывает на стандартные источниковедческие параметры, в силу которых от сомневающихся в аутентичности фразы требуется конъектура, и невозможность предложить убедительную конъектуру как раз и служит одним из аргументов в пользу этой аутентичности. Все это есть в книге, но источниковедческие подробности неинтересны рецензенту, которая вообще склонна винить автора в излишней сложности его построений (с. 287). Но, если бы рецензент имела иную цель, кроме «деконструктивистской» компрометации своего предмета, и хотя бы просто задалась естественным вопросом, зачем было редактору времен Никифора Фоки вставлять в текст фразу о детях Романа, она бы сама поняла неосновательность своих упреков. Если бы она пожелала, то, разумеется, легко увидела бы разницу между сложностью длинной цепочки, которая действительно разрушается «при разрушении хотя бы одного—двух» звеньев, и сложностью базиса, на котором покоится вывод и который как раз наоборот именно в силу своей сложности способен

сохранить устойчивость даже при изъятии из него той или иной из опор. Если бы...

Сразу же далее автору ставится в вину, будто он, не смущаясь «явной инструментальностью сюжета», использует слова летописца о «немцах», пришедших послами к Владимиру, для «подкрепления тезиса о русско-немецком союзе 983 г.» (с. 283). Как же так? Ведь моя гипотеза о русско-немецком союзе в первой половине 980-х гг. построена *вовсе не* на летописном сообщении о «немецких» послух! Она опирается на подробное рассмотрение сведений о походе Владимира «к ляхом», надписей на медальонах Оттона II и Феофано, на Больших Санкт-Галленских анналах, Житии св. Саввы Младшего и др., чему посвящено тридцать (!) страниц текста. Этого нельзя не заметить. О «немцах» же при дворе Владимира вообще упоминается только потому, что, согласно летописи, они пришли «от Рима... от папежа», и эта странная деталь (которую рецензент при цитировании взял да и опустил!) неожиданно находит себе естественное объяснение в рамках выдвинутой гипотезы (Оттон II в это время находился в Риме, и оба папы того времени, Бенедикт VII и Иоанн XIV, были его союзниками). Таким образом, ход аргументации у автора *прямо противоположен* тому, который приписан ему рецензентом: не летописное Сказание об испытании вер (действительно позднее и действительно тенденциозное — именно с этого автор начинает свои рассуждения) служит оправданием гипотезы о русско-немецком союзе, а гипотеза служит верификации некоторых деталей Сказания. Но рецензенту ни к чему все эти сложности. Ее «деконструктивистская» логика напоминает логику Пугачева, по которой он повесил немца-астронома: каково его ремесло? звезды? так пусть будет поближе к звездам! — главное, он должен висеть.

Порой, глядясь в зеркало рецензии, я приходил в ужас при виде ничного махинатора, который не гнушается откровенным «подыскиванием» пусть даже поздних источников, лишь бы они «подходили гипотезе автора» (с. 283–284). «Грамоте 862/3 г. подыскивается привилегий 1192 г.», хотя за это время изменились «и языковые процессы, и исторические реалии». Да нет же! Средневерхненем.-лат. *Rûzarii* из грамоты 1192 г. не «подысканы» нарочно для древневерхненем. *Ruzaramarcha* из грамоты 862/3 г. Сначала надо было разглядеть и *доказать*, что последний топоним скрывает в себе редкую форму этнонима «русь» в южнонемецких говорах — *Rûzâri*; затем убедиться, что модель образования этнонимов с формантом *-âri* была характерна и для средневерхненемецкого так же, как и для древневерхненемецкого; затем обосновать, что контакты Руси с зоной верхненемецких диалектов имели место уже в IX в. и не прекратились к рубежу XII–XIII вв.; и т. д. Какие же именно не учтенные автором «процессы и реалии» изменились к 1192 г.? Рецензент этого не разъясняет. За громкой общей фразой нет никакого конкретного содержания. К сведениям Скилицы о дате рождения Василия II следует отнести всерьез не

потому, что они «подходят» автору, а потому что, как известно, Скилица располагал для второй половины X в. вполне доброкачественным источником, общим у него со Львом Диаконом; по этому поводу существует основательная литература, и в книге она указана. По той же причине автор предпочитает сведения о крещении Владимира у Иакова Мниха тем, которые содержатся в Корсунской легенде. И если рецензента это удивляет (с. 285), то она должна адресовать свое недоумение А. А. Шахматову. Почему, по мнению рецензента, из этого предпочтения следует необходимость «постулировать отсутствие связи между ПВЛ и Памятью и похвалой» Иакова, более того — даже «два крещения Руси и два взятия Корсуня», совершенно непонятно. Рецензент сама приписала автору логику абсурда, и сама же дивится, почему тот ей не следует. Почему сведения Скилицы и особенно современника событий Михаила Пселла, который был к тому же с 1043 г. секретарем императора Константина IX, о размерах контрибуции, истребованной русью в 1043 г. от Византии, следует считать «фантастическими»? Рецензент *заранее*, до всякой источниковедческой оценки, объявила эти данные беспочвенной выдумкой и выставляет чудачком историка, который пытается их верифицировать. И это — позиция? Может быть, но это не позиция исследователя. Почему нельзя сопоставлять сведения Титмара о пожаре Киева в 1017 г. с летописными сообщениями на ту же тему? Потому, что, по Титмару, сгорел один собор, а в летописи «множество церквей в Киеве»? Нет, рецензент, судя по всему так не думает, но она не понимает, почему так не думает прямолинейный автор. Вот незадача. А как быть с подробным текстологическим анализом летописных сведений по разным спискам, в результате которого автор пришел к выводу, что исправным следует признать вариант о пожаре как раз *одной* церкви (Десятинной) — «погоре церкви» Лаврентьевского списка? Но все это рецензенту невдомек — все перевешивает «деконструктивистский» пафос разоблачения. И даже прямое указание на то, что данные так называемой Иоакимовской летописи «во всякой аргументации, претендующей на основательность, благоразумнее оставить в стороне», зачтено автору в использование Иоакимовской «наравне с текстами XI в.». Видна рука бессмертного гоголевского персонажа: что там у тебя? веревочка? давай сюда, сгодится и веревочка.

Я, откровенно говоря, не очень понял, что такое «методика прямого сопоставления», в которой меня обвиняет рецензент (с. 285). Из приводимых ею примеров вроде бы следует, что это обычай делать вывод из сравнения буквально прочтенных известий, не препарированных источниковедческой критикой. Если так, то принять такое обвинение я ни в коем случае не могу. Заключение о том, что «Баварский географ сочинен человеком круга Мефодия» (надо бы: использовал материалы, полученные из круга св. Мефодия, — но что плакать по волосам, когда секут голову?), автор делает отнюдь не «на основании того, что в Баварском геогра-

фе и Пространном Житии Кирилла Солунского упоминаются хазары и русы». Дело совсем в другом: годы пребывания св. Мефодия и его спутников в южнонемецком монастыре Райхенау приходятся на период создания в этом монастыре Баварского географа, и в свете этого факта наличие в Баварском географе восточноевропейской этнонимической номенклатуры (вовсе не общеизвестной на крайнем юго-западе Германии), в том числе и *помимо* хазар и руси, приобретает особое значение. Рецензент видит это (как можно заключить из ее замечания на с. 293), но в своей критике почему-то не учитывает. Как это понять? Чтобы не предполагать недобросовестности, приходится усматривать здесь очередное проявление разрушительного рефлекса «деконструктивиста». Порой он доходит до комической мелочности. Автор подозревается в незнании или сознательном игнорировании общеизвестного — например, того, что Владимир Святославич был многоженцем и потому у него «в один год могли появляться сразу по несколько сыновей» (с. 286). Это кто же? Изяслав и Ярослав? Нет, они были сыновьями от одной матери. Святополк и Ярослав? Да, они родились в один год, и автор на этом и основывается. Изяслав и Вышеслав? Да, они могли родиться в один год, но это не отменяет того факта, что Вышеслав был все-таки старше Изяслава, а только данный факт и важен для автора. Другие сыновья в анализе не участвуют. Так что же имела в виду рецензент? Автор, в представлении рецензента, настолько прост, что не считается со школьными азами, — вроде того, что «семантика средневековых текстов не совпадала с современной» (с. 286). Тяжкое обвинение! На чем же оно основано? На том, что, «исходя из... невозможности предполагать умолчание о визите правительницы Руси» в Царьград, автор тем самым «бессознательно (I — А. Н.) подставляет (куда? — А. Н.) современное понятие о визитах глав государств и правительств». И всё? Самое забавное в этом размашистом силлогизме то, что он бьет не столько по А. В. Назаренко, сколько по его (в данном случае) оппоненту Г. Г. Литаврину, который, собственно, и «исходит из невозможности предполагать умолчание», тогда как А. В. Назаренко лишь заметил, что умолчание о крещении не многим более странно, чем умолчание о визите (пусть и без крещения). Несмотря на усмешку рецензента, я по-прежнему считаю, что тенденциозное умолчание о миссионерском проекте Оттона I в отношении Руси (имей он место) в Продолжении хроники Регинона было бы удивительным — в том числе и потому, что миссионерская деятельность считалась на Западе прямой обязанностью императорской власти. Но ведь суть дела совсем не в этом. Куда важнее, что о религиозных целях русского посольства к Оттону говорят независимые друг от друга современные события историков. Доказательству именно этого фундаментального факта посвящены немалые текстологические усилия автора, которых рецензент, однако, как бы не замечает. Что же она рекомендует взамен? Сопоставить постулируемую ей тенденциозность Продолжателя

Регинона с явной тенденциозностью и «нарративным конструированием» в миссионерских рассказах из Сказания об испытании вер или Жития преп. Константина-Кирилла! Снова и снова вместо конкретной, детальной источниковедческой, в частности текстологической, работы рецензент демонстративно навязывает воздушные сближения, которые и можно было бы с полным правом назвать ее собственным термином — «методикой прямого сопоставления».

В силу такой «методики» автору одно за другим бросаются обвинения, которые заставляют содрогаться. В «подцензурном ощущении интеллигента XIX–XX вв.» (с. 287) (читатель, чувствуешь, как далеко ушла неподцензурная рецензент?); при этом рецензент не затруднила себя не только контраргументами, но даже примерами того, что же она, собственно, имеет в виду. В «архаичности инструментария» (с. 292); как видно из контекста, это значит всего лишь, что «автор оставляет в стороне богатые разработки нарратологии» (с. 284). В склонности — *horribile dictu!* — к «советским штампам» (с. 292). Почему же? Да потому, что он посмел заподозрить некоторых историков в сознательной архаизации древнерусской государственности. Рецензент и здесь не покидает кафедры ментора, разъясняя, что речь должна идти не об архаизации, а о «пересмотре всей концепции государства», которое, «согласно недавним исследованиям», в Средние века (очень длинная эпоха!) «было основано на личных... связях». Автор до известной степени в курсе дела, и ему знакома категория *Personalverbandstaat* (правда, ее разработку ему трудно отнести к «недавним исследованиям», а ее применимость — ко всему средневековью в целом) — но ведь, тем не менее, все-таки *Staat*? И в этом смысле такое «государство» могло иметь и «внешнюю политику»? Ведь речь-то идет о тех современных историках, которые считают понятие «внешней политики» неприложимым к ранней Руси в силу недостаточной развитости ее государственности. Я же стремился показать, что у Руси была *систематическая* (это принципиально!) внешняя политика, и тогда — в силу той же жесткой связи между уровнем государственности и наличием внешней политики, из которой исходят представители оспариваемой мною точки зрения — приходится задуматься и о степени развитости государства. Логика, по-моему, вполне прозрачная, и, если рецензенту угодно считать ее «советской», пусть считает, но освобождает ли такой ярлык от самой логики? Если да, то вот где впору поискать «подцензурности» сознания.

Однако остановимся. Сказанного довольно, чтобы понять: данная рецензия не принадлежит к числу тех, которые требовали бы от добросовестного автора непременно высказаться по всем выдвинутым возражениям или признать те или иные ошибки, ибо в общем она сводится к упрекам за то, что автор работает не в той «деконструктивистской» манере, которая так мила сердцу рецензента. Но именно это-то и показалось мне любопытным. Мне думалось, что никакие новомодные игры с «нарративом»

не могут избавить исследователя от необходимости *конкретно* отвечать на *конкретные* аргументы. И не без удивления увидел, что это не так. Что адепты «декомпозиции» могут вполне обходиться и без этого. Что кропотливая работа с деталями и крохами, на которую обречен медиевист, для них чересчур сложна и воспринимается как «головоломка», где все «кусочки информации... должны точно подходить друг к другу» (с. 286). Да не *должны!* Но бывает, что после очистки их в колбе историковеда они подходят-таки друг к другу! И для историка *в собственном смысле*, сиречь для «реконструктивиста», это — естественно, так что такой итог (когда он случается) доставляет ему искреннюю радость прикосновения к живому прошлому. Но как это объяснить тому, кого, скажем, в летописных перечнях сыновей Владимира интересует не возможность добыть из них сведения об этом живом прошлом, а возможность увидеть в них «нарративную конструкцию, ориентированную на библейские образцы» (с. 286)? Весьма вероятно, что в том или ином отношении так оно и есть. Но меня-то это не интересует. И книга моя — не об этом.

P. S. На всякий случай хочу подчеркнуть: я ни в коем случае не считаю, что «декомпозиционные» методики не имеют права на существование. Более того, я даже допускаю, что в них есть определенный метанаучный смысл и что отталкивание от «реконструктивизма» (который, однако, я на этом настаиваю, нельзя прямоком проецировать на известную максиму Леопольда фон Ранке о *«wie es eigentlich war»*) — нечто большее, чем только мода. Слишком уж хорошо оно вписывается в общую тенденцию современной жизни к «виртуальному» в ущерб «реальному». Ведь «деконструктивист», если я верно понимаю, видит свою цель не просто в разрушении связи между источником и отраженной в нем реальностью, а еще и в том, чтобы направить внимание историка на особый тип реальности, который только и должен его занимать: отношения между текстом и его автором, «конструктором нарратива». Но в моем представлении это занятие, сколь бы занимательным оно для иных ни было, продолжает оставаться не центром, а периферией исторической науки. И потом, надо же быть последовательными и приложить критерии «деконструктивистской» критики к текстам самих деконструктивистов. Тем более что, боюсь, именно они могут служить адекватным ее предметом, поскольку именно в них мотивированность и тенденциозность слишком часто исчерпывают содержание. И в этом смысле «деконструктивистская» рецензия говорит много больше о рецензенте, чем о рецензируемом.

А. В. Назаренко

Список сокращений

- А — Московско-Академическая летопись
АСЗ — Акты служилых землевладельцев
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV–XV вв.
АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства
БАН — Библиотека Академии наук
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
ДРВ — Древняя Российская вивлиофика
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук
Ип. — Ипатьевская летопись
Лавр. — Лаврентьевская летопись
НПЛ — 1) Новгородская первая летопись;
2) Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950
ОИ — Отечественная история
ОИДР — Общество истории и древностей российских
ПВЛ — Повесть временных лет
ПИ — Проблемы источниковедения
ПКМГ — Писцовые книги Московского государства
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
Р — Радзивилловская летопись
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
РД — Русский дипломатарий
РИБ — Русская историческая библиотека
РИИР — Редкие источники по истории России. М., 1977
РИО — Русское историческое общество
СГТд — Собрание государственных грамот и договоров
СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси
СР — Средневековая Русь
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом)
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

Содержание

Предисловие	3
-------------------	---

Статьи

<i>П. В. Лукин.</i> Древнерусские «вои». IX — начало XII в.	5
<i>Т. Л. Вилкул.</i> Летописные «бояре» и «чернь» на вече (XII–XIII вв.)	59
<i>П. С. Стефанович.</i> Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси	86
<i>А. А. Горский.</i> Московские «примыслы» конца XIII — XV в. вне Северо-Восточной Руси	114
<i>В. А. Кучкин.</i> Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного	191

Рецензии

<i>А. В. Назаренко.</i> Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с. (<i>Т. Л. Вилкул</i>)	281
Несколько слов о «реконструктивизме» и «деконструкции» (по поводу рецензии <i>Т. Л. Вилкул</i>) (<i>А. В. Назаренко</i>)	294
Список сокращений	301

Научное издание

СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

Выпуск 5

Младший редактор *М. А. Кудинова*
Корректор *О. В. Трефилова*
Оригинал-макет *Н. Ю. Квасницкая, Л. Е. Коритысская*
Оформление *А. С. Старчеус*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

e-mail: nina_dom@mtu-net.ru
or by tel./fax: +7 095 959-21-03

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 60x84¹/₁₆, Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная.
19,0 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 10961

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6